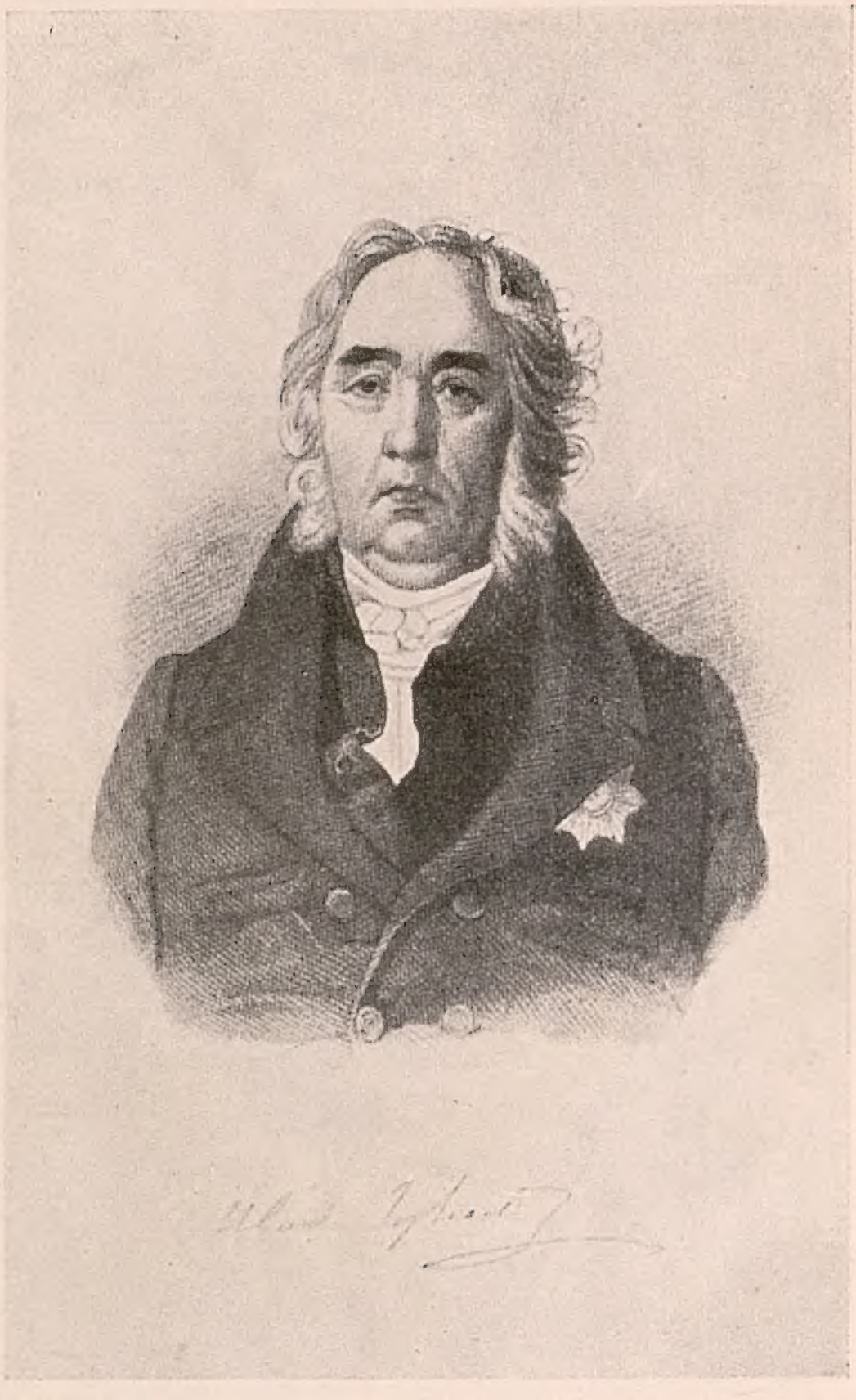
СОЧИНЕНІЯ

И. А. КРЫЛОВА

38.20.9.25



И. А. Крыловъ.

Портретъ работы К. Брюллова (1841).

(Фототипія съ гравюры.)

Сочиненія

И. А. Крылова.

Томъ третій.

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія

собранія сочиненій:

А. С. Пушкина, подъ редакціей П. О. Морозова и В. В. Каллаша;
М. Ю. Лермонтова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
Н. В. Гоголя, подъ редакціей В. В. Каллаша;
И. А. Крылова, подъ редакціей В. В. Каллаша;
А. В. Кольцова, подъ редакціей Арс. И. Введенскаго;
А. Н. Островскаго, подъ редакціей М. И. Писарева;
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. Н. А. Благовѣщенскаго;
С. Т. Аксакова, подъ редакціей А. Г. Горнфельда;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ автора;
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ автора;
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ автора;
С. В. Максимова, съ біограф. очеркомъ П. В. Быкова;
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ автора;
Георга Брандеса, съ предисловіемъ М. В. Лучицкой;
Элизы Оржешко, подъ редакціей С. С. Зелинскаго;
Чарльза Диккенса, со вступит. статьей Д. П. Сильчевскаго;
Гюи де-Мопасана, съ критико-біографическ. очеркомъ З. А. Венгеровой;
Эдгара По, съ критико-біографическ. очеркомъ М. А. Энгельгардта;
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями Ѳ. Д. Батюшкова и Е. В. Аничкова.

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе",
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Л30 Б-1 12-3

Л30 Б-1 12-3

Полное собраніе сочиненій

И. А. Крылова.

Редакція, вступительныя статьи и примѣчанія

В. В. Каллаша.

Томъ третій.

„Почта духовъ“ (ч. III и IV). Журнальныя статьи и письма.

Рекомендовано особымъ циркуляромъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія для пріобрѣтенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній и допущено въ безплатныя народныя библіотеки и читальни.

С.-Петербургъ.
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., с. д. № 75.

Гос. Публичная Библиотека в Ленинграде

Бумага безъ примѣси древесной массы (веленевая).

Предисловіе.

Въ третій томъ нашего изданія вошли III и IV части „Почты духовъ“, журнальныя статьи и письма Крылова.

Первую попытку собрать прозаическія сочиненія Крылова сдѣлалъ Плетневъ въ изданіи 1847 г., повторенномъ безъ всякихъ перемѣнъ въ 1859 году. Плетневъ собралъ далеко не все, что даже было извѣстно въ его время, выправилъ вездѣ языкъ и мѣстами допустилъ искаженія текста (напр., въ „Каибѣ“ вм. „коихъ“ — „которыхъ“, „пропорціи новѣйшей“ — „новѣйшаго размѣра“, „подлинникомъ“ — „высокимъ подлинникомъ“, и „какъ же скоро“ — „когда“, „тайностей“ — „тайнъ“, „негодной“ — „дурной“ и пр.). Онъ не обратилъ вниманія на хронологическое распредѣленіе матеріала, счелъ излишнимъ познакомить читателя съ самыми пріемами изданія и снабдить текстъ пояснительными примѣчаніями, не ввелъ совсѣмъ въ изданіе писемъ.

Намъ пришлось совершенно игнорировать текстъ Плетневскаго изданія и обратиться къ тѣмъ журналамъ, въ которыхъ эти статьи были помѣщены. Рукописи ихъ не сохранились, самъ Крыловъ ихъ не переиздавалъ (кромѣ „Почты духовъ“), такъ что установленіе основного текста не представило затрудненій..

Письма выдѣлены въ особый отдѣлъ.

Матеріалъ вездѣ расположенъ въ хронологическомъ порядкѣ. Объяснительныя примѣчанія, небольшія по размѣрамъ и непосредстсвенно нужныя для пониманія текста, помѣщены внизу страницъ,

подъ текстомъ, причемъ авторскія примѣчанія вездѣ оговорены; все остальное отнесено къ особымъ вступительнымъ замѣткамъ.

Недостатокъ мѣста не позволилъ намъ, къ сожалѣнію, напечатать въ приложеніяхъ сочиненія, приписываемыя Крылову.

Для будущихъ издателей прилагаемъ ихъ списокъ.

1. Письмо Смиренолюбову въ „Утреннихъ часахъ“ (1788, III, 170 — 176)--приписано Крылову Л. Н. Майковымъ, какъ и № 2.
2. „Модныя торговки“ — ib. (IV, 1789, 37—48).
3. „Покаяніе сочинителя Крадуна“ въ „Зрителѣ“ (ч. II, 64—84), примыкающее къ ряду произведеній Крылова, направленныхъ противъ Княжнина.
4. Добросердечный разбойникъ въ „Пріятномъ и полезномъ препровожденіи времени“ 1796, X, 184 до 191, съ подписью И. К., которая изъ всѣхъ сотрудниковъ этого журнала можетъ относиться только къ Крылову.
5. „Гиласъ и Исменида“ (ib. 1796, XII, 209—217) съ подписью К-въ, которая, вѣроятно, тоже указываетъ на Крылова.

По той же причинѣ мы не могли напечатать вновь найденной нами піесы „Сонной порошекъ“, сохранившейся къ тому же въ плохой писарской копіи.

Москва, 25 февраля 1905 г.

Вл. Каллашъ.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе V

„Почта духовъ“ [1].

Часть третья.

Письмо 25. Отъ Сильфа Дальновида о нѣкоторой болѣзни, подобной меланхоліи, въ которую всякаго состоянія люди часто впадаютъ, и проч. . 3

Письмо 26. Отъ гнома Буристона о перелетѣніи его въ другой островъ, гдѣ входилъ онъ въ прихожую и во внутреннія комнаты знатнаго вельможи и проч. 10

Письмо 27. Отъ Сильфа Выспрепара о исканіи въ воздушной области тѣни одного секретаря, котораго не могъ тамъ найти, и проч. 22

Письмо 28. Отъ волшебника Маликульмулька къ Сильфу Дальновиду о томъ, что лучшій способъ сдѣлаться мудрымъ и добродѣтельнымъ есть тотъ, чтобъ размышлять, и проч. 27

Письмо 29. Отъ Сильфа Дальновида о праздности, которой всякаго состоянія люди безумно предаются, и какія бываютъ отъ того слѣдствія, и проч. 32

Письмо 30. Отъ гнома Зора о книжныхъ лавкахъ, въ которыя онъ заходилъ, и проч. . . . 37

Письмо 31. Отъ Сильфа Дальновида о ревности женщинъ, и какое мученіе мужья отъ нихъ претерпѣваютъ, и проч. 43

[1] Дальше заглавія 2-го изданія „Почты духовъ“.

Стр.

Письмо 32. Отъ Астарота о вылетѣніи его на землю для спасенія отъ висѣлицы одного крючкотворца, и проч. 46

Письмо 33. Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку о томъ, что глупые люди часто въ свѣтѣ бываютъ счастливѣе ученыхъ, и проч. 53

Письмо 34. Отъ гнома Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку о томъ, что Плутонъ и Прозерпина поручили Фурбинію и проч. 62

Письмо 35. Отъ Сильфа Выспрепара къ волшебнику Маликульмульку о томъ, что, пролетая мимо одного города, видѣлъ онъ свадьбу, и проч. 69

Письмо 36. Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку о вдовѣ, встрѣтившейся съ нимъ въ одномъ судѣ, и проч. 74

Письмо 37. Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку о дворянствѣ и о дворянахъ и проч. 87

Письмо 38. Отъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку. Разговоръ двухъ тѣней и проч. . 94

Часть четвертая.

Письмо 39. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку о томъ, что жители той земли, въ которой онъ, употребляютъ много денегъ на роскоши, проживаютъ всѣ свои доходы на разное щегольство и, не оставляя ничего на содержаніе своего стола, жалуются, что хлѣбъ дорогъ, и ищутъ обѣдовъ у своихъ пріятелей . 102

Письмо 40. Отъ Эмпедокла къ волшебнику Маликульмульку о пріятной провождаемой имъ уединенной жизни въ увеселительномъ Маликульмульковомъ замкѣ подъ горою Этною 111

Письмо 41. Отъ ондина Боренда къ волшебнику Маликульмульку о путешествіи Нептуна со всѣмъ его водянымъ дворомъ по морскимъ степямъ . 124

Стр.

Письмо 42. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку о француженкѣ, какое она давала наставленіе своему брату о вступленіи его въ учительскую должность 134

Письмо 43. Отъ Сильфа Свѣтовида къ волшебнику Маликульмульку о видѣнныхъ имъ въ саду двухъ философахъ, за которыми онъ послѣдовалъ въ трактиръ, и какіе тамъ слышалъ ихъ разговоры 145

Письмо 44. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку о слышанной имъ похвалѣ нѣкоторому государству. Описаніе сего государства, стихами. Видѣнная имъ новая театральная піеса. 148

Письмо 45. Отъ Сильфа Выспрепара къ волшебнику Маликульмульку о бытіи его въ столицѣ великаго могола, гдѣ, вошедши во дворецъ невидимкою, видѣлъ юнаго владѣтеля, которой въ тотъ день послѣ смерти отца своего вступилъ на престолъ 157

Письмо 46. Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку. Разговоръ его съ пріятелемъ о нѣкоторой вновь вышедшей книгѣ. Ссора Припрыжкина съ Вѣстодумомъ въ комнатахъ у актрисы 171

Письмо 47. Отъ ондина Бореида къ волшебнику Маликульмульку о ѣздѣ на охоту Нептуновой жены Ѳетиды, о разбившемся кораблѣ, съ котораго потонулъ одинъ корыстолюбецъ съ привязаннымъ на поясу ларчикомъ, наполненнымъ золотомъ 181

Письмо 48. Къ Эмпедоклу отъ волшебника Маликульмулька разсужденія о многихъ порокахъ людей нынѣшняго развращеннаго свѣта, и какъ нужно предостерегать молодыхъ неопытныхъ людей, чтобъ не попались они въ разставляемыя имъ ухищренныя сѣти 195

Отдѣлъ II.

Журнальныя статьи.

II. Статьи изъ „Зрителя“ (1792).

Вступительная замѣтка 203

Стр.

1. Введеніе 204
Перечень статей изъ „Зрителя“ 206
2. Ночи 208
3. Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ 256
4. Разсужденіе о дружествѣ 266
5. Мысли философа по модѣ 272
6. Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ 283
7. Каибъ 295

III. Статьи изъ „С.-Петербургскаго Меркурія“ (1793).

Вступительная замѣтка 340
Перечень статей 341
1. Предисловіе 342
2. Похвальная рѣчь наукѣ убивать время . . 344
3. Примѣчанія на комедію „Смѣхъ и горе“ . 357
4. Похвальная рѣчь Ермалафиду 368
5. Театръ 380
6. Прощаніе съ читателями 385

IV. Несчастный Меносъ 386

V. Рецензія на драму „Марѳа Посадница“

Вступительная замѣтка 388
Текстъ 389

VI. Письма Крылова.

Вступительная замѣтка 395
Письмо П. А. Соймонову 396
„ Я. Б. Княжнину 408
„ Е. И. Бенкендорфъ 411
„ С. И. Бенкендорфъ 414
„ М. П. Сумароковой 415
Объясненіе Крылова 417
Письмо П. И. Соколову 418
„ Неизвѣстному 418
„ А. А. Прокоповичу-Антонскому . . . 420
Прошеніе Крылова 420
Письмо А. А. Оленину 421
„ В. А. Олениной 421
„ А. А. Оленину 425
„ В. А. Олениной 425
„ Ей же 429

Стр.

Письмо Н. И. Гнѣдичу (?) 429
„ Кн. Н. С. Голицыной 429
„ М. Н. Загоскину 430
„ Барону Ѳ. А. Бюлеру 430
„ М. Е. Лобанову 430
„ И. П. Быстрову 430
„ Ему же 431
„ Докладная записка 431
Примѣчанія 433

Списокъ иллюстрацій.

И. А. Крыловъ. Портретъ работы К. Брюллова (1841) 1
(По фотографіи съ гравюры, приложенной къ книгѣ „Сто русскихъ литераторовъ“, Спб., 1841.)

Крыловъ на прогулкѣ. Рис. Агина (1844) . . . 200
(По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ Д. В. Григоровича „Дѣдушка Крыловъ“, Спб., 1845.)

Крыловъ на придворномъ маскарадѣ. Рис. Агина (1844) 282
(По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ Д. В. Григоровича „Дѣдушка Крыловъ“. Спб., 1845.)

Крыловъ кормитъ голубей. Рис. Агина (1844) . 294
(По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ Д. В. Григоровича „Дѣдушка Крыловъ“, Спб., 1845.)

Крыловъ спасаетъ облитую кофе книгу. Рис. Агина. (1844) 340
(По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ Д. В. Григоровича „Дѣдушка Крыловъ“, Спб., 1845.)

Письмо Крылова (1826 г.), съ приписками А. Н. Оленина. (Изъ собранія А. К. Пожарскаго.) . . 420

Почта духовъ.

Часть III.

Письмо XXV.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Часто случается, почтенный Маликульмулькъ, что люди всякаго состоянія имѣютъ въ жизни своей такіе часы, когда бываетъ имъ очень скучно; они приходятъ въ задумчивость и впадаютъ какъ бы въ нѣкоторую болѣзнь, подобную меланхолін; тогда нужно имъ какое-нибудь лѣкарство или какой-нибудь способъ къ разогнанію ихъ задумчивости.

Величайшее искусство въ знаніи сего лѣкарства состоитъ въ томъ, чтобъ знать совершенно нравъ и склонности страждущихъ сею болѣзнію. Есть люди, которые почти не имѣютъ въ себѣ души и, кажется, составлены изъ одной только вещественности. О таковыхъ, ежели бы спросили моего мнѣнія въ случаѣ ихъ задумчивой болѣзни, то я посовѣтовалъ бы возить ихъ въ каретѣ или въ какомъ-нибудь другомъ экипажѣ на разныя гулянья. Петиметру подалъ бы я совѣтъ, чтобъ онъ скакалъ во весь опоръ по улицамъ, обрыскалъ бы всѣ публичныя собранія, и какъ можно больше вертѣлся бы и прыгалъ; молодой дѣвушкѣ, чтобъ приманила она къ себѣ по-

больше волокитъ и выслушала бы ихъ любовныя изъясненія; старухѣ, чтобъ ворчала она на молодыхъ и бранила бы всѣ ихъ веселости; госпожѣ, чтобъ дралась съ своею служанкою, а придворному, чтобъ шаркалъ подолѣе во дворцѣ.

Все искусство докторовъ надъ больными такого рода состоитъ только въ томъ, чтобъ умѣть различать ихъ склонности, по которымъ въ одну минуту можно узнать причину ихъ болѣзней. Вмѣсто того, что доктора, слѣдующіе правиламъ Ипократа [1] и Галіена [2], щупаютъ у своихъ больныхъ пульсъ и смотрятъ языкъ, доктора, умѣющіе пользовать сихъ скучныхъ и задумчивыхъ, узнавали бы ихъ болѣзнь по разнымъ ихъ поступкамъ, т. е. у мущинъ, какимъ образомъ на комъ надѣтъ парикъ, какъ кто причесанъ, какую имѣетъ выступку, какія ужимки, какъ изгибается въ поклонахъ, какимъ манеромъ открываетъ табакерку и нюхаетъ табакъ; а у женщинъ, какъ у которой приколота ленточка, какимъ образомъ надѣтъ головной уборъ, какое движеніе дѣлаетъ она головою, какъ покусываетъ себѣ губы, прищуриваетъ глаза и повертываетъ опахаломъ. Они въ одну минуту проникли бы, отъ какого источника проистекаетъ ихъ болѣзнь, и какія предписать имъ лѣкарства. Ежели бы въ большомъ городѣ увидѣли они какую красавицу въ скукѣ и задумчивости, то узнали бы тотчасъ, что она скучаетъ быть вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, и что ей непремѣнно нужно предписать частыя прогулки. А еслибы увидѣли другую красавицу въ деревнѣ, худѣющую и почти умирающую отъ скуки, то одного на нее взгляда

---

[1] Знаменитый греческій врачъ (460–356 до Р. Хр.).

[2] Вѣроятно, Галенъ, послѣ Гиппократа знаменитѣйшій врачъ древности (131—200 по Р. Хр.).

довольно бы было, чтобъ узнать, что ей надобно предписать городской воздухъ и частыя посѣщенія театральныхъ позорищъ [1], маскарадовъ и всѣхъ публичныхъ собраній.

Вотъ какимъ образомъ должно поступать съ этими бездушными машинами, которыхъ въ людскихъ сообществахъ находится великое множество. Но употребленіе сего способа совсѣмъ не годится для людей, одаренныхъ разумомъ и здравымъ разсудкомъ, для такихъ, напримѣръ, каковъ ты, почтенный Маликульмулькъ, т. е. для истинныхъ любомудровъ, прилѣпляющихся къ полезнымъ наукамъ, которые сходствуютъ съ обыкновенными людьми однимъ только тѣлеснымъ составомъ, изъ коего духъ ихъ, подобно какъ изъ темницы, не могъ еще освободиться. Люди сего свойства, будучи рѣдкими во всѣхъ своихъ чувствахъ, состоятъ на землѣ совсѣмъ въ особенной отъ другихъ степени. Они кажутся другимъ людямъ во всемъ чудными, потому что весьма отличаются отъ нихъ какъ въ образѣ мыслей и въ разговорахъ, такъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, и даже въ одеждѣ. Они и въ самыхъ обыкновенныхъ человѣческихъ дѣйствіяхъ поступаютъ совсѣмъ иначе, нежели какъ то дѣлаютъ простые люди, и потому то невѣжды ввели въ пословицу о такихъ людяхъ говорить, что нѣтъ никакого высокаго разума, которыйбы ни имѣлъ въ себѣ какой нибудь глупости. Но можно ли безумцамъ судить о мудрецахъ! Сіи мудрые люди были бы почтены во всемъ имъ подобными, еслибы поступками своими не отличались.

Различіе сихъ мудрецовъ отъ обыкновенныхъ

---

[1] Зрѣлищъ.

людей простирается даже до самыхъ увеселеній, нужныхъ для сохраненья ихъ здоровья. Ученые избираютъ для своей забавы совѣмъ другіе предметы, нежели какіе бываютъ избираемы невѣждами, коими наполнены города и другія селенія. Они смертельно скучаютъ тѣмъ, что другихъ чрезвычайно увеселяетъ зѣваютъ при слышаніи наилучшихъ музыкальныхъ концертовъ; засыпаютъ при пустыхъ и ничего не значащихъ разговоровъ и внутренно терзаются, увидя играющихъ въ карты или въ другія какія игры. Всѣ сіи забавы нимало ихъ не утѣшаютъ, потому что оныя кажутся имъ низкими и недостоійными того, чтобъ занимались ими разумныя созданія, а они, для разогнанія своей скуки, обыкновенно избираютъ такіе предметы, которыя могутъ доставить пріятное упражненіе ихъ разуму. Мудрая ихъ душа находитъ себѣ забаву и получаетъ свое отдохновеніе только тогда, когда они отъ вышнихъ наукъ обращаются къ посредственнымъ.

Мудрецовъ, углубляющихся въ таинственныя науки, въ перемѣнѣ ихъ упражненій можно уподобить пьяницамъ въ перемѣнѣ ихъ напитковъ. Сіи послѣдніе, пріобыкши всегда пить водку и другіе самые крѣпкіе напидки, думаютъ о себѣ, что они тогда очень воздержны, когда на мѣсто крѣпкихъ напитковъ употребляютъ виноградное вино или какую-нибудь наливку. Такъ точно и мудрецы, сдѣлавъ привычку углубляться въ разсматриваніе стихійнаго міра и имѣть сообщеніе съ сильфами [1] и гномами [2], почитаютъ всякую низшую предъ сею науку невиннѣйшею своей забавою.

Я самъ, почтенный Малькульмулькъ, имѣю такой

[1] Духи воздуха.
[2] Духи земли

же вкусъ, тѣ же самые употребляю способы для возбужденія въ себѣ веселости. На мѣсто философической каббалистики, которая бываетъ обыкновенною нашею пищею, прилѣпляюсь я къ каббалистикѣ іудейской [1]. Для насъ она совершенная игрушка: тутъ нужно только выучить четыре или пять таинственныхъ азбукъ. Какъ скоро узнаешь всѣ находящіяся въ нихъ буквы и будешь умѣть складывать и переворачивать ихъ разными способами, — однимъ словомъ, какъ скоро научишься посредствомъ сихъ азбукъ порядочно читать составленное изъ ихъ буквъ, тогда никакія таины въ природѣ не могутъ быть сокрыты.

Но я тебѣ признаюсь, почтенный Маликульмулькъ, что изъ всѣхъ азбукъ іудейской каббалистики есть самая любопытнѣйшая и забавнѣйшая азбука небесная [2]: въ ней каждая звѣзда представляетъ букву; сіи звѣзды различными своими положеніями составляютъ слова, изъ коихъ каждое означаетъ въ небѣ какое-нибудь опредѣленіе или оракулъ, дающій рѣшеніе всему, что дѣлается на землѣ. Итакъ, если кто умѣетъ читать сію прекрасную книгу, тотъ можетъ познавать всѣ человѣческія дѣянія и проницать даже въ самыя сокровеннѣйшія таины. Тутъ можно видѣть, что происходитъ въ кабинетахъ вельможъ; что дѣлается у запертыхъ въ комнатахъ вертопрашекъ; что бываетъ на улицахъ и даже въ самыхъ глухихъ переулкахъ. Какія иногда представляются чудныя и смѣшныя зрѣлища! Какъ люди счастливы, что немногіе знаютъ сію таинственную небесную азбуку и не могутъ ее читать открытыми глазами.

А какъ я очень искусенъ въ этой наукѣ, то для

---

[1] Мистическое ученіе евреевъ.

[2] Астрологія, гаданіе и предсказаніе будущаго по звѣздамъ.

меня нѣтъ никакого другого пріятнѣе сего упражненія. Поелику каждое созвѣздіе управляетъ различными странами свѣта, то я съ помощію ихъ часто прогуливаюсь изъ Европы въ Азію, изъ Китая въ Гишпанію, и нерѣдко случается, что въ одну свѣтлую ночь вижу все то, чѣмъ можетъ удовольствовано быть мое любопытство. Въ одномъ мѣстѣ вижу философа, который, ежедневно преподавая людямъ наставленія о презрѣніи богатствъ, самъ внутренно терзается завистію, видя у сосѣда своего, богатаго откупщика, огромный домъ и великолѣпный садъ. Въ другомъ мѣстѣ усматриваю знатнаго вельможу, который, гордясь предъ всѣми пышными своими титулами и знатнымъ происхожденіемъ, обращается съ подлыми потаскушками въ сластолюбіи и проводитъ время съ хитрыми обманщиками въ игрѣ. Чрезъ минуту потомъ разсматриваю состояніе Парнасса и смѣюсь надъ нѣкоторыми маратели ми бумагъ, которые жалуются на дурной вкусъ въ чтеніи нынѣшняго вѣка людей и думаютъ о себѣ, что они очень умны, и что всѣ сочиненія ихъ прекрасны. Такимъ то образомъ представляются моимъ взорамъ различныя зрѣлища; предо мною предстоитъ огромный театръ съ великолѣпнѣйшими украшеніями, на которомъ дѣйствующія лица всякаго состоянія: и цари, и придворные, и статскіе и военные, и пастухи и крестьяне, играютъ различныя роли во всемъ совершенствѣ, очень сходно съ природою.

Я знаю, что многіе невѣжды будутъ насмѣхаться надъ сею каббалическою наукою и станутъ увѣрять, что это одна только выдумка; что изъ звѣздъ можно сдѣлать всякія буквы, какія захочешь, и составлять изъ нихъ такія слова, какія вздумается; но имъ въ отвѣтъ можно бы было сказать, что они то думаютъ

потому, что нѣкоторые изъ нихъ очень часто, основывая мнѣнія свои на однихъ только догадкахъ, навѣрное утверждаютъ о такихъ дѣлахъ, которыя совсѣмъ невѣрны. Напримѣръ: въ одномъ собраніи, въ разговорахъ рѣшительно располагаютъ войною и миромъ, выводятъ войска въ полѣ, поражаютъ непріятелей, одерживаютъ страшныя побѣды [1], и, наконецъ, предсказываютъ, но чрезъ годъ случится, и чего совсѣмъ быть невозможно. Въ другомъ собраніи дѣлаютъ утвердительное рѣшеніе о добродѣтеляхъ и порокахъ всѣхъ людей; увѣряютъ, что такой то купецъ сдѣлался банкрутомъ дурнымъ своимъ поведеніемъ, что такой то получилъ чинъ чрезъ разныя хитрости и обманы и подлымъ угожденіемъ министру, или что такая то госпожа ласкаетъ своего мужа притворно; но если спросить, извѣстны ли первымъ мысли государя, предпріятія министра и кабинетскія расположенія о войнѣ или о мирѣ, а вторые разсматривали ли счеты обанкрутившагося купца, точно ли знаютъ всѣ хитрости произведеннаго въ чинъ господина и входили ли во внутренность сердца той госпожи? — Совсѣмъ нѣтъ! ... Главныя причины того, о чемъ они дѣлаютъ рѣшительныя утвержденія, совершенно имъ неизвѣстны, но выводимыя ими изъ онаго слѣдствія почитаются самою истиною.

Сіе привело мнѣ на память, почтенный Маликульмулькъ, что нѣкогда между учеными предложена была на рѣшеніе задача: которая наука всѣхъ нужнѣе въ свѣтѣ, и которую люди болѣе уважаютъ? Одни говорили, что богословія; другіе, что юриспруденція; большая же часть утверждали, что всѣхъ

[1] Сравни басню „Три мужика“ Крылова.

важнѣе медицина. Всѣ они думали имѣть на своей сторонѣ справедливость. Повсюду люди хотятъ, чтобъ другіе слѣдовали ихъ мыслямъ, или въ самыхъ сомнительныхъ дѣлахъ подаютъ свои совѣты тогда, когда о томъ совсѣмъ ихъ не просятъ, или думаютъ, что имѣютъ вѣрныя лѣкарства отъ всякой болѣзни. Что до меня, почтенный Маликульмулькъ, то я могъ бы утвердительно сказать, что іудейская каббалистика предъ всѣми другими науками имѣетъ преимущество. Но въ нынѣшнемъ свѣтѣ почти нѣтъ ни одного человѣка, который не былъ бы каббалистомъ, въ разсужденіи о своемъ ближнемъ. Нынѣ почти каждый, располагая по собственному своему пристрастію, о всякомъ дѣлаетъ утвердительныя рѣшенія, и хотя дѣла его и поступки совершенно ему неизвѣстны, однакожъ онъ всѣхъ увѣряетъ, что говоритъ самую истину.

Письмо XXVI[1].

Отъ Гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку.

Третьяго дня, любезный Маликульмулькъ, перелетѣлъ я въ ближній островъ изъ стараго, въ которомъ былъ прежде. Нетерпѣливость удовольствовать странное желаніе Плутона принудила меня сдѣлать немалый скачокъ; но я думаю, что и еще триста такихъ скачковъ не наведутъ меня на желаемую находку.

Со всѣмъ тѣмъ, не совершенно отчаяваясь, на сихъ дняхъ утромъ прохаживался я по одной изъ

[1] Срв. „Утренніе часы" 1788, III, 170—176. Въ „Зрителѣ" (I, 189—202) помѣщено возраженіе на эту статью, безъ подписи. Срв. „Вельможа" Державина.

знатнѣйшихъ улицъ здѣшняго города и вдругъ увидѣлъ передъ собою великолѣпный домъ, у коего было многочисленное собраніе народа, желающаго туда войти. Множество изуродованныхъ стариковъ старались перегнать здоровыхъ, и хромые, припрыгивая на своихъ костыляхъ, завидовали безрукимъ, которые ихъ выпереживали. Между тѣмъ, полдюжины сильныхъ лошадей привезли небольшой ящикъ, въ которомъ, какъ показалось мнѣ, положена была человѣческая фигура изъ разныхъ цвѣтовъ мрамора. „Боже мой!“ сказалъ я моему хозяину (онъ дѣлалъ мнѣ честь, прохаживаясь со мною): „или ваши лошади очень слабы, или жители здѣшняго острова безразсчетны, что впрягаютъ шесть такихъ тварей подъ одну каменную статую, въ которой вѣсу не болѣе двадцати пяти пудъ.“ „О какой статуѣ изволите вы говорить?“ спросилъ у меня хозяинъ: „здѣсь не вижу я никакой статуи,“ продолжалъ онъ, „а этотъ табунъ лошадей привезъ сухощаваго человѣка, въ два аршина и два вершка ростомъ, въ коемъ вѣсу не болѣе сорока шести или осьми фунтовъ.“ Послѣ сего еще другіе табуны лошадей, подвозя такихъ же чудныхъ твореній, пылили своимъ тонотомъ глаза нѣсколькимъ бѣднымъ людямъ, кои тащили на себѣ превеличайшій камень къ строенію какого то публичнаго зданія.

„Государь мой!“ сказалъ я моему хозяину: „пожалуйте, растолкуйте мнѣ это странное обыкновеніе: для чего здѣсь множество лошадей возятъ на себѣ одного человѣка, который, какъ я вижу, самъ очень изрядно ходитъ, а, напротивъ того, тяжелый камень гнать столько людей, сколько числомъ и лошадей поднять его едва въ силахъ? и не лучше ли бы было, чтобы, отпрягши отъ этихъ ящиковъ хотя

по нѣскольку безполезно припряженныхъ лошадей, употребить ихъ на вспоможеніе этимъ бѣднякамъ везти камень?“ „Я не знаю, сударь,“ отвѣчалъ хозяинъ, „почему здѣсь десять человѣкъ тянутъ часто ста по два пудъ, и почему шесть лошадей тащатъ машину съ руками и съ ногами въ шестьдесятъ фунтовъ; но то знаю, что всякой изъ сихъ надутыхъ тварей почтетъ себѣ величайшимъ оскорбленіемъ, если отпречь хотя одну лошадь отъ его ящика, и что многіе изъ здѣшнихъ жителей мучатся по пятидесяти лѣтъ и болѣе, только для того, чтобы нажить шестерку [1] лошадей, которая бы таскала ихъ истощившуюся мумію.“ „Но какая выгода сихъ господъ,“ спрашивалъ я, „передъ тѣми, конхъ возитъ одна пара?“ „Та,“ отвѣчалъ онъ, „что они нерѣдко, пользуясь своею шестернею, сминаютъ ихъ на дорогѣ, а притомъ и всѣ нѣшеходцы отдаютъ всякой шестернѣ всевозможное уваженіе и уступаютъ скорѣе дорогу для того, что она одна, проѣзжая мимо ихъ, можетъ вдругъ десятерыхъ забрызгать грязью съ ногъ до головы. Посмотрите, какъ всѣ прихожіе [2] у этого дома тѣснятся и мнутъ другъ друга, чтобы не быть задавленными прискакивающими ежеминутно табунами!“ — „Вижу,“ отвѣчалъ я: „но скажите мнѣ, какое здѣсь собраніе, и что это за домъ? ... не храмъ ли?“ — „Нѣтъ.“ — „Не театръ ли?“ — „Нѣтъ.“ — „Такъ не аукціонная ли комната?“ — „И то нѣтъ,“ отвѣчалъ мнѣ хозяинъ: „а все это вмѣстѣ. Храмомъ можно назвать этотъ домъ потому, что всякое утро бываетъ въ немъ поклоненіе живому, но глухому и слѣпому идолу; театромъ потому, что здѣсь нѣтъ ни одного

[1] Ѣздить шестеркой цугомъ могли только высокопоставленныя особы.

[2] Прохожіе.

лица, которое бы то говорило, что думало, не выключая и самаго сего божества; а аукціонною комнатою потому, что тутъ продаются съ молотка публичныя достоинства. Итакъ, нѣкоторые изъ сего народа, бродящаго въ комнатахъ и на крыльцѣ, пріѣхали сюда для того, чтобы сдѣлать поклоненіе сему идолу и потомъ надуться гордостію, если онъ хотя нечаянно на нихъ взглянетъ; другіе затѣмъ, чтобы съ улыбкою увѣрить его о своей дружбѣ тогда, когда стараются они ископать для него тысячу погибелей; а третьи прискакали съ поспѣшностію, чтобъ набивкою цѣны перехватывать другъ у друга публичныя мѣста, которыя его секретарь и старшая любовница продаютъ съ молотка во внутреннихъ своихъ комнатахъ. „Теперь вы видите", продолжалъ онъ, „что это домъ знатнаго барина, а правда ли то, что я вамъ говорилъ, то если вы туда войдете, вся эта толпа будетъ вамъ служить очевиднымъ свидѣтелемъ." — „Но когда можно туда войти?" спросилъ я. — „Вы еще и теперь успѣете," отвѣчалъ онъ, „на дворѣ очень рано, сюда только что начали съѣзжаться. Вотъ еще осьмнадцать скотовъ притащили трехъ безполезныхъ человѣкъ. Ступайте скорѣе, если вы любопытны: тамъ сегодня прекрасное собраніе." И я, не медля нимало, продрался въ покои.

Многочисленное общество здоровыхъ и изуродованныхъ бѣдняковъ наполняли переднюю комнату; блѣдныя ихъ лица и изодранныя платья показывали, сколь нужна была имъ помощь; вольность и веселіе были изгнаны изъ сихъ печальныхъ стѣнъ; многія женщины плакали, разсказывая о своихъ несчастіяхъ близъ стоящимъ, но рѣдкіе имъ сострадали, а всякой занимался болѣе своими собственными злополучіями. Отягченные усталостію и лѣтами

старики облокачивались своими сѣдыми головами о холодныя стѣны, и въ дремотѣ забывали и о вельможѣ и о своихъ бѣдствіяхъ, доколѣ больные несчастливцы не разрушали слабаго ихъ забвенія своимъ оханьемъ. Нѣкоторыя женщины приводили туда своихъ младенцевъ, конечно, для того, чтобы болѣе возбудить о себѣ сожалѣніе въ вельможѣ. Бѣдныя матери, чтобы утѣшить своихъ дѣтей, которыя просились домой, давали имъ куски черстваго и засохлаго хлѣба, и множество голодныхъ просителей съ печальною завистію смотрѣли на ребенка, который, можетъ быть, доѣдалъ послѣдній кусокъ въ своемъ домѣ. Словомъ, прихожая сего барина походила болѣе на больницу убогаго дома, нежели на комнату знатнаго господина, и въ самыхъ темницахъ, любезный Маликульмулькъ, едва ли можно найти болѣе бѣдности и уныніе.

„Не ошибкою ли я сюда вошелъ?“ спрашивалъ я близъ меня стоящаго старика: „мнѣ сказали, что это комнаты его превосходительства ***“.—„Точно, сударь,“ отвѣчалъ старикъ, „это его прихожая или, лучше сказать прохожая, ибо онъ только черезъ нее проходитъ къ своей великолѣпной каретѣ, не успѣвая и взглянуть на множество бѣдныхъ просителей, которыхъ обманчивая надежда не замедливаетъ опять приводить въ его домъ. „Какъ!“ вскричалъ я, „и его окаменѣлое сердце не трогается воплемъ сихъ несчастныхъ женщинъ, сихъ стариковъ и изуродованныхъ просителей! Онъ имѣетъ жестокость не внимать ихъ стонамъ!“ — „Внимать, сударь!“ говорилъ печально старикъ: „они ими утѣшаются: множество просителей составляетъ великолѣпіе вельможъ, и они напереръвъ стараются накапливать ихъ большее число, поманивая иногда пустыми обѣщаніями. Я самъ,

государь мой, я самъ посѣдѣлъ на этой скамейкѣ; цѣлыхъ 20 лѣтъ я былъ зрителемъ и дѣйствующимъ лицомъ сего плачевнаго театра, однакожъ еще и нынѣ ни чуть не надѣюсь скораго рѣшенія моего дѣла, котораго со всѣмъ тѣмъ оставить мнѣ никакъ не можно. Я вижу," продолжалъ онъ, „что вы еще новы въ здѣшнемъ мѣстѣ.—„Это правда", отвѣчалъ я, „и я бы просилъ васъ удовольствовать въ нѣкоторыхъ вопросахъ мое любопытство ... Скажите мнѣ, что это за бумаги, которыя другъ другу показываютъ многіе находящіеся въ сей комнатѣ." „Это бумаги," говорилъ старикъ, „называемыя просительными письмами; просители стараются какъ можно чище и краснорѣчивѣе ихъ написать: они самыми живыми красками доказываютъ въ нихъ свою бѣдность или несчастія, которыя иногда столь ясно описаны, что могли бы имѣть успѣхъ и у самаго жестокосердаго вельможи". —„Они, конечно, смягчаютъ," спросилъ я, „сихъ бояръ?" „Нимало," отвѣчалъ старикъ, „знатные имѣютъ предосторожность не заглядывать въ сіи письма, и потому то краснорѣчіе самаго лучшаго писателя остается безъ дѣйствія." Въ сіе время услышалъ я позади себя оханье одного безногаго, который сидѣлъ въ углу комнаты, и я осмѣлился спросить у него о причинѣ столь великой его горести.—„Я вздыхаю, сударь, о томъ", отвѣчалъ онъ мнѣ, „что у меня оторвали ногу, а не голову: я бы вѣчно не зналъ, что такое есть прихожая знатныхъ. Года съ четыре назадъ," продолжалъ онъ, „нѣкоторый знатный господинъ предложилъ мнѣ вступить въ военную службу. Онъ описалъ мнѣ самыми разительными словами, какую могу я сдѣлать пользу своимъ землякамъ, сдѣлавшись хорошимъ воиномъ; сердце мое наполнилось тогда жаркою любо-

вію къ отечеству, и я, оставя торговлю, посвятилъ себя воинѣ. Имѣя отважный духъ, всячески старался я оказывать себя во всѣхъ сраженіяхъ, покуда пушечное ядро не наказало моего безумнаго бѣшенства: оно унесло мою ногу, а съ нею вмѣстѣ и покровительство моего начальника, которому нужны были любимцы съ обѣими ногами. Мнѣ однакожъ сказано, что я могу имѣть пропитаніе отъ отечества, которому жертвовалъ собою. Наконецъ, я уволенъ отъ службы, нажившъ въ оной 30 ранъ и деревянную ногу. Съ такимъ то прекраснымъ доказательствомъ моей храбрости явился я къ сему вельможѣ. Онъ очень учтиво меня принялъ и обѣщалъ мнѣ выходить порядочное пропитаніе; съ такою радостною надеждою таскаюсь я къ нему уже четыре года на моей деревяшкѣ, но онъ иногда изволитъ меня увѣщевать, чтобъ я пообождалъ до случія, выхваляя передо мною самыми отборными словами терпѣніе ... Я вѣрю, что его похвала прекрасна и краснорѣчива, но вѣрю также и тому, что и современемъ, къ его славѣ и къ чести моего отечества, умру въ этой прихожей съ голоду ...“ Едва докончилъ онъ свою повѣсть, какъ голосовъ въ шесть закричали: „вотъ онъ! вотъ онъ!“ и всѣ зачали обступать какого то толстаго человѣка, который съ довольною гордостью отвѣчалъ на низкіе поклоны заслуженныхъ стариковъ, которые гнулись передъ нимъ до пояса ... Я продирался, какъ могъ, сквозь просителей, и не успѣлъ еще продраться, какъ они опять закричали: „онъ ушелъ!“. „Кто это былъ“, спрашивалъ я у нихъ: „не самъ ли его превосходительство?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ мнѣ какой то осиплой голосъ: „это его комнатный служитель, котораго мы просили, чтобы онъ доложилъ объ насъ его превосходительству, но намъ сказали, что

онъ самъ скоро выдетъ, и что велѣно уже подавать карету".

Тогда многіе зачали вновь перечитывать и приготовлять свои письма, а я между тѣмъ пошелъ далѣе, и, прошедъ комнаты черезъ двѣ, увидѣлъ совсѣмъ другое зрѣлище.

Я вошелъ въ комнату, которая вся наполнена была чиновными и богатыми, которые съ гордостью смотрѣли другъ на друга. Тамъ богатый откупщикъ стоялъ нерадиво у окошка и выслушивалъ повѣсть у чиновнаго; надутый гордостью судья зѣвалъ въ креслахъ, между тѣмъ какъ передъ нимъ молодой офицеръ разсказывалъ о своихъ двадцати побѣдахъ: какъ онъ переколотилъ своею рукою съ 700 человѣкъ непріятелей и выломилъ городскія ворота, не получа ни одной раны, за что, будучи одобренъ свидѣтельствомъ своего дядюшки, и подъ покровительствомъ своей бабушки, пріѣхалъ просить богатаго награжденія. Въ другомъ мѣстѣ стихотворецъ, надувъ щеки, читалъ съ важностію ничего не значащія свои бредни, которыя украсилъ онъ именемъ его превосходительства, прописывая, что онъ, не имѣя въ виду никакой корысти, подноситъ ему свои труды, какъ покровителю наукъ, который никогда не оставляетъ дарованія безъ награжденія; или, лучше сказать, онъ начиналъ свое письмо хвалою своему некорыстолюбію, а оканчивалъ тѣмъ, что просилъ за свою книгу хорошей платы.

Сей послѣдній сдѣлалъ мнѣ честь своими учтивостями и, подошедъ ко мнѣ, показывалъ свое приношеніе. Это была книга о златомъ вѣкѣ; я прочелъ въ ней нѣсколько строкъ, въ которыхъ авторъ, браня изо всей силы нынѣшнія времена, выхвалялъ тѣ годы, которые были за 30000 лѣтъ до нашего времени.

— Я сомнѣваюсь, — сказалъ я ему, — понравится ли ваша книга его превосходительству: вы въ ней хвалите такой вѣкъ, въ которомъ не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ; ни знатныхъ, ни просителей, — и подносите ее знатному вельможѣ.

— О! это ничего, сударь! — отвѣчалъ мнѣ авторъ: — наши вельможи держатъ у себя въ библіотекахъ самыя прекрасныя правоученія и самыя острыя критики; но со всѣмъ тѣмъ никогда не жалуются на авторовъ, для того, что ихъ не читаютъ. Здѣшнему вельможѣ можно, не опасаясь нимало, поднести на него самого три тома сатиръ, за которыя иногда изъ тщеславія заплатитъ онъ деньги и отдастъ своему библіотекарю.

— Какъ! — спросилъ я, — кто жъ у васъ читаетъ Платоновы сочиненія о должностяхъ, [1] наставленіе политикамъ, о состояніи земледѣльцевъ и о званіи вельможъ?

— Купцы и мѣщане, — отвѣчалъ авторъ, — а вельможи читаютъ веселыя сказки, дѣтскія выдумки и шутливыя басни.

— Такъ поэтому, — сказалъ я, — вы бы лучше сдѣлали, еслибъ поднесли ему какую-нибудь книгу такого содержанія.

— О! какъ вы мало знаете свѣтъ! — вскричалъ авторъ: — повѣрьте мнѣ, сколько бы ни веселила его такая дѣтская книга, но онъ заплатилъ бы за нее однимъ презрѣніемъ, и сколько бы, напротивъ того, ни скучна была книга подъ правоучительнымъ названіемъ, но я, конечно, бы былъ изрядно за нее заплаченъ: наши вельможи совсѣмъ не таковы въ свѣтѣ, каковы въ своихъ кабинетахъ; въ публикѣ часто они

[1] Величайшій греческій философъ (427—347 до Р. Хр.). Имѣется въ виду его сочиненія: „Законы", „Политика" и „Государство".

бранятъ то, что у себя жалуютъ, и часто наружно хвалятъ то, что внутренно ненавидятъ. Спросите у всякаго вельможи, каковы для него кажутся Юстіевы [1] разсужденія и примѣчанія Ришелье? [2] Онъ вамъ побожится всѣмъ, чѣмъ хотите, что онъ ничего вѣчно не читывалъ основательнѣе и умнѣе сихъ сочиненій, но если вздумаете вы спросить о содержаніи этихъ книгъ, то рѣдкаго вельможу не приведете такимъ вопросомъ въ смущеніе. — Вотъ, — продолжалъ онъ, — каковы у насъ многіе вельможи. Со всѣмъ тѣмъ всѣ почитаютъ ихъ счастливыми, и мелкочиновные всячески ищутъ быть на ихъ мѣстѣ, которое получа не одинъ разъ въ сутки проклинаютъ; что до меня, то я лучше хочу доставать отъ нихъ за подносимыя мною книжки деньги, нежели, бывъ на ихъ мѣстѣ, платить за то, на что никогда взглянуть мнѣ не удастся.

— Но скажите мнѣ, знаете ли вы сего вельможу коротко? — спрашивалъ я моего оратора: — признаюсь вамъ, что я нахожу великую разницу въ вашемъ письмѣ съ тѣмъ, что видѣлъ собственными моими глазами: вы выхваляете его добродѣтель, а я въ его прихожей примѣтилъ нѣсколько человѣкъ, которые въ двадцать лѣтъ не непросили еще отъ него ни отной милости; вы превозносите его снисхожденіе, а онъ ничьихъ просьбъ не слушаетъ, почитая уже и то важнымъ, когда мимо своихъ просителей пробѣжитъ къ своей каретѣ, да и сего часто не дѣлаетъ, а выѣзжаетъ со двора совсѣмъ съ другого подъѣзда.

— О! сударь, — вскричалъ сочинитель, — конечно, вы очень мало обращались между людьми, когда не

---

[1] Камералистъ и публицистъ конца XVII и начала XVIII вв.

[2] Величайшій изъ французскихъ государственныхъ дѣятелей (1585—1642 гг.).

знаете, что это правило подносительныхъ писемъ: въ нихъ почти всегда одними словами выхваляется тотъ, кому подносится книга, хотя подноситель не только его подробно, но и имя его мало знаетъ: отъ того то вельможи съ самаго начала своей знатности, читая въ письмахъ, сколь они добродѣтельны, думаютъ о себѣ, что и въ самомъ дѣлѣ публика о нихъ такъ заключаетъ, и не стараются подтверждать своими дѣлами то, что мы пишемъ въ письмахъ.

— Но если какимъ-нибудь случаемъ не удастся вамъ получить отъ нихъ награжденіе, — спрашивалъ я,—что вы тогда дѣлаете?

— Мы пишемъ на нихъ сатиры,—отвѣчалъ онъ,— и хотя они ихъ не читаютъ, но мы дѣлаемъ такъ, какъ маленькіе ребятки, которые по привычкѣ плюютъ на тотъ столбъ, о который ушиблись, и думаютъ, что тѣмъ ему довольно отмстили; мы ...

Вдругъ отворилась дверь, и всѣ разступились на двѣ стороны, чтобъ дать дорогу.

Вельможа, убранный великолѣпно, вышелъ изъ своего кабинета съ веселымъ видомъ. Онъ очень учтиво кланялся на всѣ стороны; со многими улыбался, а инымъ шепталъ на ухо, и они почитали себя счастливыми. Послѣ того принималъ онъ письма со увѣреніемъ, что чрезъ два дни всѣ ихъ разсмотритъ; но я уже имѣлъ причину тому не вѣрить.

Я примѣтилъ, что многія просительныя письма были довольно толсто свернуты, и такія принимались съ большею благосклонностью, а наполненныя однимъ краснорѣчіемъ отдавались секретарямъ. Между тѣмъ добрался мой сочинитель и съ нижайшими поклонами поднесъ ему свою книгу.

— Будьте увѣрены, — сказалъ ему вельможа, — что дарованія ваши не останутся забыты: я не пре-

мину наградить васъ при первомъ случаѣ; я уже знаю, что книга ваша прекрасна. — Возьмите, — сказалъ онъ одному изъ своихъ приближенныхъ, — и отнесите ее ко мнѣ въ кабинетъ; я надѣюсь заняться ею нѣсколько дней —

Приближенный взялъ ее у него изъ рукъ и отдалъ ее секретарю, который, какъ я примѣтилъ, вошедъ въ кабинетъ, бросилъ ее подъ столъ, наполненный старыми бумагами. Между тѣмъ вельможа продолжалъ степенно шествовать къ прихожей, кланяясь на обѣ стороны всѣмъ и ни на кого не смотря; онъ дѣлалъ внимательное лицо ко многимъ словеснымъ просьбамъ, изъ которыхъ однакожъ ни одного слова не выслушивалъ, а былъ занятъ, какъ я примѣтилъ, совсѣмъ другими разсужденіями. При приближеніи жъ къ дверямъ пустился онъ, какъ молнія, чрезъ прихожую, закутавшись въ свой плащъ и не внимая тысячѣ голосовъ, относящихъ къ нему просьбы несчастныхъ, и едва успѣлъ сказать имъ всѣмъ, чтобы побывали они *завтра*, какъ, сѣвши въ карету, пропалъ изъ вида и оставилъ въ отчаяніи бѣдныхъ просителей.

— Что до меня, — сказалъ толстой судья, — то я всего вѣрнѣе надѣюсь получить обѣщанное мѣсто: краснорѣчіе золота никогда не обманетъ. Пусть бѣдные стонутъ, что ихъ не выслушиваютъ; но мы, у которыхъ кошельки плотны, — мы, право, не имѣемъ причины жаловаться на вельможъ: правда, что мы дорого имъ платимъ, но наши челобитчики послѣ заплатятъ намъ то съ выгодою, что мы отдаемъ вельможѣ за то, чтобы высасывать изъ кошельковъ у просителей —

— И я, — сказалъ молодой повѣса, который хвалился, что побилъ 700 человѣкъ, — не меньше вашего надѣюсь получить награжденіе: бабушка моя

родня комнатной дѣвушкѣ его любовницы, а представительство сей нимфы дороже всякихъ свидѣтельствъ: еслибы я, и совсѣмъ не показываясь къ сраженію, вклепать на себя, что перебилъ три тысячи человѣкъ, то и тогда бы мнѣ повѣрили и наградили бы мою храбрость. Пускай трудятся бѣдняки, не имѣющіе представительствъ: нашу братью нерѣдко болѣе награждаютъ за храброй языкъ, нежели за ихъ храбрыя дѣла —

Вотъ, любезный Маликульмулькъ, какого я нашелъ вельможу: говорятъ, что здѣсь есть много изъ нихъ добродѣтельныхъ, но и одинъ порочный дѣлаетъ пятно правительству, лишая счастія многихъ достойнѣйшихъ себя людей.

Письмо XXVII.

Отъ Сильфа Выспрепара къ волшебнику Маликульмульку.

При послѣднемъ нашемъ съ тобою свиданіи, премудрый Маликульмулькъ, просилъ ты меня развѣдать, гдѣ находится точное пребываніе нѣкоторыхъ извѣстныхъ тебѣ тѣней. Исполняя сіе твое желаніе, облетать я всѣ предѣлы обширной воздушной области, однакожъ не могъ получить объ нихъ никакого свѣдѣнія. Клянусь тебѣ честію сильфа [1], что нѣтъ между счастливыми воздушными обитателями души того секретаря, о участи котораго ты болѣе, нежели о прочихъ, узнать любопытствовалъ. Едва во время моего о томъ развѣдыванія могъ я отыскать нѣсколько и судейскихъ тѣней, ибо люди, отправляющіе на землѣ правосудіе, рѣдко бываютъ столь чисты, чтобъ

[1] Духъ воздуха

могли прожить въ воздухѣ до того страшнаго и великаго дня, когда всѣ твари предстанутъ къ подножію престола Всемогущаго Судіи всего свѣта, дабы услышать приговоръ неокончаемаго своего блаженства или вѣчнаго ничтожества.

Для меня весьма казалось удивительно, что когда спрашивалъ я о семъ секретарѣ у нѣкоторыхъ встрѣчающихся со мною тѣней, то, при одномъ его названіи, содрогались онѣ отъ негодованія и мгновенно прочь отъ меня отлетали. Молчаніе ихъ служило мнѣ вмѣсто отвѣта, и я потерялъ было совсѣмъ надежду узнать, отчего происходило сіе ихъ неудовольствіе, какъ предстала предъ меня тѣнь нѣкотораго судьи, которая, казалось, не столько удивлялась моимъ вопросамъ, какъ прочія.

— Здѣсь нѣтъ той тѣни, которой ты ищешь, — сказала она мнѣ: — а старайся отыскать ее у гномовъ или у ондиновъ [1]. Конечно, неизвѣстно тебѣ, какую жизнь провождала она на землѣ, когда думаешь найти ее между счастливыми воздушными обитателями. Ты долженъ знать, что никогда душа корыстолюбиваго секретаря не заражала сихъ прелестныхъ мѣстъ несноснымъ своимъ присутствіемъ.

— Ты мнѣ кажешься, — отвѣтствовалъ я судьѣ, — не столь гнѣвливъ, какъ прочія попадавшіяся мнѣ тѣни: итакъ, пожалуй, скажи мнѣ, отъ чего происходитъ, что названіе секретаря не столько для тебя отвратительно, какъ для прочихъ?

„Причина тому та“, — отвѣтствовалъ мнѣ судья, „что я такимъ людямъ, каковъ былъ тотъ секретарь, о которомъ ты разспрашиваешь, обязанъ великою благодарностію: безъ нихъ не былъ бы я,

---

[1] Духи земли и воды.

можетъ быть, никогда въ блаженномъ семъ жилищѣ". „Слова твои", — отвѣтствовалъ я ему, — „кажутся мнѣ очень странны. Какъ можешь ты считать себя обязанным за полученное тобою благополучіе такимъ людямъ, которыхъ всѣ почитаютъ столь злыми и ненавистными?" „Ты не станешь сему удивляться",— отвѣтствовалъ судья, —„когда узнаешь, что во время моей жизни ни о чемъ я столько ни старался, какъ выводить наружу всѣ плутни приказныхъ крючкотворцевъ. Я наказывалъ ихъ жесточайшимъ образомъ, и посредствомъ моей строгости имущество многихъ бѣдныхъ вдовъ и несчастныхъ сиротъ избавлено было отъ хищныхъ рукъ сихъ гнусныхъ корыстолюбцевъ".

„Я хочу",—продолжалъ судья,—„разсказать тебѣ, что случилось со мною по выходѣ изъ того свѣта. Лишь только я умеръ, то душа моя вознеслась мгновенно даже за предѣлы огненной атмосферы. Тутъ предстали предъ меня два духа, изъ коихъ одинъ долженъ былъ меня защищать, а другой обвинять. Послѣдній, возвыся свой голосъ, приносилъ къ подножію Престола Всемогущаго Судіи всѣ содѣланныя мною погрѣшности и утверждалъ, что по причинѣ безпорядковъ моихъ во время молодости недостоинъ я наслаждаться счастливою жизнію между воздушными обитателями. Онъ упрекалъ меня, что съ неистовствомъ предавался я постыднымъ забавамъ, что долгое время пребывалъ въ оковахъ у женщинъ, и что былъ подверженъ многимъ другимъ порокамъ, какъ то: гнѣву, гордости и тщеславію. Слыша сіе обвиненіе, я полагалъ уже навѣрное, что буду помѣщенъ въ жилищѣ гномовъ или по малой мѣрѣ у ондиновъ, какъ духъ, долженствующій меня защищать, представлялъ въ оправданіе мое слѣдующее".

„Правда"— говорилъ онъ,— „что въ молодости своей былъ онъ подверженъ слабостямъ, свойственнымъ всѣмъ человѣкамъ, однакожъ ревность, съ каковою отправлялъ онъ потомъ возложенную на него должность, заглаживаетъ всѣ его погрѣшности. Во время своей жизни наказалъ онъ жесточайшимъ образомъ болѣе ста корыстолюбивыхъ секретарей и чрезъ то избавилъ отъ конечнаго разоренія съ три тысячи бѣдныхъ вдовъ и съ четыре тысячи безпомощныхъ сиротъ. Но почто исчислять, сколько несчастныхъ защитилъ онъ отъ ненасытнаго ихъ корыстолюбія? Всѣмъ извѣстно, что не только многіе, но и одинъ крючкотворецъ, еслибъ только было въ его власти, не посовѣстился бы для своего прибытка разорить цѣлое государство." „Итакъ",—продолжалъ онъ,— „что можетъ быть полезнѣе для общественнаго благосостоянія, какъ обуздывать пагубное стремленіе сихъ лютыхъ нечадіевъ ябеды и крючкотворства? Еслибъ въ какомъ государствѣ было двѣсти такихъ судей, которые старались бы искоренять сихъ изверговъ, то, безъ сомнѣнія, золотой вѣкъ въ скоромъ времени тамъ паки бы возобновился. И такимъ образомъ, сообразя ревность сей обвиняемой души къ оказанію правосудія и добрый примѣръ, оставленный ею на землѣ прочимъ судьямъ, возможно ли воспретать ей наслаждаться счастливою жизнію въ сообществѣ воздушныхъ обитателей?"

Симъ окончилъ онъ свою рѣчь. Обвиняющій меня духъ началъ было опровергать то, что говорилъ онъ въ мое оправданіе, но въ самое то время раздался по небеснымъ сводамъ величественный гласъ правосуднаго Божества. „Да вселится", — вѣщалъ онъ,— „душа, представленная на судъ предъ Моимъ престоломъ, въ жилище сильфовъ. Милосердіе Мое

въ воздаяніе за то, что сей судья защищалъ вдовъ и сиротъ отъ грабительства корыстолюбивыхъ секретарей, прощаетъ ему всѣ его погрѣшности, и да промчится вѣсть сія повсюду, что всѣ судьи, поступающіе такимъ образомъ, какъ онъ, найдутъ во мнѣ кроткаго и снисходительнаго судію".

„При сихъ словахъ палъ я ницъ, возсылая хвалу милосердію Всемогущаго; и послѣ сего защитникъ мой проводилъ меня самъ въ сіи счастливыя мѣста, гдѣ пробуду я до самаго того времени, когда всѣ праведники призовутся въ нѣдра всеблагого Бога"

Окончавъ свое повѣствованіе, тѣнь сего мудраго судьи совѣтывала мнѣ не искать болѣе въ тѣхъ мѣстахъ души того секретаря, о которомъ желалъ ты получить извѣстіе, и послѣ того отлетѣла она за нѣсколько тысячъ миль, для свиданія съ нѣкоторымъ надзирателемъ надъ больницами, который, какъ тебѣ извѣстно, отъ всѣхъ воздушныхъ тѣней весьма уважается.

Мнѣ очень досадно, премудрый Маликульмулькъ, что, не взирая на все мое стараніе, не могъ я исполнить твоего повелѣнія: можетъ быть, узнаешь ты о томъ скорѣе отъ водяныхъ или подземныхъ обитателей, но, по моему мнѣнію, гораздо будетъ лучше, если потребуешь о томъ свѣдѣнія отъ адскаго какого духа, ибо души столь злыхъ людей, каковы крючкотворцы, мало бы были наказаны, еслибъ опредѣлено было жить во глубинѣ моря или въ нѣдрахъ земли: адъ долженъ быть настоящимъ ихъ жилищемъ, а въ семъ мнѣніи наболѣе удостовѣряюсь я тѣмъ, что какъ гномы сохраняютъ въ землѣ богатые металлы и драгоцѣнные каменья, а ондины соблюдаютъ великія сокровища, потерянныя смертными, то корыстолюбивые секретари почли бы ихъ жилища весьма

для себя выгодными. Безъ сомнѣнія, завели бы они и тамъ ябедническіе свои крючки, посредствомъ которыхъ учинились бы, можетъ быть, современемъ совершенными обладателями всѣхъ хранимыхъ ими сокровищъ.

Письмо XXVIII.

Отъ волшебника Маликульмулька къ Сильфу Дальновиду.

Всѣ получаемыя мною отъ тебя письма, любезный Дальновидъ, приносятъ мнѣ великое удовольствіе, и я всегда съ утѣшеніемъ усматриваю въ нихъ основательныя твои разсужденія о многихъ поступкахъ людей, чрезъ которые заслуживаютъ они осужденіе. Ты очень хорошо дѣлаешь, что входишь во всѣ ихъ состоянія и примѣчаешь ихъ слабости и пороки; ибо, чтобъ сдѣлаться мудрымъ и добродѣтельнымъ, наилучшій способъ есть тотъ, чтобъ размышлять о глупостяхъ и о странныхъ правахъ людей. Разсматривая прилежно непостоянство разума человѣческаго, непремѣнно будешь остерегаться, чтобъ самому не впасть въ такіе же пороки, какіе въ другихъ осуждаешь.

Сколько есть такихъ людей, кои отъ нестарапія познавать нравы и обычаи своихъ сограждапъ, безъ всякаго размышленія предаются безумной вѣтрености и перенимаютъ самыя смѣшныя и вздорныя обыкновенія, нимало не примѣчая своего заблужденія? Ежели бы они хотя одинъ разъ обратили примѣчательные взоры на различныя поведенія всѣхъ людей и не захотѣли бы принимать никакого другого правила, никакой моды и никакого обычая, кромѣ тѣхъ, кои сообразовались бы съ здравымъ

разсудкомъ, тогда защитили бы себя отъ заблужденія, ибо глупость, примѣчаемая ими въ другихъ, заставила бы ихъ узнать и свое безуміе.

Свѣтъ есть обширное училище, открытое для всѣхъ желающихъ научиться; нужно только входить въ подробное разсмотрѣніе разныхъ случающихся въ немъ происшествій и совѣмъ противныхъ онымъ введенныхъ людьми обычаевъ, тогда будешь имѣть всѣ желаемые способы, чтобъ сдѣлаться совершеннымъ философомъ.

Пороки, примѣчаемые нами въ другихъ людяхъ, могутъ служить для насъ всегданними наставленіями, и можно очень справедливо сказать, что для наученія мудрости ничего нѣтъ лучше, какъ входить въ разсмотрѣніе всѣхъ слабостей человѣческихъ. Глупости вертопраха, безчинства пахала и безуміе невѣжды достойны быть наставленіями философа, желающаго употреблять съ пользою природныя свои дарованія. Во всѣ времена истинные мудрецы учинились таковыми единственно отъ презрѣнія и отвращенія къ людямъ, примѣчая въ нихъ нелѣпые и съ разумомъ несходные поступки. Глупости и дурачества грековъ были причиною тому, что Гераклитъ непрестанно плакалъ, а Демокритъ смѣялся [1].

Дабы получить успѣхъ въ изученіи мудрости, надлежитъ лучше быть зрителемъ, а не дѣйствующимъ лицомъ въ тѣхъ комедіяхъ, которыя играются на землѣ. Я всегда, любезный Дальновидъ, держусь сего правила и, живши столько лѣтъ на свѣтѣ, довольно всего насмотрѣлся; я очень много путешествовалъ въ намѣреніи, чтобъ получить пользу отъ

---

[1] Греческіе философы (550—475 и 470—380 до Р. Хр.). Вѣчно плачущій Гераклитъ и смѣющійся Демокритъ часто изображались нашею сатирою XVIII в.

обозрѣнія различныхъ страшныхъ дѣйствій, которымъ былъ я простымъ только зрителемъ, и ты, безъ всякаго сомнѣнія, можешь повѣрить, что я находилъ тутъ обширное поле къ размышленію. Напримѣръ, англичане представляли мнѣ тысячу блистательныхъ добродѣтелей, смѣшанныхъ со множествомъ свойственныхъ имъ пороковъ, и чрезъ сіе смѣшеніе добра и зла я познавалъ, что участь человѣческая столь несчастна, что люди сами собою ничего не въ силахъ сдѣлать кромѣ того, что могутъ извинять свои слабости нѣсколькими хорошими качествами. Вообще кажется, что имъ совсѣмъ не возможно учиниться истинно мудрыми и совершенно добродѣтельными, а это предоставлено нѣкоторымъ только философамъ, возвысившимъ себя свыше человѣчества, что жъ принадлежитъ до простыхъ людей, то между ими разумнѣйшимъ и лучшимъ можетъ почитаться только тотъ, кто менѣе другихъ имѣетъ въ себѣ глупости и злости. Щедрость, великодушіе, мужество и безстрашіе англичанина помрачаются его гордостію, высоковѣріемъ, самолюбіемъ и хорошимъ о себѣ мнѣніемъ.

Во всѣхъ земляхъ философъ находитъ истинную причину сожалѣть о людяхъ и чувствовать къ нимъ презрѣніе. Путешественникъ страшится быть жертвою: въ Италіи — ревности, въ Гишпаніи — суевѣрія, а въ Англіи — гордости и высокомѣрія тѣхъ людей, съ которыми живетъ вмѣстѣ. Однакожъ я лучше бы согласился попасть въ руки жестокому инквизитору, нежели англичанину, который непрестанно будетъ давать мнѣ чувствовать, сколько онъ почитаетъ себя во всемъ лучшимъ предо мною, и который, если удостоитъ меня своими разговорами, то не о другомъ чемъ будетъ со мною говорить, какъ

бранить всѣхъ другихъ народовъ и скучать разсказываніемъ о великихъ добродѣтеляхъ своихъ соотечественниковъ.

Ежели же иностранецъ въ Лондонѣ бываетъ жертвою высокомѣрія, то въ Парижѣ не менѣе того мучится отъ глупости и отъ наглости. Тамъ его обременяютъ учтивостями, раззоряютъ почти ежедневнымъ выдумываніемъ новыхъ модъ и оглушаютъ глупыми и вздорными разговорами, а въ награжденіе за сіе мученіе стараются его увѣрять, что онъ во всемъ подобенъ тѣмъ людямъ, съ которыми живетъ и такъ же глупъ, какъ они. Изъ всѣхъ глупостей французовъ всего несноснѣе то, что они всякаго живущаго у нихъ иностранца хотятъ преобразить во француза. Ежели кто изъ иностранцевъ говоритъ что-нибудь такое, что имъ нравится, то они скажутъ о немъ, что онъ говоритъ такъ, какъ французъ, а ежели кто имѣетъ въ себѣ пріятный видъ и въ поступкахъ своихъ учтивъ, то о такомъ говорятъ, что онъ совершенный французъ [1]. Мнѣ кажется, что ничего нѣтъ глупѣе такихъ мыслей, кои столько же оскорбительны для путешествователей, сколько несносно высокомѣріе англичанъ: сіи послѣдніе говорятъ о себѣ, что они только одни въ свѣтѣ почтенія достойны, но французы хотя не такъ грубо изъясняются, однакожъ даютъ ясно разумѣть, что всякой человѣкъ тогда только можетъ что-нибудь значить, когда бываетъ имъ подобенъ. Объ сіи мысли одинакое имѣютъ основаніе, и обѣ равно несправедливы и безумны.

Во всѣхъ народахъ можно видѣть одинакіе пороки, совсѣмъ противные хорошимъ чувствамъ и

[1] Подобныя обличенія французовъ попадаются въ разныхъ сатирическихъ статьяхъ и комедіяхъ Крылова.

здравому разсудку. Въ нѣмцахъ примѣчалъ я смѣшную и мечтательную ихъ любовь къ древнимъ титуламъ и старинными грамотамъ, и сколь мало уважаютъ они тѣхъ, кои не были герцогами, графами, маркизами и баронами. Я удивлялся, что отличнымъ добродѣтелямъ и великимъ дарованіямъ оказываютъ они очень малое уваженіе въ сравненіи тѣхъ почестей, каковыя англичанами воздаются истинному достоинству. Глубокомысленный философъ, ученый математикъ и искусный физикъ не заслуживали нималой благосклонности отъ почтенныхъ господъ нѣмцовъ, англичане же, напротивъ того, воздали памяти Невтоновой [1] равномѣрныя почести, каковыя должны бы были воздаваться государю, завоевавшему многія владѣнія или чрезъ мудрое заключеніе мира доставившему блаженное спокойство своимъ подданнымъ.

Желательно бы было, чтобъ всѣ народы подражали англичанамъ въ оказаніи почтенія и уваженія великимъ людямъ, родившимся у нихъ, которыхъ природа одарила отличными дарованіями. Я увѣренъ, что если Англія съ давняго уже времени славится многими высокими умами, то это не отъ чего другого, какъ отъ того одобренія и поощренія, которое дается тамъ ученымъ людямъ; но чтобъ сіе столь похвальное обыкновеніе учинилось общественнымъ во всей Европѣ, то не видно еще къ тому большой надежды.

Итакъ, обратившись опять къ первому моему предмету, любезный Дальновидъ, я еще повторяю, что для избѣжанія того, чтобъ не впасть самому въ тѣ пороки, которымъ люди часто бываютъ подвержены, наилучшій способъ есть тотъ, чтобъ примѣ-

[1] Ньютонъ.

чать прилежно всѣ ихъ поступки, ибо всякой обыкновенно гораздо строже судитъ поступки другихъ, нежели свои собственные, и часто случается, что въ тѣхъ же самыхъ порокахъ, которые въ другихъ осуждаетъ и почитаетъ нимало неизвинительными, себя самого прощаетъ и для оправданія своего находитъ разныя извиненія.

Письмо XXIX.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Сколь должно сожалѣть, почтенный Маликульмулькъ, о такихъ людяхъ, кои провождаютъ всю свою жизнь въ безумной и постыдной праздности; еслибы такимъ образомъ прожилъ кто и шестьдесятъ лѣтъ, то едва ли бы можно было сказать что онъ жилъ восемь лѣтъ, ибо можно ли то назвать жизнію, чтобъ въ молодости заниматься вѣтреностію, а въ старости ничего не значащими бездѣлками: это можно почесть совершеннымъ безумiемъ и незнанiемъ того, на что человѣкъ премудрымъ Творцомъ на свѣтъ созданъ. Такою безполезною жизнію люди уподобляютъ себя несмысленнымъ скотамъ, которые безъ всякаго размышленія предаются однимъ только чувственнымъ удовольствіямъ.

Ничего не можетъ быть гнуснѣе праздности: она часто бываетъ источникомъ всѣхъ пороковъ, и причиною величайшихъ злодѣяній. Если войти въ подробное изслѣдованіе, то можно представить многія доказательства, что всѣ пороки, которымъ бываютъ подвержены люди, находящіеся въ различныхъ состояніяхъ, не отъ чего другого проистекаютъ, какъ отъ праздности. Я хочу тебѣ описать, почтенный

Маликульмулькъ, нѣкоторыя мои замѣчанія, кои дѣлалъ я о людяхъ разнаго состоянія, которые нерачительно исполняютъ препорученныя имъ должности единственно отъ того, что любятъ жить въ праздности.

Судья, который волочится за женщинами, который не пропускаетъ ни одного театральнаго зрѣлища и ни одного гулянья, и который одинъ только разъ въ цѣлый годъ воспоминаетъ о исполненіи препорученной ему должности, не былъ бы таковымъ, ежели бы меньше любилъ праздность и еслибы употреблялъ большую часть дня на изученіе гражданскихъ правъ и законовъ и на размотрѣніе тѣхъ дѣлъ, которыя требуютъ скораго его рѣшенія. Отъ такихъ важныхъ упражненій не доставало бы ему времени часто ѣздить въ театръ и волочиться за театральными дѣвками или показывать себя на гуляньяхъ разряженнымъ, какъ кукла. Ежели бы не было ни одного судьи праздная, то не было бы ни одного петиметра и ни одного безпутнаго расточителя.

Придворный, старающійся нравиться своему государю и добивающійся первыхъ чиновъ въ государствѣ, кажется, долженъ бы быть удаленъ отъ всякой праздности; но такова есть участь двора, что люди, къ нему прилѣпленные, тогда только рачительно стараются оказывать ему свои услуги, когда есть какой удобный случай къ ихъ возвышенію, а коль скоро не имѣютъ они надежды къ достиженію знатныхъ чиновъ, тогда живутъ въ совершенной безпечности, и какъ много бываетъ въ году такихъ минутъ, а иногда и цѣлыхъ дней, въ которые придворный не имѣетъ при дворѣ никакого дѣла, то сіе праздное время по большей части употребляется имъ на роскоши и забавы; онъ предается тогда многимъ порокамъ и старается удавлетворять страстямъ своимъ.

Сколь жалостна должна казаться участь придворнаго въ глазахъ философа! Онъ не иначе можетъ себя воздерживать, чтобъ не быть игралищемъ гнусныхъ страстей, какъ предаваясь одной изъ всѣхъ жесточайшей и мучительнѣйшей страсти, т. е. для избѣжанія праздности онъ долженъ отдать себя во власть пылкому честолюбію.

Во всѣхъ различныхъ состояніяхъ жизни человѣкъ можетъ находитъ полезныя упражненія. Духовный старается о наставленіи людей въ душевномъ ихъ спасеніи. Судья разбираетъ ихъ тяжбы и дѣлаетъ имъ правосудіе. Воинъ хранитъ ихъ спокойствіе и защищаетъ отъ непріятелей. Купецъ доставляетъ имъ пищу и все нужное для ихъ жизни. Одинъ только придворный ни о чемъ больше не трудится, какъ о удовольствіи собственнаго своего честолюбія. Еще бъ было лучше, когда бы онъ непрестанно помышлялъ о сей мечтательной химерѣ, которая тогда исчезаетъ, когда думаетъ онъ держать ее въ рукахъ своихъ, нежели пребывалъ бы въ праздности безъ всякаго упражненія. Естьбы возможно было изгнать отъ двора честолюбіе или праздность, то, по моему мнѣнію, полезнѣе бы было оставить первый порокъ, нежели послѣдній.

Воинъ часто бываетъ подобенъ придворному, ибо онъ занимается своею должностію въ нѣкоторое только на то опредѣленное время, а тогда, когда стоитъ на зимнихъ квартирахъ, ежели охотникъ онъ до праздности, то можетъ быть безъ всякаго дѣла и предаваться разнымъ порокамъ. Очень много такихъ офицеровъ, которые нимало не радятъ ни о добродѣтели, ни о благопристойномъ обхожденіи, весьма нужномъ въ общежитіи, и отъ того то не рѣдко бываютъ случаи къ распутству, въ которое

они очень жадно бросаются. Пороки и дурныя склонности ежедневно укореняются въ душѣ ихъ, и они часто дѣлаются, наконецъ, совсѣмъ безполезными какъ для государя, такъ и для отечества, ибо отъ того становятся неспособными къ мужественнымъ военнымъ дѣйствіямъ, всякой трудъ кажется имъ несноснымъ, и отъ праздности полученныя ими дурныя привычки никогда не могутъ изъ нихъ истребиться. Сколько есть такихъ молодыхъ людей, которые при вступленіи въ службу показывали въ себѣ хорошую надежду, но послѣ сдѣлались порочными и достойными презрѣнія, ибо праздная препровождаемая ими жизнь погашаетъ въ сердцахъ ихъ всѣ чувства, которыя съ самаго младенчества, при воспитаніи ихъ вперить въ нихъ старалися!

Ежели праздность у военнослужащихъ бываетъ источникомъ ихъ распутствъ, то она же бываетъ у нихъ и побужденіемъ къ ссорамъ, которыя гораздо чаще между ими случаются во время стоянія ихъ на квартирахъ, нежели тогда, когда бываютъ они противъ непріятеля въ полѣ. Въ то время, когда занимаются они службою, некогда имъ думать о непристойныхъ другъ надъ другомъ шуткахъ, о игрѣ, о пьянствѣ и о перебиваніи любовницъ: отъ сего то обыкновенно бываютъ поединки, происходящіе по большей части отъ какого-нибудь вздорнаго и безчестнаго начала. Итакъ, праздность только одна бываетъ причиною сихъ гнусныхъ сраженій, которыя противны общественному благоденствію и запрещаются Богомъ и государемъ.

Праздность не менѣе причиняетъ вреда людямъ низшаго состоянія. Купецъ праздностію и нерадѣніемъ въ короткое время разстроиваетъ дѣла свои; ежедневный убытокъ бываетъ наградою за его без-

печность, и онъ, наконецъ, всего лишившись, дѣлается банкрутомъ. Еще было бы ему простительнѣе, ежели бы онъ тѣмъ разорялъ одного только себя, но, при его разореніи, претерпѣваютъ убытокъ многіе честные люди, которые отъ того только дѣлаются несчастными, что повѣрили въ долгъ деньги человѣку безпечному и нерадивому, который вмѣсто того, чтобъ имѣть попеченіе о своемъ торгѣ, провождалъ жизнь роскошную и праздную, не желая принимать на себя никакого труда и безпокойства.

Ежели бы люди прилежнѣе о томъ размышляли, почтенный Маликульмулькъ, что они раждаются для труда, и что съ самаго начала свѣта Богъ повелѣлъ имъ трудиться въ потѣ лица своего, доколѣ паки возвратятся они въ нѣдро земли, изъ которой они созданы, то, безъ всякаго сомнѣнія, не захотѣли бы сопротивляться волѣ своего Создателя и, размышляя о казняхъ, опредѣленныхъ преступившимъ заповѣди Его, они бы сами себѣ сказали: „Какое право имѣемъ мы исключать себя изъ сего всеобщаго закона? Не потому ли, что мы благородны, богаты, знатны, молоды или стары? Но поелику Богъ никого не исключилъ, то ничто насъ извинить не можетъ: итакъ, или будемъ убѣгать праздности, или предадимся казни, опредѣленной преступникамъ.“ Но, по несчастію, очень немногіе разсуждаютъ такимъ образомъ, потому что немногіе входятъ въ прилежное размышленіе о тѣхъ должностяхъ, которыя должны они исполнять на землѣ, и о томъ, для чего Богъ произвелъ ихъ на свѣтъ.

Итакъ, если люди должны трудиться во всю свою жизнь, и если самъ Богъ имъ оное повелѣлъ, то, безъ сомнѣнія, еще больше обязаны они то дѣлать во время юности, нежели при старости, ибо въ пер-

выя лѣта жизни ихъ надлежитъ имъ помышлять о пріобрѣтеніи тѣхъ познаній, которыя долженствуютъ быть для нихъ полезными во все продолженіе ихъ жизни. Праздность, будучи матерью всѣхъ пороковъ, раждаетъ такъ же невѣжество и высокомѣріе: сіи три порока обыкновенно бываютъ вмѣстѣ, и непремѣнно одинъ влечетъ за собою другой. Человѣкъ, удаляющійся отъ всякаго упражненія и убѣгающій труда, мыслитъ о себѣ съ надменностію, что онъ довольно уже во всемъ знаетъ; его самолюбіе и тщеславіе, соединясь съ лѣностію и безпечіемъ, заставляютъ его съ презрѣніемъ отвергать всякую науку, которая для изученія требовала бы какого-либо труда: слѣдственно, ежели кто съ юныхъ лѣтъ предается обманчивымъ прелестямъ праздной жизни, тому никакъ будетъ не возможно впредь исправить потерянное время, во-первыхъ, потому, что оно никогда назадъ не возвращается: а, во-вторыхъ, потому, что полученныя злыя привычки тогда уже истреблены быть не могутъ.

Письмо XXX.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Недавно, прогуливаясь по городу, любезный Малимулькъ, вздумалось мнѣ осмотрѣть здѣшнія книжныя лавки. Увидя, что онѣ завалены книгами, я удивлялся просвѣщенію нынѣшняго вѣка; радовался тому, что и въ здѣшней землѣ есть книги, и сравнивалъ нынѣшній вѣкъ съ старыми. „Какая разница“, — думалъ я самъ въ себѣ, — „между тѣмъ временемъ, въ которое книгъ почти было не видно, и между нынѣшнимъ, когда всю поверхность обитаемой земли можно укласть книгами“. Но и то правда,

любезный Малыкульмулькъ, что тогда не приносили стыда ученому свѣту Бабушкины выдумки, Бродящій мѣщанинъ [1] и изданныя въ четвертку безъ правилъ краденыя сочиненія Рнѳмокрада [2], которыми завалены нынѣ всѣ книжныя лавки, и которыя продаются нерѣдко на вѣсъ для разнощиковъ на обертку овощей.

Когда я разсуждалъ такимъ образомъ надъ увѣсистыми сочиненіями сего прилежнаго автора, тогда подошелъ ко мнѣ малорослый и сухощавый человѣкъ: „что вы думаете,—сказалъ онъ мнѣ,—о семъ великомъ авторѣ?“ — „Я думалъ“, — отвѣчалъ я ему, — „что я держу въ рукахъ не хорошія сочиненія, а худые переводы“. — „О, государь мой! такъ вы, конечно, не слыхали, какъ его хвалятъ за его столомъ, чему я самъ бывалъ очевиднымъ свидѣтелемъ; я слышалъ, что онъ недавно очень хорошо написалъ трагедію, въ которой разругалъ прекрасно не помню какого то святого“ ... „Эту трагедію больше дѣлалъ Расинъ, нежели онъ, — сказалъ, подошедши къ намъ одинъ изъ покупщиковъ старыхъ книгъ: — возьмите, — продолжалъ онъ, — Расинову Андромаху [3]: вы увидите, что здѣшняя не иное что, какъ слабый переводъ, съ тою при томъ разницею, что почтенный Расинъ не бранилъ святыхъ, такъ, какъ то дѣлаетъ нашъ неугомонный авторъ, и я удивляюсь, какъ такая безбожная брань пропущена тогда,

---

[1] Въ письмѣ 40: „Бредящій мѣщанинъ“, что вѣрнѣе — насмѣшка надъ журналомъ 1789 г. „Бесѣдующій гражданинъ“. „Бабушкины выдумки“ — вѣроятно, „Сказки Бабушки“ С. Друковцова. (М., 1778, 2-ое изд. 1781 г.).

[2] Подъ этимъ именемъ Крыловъ изображалъ своего литературнаго врага Княжнина (1742—1791).

[3] „Владиміръ и Ярополкъ“ Княжнина — подражаніе „Андромахѣ“ Расина, мѣстами переходящее въ переводъ. Нѣкоторыя выраженія о Владимірѣ могли быть истолкованы, какъ „брань на святого“.

когда, кажется, можно печатать одинъ только сказки и небывальщины въ лицахъ". — „Вы очень злы, государь мой! — возразилъ защитникъ бранчиваго автора, — „когда поносите сочинителя, привлекающаго дарованіями своими въ себѣ въ домъ множество обожателей своего пера".—„О, этому я охотно вѣрю",— говорилъ противникъ Рюмокрада, — „что у него бываетъ много гостей; но кто захочетъ, тотъ можетъ видѣть, что сему не дарованія его, а его повара и гостепріимная жена причиною [1]. Примѣтьте, что обожатели его всегда сбираются въ его домъ къ обѣду, и похвалы сему Аполлону обыкновенно начинаются со второго или съ третьяго блюда и раздаются не далѣе, какъ въ четырехъ углахъ комнаты; но за два шага отъ его дому слава его исчезаетъ, и тѣ самые, которые за обѣдъ платили ему похвалою, позабываютъ, что онъ есть на свѣтѣ. Итакъ, по моему мнѣнію, не можно ставить себя въ числѣ первыхъ писателей тому, о комъ это говорятъ такіе люди, которые, не имѣя чѣмъ заплатить трактирщику за обѣдъ, ищутъ онаго у вельможи или у стихотворца и расплачиваются обыкновенно за него пустыми восклицаніями и похвалами хозяину. Съ другой стороны, и жена его [2] расплачивается, какъ можетъ, съ гостями, которые, имѣя гибкой языкъ, ищутъ на счетъ его всѣмъ на свѣтѣ пользоваться, но, отнимши у сего парнасскаго идола его жену, то треть обожателей его исчезнетъ, отнимши повара, тогда и достальныя двѣ трети пропадутъ".—„Но вы не можете не признаться", сказалъ защитникъ, „что въ театрѣ ему всегда бьютъ въ ладоши". — „Я въ по-

[1] Срв. комедію Крылова „Проказники".

[2] Е. А. Княжнина, урожд. Сумарокова Крыловъ ее обвиняетъ въ крайнемъ распутствѣ.

ловинѣ этого признаюсь“, отвѣчалъ другой, „т. е. что въ театрѣ хлопаютъ, однакожъ не ему, а актерамъ, которые подлинно достойны великой похвалы за то, что имѣютъ терпѣніе обременять свою память такими вздорными сочиненіями, которыя болѣе наносятъ труда живописцамъ [1] и машинисту, нежели сколько дѣлаютъ театру прибыли; впрочемъ, нерѣдко сихъ хлопальщиковъ привозитъ онъ въ своей каретѣ, чему свидѣтельствомъ можетъ вамъ служить“, сказалъ онъ, оборотясь ко мнѣ, „сочиненіе одного моего пріятеля“, и при семъ началъ мнѣ читать слѣдующіе стихи:

Сказка.

Ко славѣ множество имѣемъ мы путей.
Гомеръ хвалить себя умѣлъ весь свѣтъ заставить;
А Ринокрадъ, чтобы вѣрнѣй себя прославить,
Нажилъ себѣ жену, а женушка дѣтей,
Которы въ зрѣлищахъ, и кстатѣ и не кстатѣ,
Въ ладони хлопая, кричатъ согласно: тягѣ.
Но сколь немного женъ есть вѣрныхъ, знаетъ свѣтъ;
Не на Лукрецію [2] и нашъ нашелъ поэтъ.
Онъ видитъ это самъ. Постуики Тараторы [3]
Между пріятелей ея заводятъ ссоры.
Чтобъ отомстить за то, чего не могъ сберечь,
Хоть одного изъ нихъ онъ хочетъ подстеречь.
Желанны дни пришли! онъ видитъ очень ясно,
Что онъ себя считалъ въ рогатыхъ не напрасно.
„Измѣнница!“ кричитъ, „того ль достоинъ я!
Увы! гдѣ дѣлась честь! гдѣ слава вся моя!“
Жена въ отвѣтъ ему: „для этой самой славы
Немного рушу я супружески уставы;
Съ партеромъ перервать я твой хотѣла споръ,
Гдѣ вѣчно на тебя всеміри й заговоръ;
Завистниковъ тебѣ, ты знаешь, тамъ не мало,
Но нынѣ тщаніемъ моимъ ихъ менѣ стало.

---

[1] Декораторамъ.

[2] Лукреція, оскорбленная Тарквиніемъ, не перенесла безчестія и убила себя.

[3] Срв. „Проказники“.

Я многіе тебѣ достала голоса".
„Любезная жена! ты строишь чудеса!"
Вскричалъ поэтъ: „такъ будь моимъ ты Аполлономъ,
И лавры мнѣ плети; въ рогахъ я не съ уропомъ.
Въ нихъ выгоды себѣ я вижу лишь одни;
Тѣмъ болѣ голосовъ, чѣмъ болѣ мнѣ родни" ...

„Государь мой!" вскричалъ защитникъ Ринокрада: „если вы не перестанете читать свои пакостные стихи, то я вамъ дядюшкиными сочиненіями проломлю голову" [1], и въ то же самое время вооружился онъ всѣми пятью томами сочиненій Ринокрада [2], которыя искусный книгопродавецъ переплелъ въ одну крышу, чтобы придать имъ болѣе величественнаго вида. Такой зарядъ не могъ не ужаснуть его противника, который спрятался за три кипы сихъ сочиненій, назначенныхъ къ продажѣ на вѣсъ, и увертkою своею сдѣлалъ сей четверной зарядъ безполезнымъ: съ него спибло одну только шляпу, а голова его получила спасеніе отъ тѣхъ же самыхъ сочиненій, на которыя такъ сильно онъ возставалъ. Племянникъ Аполлоновъ, ободренный его побѣгомъ, ругалъ его всячески и ожидалъ храбро вылазки, а между тѣмъ, несмотря на просьбы лавошника, бомбардировалъ его крѣпость связками новыхъ комедій и трагедій. Гарнизонъ не трусилъ съ своей стороны, и уже, перебросавъ всѣ огромные переводы, принимался за 16 томъ сочиненій здѣшней Академіи [3], какъ лавошникъ остановилъ ихъ, обѣщая привести полицейскихъ; тогда руки нашихъ рыцарей остановились, но языки ихъ были неутомимы, и они наговорили другъ другу столько колкаго, сколько могли

[1] Можетъ быть, имѣется въ виду П. Сумароковъ.
[2] Изданіе сочиненій Княжнина 1787 г.
[3] Россійской Академіи, которую почему то очень не любилъ Крыловъ.

выдумать. Защитникъ Ѳемокрада подошелъ подъ самыя книы дядюшкиныхъ сочиненій, чтобы сдѣлать себя тѣмъ слышнѣе своему противнику, который наблюдалъ изъ-за стѣны набросанной имъ прозы и стиховъ всѣ его движенія, и, когда сей меньше всего ожидалъ, онъ, собравъ всѣ свои силы, повалилъ на него всѣ тѣ книы однимъ разомъ. Бѣдный защитникъ думалъ, что на него весь міръ обрушился, хотя не болѣе на немъ было, какъ 1192 экземпляра 5 томнаго изданія. Онъ визжалъ, какъ собака, у которой придавило лапу, и самымъ жалкимъ голосомъ просилъ себѣ помощи; хозяинъ же сказки [1] между тѣмъ скрылся, оставя ее у меня въ рукахъ. Послѣ сего вытащили кое-какъ бѣднаго племянника, проклинающаго старика, себя и дядюшкины сочиненія, которыя едва не задавили его до смерти, и онъ наслу поплелся изъ лавки, заканчаясь во весь свой вѣкъ заглядывать къ книгопродавцамъ. Бѣдный лавошникъ укладывалъ опять разбросанныя книги, которыя въ первый разъ увидѣли было свѣтъ, и божился мнѣ, что многимъ изъ нихъ никогда такого разбору не было, какъ во время сего сраженія. „Для чего жъ здѣсь мало хорошихъ книгъ?“ спросилъ я у него. — „Для того, сударь, — отвѣчалъ онъ мнѣ, „что здѣсь множество авторовъ, какъ кажется, болѣе занимаются не тѣмъ, чтобы что-нибудь написать, но чтобы что-нибудь напечатать и посѣшить всенародно объявить, что они невѣжи. Страсть къ стихотворству здѣсь сильнѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ, но страсти къ истинѣ и къ красотамъ очень мало въ сочинителяхъ, отъ того то здѣсь нѣтъ хорошихъ книгъ, но множество лавокъ завалены бреднями худыхъ стихотворцевъ“.

— —

[1] Т. е. приведеннаго выше стихотворенія.

Письмо XXXI.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Размышляя о многихъ страстяхъ, обладающихъ сердцами человѣческими, я почитаю изъ всѣхъ гнуснѣйшею ревность. Подумай, почтенный Маликульмулькъ, сколько мученій долженъ сносить мужъ отъ ревности своей жены! По справедливости можно заключать, что между мужьями, бывающими жертвою ревниваго права своихъ женъ, большая часть должны приписывать претерпѣваемое ими отъ того мученіе большіе надменности женскаго пола, нежели ихъ любви, вѣрности и постоянству; и ежели разсмотрѣть, что женщины самыя распутныя часто бываютъ самыми ревнивѣйшими, то не трудно будетъ увѣриться въ сей истинѣ. Сколько знатныхъ и почтенныхъ мужей всѣмъ жертвовали своимъ женамъ, которыя за то платили имъ невѣрностію и вѣроломствомъ, и предпочитали имъ солюбовниковъ, гораздо хуже ихъ и рожденіемъ и достоинствомъ. Сіи женщины, будучи отъ природы вѣтрены и непостоянны, послѣдовали движеніямъ различныхъ страстей, надъ сердцами ихъ владычествующихъ; а потому и не должно удивляться таковымъ ихъ поступкамъ. Любовь, дѣлающая всѣхъ людей равными, часто побуждаетъ вѣтреныхъ женщинъ жертвовать знатными и достойными людьми любовникамъ, ничего не значащимъ; но тщеславіе приводитъ ихъ въ мучительное терзаніе, когда онѣ, усмотря ихъ измѣну, захотятъ свергнуть съ себя ихъ оковы и освободиться отъ ихъ рабства.

Несчастливъ тотъ мужъ, который женатъ на женѣ богатой и знатной фамиліи: она, думая, что сосла-

вила все его благополучіе, непрестанно желаетъ надъ нимъ господствовать: не даетъ ему никакой власти въ своемъ имѣніи, и онъ часто принужденъ бываетъ сносить ея упреки. Если когда употребитъ онъ хотя самую малость изъ ея денегъ на необходимыя свои нужды, то она съ досадою и бѣшенствомъ ему говоритъ: „ты мотъ! ты хочешь расточить все мое имѣніе; я съ тобою разведусь; я принужу тебя заплатить мнѣ все, что взялъ ты за мною въ приданое, и ежели ты не согласишься добровольно со мною развестись, то я буду на тебя просить правосудія; моя родня за меня вступится и не допуститъ до того, чтобъ такой мужъ, который долженъ бы былъ почитать себя очень счастливымъ, женясь на столь богатой и знатной женѣ, какова я, ее разорялъ и расточалъ ея имѣніе“.

Такимъ образомъ, почтенный Малькульмулькъ, говоритъ очень многія жены, давая чувствовать по нѣскольку разъ въ каждый день своимъ мужьямъ то несчастное преимущество, которое онѣ имъ доставили знатностію своего рода, и принеся съ собою богатое приданое.

Безъ сомнѣнія, многіе мужья, для избѣжанія такихъ несносныхъ упрековъ, пожелали бы отъ всего сердца взять за себя жену въ одной рубашкѣ, а, можетъ быть, согласились бы взять и въ такомъ состояніи, въ какомъ предстала Евва предъ Адама. „По крайней мѣрѣ“, сказали бы они, „такая жена не станетъ насъ упрекать своимъ богатствомъ, которое ни къ чему больше служить намъ не можетъ, какъ сдѣлаетъ жертвою своенравной и гордой жены, желающей надъ нами господствовать“.

Но сколь ни бѣдственна участь сихъ несчастныхъ мужей, однакожъ гораздо меньше сожалѣнія достойна, какъ судьба тѣхъ жалкихъ супруговъ, ко-

торыхъ порокъ совѣмъ противной, гнусной скупости въ короткое время повергаетъ въ совершенную нищету. Каково должно быть мученіе мужа, который, будучи обремененъ многочисленною семьею, видитъ все свое имѣніе, расточаемое на увеселительныя пиры, на разныя забавы и на великолѣпные модные уборы! Ежели онъ осмѣлится напомянуть женѣ, что таковыя издержки могутъ, наконецъ, истощить все ихъ имѣніе, и если захочетъ употребить какія средства къ прекращенію сего злоупотребленія, то какимъ подвергнетъ себя жестокимъ браняхъ и ругательствамъ? Тогда упрекаютъ его въ скупости; ему причитается въ вину разумная его бережливость, и приводятъ въ примѣръ многихъ другихъ слабыхъ и безпечныхъ мужей, которые спокойно и не говоря ни слова позволяютъ женамъ себя разорять. Итакъ, что долженъ онъ въ такомъ случаѣ предпринять для освобожденія себя отъ сего мучительнаго безпокойства? Безъ сомнѣнія, не найдетъ онъ никакого къ тому способа. Если согласится дать волю своей женѣ, то сдѣлается совѣмъ разореннымъ, а ежели будетъ продолжать дѣлать ей всевозможныя сопротивленія, то какому мученію чрезъ то себя подвергнетъ! Слѣдственно, противъ воли принужденъ бываетъ опредѣлить себя къ сношенію несносныхъ терзаній. Онъ долженъ жить съ такою фуріею, которая удобно можетъ найти разные способы получать то, въ чемъ ей отказываютъ. Сей бѣдный мужъ почитаетъ еще особливымъ для себя счастіемъ, если она будетъ довольствоваться однимъ только расточеніемъ его имѣнія и не постарается сыскать себѣ какого щедраго любовника, который снабжалъ бы ее всѣмъ тѣмъ, что нужно ей на ея забавы и на драгоцѣнные наряды.

Цѣломудріе есть такая добродѣтель, которую многія худыхъ склонностей женщины почитаютъ пустою мечтою; а тѣ, которыя рождены въ лучшемъ состояніи и воспитаны по правиламъ нынѣшняго свѣта, первыя презираютъ благопристойность. Онѣ нечувствительно привыкаютъ слышать забавныя шутки о невѣрности и вѣроломствѣ, и думаютъ, что на оныя онѣ и сами должны отвѣчать такими же шутками. Сіе правило хотя довольно легко, однакожъ нимало не служитъ къ исправленію нравовъ. Есть такія вещи въ свѣтѣ, о которыхъ никогда не надлежало бы говорить иначе, какъ съ благопристойностію, ибо безъ того рано или поздно войдетъ въ обычай, что не будетъ никакого порочнаго поступка, который не былъ бы извиняемъ, и всякая насмѣшка принимаема будетъ съ похвалою. Удивительно, что и самые нынѣшняго вѣка писатели одобряютъ сей вредный обычай: многіе знаменитые авторы часто давали пріятный оборотъ дѣламъ самымъ распутнѣйшимъ, и хотя ихъ забавныя сочиненія не совсѣмъ заглаживаютъ гнусность порока, однакожъ по крайней мѣрѣ представляютъ его не столь омерзительнымъ, а тѣмъ самымъ поощряютъ женщинъ принимать охотно сіи правила, которыя укореняютъ въ нихъ пороки и распространяютъ ихъ своеволіе.

Письмо XXXII.

Отъ Астарота къ волшебнику Малькульмульку.

Строгое приказаніе моихъ начальниковъ, премудрый Малькульмулькъ, принудило меня, оставя мрачное наше жилище, вылетѣть на поверхность земли. Мнѣ велѣно было со всевозможною поспѣшностью летѣть на помощь къ нѣкоторому приказному крюч-

котвору, который приговорен былъ къ висѣлицѣ. Соблюдая выгоды адской нашей политики, непремѣнно должно было стараться, чтобъ сей человѣкъ болѣе прожилъ на свѣтѣ, ибо, наслаждаясь пріобрѣтеніями своихъ плутней и утопая въ изобиліи, побуждалъ онъ чрезъ то и прочихъ людей слѣдовать своему примѣру. По счастію, нашелъ я его еще неповѣшеннаго. Итакъ, съ помощію золота, которымъ запасся я при отправленіи моемъ изъ ада, не трудно мнѣ было вѣсы правосудія преклонить на свою сторону. Могуществомъ сего прелестнаго и ослѣпляющаго глаза смертныхъ металла сдѣлалъ я то, что бѣднякъ не только освобожденъ былъ отъ всякаго наказанія, но и остался при своей должности, гдѣ, надѣюсь, по старой привычкѣ, не преминетъ онъ грабить и разорять своихъ ближнихъ такъ, какъ и прежде.

Послѣ сего, зная, что возвратное мое въ адъ путешествіе не требовало уже никакой поспѣшности, вздумалось мнѣ побывать въ публичномъ саду того города, въ которомъ я тогда находился. Сдѣлавшись невидимымъ, забрался я въ стоящую на концѣ большой аллеи бесѣдку, откуда свободно могъ все видѣть.

Разнообразіе какъ въ одеждѣ, такъ и въ поступкахъ прохаживающихся тамъ людей представляло весьма странное для глазъ моихъ зрѣлище. Множество разнополосыхъ нетиметровъ, собравшись толпою, бѣгали, припрыгивая, по всѣмъ дорогамъ, толкали всѣхъ, кто имъ ни попадался, заглядывали безстыднымъ образомъ въ лицо каждой женщинѣ, и произносили во все горло рѣшительные свои приговоры о ихъ пригожствѣ. Добренькія старушки, желая сбыть поскорѣе съ рукъ своихъ дочерей и племянницъ, привозили ихъ туда на показъ мущинамъ.

Модныя вертопрашки, истощивъ все свое искусство въ щегольскихъ нарядахъ и протвердивъ заранѣе передъ зеркаломъ всѣ новоизобрѣтенныя ими ужимки и коверканье, съѣзжались туда съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы весь свѣтъ воздвигалъ жертвенники поддѣланнымъ ихъ прелестямъ. Нововыѣзжій Донъ-Кишотъ, останавливая съ грознымъ видомъ всѣхъ съ нимъ встрѣчающихся, разсказывалъ съ восторгомъ, какимъ образомъ, посредствомъ сильныхъ своихъ мышцъ, выломилъ онъ одни городскія ворота, и находящійся тамъ гарнизонъ принужденъ былъ весь побить кулакомъ безъ всякой пощады, потому что въ запальчивости позабылъ свое оружіе въ галерѣ. Онъ воспѣвалъ самъ себѣ похвалы съ такимъ восхитительнымъ краснорѣчіемъ, что всѣ удивлялись его безстыдству [1].

Безконечно бы было, премудрый Маликульмулькъ, еслибъ началъ я описывать различныя глупости многихъ попадавшихся мнѣ тогда шалуновъ, ибо пристрастія и пороки, коимъ порабощены большая часть земныхъ обитателей, не могутъ быть исчислены, а скажу только, что сдѣланное мною замѣчаніе о всѣхъ вообще прогуливающихся тамъ людяхъ привело меня въ крайнее удивленіе. Всѣ они, пришедъ въ сіе мѣсто, принимали на себя веселый видъ, и всякой, судя по наружности, могъ бы ихъ почесть счастливыми, но какъ мы имѣемъ способность проницать во внутренность сердецъ человѣческихъ, то мнѣ не трудно было примѣтить, что петиметръ, не взирая на всѣ свои веселые прыжки, ощущаетъ во внутренности своей души адское мученіе, воображая страшную ту минуту, когда безжалостные занмодавцы,

[1] Срв. выше письмо 26. Вообще подобный типъ хвастуна не разъ встрѣчается въ сочиненіяхъ Крылова.

потерявъ терпѣніе, заграбятъ послѣдніе остатки промотаннаго имъ имѣнія, и, для благонадежности въ уплатѣ достальныхъ долговъ, посадятъ его, можетъ быть, на всю его жизнь въ тюрьму. Престарѣлыя кокетки, украсившія себя притворнымъ видомъ кротости, набожности и душевнаго спокойствія, терзаются внутренно, воспоминая то счастливое время своей молодости, въ которое окружены онѣ были толпою воздыхателей: онѣ съ прискорбіемъ взираютъ на пригожство взрослыхъ своихъ дочерей и, почитая ихъ соперницами, которыя ничѣмъ другимъ, какъ только одною своею молодостію затмѣваютъ созрѣлыя ихъ прелести, всѣми силами стараются, чтобъ, сбывъ ихъ поскорѣе съ рукъ, приняться опять за старое свое волокитство. Новонапечатанный герой, по увѣренію котораго, кажется, нѣтъ ничего такого въ свѣтѣ, чего бы онъ могъ устрашиться, предузнавая, что въ слѣдующій походъ долженъ онъ будетъ показывать храбрость свою не на словахъ только, но въ самомъ дѣйствіи, трепещетъ отъ всего сердца, воображая ужасный для трусости своей видъ кровопролитнаго сраженія, гдѣ не всегда можно найти безопасное убѣжище за каменьями или подъ фурманомъ [1], и для того мыслитъ безпрестанно, какъ бы, употребя посредство своего дядюшки, у коего находится онъ подъ особымъ покровительствомъ, отъ того отдѣлаться. Ему кажется гораздо безопаснѣе, пребывая внутри своего отечества, удостовѣрять свѣтъ о своей неустрашимости, дѣлая разныя шалости въ домахъ у публичныхъ красавицъ или разбивая ночью фонари по улицамъ, нежели идти за границы сражаться съ свирѣпымъ непріятелемъ.

[1] Фургономъ? Фурманъ—извощикъ.

Вотъ, почтенный Маликульмулькъ, малая картина тѣхъ людскихъ безпокойствъ и печалей, которыя стараются они подъ притворнымъ видомъ веселости скрывать другъ отъ друга.

Теперь разскажу тебѣ, что, находясь въ семъ мѣстѣ, не преминулъ я, по обыкновенію моему, сыграть со всѣми находящимися тамъ людьми небольшую шутку. Ты знаешь, что для насъ нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ возмущать и причинять всякое зло земнымъ обитателямъ.

Могуществомъ моего чародѣйства повелѣлъ я возстать вдругъ жестокой бурѣ. Въ одну минуту небо покрылось мрачными облаками, и сильный дождь, какъ рѣка, полился изъ оныхъ. Представь себѣ, премудрый Маликульмулькъ, каково было тогда смятеніе всѣхъ, кто тамъ ни былъ, а особливо ничто не могло сравняться съ досадою и безпокойствомъ тѣхъ высокопарныхъ и вертлявыхъ существъ, которыя все достоинство человѣка поставляютъ только въ прическѣ волосъ и въ богатыхъ уборахъ: они нарочно пріѣхали было на сіе гулянье съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ блеснуть новомодными своими кафтанами, но вдругъ увидѣли, что какъ оные, такъ и чудное зданіе, воздвигнутое на ихъ головахъ французскими парикмахерами, отъ дождя и отъ пыли совершенно были испорчены! Съ великимъ удовольствіемъ также смотрѣлъ я на нѣкоторыхъ женщинъ, которыя, укрываясь отъ непогоды, бѣжали опрометью къ своимъ каретамъ, но между тѣмъ, поражены будучи звукомъ сильнаго громоваго удара, упадали въ обморокъ, а какъ всякой помышлялъ тогда о своей собственной безопасности, то за недостаткомъ услужливыхъ щеголей, которымъ, слѣдуя обычаю нынѣшняго свѣта, надлежало бы въ семъ случаѣ ихъ поддерживать,

принуждены онѣ были валяться въ грязи, однакожъ подоспѣвшіе къ нимъ на помощь ихъ служителя, вытащивъ оттуда, развезли всѣхъ по домамъ.

Такимъ то образомъ, восхищаясь моею шуткою, посредствомъ которой причинилъ я столько зла людямъ, а особливо щеголямъ и щеголихамъ, и видя, что всѣ они въ страхѣ и въ превеликомъ неудовольствіи на неудачное свое гулянье разбѣжались, утишилъ я бурю и дню возвратилъ прежнее его сіяніе.

Между множествомъ сорванныхъ съ головъ вѣтромъ женскихъ шляпокъ и растерянныхъ ими въ безпамятствѣ опахаловъ и проч. попалась мнѣ потерянная записная книжка. Судя по содержанію находящихся въ ней бумагъ, принадлежала она, безъ сомнѣнія, какому-нибудь не беззнатному человѣку. Я препровождаю къ тебѣ, почтенный Миликульмулькъ, одно вынутое мною изъ оной письмо, которое, кажется мнѣ, достойно твоего любопытства, и надѣюсь, что оно тебѣ понравится.

„Милосердый Государь, отецъ, милостивецъ и благодѣтель!

Съ неизглаголанною и неудобьизъясненною радостію получилъ я нижайшій отъ В. П. извѣстіе, что милостію всещедраго Творца всѣ учиненныя на знаменитую особу вашу представленія, удостовѣряющія яко бы о предосудительныхъ вашихъ для совѣсти и чести поступкахъ, совершенно вами опровержены, и что могущество В. П., яко гора Сіонъ, пребудетъ непоколебимо и во вѣки не подвижется. Сіе не точію мнѣ, но и всѣмъ тѣмъ, кои состоятъ подъ высокимъ покровительствомъ В. П., вельми пріятно, понеже по благоутробію вашему не только вы сами, но и клевреты, вамъ порабощенные, со избыткомъ

насыщаются отъ крупицъ, падающихъ съ богатой и никогда неоскудѣвающей трапезы В. П.

При семъ уповая на премногое множество и яко изъ неисчерпаемаго кладезя изліянныхъ на меня вами благодѣяній осмѣливаюсь представить благоразсмотрительному оку В. П. слѣдующій воспослѣдовавшій со мною казусъ.

Въ недавно прошедшемъ времени нѣкоторые мои недоброхоты, подъ руководствомъ судьи Правдина и секретаря Честона (я думаю, что надъ именами ихъ давно уже въ записной книжкѣ В. П. поставлены нолики), учинивъ межъ собою скопище и заговоръ, представили на меня правительству, яко бы я, имѣя пристрастіе къ акциденціи,[1] рѣшу всѣ дѣла противно государственнымъ узаконеніямъ, и будто бы жадность моя къ гнусному обогащенію столь велика, что заставляю челобитчиковъ платить себѣ съ числа людей и земли особоучрежденную отъ меня подать. Вслѣдствіе сего ихъ донесенія полученъ въ главномъ здѣшнемъ правительствѣ указъ, коимъ наистрожайше предписывается, дабы учинить по сему дѣлу подробное разбирательство, и буде окажется, что вышереченное показаніе моихъ доношщиковъ справедливо, то бы безъ малѣйшаго упущенія, въ страхъ другимъ, велѣть начертать на хребтѣ и на ланитахъ моихъ знаки беззаконія, и отослать послѣ въ вѣчное заточеніе.

А понеже, по слабости, свойственной всѣмъ человѣкамъ, беззаконія превзыдоша главу мою, и поелику не нахожу я за нужное дѣлать въ чемъ-либо предъ В. П. укрывательство, того ради, страшась, да не наполнятся лядвія мои веліяго и всенароднаго поруганія, возымѣлъ я смѣлость прибѣгнуть подъ вы-

[1] Взятка.

сокое ваше покровительство. Сію дерзость воспріялъ я болѣе потому, что все мною учиненное происходило не отъ другихъ какихъ причинъ, но единственно отъ чрезмѣрнаго усердія къ пріумноженію собственныхъ интересовъ В. П. Чего ради ласкаю себя надеждою, что сильнымъ вашимъ предстательствомъ донос моихъ враждебниковъ отосланъ будетъ такъ же, какъ и всѣ неоднократно уже бывшія на меня показанія, въ архивъ, для преданія вѣчному забвенію, злодѣи же мои, искавшіе моей погибели, да падутъ въ яму, юже мнѣ ископать хотѣли. Симъ вящше возбужденъ я буду къ дальнѣйшему продолженію всевозможныхъ моихъ стараній о доходахъ В. П. На сей же разъ осмѣлился къ вамъ, милосердый отецъ, съ вручителемъ сего копеистомъ[1] Грошевниковымъ послать 2000 рубл. Прошу милостиваго принятія, да и впредь, аще только изволеніемъ вашимъ оставленъ буду при прежнемъ моемъ мѣстѣ, то съ помощію всѣхъ благъ Подателя не премину стараться о таковыхъ же доставленіяхъ. Впрочемъ, со всераболѣпнѣйшимъ почтеніемъ, дондеже грѣшная моя душа пребудетъ въ изможденномъ денноночными трудами тѣлеси, есмь,

Премногомилосердный Отецъ!

Вашъ нижайшій, преданнѣйшій и усерднѣйшій слуга

Евстратъ Хапкинъ.

Письмо XXXIII.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Во время странствованія моего по различнымъ землямъ, когда я вижу, почтенный Маликульмулькъ,

[1] Чиновникомъ, снимавшимъ копіи съ бумагъ.

что по большей части счастливыми бываютъ многіе люди такіе, которые совсѣмъ глупы, не имѣютъ ни-мало здраваго разсудка и почти уподобляются несмысленнымъ скотамъ, тогда съ крайнимъ прискорбіемъ размышляю о тѣхъ трудахъ и попеченіяхъ, которымъ предаются люди, въ наукахъ упражняющіеся, единственно для того, чтобъ имя свое сдѣлать безсмертнымъ. Сколько горестей и скорбей большая часть изъ нихъ претерпѣваетъ! Надобно думать, что желаніе проникнуть въ глубокій мракъ столькихъ протекшихъ вѣковъ имѣетъ въ себѣ нѣчто чрезмѣру гестное, для побужденія ихъ жертвовать оному, безъ всякаго сожалѣнія, тѣмъ драгоцѣннѣйшимъ временемъ, которымъ надлежало бы съ удовольствіемъ наслаждаться.

Изъ числа немногихъ лѣтъ, которыя природа предназначила для продолженія жизни человѣческой, надлежитъ исключить первыя пятнадцать, кои проходятъ или въ незрѣломъ младенчествѣ, или въ изнурительныхъ трудахъ, употребляемыхъ при воспитаніи; когда же человѣкъ достигаетъ свыше шестидесяти лѣтъ, тогда уже жизнь его бываетъ для него тягостна, ибо разумъ вмѣстѣ съ тѣломъ въ то время ослабѣваютъ и подвергаются различнымъ немощамъ и болѣзнямъ. Итакъ, въ настоящей жизни человѣческой, считая отъ пятнадцати лѣтъ до шестидесяти, не болѣе можно полагать, какъ сорокъ пять лѣтъ, и сіе то столь краткое и столь драгоцѣнное время учеными людьми провождается въ напрудніѣйшихъ упражненіяхъ, за кои часто весьма малую получаютъ они награду, и кои не подаютъ имъ никакого другого утѣшенія, кромѣ единой надежды, что имя ихъ предано будетъ незабвенной памяти будущимъ потомкамъ.

Надлежитъ признаться, любезный Маликульмулькъ, что науки, когда кто въ нихъ достигнетъ до того, что преодолѣетъ всѣ затрудненія, во оныхъ находящіяся, имѣютъ въ себѣ нѣчто чрезвычайно лестное, и что геометръ и физикъ, трудясь двадцать лѣтъ съ ряду съ неусыпными попеченіями, почитаютъ себѣ великою наградою открытіе нѣкоторыхъ истинъ, дотолѣ имъ неизвѣстныхъ; но ежели бы они проникли во внутренность сердецъ своихъ, то сами бы усмотрѣли, что побуждаетъ ихъ изыскивать съ толикою прилежностію сіи новыя истины болѣе надежда прославить свое имя, нежели то удовольствіе, что трудами своими извлекли они ихъ изъ той мрачной неизвѣстности, въ коей онѣ до того времени оставались погруженными. Еслибы они совершенно были увѣрены, что имъ только однимъ оныя ихъ изысканія будутъ извѣстны, и что никогда не будетъ имъ позволено никому открыть сію тайну, то сомнѣваюсь, чтобъ пожелали купить сіе познаніе несносными своими трудами, продолжающимися нѣсколько лѣтъ съ ряду.

Хотя философы и ученые говорятъ непрестанно о презрѣніи славы, о мудрости и о спокойствіи душевномъ, однакожъ, не взирая на всѣ ихъ прекрасныя и высокопарныя изреченія, утвердительно можно сказать, что еслибы они не были къ тому подстрекаемы тщеславіемъ, то невѣжество и понынѣ господствовало бы надъ всѣмъ родомъ человѣческимъ, и что единое токмо желаніе отличиться отъ простыхъ и неученыхъ людей, превзойти знаніемъ своихъ современниковъ и заставить всѣхъ взирать на себя со удивленіемъ было причиною, что древніе вѣки прославлялись Аристотелями, Платонами, Софоклами, Эврипидами и Димосѳенами. Сему единому жела-

нію и нынѣшнія времена одолжены произведеніемъ тѣхъ великихъ мужей, кои учинились знаменитыми чрезъ свои высокія и изящнѣйшія творенія.

Еслибы всѣ различныхъ родовъ ученые ничего болѣе не имѣли своимъ предметомъ, какъ изучаться нравственнымъ добродѣтелямъ и усовершенствовать себя въ мудрости, то всѣ ихъ попеченія ограничивались бы познаніемъ самихъ себя. Они не старались бы измѣрять небеса, не изслѣдовали бы теченія планетъ, не углублялись бы въ разсмотрѣніе различныхъ произведеній природы, не вникали бы въ раздробленіе ихъ внутреннихъ частей и не тщились бы проницать даже до познанія тягости воздуха. „Все сіе," сказали бы они, „не нужно къ нашему намѣренію, ибо къ какому предмету стремимся мы нашимъ познаніемъ? Не къ тому ли, чтобъ искать способовъ учиниться благополучными и быть полезными для блаженства другихъ человѣковъ? Итакъ, будемъ обучаться только тому, что можетъ послужить къ содѣланію насъ добродѣтельнѣйшими, и сообщимъ нашимъ собратіямъ и нашимъ согражданамъ наши мудрыя размышленія. Какую пользу пріобрѣтутъ они отъ познанія того, что въ природѣ нѣтъ пустоты, и что земля обращается около солнца? Сіе не учинитъ ихъ ни кротчае, ни снисходительнѣе, ни добродѣтельнѣе, ни спокойнѣе, ниже блаженнѣе. И самые невѣжды, совсѣмъ не знающіе, чему научаетъ ихъ природа, будучи вспомоществуемы нѣкоторыми токмо слабыми и всеобщими понятіями, часто бываютъ гораздо благополучнѣе людей, въ наукѣ углубляющихся. Сколько есть такихъ художниковъ, кои, спокойно упражняясь въ своихъ художествахъ, живутъ безъ всякаго честолюбія посреди своихъ семействъ съ большею пріятностію и удовольствіемъ, нежели величайшіе

любомудры, затворенные въ своихъ кабинетахъ и окладенные книгами, въ коихъ писано о презрѣніи славы? Итакъ, не наука дѣлаетъ людей благополучными, а честность и добрая совѣсть. Физика, метафизика, риторика—всѣ сіи науки не раждаютъ истинной мудрости, ибо оная иногда встрѣчается и у низкаго ремесленника, и у хлѣбопашца, почему и надлежитъ ее искать тамъ, гдѣ она находится, и лучше чтитъ спокойное и кроткое невѣжество бѣднаго художника, нежели тщетныя и безполезныя познанія тщеславнаго любомудра и высокопарнаго витіи."

По истинѣ, любезный Маликульмулькъ, еслибы ученые, трудящіеся съ толикою прилежностію о сообщеніи людямъ пріобрѣтенныхъ ими познаній, не инымъ чѣмъ были къ тому побуждаемы, какъ единою любовію къ мудрости, то, конечно, не преминовали бы они дѣлать подобныя симъ размышленія, и, безъ всякаго сомнѣнія, увѣрились бы въ томъ, что во сто разъ полезнѣе научать людей способу жить благополучными и спокойными, нежели гоняться за открытіемъ нѣкоторыхъ такихъ истинъ, коихъ познаніе совсѣмъ безполезно, и при томъ пріобрѣтается безконечными трудами. Они бы имъ говорили просто: „Воспользуйтесь настоящими минутами вашей жизни, будьте добродѣтельны, исполняйте съ раченіемъ возложенныя на васъ должности и не теряйте безплодно сихъ драгоцѣнныхъ минутъ, которыхъ вы никогда возвратить не можете. Время протекаетъ, и если сердце ваше не возмущается внутренними угрызеніями отъ учиненія какихъ-либо злодѣяній, и если слѣдуете вы закону честности, то имѣете въ жизни вашей все, что потребно для пріятнѣйшаго услажденія. Упражненіе въ безполезныхъ наукахъ ни къ чему болѣе вамъ не послужитъ, какъ похититъ у

васъ настоящее благо, питая васъ тщетною надеждою о пріобрѣтеніи будущаго мечтательнаго блаженства. Истинные мудрецы ни въ чемъ нужды не имѣютъ, а тщеславные любомудры за все хватаются и во всемъ чувствуютъ недостатокъ. Ежели вы постараетесь спокойно наслаждаться тѣми благотвореніями, коими Небо васъ одарило, тогда ваше благополучіе будетъ въ рукахъ вашихъ, и вы только должны будете дѣлать изъ него полезнѣйшее употребленіе. Участь человѣческая была бы весьма несчастна, когда бы благополучіе каждаго зависѣло отъ познанія такихъ вещей, которыя для него совсѣмъ чужды.

Напротивъ, любезный Маликульмулькъ, ученые совсѣмъ не такимъ образомъ подаютъ людямъ свои наставленія: они весьма отъ того отдалены, чтобъ говорить имъ таковыми словами, и тѣ, которые бы такъ говорили, подобны бы были купцамъ, осуждающимъ свои товары, а, вмѣсто того, всякой ученой старается превозносить до небесъ ту науку, въ которой онъ упражняется, и желалъ бы при прославленіи ея помрачить всѣ науки.

Риторъ хотя и хвалитъ, однакожъ весьма слабо философію: по его мнѣнію, наивеличайшее превосходство человѣческаго разума состоитъ въ дарованіи увѣрять людей силою краснорѣчія и трогать сердца благороднѣйшими выраженіями. Философъ, напротивъ того, почитаетъ ритора пустословомъ, коего всѣ рѣчи ничего въ себѣ не заключаютъ, кромѣ пустого звука, по воздуху разносящагося, и никакой не приносятъ пользы тѣмъ слушателямъ, которымъ болѣе потребенъ здравый разсудокъ, нежели блистательныя выраженія. Подобно физику, онъ даже совершенно осуждаетъ и самое употребленіе риторской науки,

которая, по его мнѣнію, приноситъ болѣе вреда, нежели пользы. Нѣкто изъ знаменитыхъ скептическихъ философовъ, говоря о риторахъ, сказалъ: „Тѣ, которые вымыслили намазывать лицо женщинѣ разными притираніями и дѣлать изъ него маску, не столько причинили зла въ свѣтѣ, какъ высокопарные витіи, которые стараются обольщать не глаза наши, но нашъ разсудокъ, и тѣмъ перемѣняютъ, ослабляютъ и повреждаютъ самую сущность вещей". Республики, учредившія у себя порядочное и благоустройственное правленіе, какъ то Критская и Лакедемонская, немного уважали ораторами и витіями.

Сія страсть, столь свойственная ученымъ, чтобъ не похвалять никакую другую науку, въ которой они не упражняются, не служитъ ли явнымъ доказательствомъ, что тщеславіе, желаніе пріобрѣсти себѣ отъ всѣхъ уваженіе и честолюбіе бываютъ главнѣйшимъ побужденіемъ въ неусыпныхъ ихъ трудахъ, нежели любовь къ истинной мудрости? Еслибы они трудились только для того, чтобъ подавать наставленіе людямъ, или еслибы упражнялися въ наукахъ совершенно полезныхъ или въ такихъ, которыя раждаютъ собою болѣе любопытства, нежели приносятъ прибытка, тогда хвалили бы равно всѣ науки и не давали бы нималаго преимущества той, въ которой почитаютъ себя больше другихъ людей знающими. Но поелику думаютъ они, что если люди болѣе будутъ уважать ту науку, въ которой они себя отличили, то чрезъ то и къ нимъ самимъ будутъ имѣть больше почтенія, ибо тогда самолюбіе побудитъ людей пользы ихъ соединять съ собственными своими пользами, а потому философъ думаетъ, что чѣмъ болѣе философія будетъ въ почтеніи, тѣмъ и онъ болѣе будетъ уважаемъ. Историкъ, стихотворецъ и

риторъ такія же имѣютъ мысли: каждый изъ нихъ другъ предъ другомъ съ вящшимъ напряженіемъ своихъ силъ старается выхвалять, одинъ исторію, другой стихотворство, а третій риторику.

Любовь къ мудрости, почтенный Маликульмулькъ, не желаетъ быть превозносима похвалами. Человѣкъ, который хочетъ только быть полезнымъ своимъ согражданамъ, не показываетъ къ себѣ нималаго пристрастія къ отличнымъ почестямъ и уваженіямъ, каковыя обыкновенно оказываются тѣмъ, кои подаютъ людямъ свои наставленія, служащія къ украшенію ихъ разума и къ исправленію ихъ сердца. Суетное тщеславіе, желаніе блистать своими дарованіями и быть предпочтенными своимъ совмѣстникамъ никогда не возбуждаютъ въ нихъ такихъ безкорыстныхъ чувствъ, а вмѣсто оныхъ раждаютъ самолюбіе и зависть, которыя хотя и бываютъ сокрыты, однакожъ не менѣе жестоки. Сіи то страсти по большей части бываютъ причиною той малой справедливости, которую ученые обыкновенно отдаютъ одинъ другому, ибо они всегда страшатся того, чтобъ слава другого не умалила ихъ славы и не заградила бы предъ ними путь къ достиженію того безсмертія, котораго они съ толикою алчностію желаютъ. Нѣкоторые изъ числа оныхъ, для пріобрѣтенія имени своему безсмертной славы, дѣлали дѣла столь же нелѣпыя, и почти, можно сказать, столь же безумныя и порочныя, каковое учинилъ Ерострать [1]. Была ли чья смерть страннѣе Аристотелевой? Не можно ли оную причесть безумному его тщеславію, когда онъ хотѣлъ показать людямъ, что лишаетъ себя жизни единственно для того, что не могъ совершенно познать таинство при-

[1] Сжегшій для того, чтобы обратить на себя вниманіе, храмъ Діаны Ефесской.

роды? А сей другой философъ Эмпедоклъ не долженъ ли такъ же почитаться безумнымъ, который бросился въ пучину горы Этны, оставя свои туфли, для того, чтобъ люди были извѣстны о семъ отважномъ его поступкѣ, и имя бы его сдѣлали безсмертнымъ? Онъ былъ бы несчастною жертвою своего бѣшенства, когда бы ты, почтенный Маликульмулькъ, надъ нимъ не сжалился, не спасъ бы его отъ сгорѣнія и не принялъ бы въ свой домъ, находящійся подъ Этною, гдѣ онъ живетъ спокойно, смотритъ за твоимъ домомъ и между тѣмъ забавляется чтеніемъ книгъ въ обширной твоей библіотекѣ и выписываетъ изъ нихъ нѣкоторыя полезныя замѣчанія.

Многіе ученые, которые хотя не простирали столь далеко своего тщеславія, какъ тѣ, о которыхъ я тебѣ упомянулъ, однакожъ поступки ихъ ясно доказывали, что они не менѣе сего старались возмущать свое спокойствіе, въ надеждѣ учинить имена свои безсмертными. Сколько было таковыхъ, которые ссылаемы были въ ссылку, заключалися въ темницы и лишалися всего своего имѣнія, чего могли бы они легко избѣжать, отрекшись отъ пагубныхъ своихъ сочиненій, но они лучше хотѣли лишиться всего и стенать подъ тягостными оковами или быть изгнанными изъ своего отечества, нежели истребить о себѣ память.

Но сколь ни было бы бѣдственно упорное желаніе о пріобрѣтеніи славы большей части ученыхъ, однакожъ, любезный Маликульмукъ, люди должны ихъ въ томъ извинить, въ разсужденіи получаемой отъ нихъ пользы, ибо соревнованіе, которое они одинъ противъ другого чувствуютъ, поощряетъ ихъ производить многія прекраснѣйшія творенія. Надлежитъ о нихъ болѣе соболѣзновать, что они не дѣлаютъ того единственно изъ мудрости, что дѣлаютъ

по честолюбію: люди должны благодарить самый сей порокъ, который заслуживаетъ осужденіе, ибо безъ него науки донынѣ были бы погружены во мрачной неизвѣстности.

Если какія погрѣшности могутъ быть извинительны, то безъ всякаго сомнѣнія тѣ, которыя столь искусно пріемлютъ на себя видъ мудрости, и въ коихъ не иначе, какъ по самомъ прилежномъ разсмотрѣніи, примѣтить можно ихъ несовершенство. А притомъ надлежитъ сказать и то, что не всѣ ученые безъ изъятія любовь къ славѣ и странное желаніе, чтобы съ похвалою о нихъ говорили, простираютъ до крайности. Во всѣхъ различныхъ состояніяхъ и во всѣхъ званіяхъ находится много такихъ людей, которые въ поступкахъ своихъ достигаютъ до совершенства; равнымъ образомъ есть много и ученыхъ, которые, обуздывая свои желанія, полагаютъ имъ нѣкоторыя границы и не позволяютъ себѣ преступать оныя. Хотя то совершенная правда, что всѣ жаждутъ безсмертія, однакожъ не всѣ къ достиженію онаго употребляютъ одинакіе способы и не всѣ желаютъ его купить за одинакую цѣну.

Письмо XXXIV.

Отъ гнома Вѣстодава къ волшебнику Маликульмульку.

Наконецъ, любезный Маликульмулькъ, и нашъ дворъ не уступаетъ многимъ европейскимъ дворамъ, а всему этому причиною Фурбиній, который управляетъ Прозерпиною, а Прозерпина Плутономъ, дозволившимъ, по просьбѣ жены, сему италіянцу составить свой штатъ. Онъ истощилъ весь свой разумъ, чтобы Прозерпина не имѣла никакой причины зави-

довать Европѣ. Угадывая, что ты любопытенъ слышать, какимъ образомъ происходилъ сей странный наборъ, опишу я тебѣ все это происшествіе.

Прозерпина, желая скорѣе видѣть адъ въ новомъ видѣ, докучала Плутону ежеминутно о пользѣ, какую въ сей перемѣнѣ можетъ сдѣлать Фурбиній. „Онъ“,— говорила богиня,—„плясывалъ при многихъ европейскихъ дворахъ и былъ вхожъ ко всѣмъ придворнымъ женщинамъ, которыя съ нимъ короткія имѣли знакомства, а женщины играютъ въ политикѣ не малое лицо: онѣ движутъ всѣми пружинами правленія, и чрезъ нихъ дѣлаются самыя большія и малыя дѣла. Хотя ты съ перваго взгляду и подумаешь, что мущины всѣмъ правятъ, а женщины ничего не значатъ, но очень ошибаешься и, посмотря хорошенько, увидишь, что мущины не иное что, какъ ходатаи и правители ихъ дѣлъ и исполнители ихъ предпріятій. Посему ты видишь, что Фурбиній, бывъ знакомъ съ придворными женщинами, долженъ наизусть знать политику, что такое есть дворъ, и умѣть его составить; но для исполненія сего онъ долженъ имѣть полную власть. Итакъ, душа моя, когда ты хочешь видѣть адъ въ лучшемъ состояніи, то уполномочь его и объяви по себѣ и по мнѣ первымъ начальникомъ ада“... „Перестань, богиня,—вскричалъ Плутонъ,— развѣ ты забыла, что у насъ въ адѣ множество воиновъ и философовъ, которые сочтутъ меня дуракомъ за такое объявленіе и не захотятъ признать надъ собою начальникомъ Фурбинія!“ – „Ахъ, какой ты трусъ!“ — сказала богиня, — „можно ли тебѣ бояться кого-нибудь, бывъ здѣсь самовластнымъ? спроси у тѣхъ же самыхъ воиновъ, каковы были Александръ, Юлій Кесарь и Діонисій во время ихъ царствованія на землѣ: развѣ не было въ ихъ вла-

дѣніяхъ мудрецовъ, однако, несмотря на то, дѣлали они по-своему все, что хотѣли". — „Какая разница!" — отвѣчалъ Плутонъ, — тамъ своенравный государь имѣетъ тысячу способовъ усмирять неугомонныхъ мудрецовъ и въ случаѣ нужды сбывать ихъ съ рукъ, отправляя сюда, какъ то сдѣлано съ Цицерономъ, съ Сенекою и со многими другими, [1] но мнѣ куда ихъ отсюда дѣвать? Бывши всегда съ ними, я долженъ буду терпѣть вѣчныя ихъ ропотанія?!" ... „Ропотанія противъ своего повелителя!" — вскричала съ негодованіемъ Прозерпина, — „перестань, Плутонъ, ты ужесть, какъ низко мыслишь! Если ты не знаешь, какъ отъ сего отвязаться, то заведи только хорошій присмотръ въ адѣ, и перваго, кто хоть одно слово скажетъ противъ твоихъ заведеній, отдай на исправленіе Алектонѣ [2]: ты увидишь послѣ, какъ весь адъ будетъ доволенъ, и всѣ тѣни будутъ превозносить тебя похвалами. Что нужды, будутъ ли согласны ихъ мысли съ лицомъ: это такая мелочь, въ которую непристойно входить Величеству. Отними только свободу и смѣлость у тѣней: послѣ того, хотя переодѣнь весь адъ въ шутовскія платья, заставь философовъ писать негодныя пѣсенки, вместо ихъ пѣть, а героевъ плясать, и ты увидишь, что они всѣ съ такимъ усердіемъ то будутъ исполнять, какъ будто бы родились для сего. Нужно ли, чтобы владѣтель угождалъ желанію, хотя бы и очень разумному, нѣсколькихъ милліоновъ тварей и былъ бы ихъ слугою: не гораздо ли пристойнѣе, чтобы всѣ его подданные послѣдовали его дурачествамъ? Тотъ одинъ, по моему мнѣнію, истинный владѣтель, кто можетъ по своей волѣ цѣлой народъ

[1] Умершими насильственною смертью.
[2] Одна изъ трехъ адскихъ фурій.

философовъ заставить дурачиться. Будь увѣренъ, что Фурбиній намъ въ этомъ поможетъ". — „Прозерпина!" — сказалъ Плутонъ, — „положимъ, что я сдѣлаю Фурбинія по себѣ здѣсь первымъ, но будетъ ли онъ столько уменъ, чтобы поддержать свое достоинство: впрочемъ, ты знаешь, что глупой вельможа въ глазахъ народа во сто разъ смѣшнѣе глупаго простолюдима, и если тѣни увидятъ въ числѣ моихъ приближенныхъ десять дураковъ, то большая половина ада сочтетъ и меня полоумнымъ". — „О! такъ ты не знаешь всей [1] обширности твоей власти,— отвѣчала Прозерпина, — „что же можетъ льстить болѣе владѣтеля, какъ не то, чтобъ заставить весь народъ почитать умною такую тварь, въ которой нѣтъ и золотника мозгу, а плутомъ человѣка, посвятившаго себя добродѣтели? Хотя многіе потихоньку тому смѣются, но тѣ же самые въ обществѣ послѣдуютъ усердно мнѣнію своего владѣтеля и уважаютъ, или презираютъ ту особу, смотря по его объявленію. Калигула сдѣлалъ свою лошадь сенаторомъ, и всѣ римляне оказывали ей наивозможнѣйшее уваженіе. Нынѣ сему смѣются, не примѣчая того, что потомки Калигулина коня, не теряя своей знатности, размножаются по свѣту. Можетъ быть, будущіе вѣки будутъ такъ же смѣяться нынѣшнему вѣку, какъ сей прошедшему; обыкновенно, такимъ образомъ, новые вѣки хохочутъ надъ дурачествами старыхъ, получая оныя отъ нихъ себѣ въ наслѣдство: послѣдній вѣкъ только одинъ можетъ похвалиться, что не будетъ осмѣянъ. Но какая разница, любезный Плутонъ, между тобою и Калигулою: тотъ хотя, пользуясь своимъ правомъ, могъ заставить свой на-

[1] Въ подлинникѣ „въ сей" (въ 1 изд. всей)

родъ молчать и уважать свои дурачества: но онъ, конечно, зналъ, что потомки положатъ истинную цѣну его дѣламъ, а мы съ тобою, любезный супругъ, не можемъ опасаться потомковъ: мы безсмертны и, исполняя маленькія свои прихоти, всегда будемъ въ силахъ принудить тѣней почитать шалости. Еслибы намъ вздумалось кого-нибудь взять изъ бѣшенова дома [1] и сдѣлать нашимъ первымъ министромъ, то и тогда имѣли бы мы способъ весь адъ заставить почитать его первымъ мудрецомъ во всей подсолнечной". Послѣ такихъ убѣдительныхъ доказательствъ Плутонъ не могъ болѣе противиться своей женѣ. Они удалились въ кабинетъ и съ помощію Фурбинія сочинили объявленіе о его достоинствѣ, которое немедленно отдано было Харону, чтобы онъ объявлялъ его всѣмъ новопріѣзжающимъ тѣнямъ; прибили его подлѣ Цербера, который подкусывалъ голени всѣмъ, кто осмѣливался хотя улыбнуться при чтеніи столь премудраго сочиненія, и потомъ разослали по всему аду. Тремъ фуріямъ дали также по одному экземпляру, и видъ сихъ сестрицъ, вооруженныхъ бичами, не малую придавалъ силу краснорѣчію Плутона. Ты, я думаю, любопытенъ узнать, любезный Маликульмулькъ, сію грамоту: прочти, вотъ ея списокъ.

„По изволенію судебъ, мы, повелители непобѣдимаго ада, обладатели всѣхъ помершихъ и имѣющихъ помереть племенъ земныхъ, нашему аду спокойствіе".

„Извѣстно во всемъ свѣтѣ, съ какимъ благоволеніемъ принимали и принимаемъ мы въ наше покровительство оставляющихъ оный свѣтъ людей, по разнымъ обстоятельствамъ. Милліоны храбрыхъ героевъ,

[1] Дома сумасшедшихъ.

перерѣзавшихъ другъ друга, здѣсь нашли себѣ общее и мирное пристанище; погубившіе себя отъ невоздержанія болѣзньми обрѣли здравіе и не опасаются болѣе врачей; гонимые счастіемъ не ждутъ болѣе здѣсь перемѣнъ непостоянной фортуны; лишенные жизни несправедливо своими государями имѣютъ удовольствіе жить съ ними здѣсь въ братскомъ согласіи, и сами государи не боятся здѣсь ежечасно возмущеній, бунтовъ и народныхъ роптаній, а живутъ спокойно отъ нападенія зависти; полуученые и безумцы не терзаются досадою видѣть свѣтъ, почитающій ихъ глупѣе ихъ сверстниковъ. Смерть сравниваетъ всѣ умы и познанія: здѣсь нѣтъ ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни знатныхъ, ни подлыхъ: нѣтъ ни зависти, ни презрѣнія".

„Радуясь сему и желая еще тверже оградить спокойство нашихъ подданныхъ, благоизволяемъ мы учредить нѣкоторыя перемѣны въ адѣ, кои произвесть препоручаемъ римлянину Фурбинію. А какъ для произведенія сихъ перемѣнъ нуженъ добросовѣстный и умный человѣкъ, того для во всѣхъ обширныхъ предѣлахъ нашего пространнаго владѣнія повелѣваемъ почитать его, Фурбинія, честнымъ и разумнымъ человѣкомъ, потребнымъ для адскаго благосостоянія, и признавать его главнымъ надзирателемъ всѣхъ тѣней".

„Повелѣваемъ всему аду вѣрить, что онъ, Фурбиній, совершеннѣе другихъ тѣней, и потому имѣетъ неоспоримое право называть безумнымъ всякаго, кого будетъ ему угодно, выключая Нашего Величества. Ассирійскіе, египетскіе и греческіе мудрецы должны уступать ему въ премудрости. Сверхъ того, хотя онъ, Фурбиній, въ своей жизни не сдѣлалъ никакого храбраго дѣла и предпочиталъ пляску военному ис-

кусству, но мы чрезъ сіе объявляемое наше соизволеніе признаемъ его, Фурбинія, первымъ героемъ изъ смертныхъ. Александръ, Киръ, Ганнибалъ, Сципіонъ, и побѣдители свѣта, и искусные полководцы, да не дерзаютъ съ нимъ спорить въ преимуществѣ военнаго званія, подъ опасеніемъ за всякій споръ по семидесяти ударовъ бичомъ Алектоны".

„Если же кто изъ философовъ дерзнетъ сказать, что тѣни всѣ равны, и что Фурбиній не умнѣе Сократа или другихъ мудрецовъ, таковыхъ возмутителей общей тишины подвергать жесточайшему штрафу, ибо благоугодно намъ, дабы всякій, не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе Фурбиніева ума и храбрости, признавалъ его храбрѣе и умнѣе себя, и чтобы всѣ другія тѣни повиновались его повелѣніямъ, и хотя бы оныя возбуждали народный плачъ, но со всѣмъ тѣмъ повелѣваемъ признавать ихъ справедливыми; если же они касаться будутъ до опасности собственной нашей особы, тогда докладывать намъ, однакожъ подъ опасеніемъ вѣчной муки доносчику, если Фурбиніево краснорѣчіе побѣдитъ его доказательства".

„Въ заключеніе жъ сего, повелѣваемъ тремъ фуріямъ принять въ начальство семьдесятъ тысячъ адскихъ духовъ и стараться соблюдать народное спокойство. Если же кто дерзнетъ симъ объявленіемъ быть недоволенъ, такого возмутителя, для общаго благосостоянія, бросать въ тартаръ на сто тысячъ лѣтъ".

Послѣ сего убѣдительнаго объявленія ни одна тѣнь не осмѣлилась признавать въ Фурбиніи безполезнаго плясуна, но весь адъ принялъ твердое мнѣніе о его достоинствахъ, и Фурбиній такъ былъ симъ доволенъ, какъ будто бы получилъ Плутоновымъ указомъ геройство, умъ и добродѣтель.

Пожалованный въ мудрецы такимъ новымъ для ада образомъ, не умедлилъ онъ пользоваться своею властію, далъ почувствовать ее всему аду, и потомъ началъ набирать дворъ.

Онъ пошелъ ... Но я слышу шумъ во всемъ адѣ, всѣ бѣгаютъ и суетятся: конечно, случилась еще какая новая перемѣна. — Прости, любезный Маликульмулькъ, я скоро увѣдомлю тебя и о причинѣ сего смятенія, и о концѣ Фурбиніева набора.

Письмо XXXV.

Отъ Сильфа Выспрепара къ волшебнику Маликульмульку.

Я не буду тебѣ ничего говорить, почтенный Маликульмулькъ, о тѣхъ упражненіяхъ, которыя были причиною, что я давно къ тебѣ не писалъ, а скажу только, что въ сіе время облеталъ я большую часть обширныхъ воздушныхъ предѣловъ и сего дня хочу тебя увѣдомить о нѣкоторомъ происшествіи, которое сколь ни обыкновенно, но произвело во мнѣ глубочайшія впечатлѣнія.

Слѣдуя по воздушному пути, для исполненія нѣкоторой препорученной мнѣ коммиссіи, долженъ былъ я пролетать поверхъ одного города, достойнаго примѣчанія какъ по прекрасному своему мѣстоположенію и по великолѣпію находящихся въ немъ зданій, такъ и по богатству своихъ жителей. Хотя я бывалъ въ немъ много разъ, однакожъ не могъ утерпѣть, чтобъ не побывать еще въ такомъ мѣстѣ, которое пріятностію своею всегда меня утѣшало. Итакъ, спустившись на землю и приявъ на себя видъ человѣка, вошелъ я въ сей городъ, надѣясь найти въ

немъ такое же утѣшеніе, какое находилъ прежде, и въ томъ не обманулся, ибо, вошедъ туда, увидѣлъ я всѣхъ тамошнихъ жителей въ превеликомъ движеніи. Я спрашивалъ тому причины, и тотъ, кому я дѣлалъ сей вопросъ, отвѣтствовалъ мнѣ съ великимъ удивленіемъ: „Какъ! конечно, вы иностранецъ, и, видно, теперь только прибыли въ сей городъ, что ничего не знаете и дѣлаете мнѣ такой вопросъ. Знайте“, продолжалъ онъ, „что одинъ здѣшней знатной и богатой господинъ сегодня женится на богатой невѣстѣ; весь этотъ народъ, которой вы здѣсь видите, сбѣгается сюда со всѣхъ сторонъ для того, чтобъ быть зрителемъ радости и удовольствія сей счастливой четы, которая скоро поѣдетъ мимо сего мѣста изъ церкви, гдѣ они вѣнчались“. Въ самомъ дѣлѣ, лишь только успѣлъ онъ окончить сіи слова, какъ увидѣлъ я проѣзжающіе великолѣпные экипажи, въ которыхъ сидѣли новобрачные, богато одѣтые и оказывающіе на лицахъ своихъ радость и удовольствіе; таковая же радость видна была и во всѣхъ находящихся при сей церемоніи. Великая толпа народа обоего пола слѣдовала за ихъ каретами, и восклицаніями своими желали всякаго благополучія счастливымъ супругамъ.

Ничего не недоставало къ блаженству сихъ новобрачныхъ; они видѣли исполненіе своихъ желаній, достигали уже до той минуты, о которой столь долго воздыхали и ожидали оной съ нетерпѣливостію. Съ какимъ восхищеніемъ повергнутся они другъ другу въ объятія, и какимъ удовольствіемъ будутъ наслаждаться! Ежели бы дѣла мои позволили мнѣ пробыть долѣе въ семъ городѣ, то бы я вошелъ ночью невидимкою въ ихъ спальню, чтобъ быть зрителемъ любовнаго ихъ восторга, но какъ я долженъ

былъ непремѣнно въ ту же самую минуту опять отправиться въ свой путь, то для того предпочелъ должность мою тому удовольствію, которое бы могъ чувствовать, взирая на совершеннѣйшее утѣшеніе сихъ счастливыхъ любовниковъ, ибо тебѣ извѣстно, мудрый Маликульмулькъ, что радость и утѣшеніе смертныхъ не могутъ быть нечувствительны сильфамъ.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ того, отправя препорученныя мнѣ дѣла и возвращаясь тѣмъ же путемъ для отданія въ томъ отчета, вошелъ я опять въ тотъ городъ, въ которомъ былъ свидѣтелемъ счастливаго брака; но сколь велико было мое удивленіе, какъ при освѣдомленіи моемъ о новобрачныхъ, надѣясь, что наслаждаются они совершеннымъ блаженствомъ, услышалъ я, что жестокая смерть все счастіе ихъ прекратила. Мнѣ сказали, что чрезъ нѣсколько дней послѣ брака молодой супругъ получилъ болѣзнь, отъ которой никакое искусство докторовъ не могло его избавить. Тщетно употребляли они всю свою науку дабы сохранить его жизнь для дражайшей его супруги: всѣ старанія ихъ были безполезны. Ни слезы родителей, ни стенаніе супруги, ни молодость и крѣпость умирающаго, ни уваженіе къ его чинамъ и богатству, — однимъ словомъ, ничто не могло убѣдить жестокую смерть, которая безъ жалости прервала нить дней его, кои надѣялся онъ препроводить въ пріятнѣйшемъ удовольствіи.

Дѣла, препорученныя мнѣ, столь много меня занимали, что мнѣ казалось, будто бы прошло не болѣе одной минуты между тѣмъ временемъ, когда я былъ свидѣтетемъ благополучія сихъ новобрачныхъ, и когда оное смертію счастливаго супруга прекратилось. Признаюсь, мудрый Маликульмулькъ, что сіе

жалостное происшествіе много меня опечалило и произвело во мнѣ прискорбнѣйшія размышленія о тѣхъ бѣдствіяхъ, коимъ люди бываютъ подвержены. Возможно ли въ самомъ дѣлѣ быть нечувствительну, видя отчаяніе двухъ фамилій и печальное и жалостное состояніе, въ которое повержена молодая и любви достойная вдова, лишившаяся того, кто былъ для нея на свѣтѣ всего драгоцѣннѣе? Ей представлялся бракъ только съ хорошей стороны; она вкушала всѣ его пріятности и льстила себя, что сіе блаженное состояніе продолжится вѣчно; но вдругъ утѣшительныя ея мысли прервались смертію того человѣка, котораго любила она болѣе самой себя, и вдругъ исчезла вся ея надежда наслаждаться ожидаемымъ счастіемъ! И самая мужественная твердость возможетъ ли устоять противъ столь страшнаго удара? Сердце совсѣмъ нечувствительное могло ли бы воспротивиться, чтобъ не почувствовать сожалѣнія къ ея несчастному положенію?

Я былъ столько тронутъ симъ печальнымъ приключеніемъ, что въ ту жъ минуту оставилъ тотъ городъ, въ которомъ происходило сіе жалостное позорище. Всѣ пріятнѣйшіе въ ономъ предметы, которые въ другое время могли бы принести мнѣ величайшее удовольствіе, тогда напоминали мнѣ только о томъ мечтательномъ блаженствѣ, которымъ сіи супруги наслаждались одну только минуту. Вотъ сколь мало, любезный Маликульмулькъ, люди могутъ полагаться на блаженство здѣшней ихъ жизни! Если иногда достигаютъ они въ ономъ и до самаго совершенства, то никогда жъ не могутъ надѣяться долго имъ наслаждаться, ибо минута, въ которую почитаютъ они себя благополучнѣйшими, часто наноситъ имъ величайшее несчастіе. Стремительное прехожденіе

отъ одного состоянія къ другому бываетъ въ жизни человѣческой столь легко и обычайно, что должно почитать великимъ безумiемъ, когда бы кто возгордился своимъ благоденствiемъ, которое въ одно мгновеніе можетъ исчезнуть. Еслибы было въ здѣшнемъ свѣтѣ такое благо, которое никакимъ случаемъ у людей не могло бы быть похищено, и въ обладаніи котораго ничто бы имъ не воспрепятствовало, тогда, обладая онымъ, люди могли бы назваться благополучными. Но гдѣ есть такое благо? и могъ ли кто когда-нибудь похвалиться, чтобъ обладалъ имъ совершенно? Извѣстно мнѣ, что были такіе философы, которые мнили быть обладателями сего драгоцѣннаго сокровища, но они послѣ сами удостовѣрились собственными своими опытами, что сіе мнѣніе ихъ было мечтательное, такъ что, наконецъ, принуждены были признаться, что совершенное благо была такая вещь, до обладанія которой никакой смертной никогда въ свѣтѣ не могъ достигнуть, а къ достиженію онаго ближе всѣхъ бываетъ только тотъ, кто имѣетъ непорочную совѣсть, не чувствуетъ нималаго угрызенія о прошедшемъ и не страшится будущаго. Однакожъ и такой человѣкъ не можетъ себя защитить отъ ударовъ счастія, ниже быть ко оному нечувствительнымъ: для него остается только величайшимъ утѣшеніемъ то истинное увѣреніе, что онъ добрыми своими дѣлами можетъ быть угоденъ высочайшему Судіи вселенной, и что не имѣетъ никакого страха явиться предъ Его судилище, столь ужасное для тѣхъ, кои не тщились, такъ, какъ онъ, исполнять Его волю.

Мудрость, которою ты обладаешь, почтенный Маликульмулькъ, подала мнѣ смѣлость сообщить тебѣ сіи мои размышленія: я сіе дѣлалъ не для наученія тебя, ибо, безъ всякаго сомнѣнія, ты и самъ часто

о семъ размышляешь, но при описаніи оныхъ не имѣлъ я другого намѣренія, кромѣ собственнаго моего удовольствія, и чтобъ тѣмъ ты паче утвердился въ наукѣ мудрости, и въ прилѣпленіи къ добродѣтели, которая можетъ почитаться величайшимъ блаженствомъ, до коего ты современемъ достигнуть можешь.

Письмо XXXVI.

Отъ гнома Буристона къ волшебнику Маликульмульку.

Очень опасно, по моему мнѣнію, любезный Маликульмулькъ, имѣть худого совѣтника, но ничего нѣтъ опаснѣе, какъ имѣть его въ своемъ отцѣ. Есть однакожъ изверги, недостойные почтеннаго имени родителя, которые вмѣсто наставленія развращаютъ своихъ дѣтей. Ты узнаешь изъ письма, которое я при семъ къ тебѣ прилагаю, справедливы ли мои слова, но надобно прежде увѣдомить тебя, какимъ образомъ досталось мнѣ это письмо.

На сихъ дняхъ, бѣгая изъ суда въ судъ, наконецъ, отчаявался я сыскать преемниковъ тремъ нашимъ судьямъ: въ иныхъ мѣстахъ видѣлъ я, что судьи были больны одною болѣзнію съ Эакомъ, т. е. были глухи и не слушали словъ челобитчиковъ, а другіе, у которыхъ мозгъ былъ не въ лучшемъ состояніи, какъ у Миноса, не понимали, что имъ читали подъячіе, и подписывали все то, что угодно было ихъ секретарямъ, которые употребляли ихъ, какъ нѣкоторое орудіе, къ своему обогащенію. Хотя и были между ими разумные, но они болѣе занимались происками, чтобъ возвысить себя и унизить своихъ противниковъ, нежели челобитчиковыми

дѣлами, и такимъ образомъ бѣднымъ челобитчикамъ не было иного утѣшенія, кромѣ добрыхъ судей, которымъ не даютъ никакой воли, и которые толь робки, что, боясь истиною прогнѣвать знатныхъ господъ, потакаютъ несправедливости ихъ любимцевъ.

Прохаживаясь такимъ образомъ, остановился я въ прихожей одного суда, чтобы нѣсколько отдохнуть, и лишь только присѣлъ, какъ вдругъ вошла въ комнату нѣкоторая бѣдная женщина, которая, дожидаясь случая увидѣть судей, сѣла подлѣ меня. Какъ я представлялъ челобитчика, а она дѣйствительно въ судѣ имѣла искъ, то и ничего не было легче намъ, какъ разговориться о нашихъ дѣлахъ. Я разсказалъ ей мнимую повѣсть о своихъ, а она открыла мнѣ свои.

„Три рода женщинъ знаю только я несчастливыхъ, сударь“, сказала она мнѣ: „первыя изъ нихъ — нѣмыя спорщицы, которыя лишены удовольствія обыкновеннымъ своимъ орудіемъ отгонять отъ себя досадчиковъ; вторыя — молодыя щеголихи, которыя принуждены жить въ деревнѣ; а третьи — тѣ женщины, которыя, перешедъ за сорокъ лѣтъ своей жизни, имѣютъ тяжебныя дѣла“. „Ахъ!“ продолжала она со слезами, „я претерпѣла всѣ сіи злосчастія. Желая отвязаться отъ строгихъ моихъ родителей, я вышла замужъ въ молодыхъ лѣтахъ за одного бѣдняка. Я была красавица, сударь, и могла сдѣлать его счастливымъ, но этотъ негодяй увезъ меня въ свою деревню, гдѣ я должна была проводить лучшія мои лѣта, не видя никого, кромѣ рогатаго скота и нѣсколькихъ мужиковъ, которые еще отвратительнѣе были моего мужа. Въ такой горести одно утѣшеніе оставалось мнѣ, чтобъ всякой день перебранить всѣхъ, начиная съ него и до послѣдняго

скотника. Да и подлинно, не проходило ни одной минуты, чтобы кто изъ нихъ къ моему утѣшенію не сдѣлалъ какого дурачества. Такимъ то образомъ всегда для меня было нѣкоторое упражненіе, и мой языкъ умолкалъ только тогда, когда я засыпала. Но — о несчастіе! — кричавши шесть недѣль сряду, я охрипла, и мой язычокъ упалъ (при сихъ словахъ бѣдная женщина еще больше заплакала.) Вообразите, сударь, мое состояніе! всякой день открытыми глазами я видѣла всѣ дурачества моего мужа, моихъ дѣвокъ и нашихъ дворовыхъ, и принуждена была все это сносить, не выговоря ни одного слова! Всякой день брюзгливой мой мужъ дѣлалъ мнѣ свои вздорныя поученія; а я не могла заглушить его своими словами и, вытараща глаза, принуждена была слушать его вранье. Такимъ мученіемъ наказывалъ меня Богъ семь лѣтъ. Жестокой мужъ мой старался какъ можно отдалять отъ меня всѣхъ лѣкарей, чтобы продолжить навсегда пріятную для него мою болѣзнь; но, наконецъ, Небо сжалилось на мое мученіе: я занемогла зубами: призвали лѣкаря, и онъ ошибкою вмѣсто зубовъ вылѣчилъ мой язычокъ, которой поднялся попрежнему. Я была внѣ себя отъ радости, и сколь ни велика была моя боль въ зубахъ, но я въ ту жъ минуту пошла браниться съ моимъ мужемъ, и, думаю, точно этимъ крикомъ прогнала я отъ себя зубную болѣзнь; но какъ бы то ни было, только я твердо вознамѣрилась наградить несносныя для меня семь лѣтъ моей нѣмоты. Уже я чувствовала пріятнѣйшее удовольствіе слышать, что мой голосъ раздавался по комнатамъ; уже ничьихъ рѣчей въ домѣ, кромѣ моихъ, не было слышно, какъ дьяволъ позавидовалъ моему счастью. Спустя три недѣли послѣ моего выздоровленія, послѣ

обѣда вошла я въ комнату, гдѣ мужъ мой имѣлъ привычку въ это время спать. Я нашла его закутаннаго въ одѣялѣ, хотя уже на дворѣ было семь часовъ по полудни. Скажите, приличенъ ли былъ этотъ часъ чтобъ спать? Вы можете догадаться, что я въ ту жъ, минуту начала браниться: по крайней мѣрѣ на сей разъ я была справедлива. Я сѣла противъ его у окошка и кричала ему, что хозяйство требовало, чтобъ не быть такъ сонливымъ. „Развѣ позабылъ ты“, говорила я ему, „что мы еще сегодня не были въ прядильной и не бранили бабъ? развѣ ты не вспомнишь, что уже скоро будетъ время идти ко всенощной, а тебѣ прежде еще этого надобно мужиковъ пересѣчь за то, что они сегодня не успѣли до ненастья въ огородъ съѣздить и убраться съ поля? и развѣ вышло у тебя изъ головы, негодяй“, продолжала я, „что у тебя есть жена, отъ которой ты и такъ всегда бѣгаешь и дѣлаешь ее пустынницею? Вѣдь здѣсь не городъ, гдѣ бы я могла найти тысячу человѣкъ, кѣмъ и безъ тебя заняться!“ Словомъ, кричала я ему, сколько могла, и, наконецъ, скуча его терпѣніемъ, сдернула съ него одѣяло, — но, о Небо! онъ уже былъ холоденъ, — мой мужъ умеръ! Представьте, каково было мое мученіе! Онъ не слыхалъ ни одного слова, что я ему говорила (бѣдная женщина опять заплакала.) Уже этого то перенести не было у меня силъ: я зарыдала, какъ могла, громче, но уже ничто не помогло. Однимъ словомъ сказать, я его похоронила, прожившн съ нимъ только три недѣли послѣ моей нѣмоты.

Какъ покойникъ меня любилъ и былъ, впрочемъ, добрый человѣкъ — царство ему небесное! — то онъ еще за-живо укрѣпилъ мнѣ свою деревнишку. Я нашла его крѣпость и, вступя во владѣніе сего по-

мѣстья, думала спокойно провести остатокъ своей жизни; но проклятой ябедникъ, мой сосѣдъ, узнавши, что мой мужъ умеръ, сыскиваетъ какое то право на мою деревню и зачинаетъ со мною тяжбу, когда я еще не успѣла оглядѣться. Какъ онъ богатой человѣкъ, то съ самаго начала выгоняетъ меня изъ деревни, и послѣ того подаетъ прошеніе, чтобы судьи подписали приговоръ, которой онъ прежде уже разсмотрѣлъ и исполнилъ.

Это принудило меня пріѣхать сюда въ городъ, но уже судьи подписали то, что онъ сдѣлалъ. Я ихъ просила и доказывала мою справедливость. Они обо мнѣ сожалѣли, но не передѣлали моего дѣла: можетъ быть, для того, что уже издержали деньги, которыя имъ заплачены за сей приговоръ, а мнѣ нечѣмъ было надбавить цѣну моего соперника. И такъ, я осталась въ проигрышѣ. Послѣ сего перенесла я мое дѣло въ другой судъ и услышала, что тутъ судья не любилъ брать взятки. Это нѣсколько меня обнадежило, но, къ несчастію, узнала, что онъ любилъ пить съ своими челобитчиками. Мой соперникъ напивался съ нимъ всякой день допьяна, и я опять потеряла свой искъ. Наконецъ, я перенесла дѣло въ сей судъ, и вездѣ съ радостію слышала, что здѣсь главной судья не пьетъ и не беретъ взятковъ; но несчастіе не перестаетъ меня гнать. Вчерась увѣдомилась я, что хотя онъ дѣйствительно правосуденъ, но что одинъ взглядъ молодой женщины въ состояніи испортить его вѣсы; а у моего соперника жена жеманница двадцати двухъ лѣтъ. Не несчастливая ли я женщина! еслибъ за двадцать лѣтъ назадъ была эта проклятая тяжба, то я, нимало не заботясь, надѣялась бы на свою справедливость; но, бывъ обременена сорока двумя годами, могу ли я надѣ-

яться побѣдить соперника, женатаго на двадцатилѣтней красавицѣ? Ахъ, сударь, пригожая женщина всякую ложь можетъ сдѣлать истиной! У нашего судьи, конечно, есть глаза и сердце". — „Ну, сударыня", отвѣчалъ я, „еслибы не было у него глазъ, то онъ не разсмотрѣлъ бы истины; а ежели бы не было сердца, то бы онъ не трогался ею". — „Ахъ, сударь!" вскричала огорченная вдова, „я не на то жалуюсь, что у него есть сердце и глаза, но на то, для чего эта проклятая тяжба не за двадцать лѣтъ предъ симъ случилась."

Едва окончила она свою рѣчь, какъ вдругъ вышелъ судья, человѣкъ весьма набожнаго вида. „Кто здѣсь госпожа Безумолкова, урожденная Златоскова?" спросилъ онъ. — „Я, сударь!" отвѣчала вдова. — „А! сударыня, я читалъ ваше дѣло, и, несмотря на рѣшеніе двухъ судовъ, вижу вашу справедливость: итакъ, будьте увѣрены, что оно кончится въ вашу пользу въ самомъ скоромъ времени, а между тѣмъ, чтобъ узнать рѣшительной приговоръ, вы можете пожаловать ко мнѣ сегодня въ четвертомъ часу по полудни". Послѣ сего онъ поговорилъ еще съ нѣсколькими челобитчиками и пошелъ въ судейскую, оставя и вдову и меня въ величайшемъ удивленіи о столь рѣдкомъ его добродушіи.

„Видите ли, сударыня", сказалъ я вдовѣ, „какъ вы прежде времени несправедливо жаловались на сего судью; онъ, не бравъ съ васъ денегъ, не напиваясь съ вами пьянъ и не изъ уваженія къ вашимъ прелестямъ, коихъ, конечно, разсмотрѣть ему было нѣкогда, хочетъ рѣшить дѣло въ вашу пользу". — „Это меня восхищаетъ", отвѣчала она, „и я нынѣ же отпишу о семъ старшей моей сестрѣ Златосковой". „Какъ, сударыня", спросилъ я, „у васъ есть старшая

сестрица, которая еще не замужемъ?“ — „Чему же вы дивитесь“, отвѣчала вѣтреная вдова, „ей еще не болѣе двадцати семи лѣтъ: она можетъ еще имѣть въ свое время женяховъ“! Послѣ сего вѣтреная Безумолкова пошла отъ меня въ восхищеніи, позабывъ о томъ, что она за двѣ минуты предъ тѣмъ проболталась мнѣ, въ своей печали, что ей сорокъ два года, а я отправился домой.

„Вотъ, наконецъ, нашелъ я хотя одного честнаго судью!“ думалъ я самъ въ себѣ: „теперь мнѣ есть чѣмъ обрадовать Плутона, которой уже, думаю, на меня сердится, что я до сихъ поръ не сыщу для него добраго блюстителя законовъ, и приписываетъ, можетъ быть, моему нерадѣнію то, что должно приписывать нерадѣнію большихъ господъ: докажемъ же адскимъ жителямъ, что и здѣсь есть судьи, которыхъ перо свободно и не управляется ни деньгами, ни виномъ, ни женщинами, и поспѣшимъ похитить у свѣта человѣка, которой, конечно, или развратится, или будетъ гонимъ“.

Узнавши домъ сего судьи, въ три часа по полудни, торопился я къ нему, чтобъ уговорить его заступить мѣсто Эака. Домъ его не показывалъ въ себѣ ничего великолѣпнаго, и тѣмъ болѣе увѣрялъ меня въ некорыстолюбіи хозяина. Я не видалъ ни одной бутылки во всемъ домѣ, почему имѣлъ причину думать, что онъ очень воздерженъ, также не сыскалъ я тамъ ни одной женщины, кромѣ семидесятилѣтней старухи, которая перемывала посуду и ворчала, что она достальные зубы переломала о черствыя корки хлѣба, не находя ничего другого къ столу — и это подтвердило мои мысли, что у него женщины не много выиграютъ своею несправедливою просьбою. Я позабылъ тебѣ сказать, что, желая его посмотрѣть, я сдѣлался невидимымъ.

Такимъ образомъ прошелъ я до самой той комнаты, въ которой онъ писалъ письма. Между прочими изготовленными лежало одно къ его сыну. Я его тихонько взялъ, и читалъ съ великимъ удивленіемъ. Думаю, что и ты не меньше моего удивишься, когда его разсмотришь. Вотъ оно.

Любезной сынъ!

Пріятное твое мнѣ письмо я въ семъ мѣсяцѣ получилъ, и радуюсь, что ты въ приказѣ набилъ руку такъ твердо, что своимъ четкимъ письмомъ и самому слѣпому судьѣ можешь понравиться. Только замѣтилъ я, что ты ять пишешь очень часто и ставишь двоеточіи, запятыя и точки. Пожалуй, повоздержись, Лентулушка, [1] а то еще скажутъ, что ты некстатѣ умничаешь. Замѣть, мой другъ, что судья, которой не употребляетъ ятей и запятыхъ, никогда не бываетъ дружонъ съ секретаремъ, которой пишетъ по фородрафіи [2]. Да мнѣ и еще есть нуждица кое о чемъ съ тобою поизъяснитца.

Ты пишешь, что тебѣ несносна приказная служба, и просишь дозволенія ее оставить. — Съ чего ты это забралъ себѣ въ голову, другъ мой! Да знаешь ли ты, что твой дѣдъ нажилъ въ этой службѣ больше сорока тысячъ рублей, твой отецъ пріобрѣлъ большой каменной домъ въ четыре этажа, да и ты, мой свѣтъ, доколѣ не наживешь хотя посредственной деревишики, дотолѣ я тебя изъ этой службы не выпущу, или не будь надъ тобою мое благословеніе, а ты знаешь, что этимъ шутить дурно.

---

[1] Срв. Комедію Крылова „Лѣнтяй".
[2] По орѳографіи, правильно.

„Низко ходить на поклонъ къ своему судьѣ!“ — Вотъ какой вздоръ! да я, братъ, и выросъ въ прихожей у своихъ командировъ, зато нынѣ и у себя въ прихожей людей выращиваю. Учтивость, другъ мой, шеи не вывихнетъ, а гордымъ и Богъ противится. Будто велика бѣда въ праздникъ сходить къ судьѣ на поклонъ! Вѣдь нечего же дѣлать! „Къ обѣдни“, скажешь ты мнѣ. — Къ обѣдни, другъ мой, успѣешь и отъ начальника, а если и некогда будетъ, то Богъ не взыщетъ. Онъ до насъ милостивъ и не прогнѣвается, если иногда прогуляешь обѣдню, а совѣтникъ станетъ сердиться, если не придешь къ нему въ праздникъ по утру, и можетъ за это отомстить. Богъ по великой своей благости, конечно, проститъ, когда покаешься, а бояре вѣдь и покаянія не принимаютъ.

Я здѣсь знаю одного молодого упрямца, которой такъ же, какъ и ты, опредѣлясь въ штатскую службу, думалъ, что совсѣмъ не нужно ходить на поклонъ и хотѣлъ лучше угодить своему начальнику прилежностію къ своей должности, но онъ тѣмъ сдѣлался несчастливъ. [1] Лучше бы было, еслибы онъ прогулялъ, не бывши въ приказѣ сто дней, нежели пропустить шесть воскресеньевъ, не постоявъ въ передней у своего покровителя, которой за то лишилъ его мѣста и принялъ къ себѣ въ прихожую на жалованье другого, которой и донынѣ за триста рублей въ годъ и за два чина въ три года ходитъ къ нему въ прихожую исправно по всѣмъ табельнымъ праздникамъ. Берегись, чтобъ и съ тобою не случилось такого же изгнанія: вѣдь и пенять не на кого будетъ; ты тѣмъ не мало себя въ людяхъ обез-

[1] Вѣроятно, намекъ Крылова на самого себя (на свои служебныя отношенія къ Соймонову).

честишь, для того что съ стороны не всякой догадается, голова ли, или ноги твои были причиною, что тебя отставили.

Еще ты пишешь, что онъ тебѣ иногда несправедливые дѣлаетъ выговоры, и что ты при первомъ случаѣ самъ скажешь ему, что онъ неправильно тебѣ выговариваетъ: берегись этого дѣлать, сынокъ! Командиръ долго помнитъ, если ему подчиненной скажетъ, что онъ совралъ, а это можетъ имѣть очень худыя слѣдствія. Впрочемъ, ты хотя человѣкъ благородной, но еще очень молодъ: для чего бы не вытерпѣть тебѣ отъ начальника грубаго словца? я слыхалъ, какъ вашу братью благородныхъ дураками и скотами называютъ, а иногда и палкою по лбу заѣдутъ: да кто больше сноситъ, того больше и жалуютъ, и для того то многіе благородные терпѣливо сносятъ отъ своихъ командировъ названіе глупца, разини и проч., помня пословицу: гдѣ гнѣвъ, тутъ и милость.

А если ты вздумаешь ему идти вопреки, то тебѣ же будетъ хуже: я тебѣ пророчествую, что онъ хотя и перестанетъ тебя бранить, но зато подкопаетъ подъ тобою такую вину, что ты и мѣста не сыщешь. Ты опять мнѣ скажешь, что ты постараешься быть исправнымъ въ должности, слѣдственно, и будешь безопасенъ отъ всѣхъ подысковъ. — Пустое, другъ мой! да знаешь ли ты пословицу: „господинъ сыщетъ вину, если захочетъ ударить палкою свою собаку“. При томъ ты долженъ знать и то, что всякой начальникъ представляетъ въ себѣ особу государя, и мы такъ же его слуги, какъ и государевы; а слугу то, ты вѣдь знаешь, что можно бить, какъ собаку. Итакъ, всѣ мы собаки, Лентулушка, и всѣхъ насъ можно бить палками. Хотя нынѣ и запрещено это

дѣлать, но всякой ли подчиненной имѣетъ случай и предстательство, чтобъ получить удовольствіе на своего начальника? Довольно намъ и того утѣшенія, что и у нашихъ то командировъ есть свои командиры, у которыхъ они такими же бываютъ слугами, какъ мы у нихъ.

Итакъ, оставь, пожалуй, твой строптивой нравъ, и покорись лучше необходимости. Какъ ты въ твои лѣта и съ твоимъ умомъ не можешь сыскать счастія въ начальникѣ! Сколько разъ училъ я тебя, какъ надобно поступать въ такомъ случаѣ; а ты все позабываешь мои наставленія, и одно утямилъ себѣ въ голову, что ты благородной! благородной! Въ службѣ, другъ мой, надобно только это помнить передъ своими подчиненными, а передъ командирами должно совсѣмъ это изъ головы выкинуть. Каковъ бы глупъ командиръ ни былъ, но кто захочетъ къ нему подбиться, тотъ позабываетъ свое благородство, старается подражать всѣмъ его дурачествамъ, хвалить его поступки, потакаетъ его словамъ, и чрезъ то хочетъ сдѣлаться первымъ его любимцемъ, а часто и получаетъ въ томъ успѣхъ, хотя, впрочемъ, совсѣмъ не смыслитъ своей должности. Примѣть, любезный сынъ, что это не въ одномъ вашемъ судѣ наблюдается: неужели ты хочешь быть выродкомъ изъ приказныхъ?

Но если ты такъ лѣнивъ, то ищи хотя другою дорогою своего счастія. Ты знаешь у твоего судьи клюшницу Златоскову. Постарайся къ ней подбиться, избѣгая однакожъ всякихъ грѣховныхъ помышленій. Впрочемъ, любезный Лентулъ, еслибы ты такъ счастливъ былъ, чтобы сыскалъ въ ней благополучіе, то бы чинка два вѣрныхъ схватилъ, для того, что у этихъ клюшницъ и отъ чиновъ часто бываютъ ключи,

а ежели бы хотя и грѣховное что случилось, то бы ты еще въ свой вѣкъ умѣлъ покаяться, а чиновъ то бы съ тебя не сняли. Я самъ грѣшной человѣкъ, Лентулушка! У моего совѣтника была кухарка, то правда, хотя я отъ нея чиновъ и не получалъ, но раза два отъ солдатчины избавлялся. Да, полно, я и не лѣнивъ былъ, не такъ, какъ ты, Лентулушка!... Только слушай, Лентулъ! я тебѣ шутя это пишу, а въ самомъ дѣлѣ, что ты ни сдѣлаешь, я грѣха на себя не принимаю, по пословицѣ: „ты въ грѣхѣ, ты и въ отвѣтѣ“, но ежели ты не боишься эпитиміи, то, пожалуй, себѣ залѣзь этой дорогой въ чинокъ, другой, я же, съ своей стороны, любезной другъ, никогда не оставлю тебя своими отцовскими молитвами.

Я такъ о тебѣ болѣе думаю, нежели ты самъ. Мнѣ недавно попался скучай, которой можетъ послужить къ твоему благополучію, и я за него ухватился обѣими руками.

У меня недавно случилось дѣло какого то богача по прозванію Кривопросова со вдовою Безумолковою, которая по отцѣ Златоисковыхъ. Я тотчасъ представилъ, что она сестра клюшницы твоего судьи, и, несмотря на богатые подарки Кривопросова, рѣшилъ дѣло въ ея пользу. Я хочу съ нею свести знакомство, чтобы посредствомъ ея упросить клюшницу о ея за тебя предстательствѣ. Видишь ли, другъ мой, чѣмъ я тебѣ пожертвовалъ! По крайней мѣрѣ тремя тысячами рублями! Да еслибъ только ты былъ порачительнѣе, то бы я былъ въ состояніи сдѣлать и еще болѣе: я бы женился на этой вдовѣ, чтобы тѣмъ породниться съ клюшницею твоего начальника, и привесть тебя у него въ милость; но сердце мое слышитъ, что ты не поддержишь моего

нимѣренія, и для того на старости я намѣренъ только за нею примахнуть [1].

Что же ты пишешь объ отставкѣ, то еще повторяю, что это совсѣмъ пустое, мой другъ! Чѣмъ ты жить станешь, развѣ съ своимъ секретарскимъ чиномъ по міру пойдешь? Что принадлежитъ до меня, то ты самъ знаешь, что я человѣкъ не слишкомъ достаточной, и прежде смерти ничего дать тебѣ не въ состояніи; если же ты, какъ говоришь, надѣешься на своихъ пріятелей, то, любезной сынъ, „не надѣйся ни на князи, ни на сыны человѣческія“, а лучше наживи самъ тысячъ пятьдесятъ, да тогда съ Божьей помощію и ступай въ отставку. Тогда, если тебѣ приказная служба не будетъ нравиться, то съ такими большими деньгами можешь и въ военной службѣ сыскать себѣ счастіе. Хотя ты не будешь гремѣть храбростію, и не напечатаютъ тебя во всѣхъ европейскихъ вѣдомостяхъ, но что до этого нужды? И безъ того наживешь хорошихъ покровителей и будешь получать чины: вѣдь вѣдомости не животная книга [2], въ нихъ не одни праведные вписываются.

Я заглянулъ еще въ твое письмо; ты пишешь, чтобы прислать къ тебѣ хотя нѣсколько денегъ: только, право, мой другъ Лентулушка, у меня нѣтъ ни копейки, а посылаю къ тебѣ мое родительское благословеніе, и остаюсь навсегда

Отецъ твой
Авдѣй Частобраловъ.

---

[1] Поухаживать.

[2] Книга живота, въ которую записываютъ грѣхи и добродѣтели людей.

Письмо XXXVII.

Отъ Сильфа Дальновида къ волшебнику Маликульмульку.

Разсматривая съ великимъ прилежаніемъ, почтенный Маликульмулькъ, различныя склонности людей и не послѣдуя предразсудкамъ, никогда не вѣрю тѣмъ обманчивымъ видамъ, кои подобно мишурнымъ позументамъ издали блестятъ, какъ настоящее золото, но коль скоро станешь его разсматривать вблизи, то оное совсѣмъ теряетъ свою цѣну и достоинство. Я почитаю въ людяхъ одну только мудрость и добродѣтель, и подъ какими бы видами оныя мнѣ ни представлялись, я всегда равное имѣю къ нимъ уваженіе. Мѣщанинъ добродѣтельный и честной крестьянинъ, преисполненные добросердечіемъ, для меня во сто разъ драгоцѣннѣе дворянина, считающаго въ своемъ родѣ до 30 дворянскихъ колѣнъ, но не имѣющаго никакихъ достоинствъ, кромѣ того счастія, что родился отъ благородныхъ родителей, которые такъ же, можетъ быть, не болѣе его принесли пользы своему отечеству, какъ только умножали число безплодныхъ вѣтвей своего родословнаго дерева. [1]

Ежели бы кто захотѣлъ разсматривать начало многихъ фамилій, славящихся своею древностію, то увидѣлъ бы съ удивленіемъ, что сія знаменитость, столь много въ нихъ уважаемая, не имѣетъ другихъ себѣ основаній, какъ токмо благосклонность министра или его любовницы, или иногда заплаченіе за пергаментовой [2] листъ великой суммы денегъ, пріобрѣтенной чрезъ грабленіе вдовъ и сиротъ, и тѣмъ учинилась блистательною, такъ что пользую-

[1] Срв. „Похвальную рѣчь въ память моему дѣдушкѣ“ Крылова.
[2] Пергаментный.

щіеся оною не болѣе въ томъ имѣли участія, какъ и въ славѣ великаго Могола[1], или въ побѣдахъ царя Пегускаго[2].

Можетъ ли что быть страннѣе, почтенный Маликульмулькъ, какъ приписывать фамиліямъ таковыя же свойства, каковыя имѣютъ растущія деревья, кои произрастаютъ и возвышаются, на какой бы землѣ ни были посажены, не имѣя ни малой нужды ни въ чьей помощи? Коль скоро одинъ разъ частной человѣкъ учинилъ фамилію свою благородною, то можетъ несомнѣнно быть увѣренъ, что наслѣдники его, лишь только были бы богаты, часъ отъ часу будутъ нѣчто присовокуплять къ достоинствамъ, предкомъ ихъ пріобрѣтеннымъ. Такова есть участь дворянства. На какой бы землѣ ни было оное насаждено, но сколь долго какой родъ будетъ имѣть непрерывное свое продолженіе, то отъ времени до времени дѣлается почтеннѣе и знаменитѣе, ибо истинное его достоинство почитается токмо въ древности.

Какія бы добродѣтели и великія достоинства ни имѣлъ новый дворянинъ, однакожъ его почитаютъ дворяниномъ новой фабрики, но глупецъ и невѣжда, происходящій отъ древняго рода, почитается человѣкомъ знаменитаго происхожденія, и его называютъ древнимъ дворяниномъ.

Взирая иногда, почтенный Маликульмулькъ, на таковые предразсудки, кои имѣютъ нѣкоторые дворяне о древности своего рода, кажутся они мнѣ столь же смѣшными, какъ пустыя мнѣнія нѣкоторыхъ ученыхъ, которые тогда только изъявляютъ

[1] Данный европейцами титулъ Бабуридовъ, тюркскихъ султановъ Индіи.

[2] Пегу — небольшое малайское государство, втеченіе нѣсколькихъ вѣковъ принадлежавшее Бирмѣ.

почтеніе къ наилучшимъ твореніямъ Ѳукидида, Тацита, Цицерона и проч. и тогда только оныя читаютъ, когда находятъ ихъ въ рукописяхъ древнихъ, совсѣмъ истасканныхъ, измаранныхъ и изодранныхъ. Сколько бы кто ни старался имъ предлагать тѣ же самыя сочиненія исправленныя и со всякимъ раченіемъ преданныя тисненію, и сколько бы ихъ кто ни увѣрялъ, что въ тѣхъ рукописяхъ великое множество погрѣшностей, — что многія слова стерты и совсѣмъ почти непонятны, однакожъ они никого бы не послушали, ибо прилѣпляются къ единой токмо древности: Цицеронъ кажется уже имъ не Цицерономъ; Ѳукидидъ теряетъ для нихъ всѣ свои достоинства, коль скоро не нужно надѣвать на носъ очковъ, дабы съ глубочайшимъ вниманіемъ разсматривать, съ потереніемъ своего зрѣнія, древнія рукописи, восемь или девять сотъ лѣтъ назадъ писанныя. Я думаю, почтенный Маликульмулькъ, что сіе безпримѣрное почтеніе и уваженіе къ древнему дворянству, не имѣющему другого достоинства, кромѣ единой токмо древности, можно почесть столь же безумнымъ мечтаніемъ, какъ и ту страсть и привязанность къ древнимъ рукописямъ, а иногда уподобляю я оныя тому безумному уваженію, которое имѣютъ голландцы къ старой фарфоровой или глиняной посудѣ: простой глиняной горшокъ, которой почли бы они за ничто, ежели бы онъ былъ сдѣланъ не болѣе года, поставляется у нихъ въ числѣ драгоцѣнностей, когда онъ сдѣланъ за пятьдесятъ или за шестьдесятъ лѣтъ назадъ.

Но когда я столь явно осуждаю людскіе предразсудки о дворянствѣ, то однакожъ не желаю симъ утверждать, будто бы оно должно быть презираемо. Я совсѣмъ не имѣю таковыхъ мыслей, а только бы

хотѣлъ, чтобъ оно тогда токмо было почитаемо и уважаемо, когда украшается многими почтенными качествами: я желалъ бы, чтобъ оно имѣло тѣ же самыя преимущества, каковыя имѣетъ добродѣтель, всегда сопровождать его долженствующая, и чтобъ къ нему не было оказываемо никалаго уваженія, коль скоро оно не заключаетъ въ себѣ сихъ достоинствъ. Послѣдователи Эпикура полагали основаніемъ всѣхъ вещей пустоту и атомы, но и оные одна безъ другой не имѣли у нихъ никакой силы. Не можно ли бы было, подобно сему, постановить начальнѣйшими правилами почестямъ благороднаго дворянства, кои приписываются людямъ безъ всякаго личнаго достоинства, благородное рожденіе и благородныя чувства, такъ, чтобъ безъ сихъ послѣднихъ первое совсѣмъ ничего не значило, и было бы подобно совершенной Эпикуріянской пустотѣ.

Сіе установленіе съ начала покажется относящимъ всѣ вещи къ первому ихъ началу, а нѣкоторые, можетъ быть, подумаютъ, что чрезъ оное желаю я, чтобъ почти совсѣмъ не было другихъ дворянъ, кромѣ тѣхъ, кои пріобрѣтаютъ сіе знаменитое достоинство одною своею особою, чрезъ отличныя свои дѣла; однакожъ намѣреніе мое совсѣмъ состоитъ не въ томъ, ибо ежели бы я совершенно опровергалъ всѣ различія, находящіяся между нѣкоторыми фамиліями по ихъ древности, то тѣмъ могъ бы заслужить такое же осужденіе, какое дѣлаю самъ безумнымъ къ людямъ предразсудкомъ. Я полагаю, что въ государствѣ благоустроенномъ непремѣнно нужно, чтобъ были различные чины и достоинства, изъ коихъ нѣкоторые должны быть даваемы людямъ, имѣющимъ хорошее воспитаніе, приводящее ихъ въ состояніе и способность исполнять ввѣряемыя имъ

должности. Весьма естественно, что особы, рожденныя отъ такихъ фамилій, кои съ давняго уже времени почтены знаменитѣйшими чинами, бываютъ гораздо способнѣе другихъ исполнять важныя должности, со оными сопряженныя, будучи, такъ сказать, во оныхъ воспитаны, нежели такіе, которые нимало къ тому необыкновенны, и коимъ сіи должности часто бываютъ совсѣмъ неизвѣстны.

Итакъ, еще повторяю, что нужно бы было учредить сіе правило, ибо дворянство тогда только можетъ быть полезно и всякаго уваженія достойно, когда сопровождаемо бываетъ добродѣтелію; оно не должно и не можетъ приписывать себѣ никакого права къ оказанію онаго порока, невѣжества, безумія, безчестія и проч., ибо всѣ сіи гнусные поступки почитаются въ очахъ философа столь же предосудительными въ благородномъ дворянинѣ, какъ и въ самомъ низкомъ гражданинѣ.

Вотъ еще другое правило, которое казалось бы мнѣ столь же справедливо, какъ и первое. Надлежитъ, чтобъ между двумя дворянами по единому достоинству давали одному передъ другимъ преимущество, а ежели при таковыхъ случаяхъ будутъ предпочитать одного другому единственно потому, что родъ его имѣетъ свое происхожденіе древнее, то сіе предпочтеніе такъ же можно будетъ уподобить тому уваженію, которое дѣлаютъ голландцы старой посудѣ или той смѣшной привязанности къ древнимъ рукописямъ, и тогда я буду утверждать то же самое, что говорилъ съ начала моего письма, и думаю, что сіе будетъ не безъ основанія, ежели я сдѣлаю справедливое заключеніе, что изъ почтенія къ дворянству никогда не должно, безъ точнаго изслѣдо-

ванія, оказывать достойныя почести и преимущества благородному вертопраху.

Я нимало не удивляюсь, почтенный Маликульмулькъ, что многіе знаменитые писатели толико вооружались противъ сильныхъ предразсудковъ въ пользу благороднаго дворянства: они тѣмъ старались защищать собственное свое, хотя простое, но честное рожденіе, и поелику природа, одаривъ ихъ отличнымъ преимуществомъ въ разумѣ и добротою сердца, не дала имъ онаго со стороны ихъ породы, то потому не было ли весьма естественно, что они едва могли сносить, что предпочитали имъ такихъ людей, предъ коими во всемъ прочемъ, кромѣ рожденія, имѣли великое преимущество? По истинѣ я прощаю всѣмъ ученымъ въ дѣлаемыхъ ими жестокихъ возраженіяхъ противъ дворянства, ибо они имѣли неоспоримое право нападать на сію мечтательную химеру, предъ коею на жертвенникѣ возжигали постыдную жертву, которая долженствовала бы быть приносима единой токмо добродѣтели.

Еслибы сіи писатели, писавшіе противъ раболѣпнѣйшаго почтенія, оказываемаго къ старымъ бумагамъ, къ древнимъ похвальнымъ грамотамъ и къ пышнымъ тилуламъ и чинамъ, были въ состояніи сами собою познать внутренность тѣхъ, кои рожденіемъ своимъ надмѣру превозносятся, то тѣмъ могли бы они съ большимъ успѣхомъ нападать на сіе ужасное страшилище, съ которымъ непрестанно желали сражаться. Но, по несчастію, большая часть изъ нихъ извѣстны были о единыхъ токмо слабостяхъ и порокахъ, усматриваемыхъ въ дворянствѣ, и о нѣкоторыхъ поступкахъ, достойныхъ смѣха, а не уваженія многихъ дворянъ, а потому самому дѣлали они противъ ихъ жестокія возраженія и укоризны и

поставляли добродѣтель выше рожденія. Хотя и имѣли они къ тому справедливѣйшую причину, однакожъ гораздо болѣе находили бы способовъ къ сему осужденію, когда бы, вошедъ въ обстоятельное изслѣдованіе, могли открыть многіе странные и всякаго презрѣнія достойные поступки большей части дворянъ, носящихъ на себѣ сіе достоинство по единому токмо названію. Весьма мало ученыхъ поступали такимъ образомъ, ибо немногіе изъ нихъ находились въ такихъ положеніяхъ, чтобъ могли точно быть свѣдомы о всемъ томъ, что происходитъ въ большомъ свѣтѣ. Поелику нѣкоторые изъ сихъ ученыхъ препроводили всю жизнь свою въ своихъ кабинетахъ или съ крайнею чувствительностію несли на себѣ иго учиненной съ ними несправедливости, на которую непрестанно приносили жалобу, то низкость ихъ рожденія не позволяла имъ приближаться къ особамъ высокихъ чиновъ и достоинствъ, нѣкоторые же хотя и могли бы быть болѣе свѣдомы о слабостяхъ знаменитыхъ вельможъ, но они поставляли себѣ долгомъ употреблять свое свободное время на другое полезнѣйшее упражненіе, нежели на изслѣдованіе глупостей и коловратностей многихъ людей, думающихъ о себѣ, что чрезъ благородное свое рожденіе пріобрѣли они право дѣлать разныя смѣха достойныя нелѣпости, и что никто не имѣетъ права имъ въ томъ противорѣчить. Однакожъ я думаю, почтенный Маликульмулькъ, что время, употребляемое на примѣчаніе различныхъ склонностей человѣческихъ, сколь ни были бы оныя порочны, всегда употребляется съ пользою, ибо чрезъ то можно научить ненавидѣть порокъ, разсматривая всю его гнусность.

— —

Письмо XXXVIII.

Отъ Астарота къ волшебнику Маликульмульку.

Исполняя данное мнѣ отъ тебя повелѣніе, почтенный Маликульмулькъ, чтобъ увѣдомлять о всѣхъ случающихся новостяхъ въ подземныхъ нашихъ жилищахъ, препровождаю къ тебѣ описаніе происшедшаго здѣсь спора между тѣнями нѣкотораго богатаго откупщика и недавно прибывшей сюда театральной танцовщицы. Разговоръ ихъ показался мнѣ очень забавенъ, и я надѣюсь, что онъ и тебѣ понравится.

Разговоръ между тѣнями Золотосора и Всѣмрады.

Золотосоръ.

Какъ! ты ли это, любезная Всѣмрада? кто бы подумалъ, что въ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ и наслаждаясь при томъ, какъ мнѣ извѣстно, совершеннымъ здоровьемъ, переселилась ты столь безвременно въ здѣшнія мѣста! Я думаю, что г. Промоталовъ послѣ твоей смерти сошелъ непремѣнно съ ума, потому что онъ любилъ тебя до безумія.

Всѣмрада.

Это правда, что бѣднякъ чувствовалъ ко мнѣ сильнѣйшую горячность, однакожъ гораздо бы было для меня лучше, еслибъ я никогда не имѣла съ нимъ знакомства, потому что любовь его ко мнѣ причиною была моей смерти.

Золотосоръ.

Слова твои меня очень удивляютъ. — Какъ, неужели родственники Промоталова, озлобясь, что ты издержками своими совершенно его разворяла, приказали дать тебѣ потихоньку лѣкарство, употребляемое нерѣдко въ таковыхъ случаяхъ въ Италіи?

Безъ сомнѣнія, подговорили они на свою сторону какого-нибудь снисходительнаго эскуланія [1], который посредствомъ своихъ предписаній отправилъ тебя на сей свѣтъ безъ малѣйшаго шума?

Всѣмрада.

Нѣтъ, родственники Промоталова поступали со мною гораздо человѣколюбивѣе, и хотя, какъ тебѣ извѣстно, всѣ они смертельно меня ненавидѣли, однакожъ никакого не имѣли участія въ моей кончинѣ: одна только любовь или, лучше сказать, тѣ пагубныя слѣдствія, которыя часто влечетъ она за собою, были причиною моей смерти. Будучи беременна болѣе уже шести мѣсяцовъ, вздумалось мнѣ, не взирая на тяжесть, коею я была обременена, танцовать въ новомъ балетѣ. Ты знаешь, г. Золотосоръ, что подобныя мнѣ театральныя дѣвки нерѣдко принуждены бываютъ жертвовать собою для удовольствія публики. Такимъ то образомъ узкое шнурованье, которымъ я была стянута, и высокіе прыжки, которые я тогда дѣлала, довершили мою погибель. По выходѣ изъ театра почувствовала я жестокое мученіе, и на третій послѣ того день умерла родами.

Золотосоръ.

Я очень сожалѣю, любезная Всѣмрада, о твоемъ несчастіи: по справедливости, нѣтъ ничего несноснѣе для пригожей женщины, какъ въ цвѣтущей юности лишиться жизни; однакожъ ты отмѣнно была несчастлива при таковыхъ случаяхъ, ибо, какъ помнится мнѣ, это уже не въ первый разъ съ тобою случалось.

[1] Врача.

Всѣмрада.

Это правда: перваго случившаго со мною несчастія причиною былъ нѣкоторой знатной господинъ, а въ другой разъ музыкантъ, играющей на скрипкѣ.

Золотосоръ.

Это очень забавно: ты избрала себѣ двухъ любовниковъ совсѣмъ различныхъ свойствъ и состояній. Я никогда бы не повѣрилъ, чтобъ женщина столь нѣжнаго вкуса, какова была ты, прельстилася глупою харею простого скрипача, и для меня очень удивительно, что, имѣя власть выбирать любовниковъ и въ ложахъ и въ партерѣ, унизила ты себя столько, что вытащила его изъ оркестра. Напротивъ того, я очень увѣренъ, что госпожа Перелюба, прежняя моя любовница, никогда не избирала мнѣ [1] столь недостойныхъ совмѣстниковъ.

Всѣмрада.

О, какъ же ты ошибаешься! повѣрь мнѣ, что и она всегда слѣдовала моему примѣру, и любовникъ, избранный ею тебѣ въ помощники, не знаменитѣе былъ сего музыканта, которымъ ты меня упрекаешь. Она нѣсколько только дней въ недѣлѣ препровождала съ тобою, а остальные съ служителемъ нѣкотораго машиниста. О, что касается до этого малаго, то онъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ превосходилъ всѣхъ, сколько ни есть откупщиковъ на свѣтѣ: то правда, что не имѣлъ онъ ни золота, ни серебра, но природа вмѣсто того одарила его другими совершенствами, которыя у женщинъ болѣе всего уважаются. Ты, будучи первымъ ея любовникомъ, пользовался ея благосклонностями во всѣ тѣ блистательные дни въ ея жизни, когда игрывала она на театрѣ, т. е.

[1] Въ подлинникѣ мнѣ повторено два раза.

во вторникъ, въ пятницу и въ воскресенье, но слуга машинистовъ довольствовался оными въ понедѣльникъ, четвергъ и субботу; что жъ касается до середы, то этотъ день не принадлежалъ ни тебѣ, ни твоему сопернику, а госпожа Перелюба назначала его для театральнаго надзирателя, который, приходя къ ней, дѣлалъ ей иногда честь своимъ ночлегомъ [1].

Золотосоръ.

О это сущая ложь и совершенная клевета! Ты конечно, для оправданія своихъ поступокъ вздумала поносить мою любезную Перелюбу, которой примѣрное постоянство не было подвержено ни малѣйшему сомнѣнію. Я слышалъ отъ многихъ переселившихся сюда моихъ знакомцевъ, что она чрезвычайно обо мнѣ сожалѣла и нѣсколько дней сряду безпрестанно плакала.

Всѣмрада.

Да, тебѣ это сказано было очень справедливо, но кто можетъ знать лучше меня, отъ чего она такъ много огорчалась? Я была ея повѣренною, и потому всѣ ея тайны были мнѣ открыты. „Я лишилась“, говорила она мнѣ, „въ особѣ г. Золотосора величайшихъ сокровищъ: хотя то правда, что никто не былъ столь глупъ и несносенъ, какъ онъ, однакожъ щедрость, съ каковою расточалъ онъ для меня свои сокровища, вознаграждала всѣ сіи недостатки. О смерть! если изъ трехъ моихъ любовниковъ надлежало тебѣ похитить у меня одного, то для чего не обратила ты смертоносное свое оружіе на этого несноснаго надзирателя, отъ котораго въ цѣлый

[1] Срв. комедію Крылова „Сочинитель въ прихожей“ и упоминанія о „театральныхъ дѣвкахъ“ въ его сатирическихъ статьяхъ.

годъ получаю я меньше, нежели отъ г. Золотосора получала въ двѣ недѣли. Нѣтъ, любезная Всѣмрада", продолжала она, „никогда уже не возвращу я того, чего лишилась, и никогда не найду такого человѣка, котораго бы съ такою легкостію могла я водить за носъ, какъ то дѣлывала съ этимъ глупымъ откупщикомъ." — Вотъ, г. Золотосоръ, отъ чего происходила печаль твоей любовницы: я думаю, что очень непріятно для твоего самолюбія слышать такія вѣсти, но что жъ дѣлать? Не ты первый, не ты послѣдній!

Золотосоръ.

Еслибъ Промоталовъ зналъ тебя такъ же хорошо, какъ я, то, безъ сомнѣнія, не столько бы печалился о твоей смерти, и если всѣ твои разсказы о невѣрности ко мнѣ прежней моей любовницы справедливы, то она однакожъ не столько виновна, какъ ты. Помнишь ли ты того нѣмца, который пользовался твоею благосклонностію въ то же самое время, когда разоряла ты бѣднаго Промоталова? Также, я думаю, не позабыла еще ты и того, что при воззрѣніи на золото горячность твоя къ нему, которою ты столь много превозносишься, совершенно исчезала: деньги производили надъ тобою такое же дѣйствіе, какое стужа производитъ надъ термометромъ.

Всѣмрада.

Я могла бы сказать тебѣ въ свое оправданіе, что въ этомъ случаѣ дѣлала я то же самое, что дѣлаютъ прочія мои подруги, и что совсѣмъ несходственно бы было съ моимъ промысломъ поступать въ томъ иначе; однакожъ, оставя это, хочу я увѣдомить тебя, что ничто другое, какъ та же самая чрезмѣрная горячность, которую чувствовала я къ Промоталову, побуждала меня быть иногда противъ

него непостоянной. Я съ сожалѣніемъ примѣчала, что издержки, которыя онъ для меня дѣлалъ, приводили его въ истощеніе: итакъ, чтобъ сберечь его кошелекъ, почерпала я то у другихъ, чего въ немъ не доставало: у агличанъ опорожняла я карманы отъ гвиней [1], которыя были имъ въ тягость, а у нѣмцевъ вытаскивала червонцы, которые также были у нихъ лишніе. Повѣрь мнѣ, любезный Золотосоръ, что я была бы меньше вѣроломна, еслибы не столько любила Промоталова.

Золотосоръ.

Вотъ очень смѣшныя оправданія! Право, мнѣ, кажется, ты еще не совсѣмъ отвыкла отъ тѣхъ любовныхъ глупостей, которыя часто болтаются на театрѣ. „Я была бы меньше вѣроломна, еслибы не столько любила Промоталова!“ Да кто принуждалъ тебя любить излишнее великолѣпіе и безполезныя издержки? Ты могла бы очень хорошо прожить тѣми деньгами, которыя получала отъ своего любовника; однакожъ тебѣ ихъ недоставало и на полгода! Еслибы ты въ самомъ дѣлѣ любила Промоталова, то, конечно, бы провождала свою жизнь совсѣмъ другимъ образомъ. Двадцать богатыхъ платьевъ! тридцать разныхъ манеровъ чепчиковъ и шляпокъ! триста бутылокъ шампанскаго вина и пятьдесятъ или шестьдесятъ прогулокъ за городомъ, которыя ты по любви своей къ нему должна бы была отмѣнить, избавили бы твое постоянство отъ всякаго искушенія. Оставя излишнее щегольство и наблюдая во всемъ бережливость, не была бы ты принуждена ежеминутно его обманывать.

---

[1] Гинея, старинная английская золотая монета = 21 шиллингу

Всѣмрада.

О, г. Золотосоръ, это давно уже вышло изъ моды и никогда между нами не исполняется: ну, можно ли требовать отъ театральной дѣвки, а особливо отъ танцовщицы, чтобъ была она порядочна въ своихъ поступкахъ? Это то же самое, какъ бы желать, чтобъ откупщикъ сдѣлался честнымъ человѣкомъ и воздержался бы грабить народъ тогда, когда имѣетъ къ тому способный случай, — чтобъ петиметръ былъ скроменъ, и чтобъ крючкотворецъ пересталъ брать взятки! Я всегда видѣла, что всѣ мои подруги ни о чемъ болѣе не стараются, какъ о нарядахъ, и непостоянство почитаютъ не иначе, какъ за невинную шутку: итакъ, могла ли я поставлять себѣ въ порокъ то, о чемъ всѣ онѣ разсуждали съ такимъ равнодушіемъ? Въ этомъ случаѣ подражала я дорогой твоей Перелюбѣ, и обманывала такъ же Промоталова, какъ она тебя, съ тѣмъ только различіемъ, что его любила я чистосердечно, хотя и была ему невѣрна, а твоя любовница оказывала только наружную къ тебѣ привязанность: вотъ какое различіе въ любовныхъ дѣлахъ между такимъ молодымъ и пригожимъ офицеромъ, каковъ Промоталовъ, и между такимъ богатымъ и старымъ откупщикомъ, каковъ былъ ты: онъ въ объятіяхъ хотя невѣрной любовницы, однакожъ вкушалъ утѣхи чистосердечной горячности, а ты былъ тѣмъ одолженъ только своимъ сокровищамъ.

Золотосоръ.

Еслибъ ты имѣла хотя искру честности, то должна бы была увѣдомить меня еще при моей жизни о томъ, что теперь мнѣ разсказываешь: тогда не расто-

чалъ бы я по-пустому своего богатства для такой вѣроломной и негодной женщины.

Всѣмрада.

Г. Золотосоръ! Ты желаешь совсѣмъ невозможнаго! — Какъ, ты требуешь, чтобъ я увѣдомляла тебя о томъ, что могло бы причинить вредъ моей подругѣ! Неужели тебѣ неизвѣстно, какое царствуетъ согласіе между театральными красавицами, когда намѣряются онѣ ограбить какого-нибудь богатаго откупщика? и самыя тѣ, которыя бываютъ между собою смертельными непріятельницами, дѣлаются искренними друзьями, коль скоро дѣло дойдетъ до кошелька подобнаго тебѣ богача. Участь многихъ твоихъ товарищей долженствовала бы тебя научить и безъ моего увѣдомленія, чтобъ остерегаться тѣхъ хитрыхъ обмановъ, которые мы очень искусно умѣемъ употреблять противъ такихъ простяковъ, каковъ былъ ты, и другіе тебѣ подобные, расточившіе для насъ все свое имѣніе, и, изъ любви къ намъ, доведшіе себя до совершеннаго раззоренія.

Конецъ третьей части.

Часть четвертая.

Письмо XXXIX.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Еслибы случилось тебѣ, любезный Маликульмулькъ, быть въ здѣшней землѣ, ты очень бы удивился, услыша всенародное роптаніе на бѣдность. Здѣсь всѣ жалуются, что нѣтъ денегъ, отъ нищаго до милліонщика, и отъ сторожей у старыхъ архивъ даже до вельможей, приставленныхъ у смотрѣнія откуповъ и управленія тяжебными дѣлами. Всѣ тоскуютъ, что жить нечѣмъ; у всѣхъ недостатокъ въ необходимости, и всѣ говорятъ, будто приближается послѣдній вѣкъ, а я такъ думаю, что свѣту преставленіе давно уже было, и что люди всѣ померли, а остались одинѣ только машины, которыя думаютъ, будто онѣ дѣйствуютъ, какъ между тѣмъ самая малѣйшая неодушевленная вещь приводитъ ихъ въ движеніе; но всего страннѣе, что они жалуются на судьбу въ томъ, въ чемъ сами виноваты: они ропщутъ на богатство прежнихъ временъ и негодуютъ на бѣдность настоящаго. Каково бы тебѣ показалось, что есть здѣсь люди, которые почитаютъ необходимостію прожить въ годъ двѣсти ты-

сячь рублей, хотя знатные люди древних вѣковъ, каковъ былъ Публикола и прочіе, проживали во сто разъ меньше и не жаловались на свою бѣдность.

Говорятъ, будто здѣшніе жители за 200 лѣтъ назадъ не жаловались на свою бѣдность и почитали себя богатыми, доколѣ французы не растолковали имъ, что у нихъ нѣтъ ничего нужнаго, что они непохожи на людей, потому что ходятъ пѣшкомъ, потому что у нихъ волосы не засыпаны пылью [1], и потому что они не платятъ по двѣ тысячи рублей за вещь, стоящую не больше ста пятидесяти рублей, какъ то дѣлаютъ многіе просвѣщенные народы. Жители здѣшніе, услыша это, устыдились, что они не просвѣщены, стали отдавать французамъ множество денегъ за бездѣлицы, заставили себя возить въ ящикахъ такъ, какъ возятъ на продажу деревенскіе мужики куръ, засыпали головы свои мукой и теперь думаютъ о себѣ, что они въ просвѣщеніи перещеголяли всѣхъ европейцовъ.

Итакъ, здѣшній житель, которой почитаетъ себя важнымъ въ большомъ свѣтѣ, желая сохранить сію важность, несетъ свой годовой доходъ, состоящій изъ трехъ тысячъ рублей, въ лавки, платя шесть сотъ рублей за кузовъ, въ которомъ протаскаютъ его не болѣе одного года; тысячу двѣсти рублей отдаетъ за хорошія аглинскія и французскія матеріи на платье; на девять сотъ рублей покупаетъ пряжекъ, цѣпочекъ и другихъ подобныхъ симъ необходимостей, а послѣдніе триста рублей отдаетъ парикмахеру французу и, не оставя денегъ на столъ, жалуется, что хлѣбъ дорогъ, и ищетъ обѣдовъ у своихъ пріятелей. Такимъ то образомъ богатый помѣ-

[1] Пудрой.

щикъ преобращаетъ свой хлѣбъ и своихъ крестьянъ въ модные товары, а французы имѣютъ искусство дѣлать сіи товары такими, чтобъ преобращались они черезъ мѣсяцъ въ ничто. Итакъ, мудрено ли, что здѣсь недостатокъ въ хлѣбѣ, ибо надобно, по крайней мѣрѣ, четыре куля муки, чтобъ преобратить ихъ въ посредственную аглинскую шляпу, и надобно десять кулей, чтобъ имѣть простыя серебряныя на ногахъ пряжки. Сначала хотя это и дѣлало вредъ щеголямъ, однакожъ тогда хлѣбъ раздѣлялся по народу, и господа недовольны были только тѣмъ, что надобно было много имѣть труда и терпѣнія, чтобы дождаться нѣсколькихъ тысячъ кулей, дабы превратить ихъ въ пуговицы и кружева: французы наставили ихъ, наконецъ, на умъ, и научили не одинъ только хлѣбъ, но и людей превращать въ модные товары. Послѣдуя сему премудрому наставленію, молодой помѣщикъ мало-по-малу убавляетъ у себя хлѣбопашцевъ, промѣниваетъ ихъ на модные товары или превращаетъ въ волосочосовъ и портныхъ, отъ которыхъ надѣется доставать болѣе денегъ. Итакъ, лучшіе люди отнимаются съ полей, на коихъ оставляются только старые и малолѣтные, мѣняются на разныя бездѣлки, а достальные, вмѣсто того, чтобъ доставать хлѣбъ изъ земли своими руками, за каретами и въ передникъ у своихъ господъ ждутъ спокойно, пока ихъ накормятъ. Просвѣщенные люди нынѣшняго вѣка дивятся невѣжеству своихъ предковъ: къ чему старались они наполнять свои житницы хлѣбомъ и содержать хорошо своихъ крестьянъ? Напротивъ того, сами, стараясь загладить ихъ погрѣшности, пекутся только о томъ, чтобъ имѣть у себя болѣе кафтановъ, и не инымъ чѣмъ думаютъ лучше доказать свое просвѣщеніе, какъ

промотавъ въ шесть лѣтъ то, что предки ихъ въ нѣсколько десятковъ лѣтъ скопили. Французы удивляются ихъ просвѣщенному вкусу, смѣются имъ въ глаза и сбираютъ съ нихъ деньги. Сіи французы очень хитры и довели, наконецъ, до того, что почти всякой изъ здѣшнихъ жителей мучится совѣстію и почитаетъ за стыдъ, если не отнесетъ ежегодно къ французамъ три четверти своего дохода и пятую часть всего своего имѣнія.

Тебѣ странно, можетъ быть, покажется, какимъ образомъ принудили они здѣшнихъ жителей, не объявляя имъ войны и не имѣя никакихъ къ тому правъ, платить себѣ толь тяжкую подать, какой не сбиралъ Римъ съ своихъ подвластныхъ народовъ, во время корыстолюбивѣйшихъ своихъ правителей! Но это политическое покореніе здѣшнихъ жителей французами толь хитро произведено въ дѣйство, что и я, бывши здѣсь, не могу сего разобрать подробно, нѣкоторые однакожъ случаи и обхожденіе съ французами подаютъ мнѣ о томъ слабыя мнѣнія, и мнѣ хочется только тебѣ, любезный Маликульмулькъ, представить ихъ на разсужденіе.

Желая закупить Прозерпинѣ модныхъ уборовъ, зашелъ я недавно во французскую лавку къ славнѣйшей здѣшней обманщицѣ. По обыкновенію своему она хвалила мой вкусъ въ выборѣ вещей, въ, которыхъ, признаюсь, не находилъ я никакого толку а я игралъ передъ нею лицо деревенскаго дворянина, которымъ по большей части показываю я себя для того, чтобъ люди, видя меня подъ такимъ покровомъ, менѣе остерегались, и я бы имѣлъ болѣе случая ихъ узнавать. „Каковъ этомъ тюрбанъ?“ [1]

[1] Восточный головной уборъ.

спросилъ я у француженки: — „Государь мой!“ сказала она съ восхищеніемъ: „вы ни на что дурное не покажете: вамъ все то нравится, что прекрасно; вы, конечно, недавно возвратились изъ Парижа, что имѣете вкусъ, столь сходный со вкусомъ тамошнихъ жителей“. — „Нѣтъ“, сказалъ я, „я недавно пріѣхалъ изъ деревни и къ родственницамъ моимъ хочу послать нѣсколько уборовъ: мнѣ хочется въ этомъ случаѣ попросить твоего совѣта.“ — Француженка сдѣлала мнѣ горделивой поклонъ и зачала передо мною вновь перебирать разные уборы. „Я, сударь, не знаю“, говорила она, „какихъ лѣтъ ваши родственницы, однакожъ вы увидите, что моя лавка можетъ наградить недостатки каждаго возраста, Начнемъ по старшинству. Вотъ, напримѣръ, прекрасный покоевый [1] чепецъ: онъ можетъ быть подпорою вашей бабушкѣ, если она у васъ есть; пусть только надѣнетъ она его на себя, то сей чепецъ, закрывши половину ея лица и глазъ, закроетъ половину ея лѣтъ. Прибавьте еще къ сему нѣсколько румянъ, хорошее шнурованье и пышную косынку, то она можетъ легко найти себѣ обожателей, а если еще прибавить“, сказала она, поклонясь, „пятьдесятъ тысячъ рублей наличными деньгами, то и женихи къ ней сыщутся ... Вотъ, сударь, еще соломенная шляпка. Красавицы, у которыхъ дурны глаза, а особливо тѣ, которыя подъ ними носятъ знаки своего усердія къ Цитерской богинѣ [2], разбираютъ у меня сотнями такія шляпки, и, прикрывая ими глаза и носъ, оставляютъ любопытнымъ видѣть одинъ только подбородокъ, красотою коего, также и улыбкою прелестныхъ своихъ устъ, могутъ привлекать онѣ къ себѣ толпу обожателей.

[1] Ночной, спальный. [2] Венерѣ.

За нѣсколько лѣтъ предъ симъ было здѣсь варварское обыкновеніе, что женщины, вступая въ собраніе, не имѣли способовъ себя сокрыть: лица ихъ были открыты, и онѣ такъ плотно были обвернены въ платье, что недостатки и погрѣшности въ красавицахъ съ перваго на нихъ взгляда вематривались, но, благодаря просвѣщенію нынѣшняго вѣка, онѣ выдумали теперь способъ, бывъ въ собраніяхъ, видѣть тамъ всѣхъ, а самимъ не быть никѣмъ видимыми, или показывать публикѣ только то, что онѣ у себя почитаютъ совершеннѣе, и чѣмъ болѣе къ себѣ стараются привлечь обожателей; однакожъ со всѣмъ тѣмъ здѣшнія женщины такъ неблагодарны, что не рѣдко бранятъ насъ, француженокъ, будто мы имъ такіе способы продаемъ очень дорого. Но посудите, сударь, справедливы ли ихъ на насъ роптанія, и сколь много онѣ намъ обязаны!

Дѣвушки, которыя имѣютъ справедливые свои разсчеты скрывать свой станъ, съ коимъ иногда могутъ подозрительны показаться въ собраніяхъ, приходятъ къ намъ и берутъ у насъ себѣ долгой салопъ, которой, скрывая всѣ ихъ недостатки, оставляетъ видѣть одно только прекрасное ихъ лицо. Сами родители ихъ не знаютъ ихъ состоянія, и нерѣдко та, которая прогуливается въ такомъ салопѣ, потупя свои прекрасные глаза, почитается цѣломудреною и неприступною весталкою, хотя она во всѣхъ собраніяхъ ходитъ самъ-другъ или самъ-третей. Итакъ, сударь, съ нашею помощію старушки чепцами закрываютъ у себя половину лѣтъ, молодыя женщины закрываютъ недостатки своихъ глазъ и носовъ, а молодыя дѣвушки дѣлаются невидимыми и сокрываютъ, что онѣ столько же знающи, сколько ихъ матушки. Вотъ, сударь, сколько мы нужны въ са-

мыхъ необходимостяхъ! Но что жъ, если говорить о щегольствѣ, то я должна бы была васъ задержать у себя три дни, когда бы захотѣла разсказывать обо всѣхъ вспомоществованіяхъ, какихъ ищутъ у меня женщины, чтобъ умножить красоту свою и придать молодымъ болѣе пышности, а пожилымъ пріятствъ! Мы поправляемъ несовершенства всѣхъ родовъ: волосы, зубы, хорошій станъ, прекрасную ножку, прелестную грудь. Однимъ словомъ, все можно достать моею помощію, и, безъ честолюбія сказать, я вторая мать модныхъ женщинъ, потому что перерождаю изуродованныхъ природою и своимъ поведеніемъ красавицъ. Признаюсь, что, бывая на гуляньяхъ, всегда съ восхищеніемъ смотрю я на множество прелестныхъ дочерей, которыя мною живутъ въ большемъ свѣтѣ, и какихъ никогда не удастся произвести природѣ. Итакъ, не должны ли сіи дочери мнѣ, какъ матери своей, жертвовать своими деньгами и своею благодарностію? Я, сударь, говорила это для того, чтобъ вы, познавъ свойства разнаго рода уборовъ, выбирали потому сходныя для вашихъ родственницъ".

Она хотѣла еще долѣе продолжать свои прекрасныя описанія, какъ вдругъ вошелъ въ лавку французъ въ изодранномъ платьѣ и кинулся къ ней на шею. „А! любезная сестрица", — вскричалъ онъ, — „я еще тебя вижу!". — „А! любезной братъ", — вскричала француженка, — „ты еще живъ, небо обрадовало меня твоимъ присутствіемъ, но ты весьма въ худомъ состояніи!" — „Надобно мнѣ съ тобою о многомъ переговорить", — отвѣчалъ онъ. — Послѣ сего француженка отложила мнѣ съ поспѣшностію свои уборы, и я, отдавъ ей деньги, обѣщалъ черезъ часъ за ними зайти; но, вышедши за дверь, сдѣлался невидимымъ и воротился въ лавку, любо-

пытствуя узнать о тѣхъ важностяхъ, которыя хотѣлъ разсказывать француженкѣ ея братъ.

„Любезная сестра!“ — говорилъ ей французъ, — „какимъ образомъ выплелась ты изъ смирительнаго дома?“ — „Я удовольствую твое любопытство“, — сказала ему сестра, — „но скажи мнѣ наперед, какъ ты выскочилъ изъ Бастиліи [1] и увернулся отъ висѣлицы, которую уже давно французская полиція приготовляла въ награжденіе за твои добрыя дѣла?“ — Наконецъ, по нѣкоторомъ спорѣ, кому изъ нихъ первому зачинать свое повѣствованіе, французъ началъ сими словами.

„Тебѣ извѣстно, любезная сестра, что я за разные обманы и плутовства получилъ уже орденъ на плечѣ [2] и былъ очень худо отпотчиванъ полиціею; однакожъ, чувствуя въ себѣ отважный духъ, ибо по необходимости не могъ я сдѣлаться такимъ плутомъ, коего бы плутовство уважала полиція, рѣшился я продолжать свое карманное ремесло, и, наконецъ, какъ тебѣ извѣстно, попался въ Бастилію, въ то самое время, какъ тебя отвели въ смирительной домъ [3]. Правительство приговорило, чтобы я украсилъ собою парижскія висѣлицы, но я, притворясь больнымъ, умѣлъ уговорить своего надзирателя, чтобъ онъ дозволилъ мнѣ съ собою прогуляться на верхнихъ площадкахъ, гдѣ, проломя ему голову ключами, спустился внизъ по тоненькой веревочкѣ, и хотя, оборвавшись, лежалъ съ полчаса мертвымъ, однако улелся поскорѣе отъ толь опаснаго для меня мѣста. Послѣ сего мнѣ уже не было болѣе никакого спо-

---

1 Тюрьма въ Парижѣ.

2 Клеймо.

3 За распутство — съ тѣмъ, чтобы потомъ отправить въ ссылку въ Америку.

соба остаться въ Парижѣ, ибо я столь коротко познакомился съ полиціею, что многіе въ лицо меня знали. Я прибѣгнулъ въ семъ случаѣ къ моимъ товарищамъ, и они присовѣтовали мнѣ бѣжать въ сіе государство, гдѣ многіе честные люди нашего ремесла сыскиваютъ себѣ хлѣбъ и бываютъ въ великомъ уваженіи. Слѣдуя сему совѣту, я уплелся кое-какъ, не имѣя ни полушки денегъ, и для того, чтобы поддержать мое путешествіе, на дорогѣ бывалъ я въ иныхъ трактирахъ маркеромъ, иногда убиралъ волосы, а въ иныхъ мѣстахъ дѣлался искуснымъ въ физикѣ и представлялъ опыты моего въ ней познанія; женщины мнѣ покровительствовали, но поляки чуть меня не изрубили за сіе искусство саблями, а германцы едва не застрѣлили изъ пистолета; однакожъ, со всѣмъ тѣмъ, наконецъ, доплелся я сюда и, увидя первую французскую лавку, вошелъ, ожидая себѣ, какъ земляку, нѣкоторой помощи, и небо дало мнѣ тутъ увидѣть тебя, любезную сестру! тебя, которую давно уже почиталъ я посланную правительствомъ въ Америку, чтобы стараться тамъ о размноженіи человѣческаго рода. Я съ радостію вижу, что ты здѣсь находишься въ такомъ состояніи, которому бы и въ новомъ свѣтѣ теперь позавидовали. Ахъ, еслибъ и я не умеръ здѣсь съ голоду ... — но что мнѣ дѣлать! я не знаю никакого ремесла, чѣмъ бы могъ себя пропитать!“ — „Не печалься объ этомъ, любезной братъ!“ — перехватила рѣчь его добродушная сестра, — „я пріищу тебѣ выгодное мѣсто: вступи въ учители — это такое званіе, которымъ многіе изъ твоей братьи вѣчной хлѣбъ себѣ нажили“. — „Какъ!“ — сказалъ французъ, — „мнѣ въ учители!... сестра! ты знаешь, что я не только морали и науки преподавать, но даже и французскія книги читать

неспособенъ". — „Бездѣлица, любезный другъ", — вскричала француженка, — „бездѣлица, довольно, что ты французъ, чтобы заставить здѣсь тебя почитать знающимъ. Послѣ завтра представлю я тебя къ одной вдовѣ, и ты, вѣрно, будешь хорошо принятъ. Помни только мои наставленія: будь важенъ, показывай отвращеніе ко всему, что увидишь въ домѣ сдѣланное не по французскому вкусу и чаще наказывай дѣтей за то, если они не почувствуютъ склонности къ щегольству и къ нашимъ уборамъ, что долженъ ты называть опрятствомъ. Главное твое правило будетъ состоять въ томъ, чтобы учить ихъ лепетать и кланяться по-французски, и какъ скоро достигнешь ты до этого совершенства, то родители почтутъ себя счастливыми, тебя назовутъ мудрецомъ, а дѣтей своихъ станутъ возить напоказъ по городу. Но пойдемъ ко мнѣ въ комнаты, переодѣнься и готовься вступить въ такую прекрасную должность, отъ которой я, пріѣхавши сюда, получила свое состояніе, а достальныя наставленія дамъ тебѣ при вступленіи твоемъ въ сіе званіе". Вотъ въ чемъ замыкались поученія француженки, и мы скоро увидимъ, любезный Маликульмулькъ, какимъ образомъ поступитъ нашъ учитель и какой чести будетъ удостоенъ бѣжавшій изъ Бастиліи французъ [1].

Письмо XL.

Отъ Эмпедокла къ волшебнику Маликульмульку.

Признаюсь тебѣ, почтенный Маликульмулькъ, что безумное мое стремленіе о пріобрѣтеніи пустой славы не только не принесло бы мнѣ никакой пользы,

[1] Срв. комедію Крылова „Модная лавка".

но обратилось бы къ мучительнѣйшему наказанію за мое тщеславіе, еслибы дружба твоя мнѣ не вспомоществовала и не избавила бы меня отъ совершенной погибели. Повергшись въ огненную пучину, начиналъ уже я чувствовать жестокость сей стихіи и проклиналъ свое безуміе, какъ рука твоя, извлекши меня изъ оной, неожидаемо преселила въ пріятнѣйшее жилище, гдѣ нашелъ я всѣ нужныя для себя выгоды, какихъ ожидать никогда бы не осмѣлился. Я чрезвычайно доволенъ уединенною моею жизнію въ твоемъ увеселительномъ домѣ подъ горою Этною: здѣсь, удалясь отъ шумнаго и безпокойнаго свѣта, препровождаю блаженные дни. Чтеніе хорошихъ книгъ въ твоей библіотекѣ составляетъ первѣйшее мое упражненіе, а прогулка по твоему саду наилучшая моя забава. Я удаленъ отъ всего, что могло бы возмутить мое спокойство; никакая слава болѣе уже меня не прельщаетъ; насмѣхаясь всѣмъ человѣческимъ глупостямъ, безъ всякаго помѣшательства могу я прилагать попеченіе о изощреніи моего разума и посвящать всѣ часы моей жизни изученію полезной философіи; однакожъ за долгъ поставляю признательно тебѣ сказать, почтенный Маликульмулькъ, что, читая многихъ древнихъ и новыхъ авторовъ, писавшихъ о различныхъ родахъ человѣческаго безумія, которое хотя и можно иногда извинить правами и обычаями нѣкоторыхъ народовъ, часто вхожу въ размышленіе о странности разума человѣческаго: я почти начинаю думать, что нѣтъ на свѣтѣ ни одного человѣка, выключая тебя, почтенный Маликульмулькъ, истинно мудраго. Когда я говорю истинно мудраго, то подъ симъ словомъ разумѣю, что каждый почитающійся мудрымъ являлъ въ себѣ нѣчто такое, что можно назвать глупостію. Многіе ученые были

увѣрены въ сей истинѣ, и утверждали оную въ своихъ сочиненіяхъ. Славный Депро [1] написалъ, что человѣкъ есть глупѣйшій и достойнѣйшій смѣха изъ всѣхъ животныхъ [2], но мнѣ кажется, что авторы, писавшіе о странности и непостоянствѣ человѣческаго разума, входили въ изслѣдованіе сего предложенія недовольно философически и судили объ одной только поверхности, а желательно бы было, чтобъ они входили въ обстоятельную подробность. Хотя бы и не хотѣли они изслѣдывать всѣ различныя состоянія людей, но вникали бы въ одно только состояніе ученыхъ философовъ, то и тогда могли бы примѣтить, сколь далеко простирается слабость человѣческаго разума, ибо оный часто бываетъ подверженъ многимъ несовершенствамъ, и въ то время, когда кажется быть возвышеннымъ до самой высочайшей степени. Когда открывается очень много порочныхъ склонностей и непостоянствъ въ Картезіи [3], въ Лейбницѣ [4] и въ другихъ подобныхъ имъ мужахъ, науками себя толико прославившихъ, то надлежитъ ли удивляться, находя сіи пороки въ людяхъ, никакими познаніями не просвѣщенныхъ, или въ петиметрахъ и вертопрахахъ нынѣшняго вѣка? Ежели ученые мужи, признаваемые изъ всѣхъ людей совершеннѣйшими, подвергаются многимъ достойнымъ осмѣянія погрѣшностямъ, то чего же должно требовать отъ тѣхъ, которые почитаются отъ всѣхъ достойными пре-

---

[1] Депрео, Буало.

[2] Изъ всѣхъ животныхъ, что на воздухѣ летаютъ,
Что плаваютъ въ водахъ и землю населяютъ,
Хоть Западъ, Югъ, Востокъ и Сѣверъ обойдемъ,
Но человѣка мы глупѣе не найдемъ.

Депрео, (Сат. VIII).

[3] Декартъ, французскій философъ, основатель новой умозрительной философіи (1596—1650).

[4] Знаменитый нѣмецкій философъ и ученый (1646—1716).

зрѣнія? — Итакъ, почтенный Маликульмулькъ, я не безъ основанія полагаю, что, разсматривая непостоянство разума человѣческаго, по поступкамъ двухъ или трехъ[1] прославившихся ученыхъ мужей, можно бы было пріобрѣсти болѣе успѣха въ познаніи всѣхъ людей вообще, нежели безъ всякаго разсмотрѣнія прилѣпляться къ описаніямъ безчисленнаго множества глупостей и сумасбродствъ, которыя хотя и справедливо писателями были осуждаемы, но собраны безъ точнаго изслѣдованія и доказательствъ.

Какого бы великаго духа особу ни избрать, въ каждой непремѣнно усматривается довольно погрѣшностей, почему и можно смѣло утвердить, что разумъ человѣческой достоинъ болѣе жалости, нежели удивленія. Возьмемъ въ примѣръ двухъ знаменитыхъ философовъ: одного древняго, а другого новаго, и разсмотримъ ихъ главнѣйшія дѣла и поступки. Начнемъ прежде Аристотелемъ [2], и потомъ обратимся къ Лейбницу.

Сей знаменитый логикъ, будучи первымъ наставникомъ людей въ здравомысліи, между многими своими умословіями предлагалъ также пустыя и вздорныя басенки. Сколько нелѣпыхъ, совсѣмъ ложныхъ и безполезныхъ сказокъ помѣстилъ онъ въ своихъ сочиненіяхъ! Итакъ, тотъ, кто принималъ на себя столь много труда для наученія людей здравому разсудку, требовалъ самъ въ тысячу разъ болѣе вспомоществованія, которое надѣялся предлагать другимъ и погрѣшалъ непростительно противъ правилъ, самимъ имъ предписанныхъ. Если же захотятъ видѣть еще сего убѣдительнѣе примѣръ слабости и непостоянства человѣческаго раз-

[1] Во второмъ изданіи здѣсь прибавлено еще лишнее „мужей".
[2] Величайшій греческій ученый и философъ (384 - 322 до Р. Хр.)

ума, то войдемъ въ изслѣдованіе природныхъ свойствъ Аристотелевыхъ. Онъ называлъ себя философомъ, и былъ въ самомъ дѣлѣ таковымъ; однакожъ не менѣе другихъ любилъ богатство, и самый корыстолюбивый купецъ, который отъ утра до вечера непрестанно занимается попеченіемъ о своей торговлѣ, не столько бы могъ превозносить оное похвалами. По мнѣнію Аристотеля одно только богатство составляетъ все то, что можетъ назваться здѣсь совершеннымъ благомъ. Лукіянъ[1] справедливо насмѣхался столь ложному Аристотелеву умозаключенію и правилу столь противному не только истинной мудрости, но даже естественному разсудку. Онъ упрекаетъ чрезъ Діогена [2] сему философу, что онъ то говорилъ единственно для того, дабы имѣть благовидный предлогъ удовольствовать свое сребролюбіе и просить себѣ у Александра всего того, чего получить отъ него надѣялся.

Если Аристотель любилъ столько богатство, то не менѣе того прилѣпленъ былъ къ ложной славѣ: я называю ложною славою ту, которая не пріобрѣтается позволенными и честными способами. Дабы люди вѣрили, что его мнѣнія были основательнѣе и разумнѣе всѣхъ другихъ философовъ, онъ предлагалъ имъ оныя столь вздорно и нелѣпо, что тому надлежало бы быть столько же безумну, сколько онъ былъ лживъ, еслибы кто совершенно удостовѣрился, что сіи философы дѣйствительно тѣмъ мнѣніямъ его послѣдовали и сообразно имъ поступали. Вотъ какая была слабость въ человѣкѣ столь великаго и высокаго духа!

Неблагодарность была такъ же свойственною и

[1] Греческій сатирикъ, софистъ (II в. по Р. Хр.).
[2] Греческій философъ, циникъ (411—323 до Р. Хр.).

природною погрѣшностію въ Аристотелѣ. Сей философъ, долженствующій болѣе другихъ познавать всю гнусность сего порока, предавался оному совершенно. Онъ никогда не упускалъ случая оскорблять какъ сочиненія, такъ и самого Платона,[1] которому былъ обязанъ всѣми своими познаніями, коими толико прославился. Итакъ, можно ли послѣ сего удивляться, что въ нынѣшнемъ свѣтѣ многіе, хотя довольный разумъ имѣющіе люди, но въ природныхъ своихъ дарованіяхъ далеко не равняющіеся съ Аристотелемъ, и которыхъ можно бы было почесть противъ его совершенными невѣждами, оскорбляютъ своихъ благодѣтелей, позабывая всѣ ихъ прежнія благодѣянія и что нынѣ всякое оказанное благодѣяніе помнится только нѣсколько дней послѣ его полученія, и благодѣтель доколѣ только уважается, доколѣ есть еще надежда имѣть въ немъ впредь какую либо нужду, но коль скоро въ немъ нужды никакой уже не будетъ, то не только престается оказывать къ нему уваженіе, но даже и имя его предается забвенію! Въ нынѣшнія времена, почтенный Маликульмулькъ, есть много такихъ примѣровъ. Можно ли, повторяю я, сему удивляться, когда Аристотель, будучи одаренъ всѣми наилучшими дарами природы, предавался сему гнусному пороку до такой крайности, и старался всячески оскорблять Платона и повреждать его славу! Послѣ сего не должно ли ожидать, что люди обыкновенные могутъ достигать въ семъ порокѣ до чрезвычайности, и не должно ли почувствовать нѣкоего презрѣнія къ человѣческому разуму, толико прославляемому полу-учеными, который кажется весьма жалкимъ для тѣхъ, кои усматриваютъ всю его слабость?

---

[1] Величайшій греческій философъ (427—81. до Р. Х.)

Всякой разъ, когда размышляю я, почтенный Маликульмулькъ, о поведеніи многихъ великихъ мужей, не могу воздержаться, чтобъ не почувствовать нѣкотораго смятенія, взирая на свое бѣдственное состояніе, и едва не дохожу иногда до того, что желаю себѣ участи несмысленныхъ животныхъ, и согласился бы охотно промѣнять свой разумъ, всегда колеблющійся и подверженный непреодолимымъ слабостямъ, на ихъ врожденное побужденіе, которое никогда не премѣняется и управляется природою. Невѣжды или люди посредственнаго ума непрестанно превозносятъ другъ друга въ великихъ дарованіяхъ, полученныхъ ими отъ природы, но имѣющіе болѣе просвѣщенія мыслятъ о немъ подобно Паскалю[1] и почитаютъ справедливымъ то, что онъ сказалъ: „видя бѣдственное ослѣпленіе въ человѣкѣ, удивительныя противоположности, открывающіяся въ его свойствахъ, и взирая на всю безмолвную природу и на человѣка, лишеннаго просвѣщенія, преданнаго своимъ слабостямъ и какъ бы блуждающагося въ маломъ уголкѣ вселенной, не вѣдая, кто его туда поставилъ, зачѣмъ онъ туда пришелъ, и что случится съ нимъ по смерти, я прихожу въ ужасъ, подобно человѣку, котораго спящаго принесли бы на пустой и страшной островъ, и который, пробудившись, не зналъ бы, гдѣ онъ, и не находилъ бы никакого способа изъ острова выйти. Разсуждая такимъ образомъ, весьма удивляюсь, какъ человѣкъ безъ содроганія можетъ взирать на столь бѣдственное свое состояніе!“

Вотъ, почтенный Маликульмулькъ, когда и самый высочайшій разумъ послѣднихъ вѣковъ не могъ безъ

[1] Величайшій французскій философъ (1623—1662).

ужаса взирать на свое бѣдственное состояніе, и быть пораженъ удивленіемъ, открывая противоположности, непостоянство и слабости въ своей природѣ, почитая ее соборищемъ всѣхъ бѣдствій, то можно ли послѣ онаго людямъ обыкновеннымъ взаимно другъ друга превозносить похвалами въ природныхъ своихъ дарованіяхъ, въ превосходномъ разумѣ и просвѣщеніи? Такіе люди что могли бы сдѣлать со всѣми своими посредственными дарованіями, которыя ничего не значатъ въ сравненіи съ Паскалемъ, когда и ему тѣ высочайшіе дары, коими онъ щедро былъ награжденъ отъ природы, казались достойными презрѣнія? Сей ученый мужъ, почитая участь смертныхъ столь бѣдственною и несчастною, полагалъ, что еслибы не имѣли они въ жизни своей другихъ причинъ къ скукѣ, то, конечно, совокупились бы собственнымъ своимъ существованіемъ.

Теперь возвратимся опять къ слабостямъ Аристотелевымъ. Удостовѣряютъ, что онъ былъ изгнанъ изъ своего отечества за то, что приносилъ жертвы своей наложницѣ и въ честь ея сочинилъ гимнъ. Можно ли далѣе сего простереть безуміе? И самый глупѣйшій вертопрахъ нынѣшняго вѣка дѣлалъ ли что-нибудь сему подобное? Я не нашелъ ни въ одной книгѣ изъ твоей библіотеки, чтобъ и въ Парижѣ дѣлали такое боготвореніе бывшимъ тамъ славнѣйшимъ кокеткамъ, и никто не сочинялъ въ честь ихъ гимна: можетъ быть, сочиняли какіе-нибудь любострастныя пѣсенки ими мадригалы[1], но если какое сравненіе между гимномъ и мадригаломъ?

Итакъ, когда Аристотель воздалъ божескую честь свое наложницѣ и сочинилъ въ честь ея священные

[1] Лирическое стихотвореніе съ искусно переплетенными риомами, любовнаго содержанія.

стихи, то можно ли послѣ сего удивляться, видя въ нынѣшнемъ свѣтѣ многихъ знатныхъ вельможъ, обожающихъ театральныхъ дѣвокъ и расточающихъ для нихъ великія сокровища[1]? Безъ всякаго сомнѣнія, будутъ осуждать такое безуміе, но самое сіе не доказываетъ ли, какимъ великимъ слабостямъ подверженъ человѣческій разумъ, и какихъ слѣдствій ожидать должно отъ его непостоянства? Если въ прежніе вѣки сіе случилось въ Греціи, то не можетъ ли то же самое случиться въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ ... въ ... и въ другихъ мѣстахъ? Неужели нынѣ люди сдѣлались разумнѣе? — Конечно, нѣтъ! — Болѣе ли они просвѣщены Аристотеля? — Безъ сомнѣнія, гораздо меньше. — Умѣютъ ли они лучше противоборствовать страстямъ своимъ? — Нѣтъ, почтенный Маликульмульмъ, они и нынѣ такъ же предаются имъ безъ всякаго сопротивленія. Свойство людей нимало не перемѣнилось, и если нынѣ не видно, чтобъ дѣлали они такія же глупости, какія сдѣлалъ Аристотель, то это, можетъ быть, отъ того, что никому не случилось быть въ подобныхъ положеніяхъ. И въ нынѣшній, такъ называемый просвѣщенный вѣкъ люди такъ же безумны, вѣтрены, непостоянны, сварливы, скупы, горды и тщеславны; какимъ бы высокимъ разумомъ они одарены ни были, никогда не могутъ себя защитить отъ многихъ пороковъ.

Посмотримъ еще сему доказательство въ небольшемъ изслѣдованіи свойствъ Лейбницевыхъ.

Онъ имѣлъ столько же разума, какъ Аристотель, и пресполненъ былъ толикимъ же тщеславіемъ. Онъ говорилъ самъ о себѣ такими выраженіями, которыя показывали въ немъ самую величайшую

[1] Этимъ особенно славился въ то время Безбородко.

и, можно сказать, самую смѣшную гордость. „Мнѣ не было еще пятнадцати лѣтъ отъ роду," говоритъ онъ, „какъ препроводилъ я цѣлые дни въ изысканіи случая, чтобъ занять мѣсто между Аристотелемъ и Демокритомъ[1]. Не болѣе какъ двѣнадцать лѣтъ тому, какъ совершились мои желанія, и я достигъ, наконецъ, до совершеннаго доказательства о дѣйствіи веществъ, которыя, какъ казалось, прежде не являли къ тому нималой способности. Опыты, дѣлаемые мною совсѣмъ особливымъ образомъ, могутъ быть доказаны яснѣе, нежели то дѣлано было другими въ ариѳметическихъ и геометрическихъ задачахъ, хотя сіе превосходитъ всякое воображеніе".

Можно ли распространить далѣе сего надменное о себѣ самомъ мнѣніе? Можетъ ли модный петиметръ безумнѣе сего о себѣ мыслить, или полу-ученый болѣе сего превозносить себя похвалами? Послѣ сего, кто будетъ удивляться, что Пустовралъ поставляетъ себя въ числѣ лучшихъ писателей, что Любокрасъ прельщается своею красотою, и что сочинители бредящаго мѣщанина[2] почитаютъ прекраснѣйшими твореніями глупыя свои бредни, хотя многимъ довольно извѣстно, что нѣтъ почти ни одного изъ ихъ читателей, кто могъ бы съ удовольствіемъ прочитать съ начала до конца хотя одну ихъ книжку. Всѣ сіи люди, рожденные съ разумомъ, въ тѣсныхъ предѣлахъ заключеннымъ, могутъ ли воспротивиться погрѣшностямъ, сроднымъ вообще всѣмъ смертнымъ, когда не могъ оныхъ избѣжать Лейбницъ, будучи изъ числа величайшихъ и славнѣйшихъ философовъ въ Европѣ? Ежели онъ по природному своему свойству

---

[1] Греческій философъ (470—380 до Р. Хр.).

[2] Подъ этимъ названіемъ Крыловъ осмѣивалъ „Бесѣдующій гражданинъ" Антоновскаго, журналъ 1789 г.

принужденъ былъ впасть въ столь смѣшное безуміе, и если въ то самое время, когда осуждалъ человѣческое высокомѣріе, предавался самъ до чрезвычайности сему гнусному пороку, то какимъ чудомъ люди простые могли бы возвыситься свыше предѣловъ своего состоянія и исправить свои несовершенства, присоединенныя крѣпчайшими узами къ существу ихъ? Безумно бы было полагать возможность столь противную какъ здравому разсудку, такъ и неоспоримому опыту.

Итакъ, погрѣшности великихъ мужей не только могутъ быть способны дать намъ почувствовать недостатки всѣхъ людей вообще, но и доказать совершенно слабости и непостоянство человѣческаго разума. Поелику извѣстно, что если кто захочетъ изслѣдывать какую вещь, то всегда должно разсматривать ее съ превосходнѣйшей степени, слѣдственно, познавая глупости обыкновенныхъ людей, узнаешь только то, что нѣкоторые изъ нихъ могутъ имѣть погрѣшности, свойственныя ихъ природѣ, но, удостовѣряясь совершенно, что и самымъ высочайшимъ разумомъ одаренные часто бываютъ подвержены таковымъ же порокамъ, какъ и самые безумнѣйшіе, должно непремѣнно заключить, что нѣтъ никого изъ смертныхъ истинно мудраго.

Ежели бы люди прилежно разсматривали, почтенный Маликульмулькъ, сколь бываетъ въ нихъ посредственъ превозносимый ими столь великими похвалами ихъ разумъ, и сколь способенъ онъ принимать въ себя различныя впечатлѣнія предразсудковъ, самолюбія, гордости, тщеславія, а, наконецъ, и всѣхъ страстей вообще, то гораздо менѣе полагались бы они на сей, по мнѣнію ихъ, природный свѣтильникъ, который почитаютъ они надежнѣйшимъ себѣ путе-

водителемъ, ибо, ежели бы онъ былъ нѣчто дѣйствительно существующее и совершенно твердое и основательное, то надлежало бы, чтобъ во всѣхъ людяхъ былъ онъ одинаковъ, производилъ бы въ нихъ одинакія дѣйствія и показывалъ бы имъ всѣ вещи въ равномъ положеніи. Но отъ чего же происходитъ сіе различіе въ чувствахъ? По какой причинѣ одинъ народъ почитаетъ какую-либо вещь правильною, а другой точно бываетъ увѣренъ въ ея неправильности? И для чего то, что называютъ добродѣтелію въ Азіи, почитается порокомъ въ Европѣ? Который изъ сихъ двухъ есть истинный разсудокъ, европейской или азіятской? Если европейцы совершенно увѣрены въ своихъ мнѣніяхъ, то какую пользу приноситъ природный свѣтильникъ большей части земныхъ жителей? Тогда непремѣнно надлежитъ признаться, что сей мнимый свѣтильникъ, данный отъ природы людямъ для ихъ путеводженія, не болѣе имъ полезенъ, какъ и самогустѣйшій мракъ. Почто думаютъ европейцы, что разсудокъ азіятцевъ несправедливъ? И для чего бы такимъ не назвать разсудокъ европейцевъ? Какимъ образомъ можно рѣшить столь трудную задачу? Не полезнѣе ли въ семъ случаѣ придержаться мнѣнія святаго Августина[1], и вѣрить, что грубость нашего тѣла причиною нашего малаго познанія и несовершенства нашего разума? „Разумъ человѣческій," говоритъ сей святый мужъ, „помрачается привычкою ко мраку, коимъ человѣкъ окруженъ во грѣховной ночи, и потому не можетъ отверзтыми очами взирать на свѣтъ, котораго въ немъ недостаетъ. Вели-

[1] Одинъ изъ знаменитѣйшихъ и вѣрителѣйшихъ въ западной церкви богослововъ (354—430).

кое есть для него благополучіе, когда онъ руководствуется къ истинѣ гласомъ и властію вѣры."

Примѣть, почтенный Маликульмулькъ, что святый Августинъ, какъ кажется, совершенно былъ увѣренъ, что человѣкъ никогда не былъ способенъ самъ собою познавать истину, и что потребно было для сего, чтобъ онъ былъ въ ней провождаемъ нѣкоею высочайшею властію. Итакъ, слѣдуя оному, какую надежду можно полагать на сей разумъ, толико превозносимый похвалами отъ философовъ и отъ многихъ ученыхъ? Должно ли называть природнымъ свѣтильникомъ такую вещь, которая неспособна подать намъ нималѣйшаго просвѣщенія? И какое дѣйствіе можетъ произвести философія, которая ничѣмъ другимъ не поддерживается, какъ властію сего обманчиваго и мечтательнаго разума, который чаще приноситъ намъ вредъ, нежели пользу?

Цицеронъ не безъ основанія утверждалъ, что люди, можетъ быть, были бы блаженнѣе, ежели бы не были одарены разумомъ. Онъ уподобляетъ его вину, которое хотя можетъ иногда быть полезно для больныхъ, но чаще дѣлаетъ имъ вредъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько глупостей извиняемы бываютъ посредствомъ разума? Человѣкъ, который, не получивши отъдр угого нималѣйшаго себѣ оскорбленія, проѣзжаетъ двѣсти или триста миль, единственно для того, чтобъ съ нимъ рѣзаться, основываетъ безуміе свое на разумѣ. Пустосвятъ, который возмущаетъ цѣлое общество, и который одинъ дѣлаетъ болѣе зла, нежели язва и голодъ, защищаетъ свое злодѣяніе разумомъ. Мотъ, повергающійся въ роскошь, извиняетъ свои поступки посредствомъ разума. Философъ вздорныя свои умствованія утверждаетъ также на разумѣ, и, наконецъ, нѣтъ ни одной

такой вещи, въ которую люди не вмѣшивали бы разума: всѣ думаютъ обладать имъ въ равной долѣ, но всѣ равно заблуждаются.

Гораздо полезнѣе, почтенный Маликульмулькъ, усмирить сихъ разумниковъ, превозносящихся столь много своимъ разумомъ, показавъ имъ всю его слабость и несовершенство. Такимъ способомъ можно научить надменныхъ любомудровъ покорять ихъ разсужденія подъ власть вѣры, и никогда не спорить о нѣкоторыхъ вещахъ, въ понятіе ихъ не вмѣщающихся, ибо сколько есть между ими такихъ, о коихъ можно сказать съ святымъ Бернардомъ[1], что „въ то самое время, когда стараюгся они достигать до познанія вещей, имъ непостижимыхъ, сами о себѣ не имѣютъ нималаго познанія.„

Письмо XLI.

Отъ Оидина[2] Боренда къ волшебнику Маликульмульку.

Уже давно, любезный Маликульмулькъ, не имѣлъ я удовольствія бесѣдовать съ тобою письменно, и съ того времени, какъ ты оставилъ свой кабинетъ рѣдкостей, находящійся подъ Харибдою[3], и захотѣлъ нѣсколько времени провести между жителями земными, непостоянными болѣе, нежели морская вода, съ того времени, какъ тебя, любезный мой сосѣдъ, не стало въ нашей стихіи, я также оставилъ свой домъ, который мнѣ однимъ только съ тобою сосѣдствомъ нравился, и нынѣ путешествую по разнымъ странамъ, покрытымъ морскими водами, занимаясь собираніемъ рѣдкостей, коими умножаю твою Кунсткамеру; иногда

[1] Клервосскій (1091—1153), одинъ изъ популярнѣйшихъ святыхъ и авторитетнѣйшихъ богослововъ католической церкви.

[2] Водный духъ.

[3] Чудовище, олицетвореніе водоворота въ Сицилійскомъ проливѣ.

любопытствую видѣть различныя наши селенія и морскихъ людей, изъ коихъ съ нѣкоторыми хочется мнѣ и тебя въ свое время познакомить: право, они очень добрые люди, и отъ жителей земной поверхности тѣмъ только разнятся, что не умѣютъ обманывать и убивать другъ друга.

Путешествуя такимъ образомъ, иногда встрѣчаюсь я съ дворомъ Нептуна [1], а ты знаешь, что всѣ дворы очень любопытно видѣть, особливо дворъ такого бога, котораго владѣнія обширнѣе всѣхъ земныхъ владѣній, и въ которомъ по его многолюдству никогда безъ новостей не бываетъ.

Нашъ водяной дворъ нынѣ въ немаломъ безпокойствѣ и не знаетъ, гдѣ сыскать себѣ для утвержденія мѣсто: недавно Нептунъ выбралъ было очень выгодное близъ береговъ древней Тавриды [2], и Ѳетида [3] приготовила для новоселья превеликолѣпный пиръ. Всѣ наши водяные жители были на оной приглашены и расположились на нѣсколькихъ столахъ праздновать сіе новоселье. Коралды и жемчужныя раковины украшали сосуды и умножали великолѣпіе; гости пировали спокойно, и морской богъ накатилъ уже изрядно лобъ нектаромъ [4], который ему отпускается посуточно съ Юпитерова двора.

„Богъ наконецъ, я выбралъ себѣ очень спокойное жилище“, сказалъ онъ съ восхищеніемъ, „теперь уже ничто меня болѣе не потревожитъ, и неугомонные смертные перестанутъ, плавая надъ моею головою, сбрасывать ко мнѣ всякой соръ, какъ то они донынѣ дѣлывали. Вообразите“, продолжалъ онъ, „что нѣкогда я долженъ былъ отъ нихъ пере-

[1] Богъ моря.
[2] Крымъ.
[3] Морская богиня.
[4] Питье боговъ.

нести свой дворъ къ берегамъ Америки! Что жъ вы думаете, оставили ли они меня тамъ спокойно? совсѣмъ нѣтъ: въ день празднованія моего брака съ Ѳетидою, когда я меньше всего ожидалъ, вдругъ ударили меня по головѣ якоремъ: это былъ Колумбъ [1], которому вздумалось искать новаго свѣта, богатства и славы. Представьте мое удивленіе, когда получилъ я шишку на лбу отъ якоря въ такихъ мѣстахъ, гдѣ меньше всего ожидалъ пріѣзду корыстолюбивыхъ смертныхъ. Перевязавъ свою разбитую голову морскою травою, пустился я почевать далѣе къ сѣверу, не оставляя однакожъ береговъ Америки, и послѣ того былъ нѣсколько времени спокоенъ, какъ вдругъ упало на меня пушекъ съ восемь, и еслибъ я не былъ богъ, то переломало бы мнѣ всѣ кости. „Проклятые смертные!“ вскричалъ я, „вы нигдѣ мнѣ не дадите покою!“. Съ превеликимъ трудомъ вытащили меня всего изуродованнаго изъ-подъ пушекъ, и я узналъ, что эти пушки, которыми меня чуть было не задавило, упали съ корабля, потонувшаго съ многими другими кораблями серебрянаго флота [1], отправлявшагося въ Гишпанію изъ Америки. Опасаясь, чтобъ не быть опять такимъ образомъ когда-нибудь задавлену мореплавателями, рѣшился я перенесть свой дворъ подъ которой-нибудь полюсъ, и въ тотъ же часъ бросился къ сѣверному, гдѣ едва было не замерзъ со всѣмъ своимъ дворомъ, и уже собирался въ скоромъ времени оттуда выбраться, какъ вдругъ побудила меня поспѣшить тѣмъ самая важная причина.

Однимъ днемъ, очень спокойно сидя, выпивалъ я для обогрѣнія себя двадцать шестую бутылку нектара, какъ въ ту самую минуту — о ужасное зрѣ-

[1] Корабли съ американскимъ серебромъ.

лице! — увидѣлъ, что мою любезную Ѳетиду волокли мимо меня, зацѣпивъ за шею веревкою съ привязанною на оной гирею. Бѣдная моя жена хрипѣла и барахталась руками и ногами, но не могла никакъ освободиться отъ проклятой петли, въ которую судьба ее всунула. „Кто такой дерзновенной“, вскричалъ я, „который осмѣливается такъ безчестно поступать съ моею женою?“ Мнѣ донесли, что это были агличане, которые искали прохода къ полюсу на своихъ корабляхъ, изъ коихъ съ одного опущенный лотъ опутался около шеи моей дорогой Ѳетиды, чѣмъ давно бы ее удавило, если-бы она не была безсмертна. Мы кое-какъ ее отпутали, и я побѣжалъ опрометью изъ этихъ проклятыхъ мѣстъ, въ которыхъ думалъ было совсѣмъ избавиться отъ людей, и гдѣ они чуть не удавили мою любезную супругу.

Шествуя оттуда со всѣмъ моимъ дворомъ по морскимъ степямъ, озлился я на всѣхъ мореплавателей, и вздумалъ однимъ разомъ отправить ихъ къ Плутону [1]. Утвердясь въ семъ намѣреніи, возволновалъ я море столь сильно, что надѣялся потопить всѣ корабли безъ изъятія, но вмѣсто желаннаго успѣха надѣлалъ только тѣмъ болѣе себѣ безпокойства: волны, пронося мимо меня корабли, нерѣдко задѣвали меня за голову и перепрокидывали вверхъ ногами, съ иныхъ кораблей бросали наполненные золотомъ ящики и подбивали ими глаза моимъ придворнымъ; двѣ любимыя мои кобылицы окривѣли отъ срубленныхъ мачтъ, которыхъ концами повыкололо имъ по одному глазу; четверымъ изъ моихъ любимыхъ Тритоновъ [2] переломало руки сброшенными

[1] Въ адъ.

[2] Низшія водяныя божества

съ тѣхъ же кораблей пушками. Видя это, я опасался, чтобы, желая нанести бѣды мореплавателямъ, не претерпѣть болѣе ихъ самому мнѣ и не превратить бы свой дворъ въ больницу, ибо большая уже половина нѣжныхъ моихъ придворныхъ была перепятнана носящимися по морю обломками кораблей. Итакъ, въ предосторожность для себя и для оставшейся половины моего двора утишилъ я погоду и оставилъ людей на произволъ самимъ себѣ, проклиная ихъ жадность къ богатству и къ пустой славѣ.

Но не думаете ли вы, что эта буря ихъ устрашила и заставила убѣгать моря? — Совсѣмъ нѣтъ: тотчасъ по утишеніи ея увидѣлъ я проѣзжающіе полуобломанные корабли, на которыхъ пьяные матросы были такъ же спокойны, какъ будто бы они были на твердой землѣ, и бранили другъ друга для препровожденія времени; а тѣ, которые во время прошедшей бури принуждены были сбросить съ корабля часть своихъ сокровищъ, не столько радовались тому, что утишилась буря, сколько сожалѣли о потерянін оныхъ, и желали сердечно удвоить свои опасности на сей жидкой стихіи, надѣясь возвратить потерянное.

Послѣ сего не могъ уже я нигдѣ найти себѣ спокойное жилище: куда я ни уходилъ, вездѣ, кажется, нарочно за мною гонялись земные жители и старались меня безпокоить; украшенія дворца моего, уборы мои и моихъ придворныхъ — ничего отъ нихъ не оставалось въ цѣлости. Хотя многихъ изъ нихъ буря наказываетъ за ихъ дерзость, и хотя многіе низвергаются съ водяной поверхности на дно морское, со всѣмъ тѣмъ оставшіеся думаютъ, что морскіе вѣтры вредить ихъ не могутъ и продолжаютъ спокойно свое плаваніе, ожидая, что природа изъ уваженія къ нимъ перемѣнитъ свои законы и удер-

житъ въ неподвижности моря. Итакъ, я, видя во всѣхъ странахъ непрестанно проходящіе надъ моею головою корабли, пересталъ уже стараться искать мѣстъ, неизвѣстныхъ смертнымъ, и рѣшился здѣсь основать свой дворъ, какъ для ясности погоды, такъ и для теплоты, которую я по своей старости очень жалую. Сверхъ чаянія, нашелъ я здѣсь себѣ спокойствіе, котораго столь давно желалъ: правда, хотя и здѣсь вижу я много кораблей, но это мнѣ придаетъ болѣе осторожности, и я учредилъ часовыхъ, чтобы они отводили отъ моего лба якори, которые сверху иногда бросаютъ. Здѣсь во время непогоды корабли не задѣваютъ за мою голову, для того, что отсюда очень близки берега, въ которыхъ они себѣ находятъ убѣжище, не кидая на мой дворъ своихъ пушекъ и сундуковъ".

Въ самое то время, какъ онъ такимъ образомъ любовался своимъ спокойствіемъ, вдругъ освѣтило все собраніе, и раздался громъ надъ нашими головами; Ѳетида, какъ нѣжная богиня, упала въ обморокъ, а у Нептуна выпала изъ рукъ бутылка съ нектаромъ, которая была уже пуста, а иначе онъ, конечно, держалъ бы ее крѣпче въ своихъ божескихъ рукахъ. Все собраніе устремило кверху глаза и увидѣло надъ собою цѣлый плавающій городъ, который перестрѣливался съ другимъ такимъ же городомъ [1].

„Хорошее мѣсто выбрали они для драки!" вскричалъ Нептунъ. — „Ваше величество", сказалъ одинъ изъ придворныхъ, „конечно, они не знали, что вашему божескому произволенію угодно было сдѣлать пиръ на семъ мѣстѣ, ибо еслибы смертные о семъ

[1] Дальше имѣется въ виду вторая турецкая война (1787—1791) и столкновеніе русскихъ и турецкихъ кораблей около Крыма.

знали, то никакъ не осмѣлились бы надъ вашею головою драться, и тѣмъ безпокоить васъ и все почтенное собраніе“ ... „Ахъ!“ вскричала Ѳетида, которая лишь только что опомнилась; „я занемогу, если эта ужасная драка еще будетъ продолжаться! Любезный Нептунъ!“ говорила она, обратясь къ своему мужу, „отведи отсюда скорѣе сіи корабли“.— „Ахъ, Ѳетида“, вскричалъ Нептунъ, „нынѣ уже не старыя времена, когда я, какъ хотѣлъ, такъ ворочалъ всѣми морями и всѣми плавателями; нынѣ ни одна живая душа изъ обоихъ флотовъ меня не послушаетъ, и еслибы мнѣ вздумалось самому вытти ихъ унимать, то, конечно, съ обѣихъ сторонъ ничего бы я не получилъ, кромѣ нѣсколькихъ ударовъ веслами или, еще и того хуже, расквасили бы мнѣ носъ пушечнымъ ядромъ, а вмѣстѣ съ носомъ я былъ бы въ опасности потерять и твою любовь, ибо, не въ огорченіе сказать вамъ, женщинамъ, всякой мущина, потерявъ носъ, всегда бываетъ въ великой опасности лишиться обожанія самой страстной своей любовницы. Итакъ, пускай они дерутся, мы здѣсь такъ глубоко, что насъ мало должна трогать ихъ ссора. Желалъ бы я только знать, какая причина принуждаетъ ихъ драться на водѣ, а не на землѣ? Со всѣмъ тѣмъ выпьемъ однакожъ за здоровье будущихъ побѣдителей, ибо политика требуетъ, чтобы всегда пристават ь къ сильной сторонѣ, чему всегда послѣдовали мои товарищи Олимпа, какъ подъ Троею, такъ и въ другихъ сраженіяхъ“.

Въ самую ту минуту, когда владѣтель океана подносилъ ко рту рюмку, и лишь только растворилъ было ротъ, вдругъ расшибло ее въ дребезги упавшимъ пушечнымъ ядромъ, за коимъ послѣдовалъ градъ другихъ ядеръ, которыя стучали въ самыя ма-

ковки всѣмъ присутствующимъ на семъ почтенномъ собраніи, и перебило всю на столѣ посуду.

Такіе гостинцы могли бы отправить къ Плутону большую половину нашего собранія, еслибы всѣ мы были не безсмертны, однакожъ со всѣмъ нашимъ безсмертіемъ такіе щелчки ни одному изъ пирующихъ не понравились. Самъ Нептунъ, вышедъ изъ терпѣнія, хотѣлъ взволновать все море и разнять воюющихъ такъ, какъ разнимаютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кулачныхъ бойцовъ заливными трубами.

„Провалъ ихъ побери,“ вскричалъ Нептунъ, „отобѣдаемъ поскорѣе и оставимъ здѣшнія мѣста. Господа!“ кричалъ онъ, „прошу отвѣдать изъ этого блюда, приготовленнаго изъ плеска[1] самаго жирнаго кита.“ — Мы протянули было руки, какъ вдругъ изуродованный чалмоносецъ упалъ въ сіе блюдо. Гости, видя такую дурную приправу, оставили охоту отвѣдать китова плеску, и проклинали всѣхъ чалмоносцевъ на свѣтѣ, которые мѣшаютъ пировать на новосельѣ, и прыгаютъ такъ не кстатѣ въ божескіе соусы.

Не успѣли мы очистить блюдо отъ магометанца, какъ цѣлыя груды сверху попадали его одноземцевъ и на насъ и на нашъ столъ. Ѳетида вновь упала въ обморокъ со страху отъ покойниковъ, хотя Нептунъ доказывалъ ей какъ возможно краснорѣчивѣе, что отъ мертваго тѣла такъ же не пристойно лишаться чувствъ, какъ отъ каменной статуи. „Ахъ!“ кричала она Нептуну, „ты никогда меня не перестанешь мучить, и я вѣчно принуждена буду видѣть здѣсь мертвецовъ и пискарей, которые всегда наводятъ мнѣ обмороки.“

[1] Ошибъ, или хвостъ.

Ты видишь, любезный Маликульмулькъ, что не однѣ ваши женщины отъ мышей и отъ пауковъ лишаются чувствъ, и наша богиня такъ же пискарей боится.

Когда всѣ находились въ такомъ замѣшательствѣ, вдругъ упало къ намъ нѣсколько опаленныхъ и половина еще живыхъ рыцарей луны, и одинъ изъ нихъ попалъ прямо на колѣни къ Нептуну. „О Магомедъ!“ вскричалъ онъ, „теперь я вѣрю, что янычару очень трудна дорога къ твоимъ гуріямъ[1]: пошли же ко мнѣ изъ нихъ поскорѣе хотя одну, чтобъ я могъ видѣть, не по-пустому ли я лишился своихъ ногъ и своей головы.“ — „Дерзновенной!“ вскричалъ Нептунъ, „ты не у Магомеда въ раю, но въ нѣдрахъ моря у обладателя жидкой стихіи, и я скоро накажу тебя за твою дерзость, что ты осмѣлился обезпокоить мое величество.“ — „Какъ!“ вскричалъ музульманинъ, „такъ я напрасно дрался и проливалъ кровь свою за Магомеда, которой не печется теперь избавить меня изъ воды и вмѣсто посланія ко мнѣ прекрасныхъ гурій оставляетъ, можетъ быть, на съѣденіе морскимъ чудовищамъ! Увы! еслибъ я это зналъ, не оставилъ бы мою любезную Зюлиму, и не промѣнялъ бы ее на гурій, которыхъ, какъ видно, и на свѣтѣ не бывало; я не сталъ бы драться съ людьми, которые мнѣ никакого зла не сдѣлали, и не далъ бы себя изуродовать и опалить, во ожиданіи за то себѣ награжденія въ третьемъ небѣ.“ — „Но скажи мнѣ,“ сказалъ Нептунъ, „какую причину имѣли вы драться, и что понудило тебя, оставя спокойную жизнь, идти искать своей погибели на морѣ.“ — Увы!“ отвѣчалъ обожатель Магомеда, „мнѣ сказано было отъ муфтія и отъ имана[2], что люди,

[1] Красавицы—дѣвы магометанскаго рая.
[2] Магометанское духовенство.

живущіе отъ меня за нѣсколько тысячъ верстъ, которыхъ я отъ роду въ глаза не видывалъ, ужасно обидѣли и меня и пророка Магомеда, которой уже нѣсколько сотъ лѣтъ лежитъ спокойно въ Меккѣ, и что я непремѣнно долженъ идти драться съ этими людьми, если не захочу быть лишенъ на безчисленное множество вѣковъ райскихъ гурій. Услыша это, оставилъ я жену и поѣхалъ посмотрѣть тѣхъ людей, которые обидѣли меня и давно уже умершаго Магомеда, будучи въ твердой надеждѣ всѣхъ ихъ перебить, ибо въ Алкоранѣ[1] нашемъ именно сказано, что насъ никто не побѣдитъ до послѣдняго вѣка, но наши непріятели, несмотря на такія сильныя обѣщанія Алкорана, въ другой уже разъ сожигаютъ нашъ флотъ, и меня сего дня со всѣмъ моимъ усердіемъ отмщать Магомедову обиду, съ доброю надеждою будущаго рая и съ моею галерою взорвало на воздухъ и бросило не на небеса, какъ бы должно было мнѣ того ожидать, но на морское дно, гдѣ я вижу ясно, что наши муфтій и иманы обѣщаютъ намъ селенія въ такихъ мѣстахъ, куда они сами никогда прибыть не надѣются, и для того, не полагаясь на будущую жизнь, собираютъ съ насъ деньги, чтобы было имъ чѣмъ райски жить на землѣ".—„Но скоро ли, по крайней мѣрѣ," спросилъ Нептунъ, „кончится ваша драка?" — „Можетъ быть, тогда, когда всѣхъ насъ перебьютъ, ибо нѣкоторые товарищи мои обнадежены, что всѣхъ, кого подыметъ на воздухъ, прямо порохомъ взбрасываетъ на небеса, и думаютъ тѣмъ угодить пророку, своему защитнику, котораго и самого такъ же бы взорвало, какъ и другихъ, еслибъ онъ между нами случился. Однакожъ большая

[1] Коранъ.

часть изъ моихъ земляковъ мало вѣрятъ симъ пустымъ увѣреніямъ и, видя, какъ повсюду бываютъ они поражаемы своими храбрыми непріятелями, имени ихъ страшатся, и какъ на морѣ, такъ и на землѣ не долго выдерживаютъ съ ними сраженіе, но всегда принуждены бываютъ или отъ нихъ бѣжать безъ памяти, или, положа оружіе, отдаваться въ ихъ волю."

Нептунъ, видя между тѣмъ умножающіяся кучи музульмановъ, поспѣшилъ со всѣмъ своимъ дворомъ и съ любезною своею супругою выбраться изъ столь неспокойнаго мѣста, а я продолжалъ мой путь, оставя глупыхъ музульмановъ дѣлать скачки по воздуху, въ честь своего Магомеда, который у Плутона вмѣстѣ съ ними посмѣется, можетъ быть, надъ ихъ дурачествомъ.

Письмо XLII.

Отъ гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Теперь хочу я увѣдомить тебя, любезный Маликульмулькъ, о томъ, чѣмъ кончилось предпріятіе француженки, желающей пристроить брата своего къ мѣсту.

Мнѣ очень хотѣлось знать, кто будетъ тотъ несчастной, кому французской бѣглецъ съ висѣлицы достанется въ учители, и найдутся ли столь глупые, родители, которые бы повѣрили воспитаніе своихъ дѣтей почти безграмотному плуту, который скорѣе можетъ научить, какъ вытаскивать изъ кармановъ платки, нежели наставить въ добродѣтели, и для того на другой день не умедлилъ я невидимкою придти къ француженкѣ, которую засталъ покупающую у здѣшнихъ купцовъ гнилые товары и обер-

тывающую ихъ въ бумаги, украшенныя французскими надписями, чтобы послѣ продавать за иностранные.

Едва отпустила она купцовъ, какъ вошла въ лавку молодая дѣвушка съ своею учительницею и начала разсматривать нѣкоторые товары. Минуту спустя вскочилъ въ лавку молодой щоголь, который между тѣмъ, какъ дѣвушка перебирала разные уборы, успѣлъ переговорить тихо съ ея учительницею. — „Говорила ли ты съ нею обо мнѣ?“ спросилъ онъ ее. — „Надѣйтесь на успѣхъ,“ отвѣчала сія плутовка, „она васъ любитъ, и остается намъ преодолѣть одинъ только ея страхъ. Но, господинъ Скотоправъ,“ продолжала она, „право, услуживая вамъ, я опасаюсь лишиться мѣста.“ — „Не бойся,“ отвѣчалъ онъ, всунувъ ей въ руку кошелекъ съ деньгами, „если ты потеряешь сіе мѣсто, то я представлю тебя моей матери въ надзирательницы къ моей сестрѣ.“ — Мадамъ отскочила отъ него, а онъ подошелъ къ дѣвицѣ. „Боже мой!“ сказала красавица: „ни одного убора не могу выбрать по своему вкусу.“ — „Сударыня!“ вскричалъ подлипало: „вамъ только стоитъ выбрать какой-нибудь: всякой на васъ будетъ казаться прекраснымъ.“ — Дѣвушка присѣла передъ нимъ и покраснѣла: въ семъ состоялъ весь ея отвѣтъ. „Ваша стыдливость доказываетъ, будто вы мнѣ не вѣрите,“ говорилъ щоголь: „ахъ! сударыня, неужели почитаете вы меня лицемѣромъ? Ваша надзирательница, конечно, повторитъ вамъ мои мысли, и я клянусь вамъ сею прекрасною ручкою (при семъ схватилъ онъ ея руку и поцѣловалъ), клянусь всякимъ изъ сихъ нѣжныхъ пальчиковъ, что я говорю правду.“ „Государь мой,“ отвѣчала ему дѣвушка въ смущеніи и почти заикаясь, „я не заслужила такихъ

привѣтствій.“ ... „И, сударыня!“ перехватила рѣчь ея надзирательница, „учитесь лучше жить въ свѣтѣ: можно ли принимать такъ ласки молодого мущины, который всѣми способами столь уже давно старается сыскать случаї доказать вамъ свою любовь и преданность? Можно, право, съ перваго на васъ взгляда узнать, что вы недавно выѣхали изъ деревни. Нѣтъ, воля ваша, я не допущу васъ такъ сурово обходиться съ мущинами. Вы вѣдь видѣли, какъ здѣшнія дѣвушки съ ними ласковы: стараїтесь подражать имъ и оставьте эту деревенскую застѣнчивость, которая дѣлаетъ васъ смѣшною. Я, какъ учительница, вамъ это говорю и, какъ другъ вашъ, вамъ это совѣтую.“ — „Ахъ! Боже мой!“ вскричалъ щоголь надзирательницѣ, „ради Бога оставьте свои выговоры; я въ отчаяніи, что сдѣлался причиною оныхъ. Но, сударыня,“ продолжалъ онъ, оборотясь къ дѣвушкѣ, „если ваша застѣнчивость происходитъ отъ того, что я вамъ противенъ, то прикажите мнѣ отсюда выйти.“ — „Я не говорю вамъ этого, сударь,“ отвѣчала робкая красавица: „будьте спокойны здѣсь и дозвольте только выбрать мнѣ для себя нѣсколько уборовъ, послѣ чего должна я тотчасъ ѣхать: матушка уже, я думаю, давно меня дожидается.“ — „Выбирайте, сударыня,“ сказалъ подлипало, и послѣ того продолжалъ хвалить ея красоту и цѣловать ея руки, а она, боясь, чтобъ опять не назвали ее деревенскою, допускала его это дѣлать, и только иногда ему кланялась. — „Что стоитъ эта шляпка и косынка?“ спросила она у торговки. — „Шестьдесятъ рублей,“ отвѣчала француженка: „да онѣ уже куплены симъ господиномъ,“ говорила она, указывая на Скотоправа, „но если онъ позволитъ, то я ихъ продамъ вамъ, а ему сдѣлаю другія.“ — „Позволю

ли я!“ вскричалъ сей негодяй: „ахъ, я за счастіе сочту, если она выберетъ то, что мнѣ понравилось.“ Дѣвушка ему поклонилась и хотѣла заплатить торговкѣ деньги, но онъ вдругъ остановилъ ея руку, сказавъ ей, что деньги уже заплачены. „Удостойте, сударыня,“ говорилъ онъ съ восхищеніемъ, „это взять, я счастливымъ себя почту, если могу вамъ услужить такою малостью.“ — Ахъ, кстатѣ ли, сударь,“ отвѣчала красавица, „принимать мнѣ отъ васъ подарки: матушка будетъ на меня гнѣваться, когда объ этомъ узнаетъ.“ — „Вы еще не оставили своихъ деревенскихъ правилъ,“ сказала честная ея надзирательница: „ну, все ли должно знать матушкѣ, что дѣлаетъ дочка? Довольно и того, если я это знаю, и неужели вы захотите сдѣлать неучтивство, отказавъ сему господину въ просьбѣ, не находя въ томъ ничего дурного. Поживите, сударыня, поболѣе въ большемъ свѣтѣ, вы узнаете, что нѣтъ никакого худа принимать дѣвицѣ отъ мущины подарки: развѣ вы не помните, какъ въ бытность нашу въ домѣ у графиня Безпутовой при васъ подарилъ молодой человѣкъ дочь ея прекраснымъ склаважемъ[1], неужли вы позабыли, что тутъ же другой молодой человѣкъ проигрывалъ ей нарочно свои деньги, а это вѣдь тѣ же подарки? Возьмите, сударыня, возьмите эту шляпку и косынку, а деньги свои поберегите для другихъ веселостей: вы знаете, что вамъ очень не легко выпросить у своей матушки и пятнадцать рублей. Если же вы скажете объ этомъ вашей матушкѣ, то она, вѣрно, не зная правилъ большого свѣта, васъ забранитъ и заставитъ жить и думать такъ, какъ ей угодно, т. е. почти не говорить съ

[1] Драгоцѣнный уборъ.

мущинами, сидѣть, потупя глаза въ землю, и бояться сказать лишняго слова, чѣмъ вы сдѣлаетесь смѣшны во всемъ здѣшнемъ городѣ, и на васъ всѣ благородныя дѣвицы будутъ указывать пальцами.“ Послѣ такого прекраснаго правоученія дѣвица приняла подарки и накупила еще другихъ уборовъ, за которые щоголь заплатилъ свои деньги, и за все ето, прощаясь, поцѣловалъ у красавицы ручку. „Прощайте, сударыня,“ сказалъ онъ, „я желаю вамъ скорѣе узнать большой свѣтъ.“ — „О. сударь,“ перехватила рѣчь его ея надзирательница, „дѣвица имѣетъ всѣ дарованія, чтобъ его украшать собою: она поетъ, какъ ангель, и прелестно танцуетъ.“ — „Ахъ, этому я вѣрю“, вскричалъ Скотоправъ: „голосъ, выходящій изъ ея прекрасной груди и прелестныхъ устъ, можетъ ли не трогать сердце, а съ такою прелестною таліею и съ такими безподобными ножками можно ли худо танцовать? О, сударыня, да мы сразимся съ вами въ этомъ искусствѣ! Меня ничему столь прилежно не учили, какъ танцовать: одинъ танцмейстеръ за ученіе мое столько же бралъ отъ моей матушки денегъ, сколько всѣ учители вмѣстѣ. Послѣ того я ѣздилъ въ Парижъ, гдѣ и довершилъ сіе искусство, хотя и въ другихъ полезныхъ молодому человѣку знаніяхъ я не былъ лѣнивъ, ибо я могу похвалиться, что матушка моя не жалѣла ничего, чтобы сдѣлать меня совершеннымъ. ... Пѣвецъ Брелляръ (Braillard)[1] обработалъ мою грудь; фехтмейстеръ и стрѣлецъ Фанфаронъ (Fanfaron) обработалъ мои руки, а славной французской танцмейстеръ любезной мой Букъ (Bouc)[2] обработалъ мои ноги и сдѣлалъ меня совершеннымъ человѣкомъ. Я постараюсь доказать вамъ

[1] Горланъ.
[2] Козелъ.

это при первомъ случаѣ, когда васъ увижу, если только удостоите сказать мнѣ тѣ счастливыя мѣста, которыя украшаете вы своимъ присутствіемъ.“—„Я, сударь, въ будущемъ маскарадѣ надѣюсь быть съ моею матушкою,“ отвѣчала скромница, изъ вида которой примѣчалъ уже я, что она ухватками сего господчика и наставленіемъ своей французской надзирательницы начала спотыкаться на пути добродѣтели. — „Мы нерѣдко будемъ и сюда ѣздить для покупки уборовъ“, сказала ея учительница. Послѣ сего онѣ уѣхали, и я сожалѣлъ о неосторожности сей дѣвушки, бранилъ ея мать, что повѣрила воспитаніе своей дочери такой плутовкѣ и проклиналъ сію бродяжку француженку, которая, недовольна тѣмъ, что нашла себѣ хлѣбъ въ честномъ домѣ, въ благодарность вздумала развращать невинную дѣвушку, въ чемъ способствовала имъ и содержательница лавки, обѣщавъ Скотонраву, что она въ своей лавкѣ дозволитъ производить всѣ старанія для погубленія добродѣтели сей дѣвушки, которая, какъ кажется, очень скоро развратится, навидѣвшись примѣровъ въ большомъ свѣтѣ.

Едва вышли всѣ изъ лавки, какъ вошелъ къ торговкѣ ея братъ. Они сѣли въ карету, а я помѣстился тутъ же напротивъ ихъ: ты знаешь, любезный Маликульмулькъ, что духу не много надобно мѣста.

„Надобно тебя предувѣдомить о здѣшнихъ жителяхъ“, говорила француженка своему брату, „и сказать тебѣ, до какой степени можемъ мы ихъ обманывать и пользоваться ихъ легковѣріемъ. Американцы, въ первыя времена прибытія къ нимъ европейцевъ, не столько ихъ уважали, сколько здѣсь уважаютъ французовъ: тѣ побѣдили американцевъ

оружіемъ, а мы побѣждаемъ здѣшнихъ жителей хитростію; тѣ выманивали у нихъ множество золота за колокольчики, погремушки и бисеръ, а мы не менѣе здѣсь достаемъ золота за такія вещи, которыя нимало не важнѣе и не дороже погремушекъ и мѣдныхъ колокольчиковъ, съ тою еще выгодою, что колокольчики можно употреблять нѣсколько десятковъ лѣтъ, а наша и самая прочная бездѣлка не станетъ на три мѣсяца. Однакожъ со всѣмъ тѣмъ здѣшніе жители почитаютъ должностію раззоряться, чтобъ только имѣть честь отдавать намъ свои деньги. Правда, что отъ того здѣсь часъ отъ часу становятся дороже деньги и всѣ необходимыя для содержанія вещи; одна наша лавка можетъ раззорить въ годъ до ста тысячъ крестьянъ, но эти сто тысячъ хлѣбопашцевъ здѣсь меньше уважаются, нежели одинъ французъ, торгующій шляпами, помадою и стальными пуговицами, почему наши одноземцы, узнавъ такое счастливое къ нимъ уваженіе, не замедлили толпами пріѣзжать сюда (хотя многимъ изъ нихъ такъ же, какъ и тебѣ, любезной братъ, выѣхать было нечѣмъ), чтобы здѣсь наградить свою бѣдность и жить пышно на счетъ здѣшнихъ добродушныхъ жителей.

Считается три рода главныхъ упражненій, которыми мы здѣсь раззоряемъ и приготовляемъ къ раззоренію ежегодно по нѣскольку тысячъ человѣкъ, а именно: торговля модными товарами, рукодѣлья и учительство.

Что касается до торговли, то ты могъ уже понять изъ моихъ повѣствованій, сколь она для насъ выгодна. Наши лавки могутъ назваться храмами вкуса и любви, ибо въ нихъ покупаютъ у насъ модные товары и дѣлаются тайныя свиданія волокить

и молодыхъ дѣвушекъ, изъ коихъ иныя очень строго содержатся дома, и для того подъ видомъ закупки уборовъ пріѣзжаютъ онѣ къ намъ и мы часто вводимъ ихъ къ себѣ въ комнаты, гдѣ онѣ находятъ своихъ любовниковъ, кои имъ болѣе всѣхъ уборовъ нравятся: съ обѣихъ сторонъ платятъ намъ щедро, и, сверхъ того, покупаютъ у насъ дорогою цѣною товары, потому что почитаютъ за стыдъ торговаться въ тѣхъ лавкахъ, въ которыхъ онѣ своими рѣзвостями не одно канапе[1] изломали.

Изъ всѣхъ рукодѣлій важнѣйшимъ почитается искусство честныхъ волосочесовъ. Съ симъ знаніемъ не рѣдко бываетъ соединена должность Меркурія[2] и ростовщика. Они, отправляя такимъ образомъ всѣ сіи званія вдругъ, получаютъ множество доходу, не тратя ни копейки своихъ денегъ. Нерѣдко волосочесы, нажившись отъ гребенки, отъ волокитъ и отъ мотовъ, становятся богатыми купцами, потомъ вступаютъ въ гражданскія званія и достаютъ себѣ чины, и тотъ, кто у насъ былъ въ опасности умножить галерную бесѣду и повелѣвать однимъ деревяннымъ весломъ, управляетъ здѣсь нѣсколькихъ числомъ людей, которыхъ одна только бѣдность удерживаетъ въ уничтожительномъ состояніи.

Теперь надобно растолковать тебѣ объ учительскомъ званіи, которое для тебя всѣхъ важнѣе, потому что ты скоро будешь его на себѣ носить.

Еще не прошло одно вѣка, какъ жители здѣшніе сами воспитывали своихъ дѣтей и толковали имъ только о томъ, чтобъ были они честными людьми, храбрыми на войнѣ и твердыми въ перемѣнахъ счастія; къ такимъ наставленіямъ не рѣдко способство-

[1] Низкій мягкій диванъ со спинкою.
[2] Посла, посредника.

вали примѣры самихъ отцовъ, которые всегда старались содержать при себѣ дѣтей своихъ. Тогда жители здѣшніе хотя не были краснорѣчивы, но говорили такія истины, которыя не было нужно поддерживать краснорѣчіемъ. Нынѣ же, по прошествіи варварскихъ временъ, вздумали, что тотъ не можетъ быть хорошимъ гражданиномъ, кто не умѣетъ танцовать, прыгать, вертѣться, говорить по-французски и болтать цѣлый день, не затворяя рта, въ бесѣдахъ. Къ такому воспитанію необходимо понадобились французы. Нынѣ не жалѣютъ ничего, чтобы сдѣлать дѣтей своихъ пріятными въ большомъ свѣтѣ, и для того учатъ ихъ хорошо кланяться, держать себя всегда въ лучшемъ положеніи и не говорить здѣшнимъ языкомъ, но иностраннымъ. Имъ не говорятъ ни слова о томъ, что есть добродѣтель, и полезна ли она. Отцы совѣтуютъ всегда имѣть въ наличности деньги, которыя могутъ замѣнить достоинства и поправлять недостатки; а учители научаютъ промѣнивать сіи деньги на кафтаны и на щегольство, которое здѣсь замѣняетъ иногда богатство. Итакъ, братецъ, когда вступишь ты въ учители, то берегись передъ дѣтьми раскрывать умныя книги, ибо они за то станутъ тебя ненавидѣть и наговаривать своимъ родителямъ, которые назовутъ тебя педантомъ и сгонятъ со двора. Тверди своимъ ученикамъ только то, какъ должно жить въ большомъ свѣтѣ, и поставь ихъ на такой ногѣ, чтобы они могли быть изъ числа усерднѣйшихъ французскихъ данниковъ; а когда они выростутъ, старайся потакать ихъ порокамъ: они тебя тѣмъ болѣе полюбятъ и удвоятъ твое жалованье. Не забывай имъ твердить, что одни только французы могутъ назваться совершенными людьми, и что они до тѣхъ поръ будутъ невѣжами,

пока не сдѣлаются совершенными имъ подражателями. Читай передъ ними чаще философію французскихъ Эпикуровъ и Спиноз[1]: ученики твои начнутъ сперва по-маленьку бранить вѣру и добродѣтель будутъ называть предразсужденіемъ, а батюшки и матушки станутъ тѣмъ забавляться и разсказывать всѣмъ, что дѣти ихъ превеликіе забавники, и чѣмъ больше дѣти будутъ насмѣхаться надъ тѣмъ, что въ старину называлось свято; чѣмъ болѣе будутъ они дѣлать шалостей надъ старыми людьми, тѣмъ болѣе ты въ домѣ будешь нравиться, и тѣмъ больше тебя станутъ выхвалять во многихъ домахъ, и ты будешь, наконецъ, отпущенъ съ награжденіемъ и съ деньгами, которыя помогутъ тебѣ завести лавку, куда послѣ будутъ ѣздить по знакомству твои ученики и платить тебѣ вдвое дороже противъ другихъ. Въ короткихъ словахъ, вотъ вся твоя должность: маленькихъ пріучай къ разнымъ шалостямъ, а когда выростутъ, помогай имъ мотать и дѣлать разные денежные переводы; набери съ нихъ векселей чрезъ третьи руки, и если только будетъ можно, разори ихъ. Повѣрь, что французъ никакими поступками не потеряетъ здѣсь уваженія, и самое то, чѣмъ у насъ могъ бы ты заслужить галеры, здѣсь доставить только тебѣ имя остряка. Старайся болѣе всего, для сокрытія проворныхъ твоихъ выдумокъ, всегда ссорить дѣтей съ родителями, чтобы они никогда не могли имъ быть откровенны; сдѣлай ихъ непріятелями другъ другу, и будь обѣихъ сторонъ повѣреннымъ; разоряй одну сторону другою, и съ обѣихъ собирай деньги: вотъ правило, по которому поступаютъ многіе честные наши одноземцы, которые

[1] Имѣются въ виду Вольтеръ и энциклопедисты.

оставя твое ремесло, выѣзжаютъ сюда, чтобъ быть здѣсь учителями. Правда, отъ такого воспитанія родители своими дѣтьми веселятся только въ ихъ младенчествѣ, и стыдятся ихъ, когда они войдутъ въ совершенныя лѣта; правда также и то, что отъ сего новаго воспитанія мало-по-малу искореняются здѣсь честные люди стараго вѣка, которыхъ называютъ нынѣ невѣжами, а на мѣсто ихъ вступаютъ люди большого свѣта, которые дѣлаются столь же худыми воинами, сколь дурными гражданами, которыхъ все совершенство состоитъ только въ томъ, что на нихъ кафтаны хорошаго покроя. Со всѣмъ тѣмъ родители объ этомъ очень мало заботятся и продолжаютъ воспитывать дѣтей по новому образу, которой нашимъ землякамъ доставляетъ много пользы, ибо они молодыхъ людей здѣшней земли напередъ приготовляютъ къ роскошамъ и къ мотовству, а потомъ сами пользуются ихъ пороками и наживаются отъ ихъ слабостей. Итакъ, можно утвердительно сказать, что они сихъ дѣтей воспитываютъ не для отечества, но собственно для себя. Вотъ, любезный братъ, всѣ правила, которыя нужно было тебѣ узнать: умѣй ими пользоваться; опыты окажутъ тебѣ достальное". — При сихъ словахъ карета остановилась, они вышли у воротъ довольно богатаго дома, и я также послѣдовалъ за ними. Французъ былъ принятъ очень ласково и съ довольнымъ уваженіемъ: ему поручены были на воспитаніе двое молодыхъ людей, не испорченныхъ еще новымъ воспитаніемъ, но должно надѣяться, что со-временемъ успѣетъ онъ сдѣлать ихъ подражателями и данниками французовъ.

Письмо XLIII.

Отъ Сильфа Свѣтовида къ волшебнику Маликульмульку.

Недавно прохаживался я въ публичномъ саду, желая посмотрѣть на множество машинъ, летающихъ на парусахъ, которыхъ приноситъ туда хорошая погода, и которыя главною своею должностію поставляютъ шесть часовъ въ сутки бѣгать по всѣмъ аллеямъ, чтобы показать свое модное платье; кланяться многимъ, кто имъ навстрѣчу попадется, и осмѣивать всѣхъ, кто мимо ихъ проходитъ.

„Вотъ“, думалъ я самъ въ себѣ, „важное упражненіе тварей, которыхъ называютъ умными! Несчастливъ тотъ городъ, которой содержитъ въ себѣ много такихъ тунеядцевъ“. — Въ ту самую минуту взглянувъ на сторону, увидѣлъ я двухъ человѣкъ, скромно прохаживающихся въ отдаленной аллеѣ. „Вотъ люди“, подумалъ я, „которые, какъ кажется, пришли сюда только для того, чтобъ пользоваться хорошимъ временемъ и употребить его для разсужденія. Конечно, это философы: поспѣшу узнать мысли сихъ счастливыхъ людей, которые умѣютъ пользоваться хорошею погодою, не тратя времени въ пустыхъ бѣганіяхъ по аллеямъ, но употребляютъ его для умнаго разсужденія“. Въ минуту сдѣлался я невидимымъ и подошелъ къ нимъ.

И подлинно, это были такіе люди, которыхъ многіе почитали философами. Они прохаживались, не говоря ни одного слова, съ важнымъ видомъ, и только что пожимали плечами и возводили глаза кверху ... „Ты размышляешь?“ сказалъ одинъ изъ сихъ философовъ. — „Да“, отвѣтствовалъ другой: „увы! я размышляю о всѣхъ бѣдствіяхъ, удручаю-

щихъ несчастныхъ человѣковъ, и дѣйствительно вижу, что человѣческая участь великаго сожалѣнія достойна! ... Гдѣ ты сего дня обѣдаешь?“ — „Это правда“, говорилъ первой, „что люди съ стороны несчастной своей судьбы очень жалки! ... Гдѣ ты будешь обѣдать?“ — „Я никуда не давалъ слова; не хочешь ли со мною вмѣстѣ идти обѣдать въ трактиръ?“ — „Съ охотою.“ Въ ту жъ минуту они пошли изъ саду, и я послѣдовалъ за ними. Вошедъ въ трактиръ, оба они непрестанно твердили: „ахъ! Боже мой! сколь маловажна человѣческая жизнь! ... Что у тебя есть къ обѣду?“ спрашивали они у трактирщика. — „Часть самой жирной телятины“, отвѣтствовалъ онъ имъ, „спаржа, колеты[1], сосиски, соусъ съ голубями, сладкой пирогъ, и еще если что будетъ угодно.“ — „Очень хорошо“, говорили два философа: „приготовь еще намъ хорошей рыбы и дай побольше устрицъ“ ... „Ахъ, Боже мой!“ повторяли они: „какъ жалки люди! вся жизнь ихъ преисполнена величайшими бѣдствіями ... Пойдемъ, сядемъ за столъ. — Хозяинъ! дай намъ двѣ бутылки хорошаго шампанскаго и бургонскаго вина ... Подлинно, маловажна человѣческая жизнь!“ — Послѣ сего сѣли они оба за столъ и начали ѣсть съ добрымъ аппетитомъ, продолжая непрестанно оплакивать человѣческую судьбину и почасту спрашивая другъ друга: „не хочешь ли выпить вина, любезной товарищъ?“ „Съ великою охотою, любезной другъ! — „Ваше здоровье“. — „Ваше здоровье“. — „Знаешь ли ты, что я вчерась умеръ было отъ желудка“. — „А я третьяго дня въ кофейномъ домѣ пилъ очень много ликеру, и отъ того во всю ночь былъ въ

[1] Въ 1-омъ изданіи „котелеты“—котлеты.

превеликомъ жару“ ... „Ахъ! какъ маловажна человѣческая жизнь!“ — „Какое это прекрасное блюдо! покушай, любезной другъ!“ — „А! да и пирогъ чрезвычайно хорошъ: право, я тѣмъ одинъ противъ четвертыхъ.“ — „А я противъ шестерыхъ.“ — „Читалъ ли ты недавно вышедшее сочиненіе Г....? — — „Читалъ, ахъ, какъ оно жалко! этотъ сочинитель не похожъ на философа.“ — „Выпьемъ еще по рюмкѣ.“ — „Всѣ эти господа молодые сочинители никуда не годятся; надобно признаться, что здѣшняя ученость пришла бы въ совершенный упадокъ, ежели бы не было насъ съ тобою, и еще нѣкоторыхъ подобныхъ намъ, которыхъ сочиненія заслуживаютъ уваженіе“ ... „Гей! человѣкъ! принеси намъ кофею и самыхъ лучшихъ сливокъ.“ — „Не жалко ли, что здѣсь важныя мѣста въ государствѣ занимаются такими людьми, которые очень мало того достойны; здѣсь не умѣютъ различать людей: одно только знатное рожденіе и богатство предпочитается; мы съ тобою, любезной другъ, всѣ часы жизни нашей проводимъ въ наукахъ и знаемъ цѣну добродѣтели, а не имѣемъ способовъ быть полезными нашему отечеству. А кстатѣ, сказывалъ ли я тебѣ, что завтра станутъ слушать мое дѣло съ тѣмъ негодяемъ ... Я уже рѣшился разорить его до основанія, и не уступить ему ни одной копейки ... Ахъ! Боже мой! сколь маловажна человѣческая жизнь! Куда жъ мы отсюда пойдемъ?“ — „Не хочешь ли въ театръ, ты увидишь тамъ новую актрису, съ которою я третьяго дня познакомился: она прекрасна! Но у меня съ ума нейдетъ, какимъ великимъ бѣдствіямъ подвержена человѣческая жизнь. Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой! Ахъ, Боже мой!“ — „Хорошо, пойдемъ, а оттуда можемъ зайти къ одной моей знакомой, у которой мужъ

превеликой глупецъ ... а она женщина прелюбезная ... Но я всегда ужасаюсь, когда приходитъ мнѣ на мысль несчастное поврежденіе человѣческихъ нравовъ! Ахъ! какъ маловажна наша жизнь!“ ... Послѣ сего вышли они изъ трактира, но я уже за ними не пошелъ, видя, сколь много обманулся въ моемъ мнѣніи, почтя философами такихъ, которые нимало не заслуживали сего почтеннаго названія.

— —

Письмо XLIV.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку [1].

На сихъ дняхъ, любезный Маликульмулькъ, услышалъ я отъ пролетѣвшаго мимо меня Сильфа, что въ одномъ обширномъ государствѣ, привлекшемъ на себя, въ нынѣшнемъ вѣкѣ, вниманіе всего свѣта, будетъ представлена новая драмма. Любопытство мое въ ту жъ минуту принудило меня туда перелетѣть и радоваться, что и въ сихъ холодныхъ мѣстахъ науки зачинаютъ обогрѣвать своими лучами замерзлыя сердца жителей.

Вотъ, скажешь ты, смѣшное желаніе, прыгая изъ государства въ государство и изъ театра въ театръ, только для того, чтобы видѣть новое театральное зрѣлище, которое, можетъ быть, не стоитъ того, чтобы заняться имъ два часа, и переноситься нѣсколько тысячъ верстъ за тѣмъ, чтобы послѣ бранить автора, дерзнувшаго навести ужасную зѣвоту вдругъ тысячамъ двумъ народу, за наличныя ихъ деньги!

[1] Это письмо направлено противъ Соймонова, завѣдывавшаго тогда театрами, и противъ выбираемыхъ имъ для постановки піесъ. Въ 1788 — 89 г.г. Крыловъ былъ въ открытой борьбѣ съ Соймоновымъ.

Все это можетъ статься, а особливо въ такія времена, когда театръ сдѣлался не училищемъ нравовъ, но ихъ развращеніемъ. Однако, выслушай мое оправданіе: оно не въ иномъ чемъ состоитъ, какъ въ дошедшемъ до меня описаніи сего государства. Прочти его, и послѣ разсуждай, основательно ли было мое любопытство.

Что въ древни времена былъ Римъ,
Чѣмъ славились Египетъ, Греки,
То возрожденнымъ въ наши вѣки
Мы въ сей одной державѣ зримъ:
Гражданъ уставы не жестоки,
У нихъ лишь связаны пороки,
Неволи нѣтъ, хотя есть тронъ:
У нихъ есть царь, но есть законъ.
Минерва [1], правя въ сихъ мѣстахъ,
Рабовъ не ищетъ малодушныхъ;
Но хочетъ лишь дѣтей послушныхъ,
Вперя къ себѣ любовь, не страхъ.
Во гнѣвѣ громъ ея ужасенъ,
Но онъ врагамъ однимъ опасенъ,
Имъ мышцы льва ослаблены,
И ломятся рога луны [2];
Она не гонитъ и наукъ,
Не дремлетъ, видя ихъ, отъ скуки.
И можно ль гнать тому науки,
Кто дѣвушкамъ Парнасскимъ [3] другъ?
Кто съ рѣзвой Таліею стрѣлы
Въ привычки мещетъ загрубѣлы [4],
Чтобы изъ нравовъ то извлечь,
Что слабъ одинъ законъ пресѣчь.
Въ счастливой этой сторонѣ
Суды воюютъ съ преступленьемъ,
Но со страстьми и заблужденьемъ
Одни писатели въ войнѣ.

---

[1] Екатерина II.
[2] Намеки на войну со Швеціей и Турціей.
[3] Музамъ.
[4] Бытовыя комедіи Екатерины II.

Невинности для обороны
И, злобѣ въ страхъ, цвѣтутъ законы;
Расправа есть и шалунамъ,
Театры глупыхъ учатъ тамъ.
Въ такой цвѣтя счастливой долѣ,
Въ лучахъ Ѳемиды [1] и наукъ
Не знаютъ тамъ, что быть въ неволѣ,
Есть способы отбыть отъ скукъ:
И льзя ль страдать въ томъ обитаньѣ,
Гдѣ есть порокамъ наказанье,
Гдѣ осмѣянья ждетъ глупецъ,
А лавра воинъ и мудрецъ?

Въ семъ то государствѣ, какъ сказали мнѣ, представлена будетъ новая драмма. Можно ли мнѣ было заключить о ней что-нибудь, кромѣ хорошаго, и, сдѣлавъ сіе заключеніе, не летѣть въ ту жъ минуту, чтобъ насладиться новымъ произведеніемъ просвѣщеннаго вкуса и ума. Я туда летѣлъ съ обыкновенною намъ скоростію и видѣлъ съ удовольствіемъ подъ собою великолѣпные города, пространныя поля, способныя для хлѣбопашества, зеленѣющіеся и обѣщающіе богатую пажить [2] луга; видѣлъ также лѣса, моря и озера, которые всѣ являли изобиліе сей пространной части земного шара. Пролетѣвъ все это, влетѣлъ я, наконецъ, въ самый театръ, гдѣ, принявши видъ человѣка посредственнаго состоянія, успѣлъ еще занять выгодное для себя мѣсто. Я бы могъ и не платя денегъ, въ моемъ собственномъ видѣ, занять самое лучшее мѣсто, но мнѣ хотѣлось послушать разсужденія знатоковъ о семъ новомъ зрѣлищѣ и узнать лучше вкусъ зрителей и успѣхъ автора.

Всѣ мѣста были въ минуту заняты, и въ амфи-

[1] Богиня правосудія.
[2] Въ смыслѣ „покосъ“

театрѣ сдѣлалась такая тѣснота, отъ которой модныя чоски и пуговицы, думаю, очень много пострадали.

„Конечно“, спросилъ я у одного сидѣвшаго подлѣ меня, „господинъ авторъ очень любимъ здѣшнимъ обществомъ, что такое множество собралось зрителей смотрѣть его сочиненія?“ — „Нѣтъ“, отвѣчалъ мнѣ мой сосѣдъ, „мы еще совсѣмъ не знаемъ автора, но публика здѣшняя очень жалуетъ новости, и часто въ зрѣлищѣ, которое даютъ въ первый разъ, бываетъ столь много зрителей, что еслибъ послѣ заставили его играть круглый годъ сряду, то не собрали бы столько денегъ, сколько соберется во время перваго представленія. Многія зрѣлища бываютъ здѣсь какія, которыя могутъ похвалиться только первымъ сборомъ, а для сей то причины авторы всегда скрываютъ свое имя для перваго раза, чтобы обрадовать онымъ публику тогда, когда они увидятъ, что ихъ сочиненія торжествуютъ и въ послѣдующія представленія, что однакожъ не всегда случается, и они часто принуждены бываютъ скромничать навсегда своими именами“.

Лишь только усѣлъ онъ сіе договорить, какъ вдругъ началась музыка, потомъ вскорѣ подняли занавѣсъ, и мы увидѣли то, чего не ожидали [1].

Человѣкъ съ сорокъ пѣли въ саду. Потомъ два садовника поссорились и чуть не подрались за какую то причину, которую, видно, авторъ почелъ важною, но она не стоитъ того, чтобъ объ ней упомянуть. Между прочимъ возвѣстили они, что ихъ баринъ чрезвычайной охотникъ до музыки, и что ждетъ къ себѣ какого то музыканта, за котораго хочетъ выдать свою дочь. Немного погодя, выходитъ одна изъ дочерей сего славнаго

[1] Дальше передается содержаніе русской комической оперы „Двѣ невѣсты“, которая ставилась въ Петербургѣ въ 1789—1790 гг.

охотника музыки, (онъ имѣлъ двухъ дочерей), и лишь только она показывается, то мужики, которые подчищали въ саду деревья, просятъ ее, чтобы она потѣшила ихъ и спѣла бы имъ пѣсенку. Барышня, желая передъ ними пощеголять своимъ голосомъ, поетъ на иностранномъ языкѣ. Мужики восхищаются ея пѣніемъ, а она, радуясь, что нашла людей, которымъ потрафила на вкусъ, зачинаетъ передъ своими холопями еще другую пѣсню, и опять на другомъ иностранномъ языкѣ. Мужики, которые, какъ кажется, и въ своемъ языкѣ не очень сильны, продолжаютъ восхищаться ея пѣснями, и просятъ ее еще передъ ними попѣть, а она, не жалѣя для такихъ важныхъ слушателей своего горла, затягиваетъ пѣсню на своемъ природномъ языкѣ, будучи внѣ себя отъ радости, что ее всѣ огородники хвалятъ, и потомъ уходитъ зачѣмъ то къ своему батюшкѣ.

Между обожателями ея голоса находится тутъ молодой дворянинъ, который въ нее влюбился, и хотя онъ благородный человѣкъ и равенъ въ богатствѣ съ своею любовницею, но, не зная, какъ за нее посвататься, и какъ войти въ домъ къ ея отцу, ничего не вздумалъ лучше, какъ въ своемъ господскомъ платьѣ и въ щегольской прическѣ пристать къ толпѣ деревенскихъ растрепанныхъ мужиковъ и басить, чтобы охрипнуть, подтягивая имъ пѣсни, которыми ихъ господинъ изволитъ забавляться, а въ награду за это хотѣлъ увидѣть хотя свою любовницу, которая, не зная его состоянія, сама въ него влюбилась, лишь только онъ передъ нее показался. Вотъ довольно пылкая любовь, и скорая рѣшимость для молодой деревенской дѣвушки, которая (какъ послѣ будетъ видно) выходитъ за сего любовника

прежде, нежели успѣетъ узнать, какъ его зовутъ, не говоря уже о нравѣ! И такимъ образомъ всякое лицо, поговоря на свою долю нѣсколько глупостей и попѣвъ ни кстатѣ, ни къ ладу, оканчиваютъ первое дѣйствіе.

Во второмъ дѣйствіи показывается самъ сей славный любитель музыки, и какъ онъ ни смѣшонъ, ни жалокъ, говоритъ о музыкѣ, не зная ея. Авторъ, какъ кажется, хотѣлъ, чтобъ зрители смѣялись надъ музыкой, но они ошибкою хохотали надъ авторомъ. Будемъ однако жъ продолжать наши примѣчанія. Нѣсколько спустя пріѣзжаетъ къ нему изъ Италіи пѣвецъ, который до такой степени глупъ, что позабылъ свой природный языкъ и коверькаетъ въ немъ слова, какъ нѣмецкой сапожникъ: такое рѣдкое въ немъ дарованіе очень нравится старику, и онъ спрашиваетъ у сего полу-италіянца по разговорамъ, и полу-человѣка по уму: не хочетъ ли онъ жениться на которой-нибудь изъ его дочерей? Тотъ получаетъ время, чтобы подумать о семъ выборѣ, и встрѣчается съ тѣмъ дворяниномъ, который изъ любви къ своей Дульцинеѣ [1] воспѣвалъ крестьянскимъ бабамъ. Они дѣлятъ между собою двухъ сестеръ, хотя послѣдній не знаетъ, понравится ли онъ своему нареченному тестю. Наконецъ, въ третьемъ дѣйствіи заключается свадьба полу-италіянца съ старшею дочерью любителя музыки, какъ вдругъ сказываютъ старику, чтобъ онъ выдалъ и другую дочь за подпѣвалу у крестьянскихъ бабъ, а дочка сама одобряетъ передъ батюшкою своего жениха, котораго она столько знаетъ, что еслибы онъ чрезъ три дни ей попался, то бы она совсѣмъ его не

[1] Дама сердца („Донъ Кихотъ", Сервантеса).

узнала. Женихъ выхваляетъ передъ старичкомъ себя и свое знаніе въ музыкѣ, а тотъ, не простирая далѣе своихъ вопросовъ, обѣщаетъ завтра ихъ обвѣнчать. Сія пара столь была тому обрадована, что цѣломудренная невѣста кричитъ во все горло, что когда она наживетъ себѣ съ своимъ мужемъ пару дѣтей (подлинно дѣвушкино желаніе!), то приготовитъ имъ гудокъ и балалайку, или что то такое, во что я уже не вслушался. Сіе желаніе такъ понравилось старику и другой его дочери съ полу-италіянцомъ, что и они тоже закричали, а напослѣдокъ сколько ни было тутъ крестьянъ и крестьянокъ, всякой изъ нихъ захотѣлъ по парѣ дѣтей и по гудку съ балалайкою, и тѣмъ окончали оперу, оставшись всѣ при такомъ прекрасномъ желаніи, котораго никакая честная и скромная дѣвушка не можетъ, не краснѣясь, произнесть ниже передъ своимъ любовникомъ, а не только передъ шестьюдесятьми человѣками народу. Послѣ сего закрыли занавѣсъ, и это было самое лучшее мѣсто изо всей оперы.

Вотъ, любезный Маликульмулькъ, содержаніе сей оперы. Я разсказалъ тебѣ его, не прибавя отъ себя ни одного слова. Скажи, пожалуй, каково оно или, лучше, есть ли какое содержаніе въ сей оперѣ?

Я уже не говорю, какой имѣлъ предметъ авторъ, не знающій театральныхъ правилъ, вывесть человѣкъ шестьдесятъ на театръ, чтобы задушить болтаніемъ ихъ и крикомъ честныхъ зрителей, и что такое онъ хотѣлъ осмѣять, ибо пороки у него торжествуютъ, старикъ остается при своей слабости и, можетъ быть, будетъ крестьянъ своихъ отрывать отъ работъ для пѣсенъ, до тѣхъ поръ, пока самъ съ ними и съ любезными своими дочками и зятьями не околѣетъ съ голоду, что бы еще таки лучше было видѣть на

театрѣ, хотя для отвращенія, чтобы этого не сдѣлалось и въ самомъ дѣлѣ, но, сверхъ сей погрѣшности, тутъ нѣтъ ни характеровъ, ни завязки, ни развязки, ни правильныхъ дѣйствій, ни умнаго, ни смѣшнаго, а это все, кажется, не лишнее въ шутливой оперѣ. Но я и позабылъ тебѣ писать продолженіе моей повѣсти.

Лишь только закрыли занавѣсъ, какъ я, оборотясь къ моему сосѣду, спрашивалъ у него, неужели позволено обременять публику всѣмъ, что какой-нибудь парнасской невѣжа набредить изволитъ. „Театръ“, говорилъ я ему, „есть училище нравовъ, зеркало страстей, судъ заблужденій и игра разума, но здѣсь ничего этого невидно. Всякой изъ зрителей ничего не узнаетъ новаго кромѣ того, что онъ заплатилъ деньги за то, чтобы зѣвать до слезъ три часа, и противъ воли слушать бредни какого то несчастнаго подлипалы Музъ. Это зеркало не страстей, но дарованія авторскаго, который на Парнассѣ, кажется, не изъ самыхъ пылкихъ, ибо онъ не примѣтилъ и того, что къ его сочиненію не придѣлано ни конца, ни начала. Что жъ касается до игры ума, то не въ противность здѣшней учености, право, автору, кажется, нечѣмъ было поиграть, а если на театрѣ здѣсь представляются одни только разговоры и поютъ однѣ пѣсни, то лучше бы для слушателей было выслушать однимъ присѣстомъ всѣ разговоры Лукіяновы и Аристиппа [1] съ своимъ сыномъ, и два или три тома пѣсенъ нашего автора, который нѣкогда по справедливости могъ ими пощеголять“.

„Ахъ, сударь“, сказалъ мнѣ мой сосѣдъ: „всѣ

[1] „Разговоры въ царствѣ мертвыхъ“ Лукіана, „Разговоры“ философа Аристиппа (436—360 до Р. Хр.) охотно переводились нашими журналами XVIII в. (разговоры съ Аспазіей. Ѳалесомъ и пр.).

ваши слова справедливы; добрый вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а глупое никакому разсудительному человѣку не понравится, но театръ здѣшній столь бѣденъ, что онъ долженъ представлять или переводныя, или подобныя сему сочиненія. Правда, мы могли бы видѣть болѣе новостей, но здѣсь выборъ въ сочиненіяхъ очень строгъ. Я знаю двухъ моихъ знакомыхъ, которыхъ сочиненія года съ три уже въ театрѣ, но нѣтъ надежды, чтобы онѣ и еще три года спустя были представлены, хотя можно побожиться, что онѣ лучше этой" [1]. — „Вѣрю", сказалъ я, „ибо это сочиненіе ни съ какимъ уже нейдетъ въ сравненіе, и мнѣ кажется, что человѣкъ, который выучился писать только склады и прочелъ сочиненія два театральныхъ, не написалъ бы такой вздорной драммы. Но для чего же здѣсь доступъ такъ труденъ на театрѣ?" — „Для того", отвѣчалъ онъ, „что почитаютъ благодѣяніемъ сыграть чье сочиненіе; впрочемъ, это разсчетъ театра, и разсчетъ такой, котораго польза, можетъ быть, примѣтна ему только одному". — „Чудный разсчетъ, говорилъ я, „когда наблюдаютъ такую рѣдкую осторожность въ выборѣ, а даютъ глупости, которыя и на святочныхъ игрищахъ едва ли могутъ быть терпимы". — „Но скажите мнѣ", спросилъ у меня мой сосѣдъ, „какую причину имѣете вы нападать на здѣшній театръ? Не изъ числа ли вы тѣхъ авторовъ, которые добиваются видѣть сыгранными свои сочиненія и, отдавъ ихъ, питаются нѣсколько лѣтъ одною надеждою, что ихъ когда нибудь прочтутъ?" — „Нѣтъ", отвѣчалъ я, „но я еще хочу сочинять, и желалъ бы знать, какія здѣсь нужны къ тому правила". — „Са-

[1] Крыловъ имѣетъ въ виду, между прочимъ, себя. Срв. письмо къ Соймонову.

мыя простыя", сказалъ онъ: „во-первыхъ, смысла и остроты не надобно; правила театральныя совсѣмъ не нужны; берегитесь пуще всего нападать на пороки, для того что комедія, написанная на какой-нибудь порокъ, почитается здѣсь личностію [1]; берегитесь также вмѣщать острыя шутки въ ваше сочиненіе, ибо здѣсь говорить умно на театрѣ почитается противнымъ благопристойности, а надобно, чтобъ ваши дѣйствующія лица говорили такъ просто и не остро, какъ говорятъ пьяные или сумасшедшіе. Словомъ, возьмите въ примѣръ нынѣшнюю оперу и напишите ей подражаніе,—тогда можете надѣяться, что ее когда-нибудь представятъ, и васъ театръ включитъ въ число своихъ авторовъ, а публика въ число мучителей, наводящихъ ей зѣвоту". Послѣ сего онъ отъ меня отшелъ, и оставилъ меня удивляться такимъ чуднымъ правиламъ театра и желанію нѣкоторыхъ безпокойныхъ головъ, которыя, ненавидя жить въ спокойной неизвѣстности, собираютъ тысячи двѣ народу, чтобы заставить ихъ смѣяться надъ своимъ дурачествомъ.

Письмо XLV.

Отъ Сильфа Выспрепара къ волшебнику Маликульмульку.

Недавно, почтенный Маликульмулькъ, пролеталъ я поверхъ столицы великаго Могола [2]. Сей городъ обширностію своею и великолѣпіемъ обратилъ на себя мое вниманіе, которое тѣмъ болѣе умножилось, когда примѣтилъ я подлѣ одного огромнаго зданія

[1] Срв. письма къ Соймонову и Княжнину по поводу „Проказниковъ".

[2] Данный европейцами титулъ тюркскихъ султановъ Индіи.

великое собраніе народа. Въ ту жъ минуту, спустившись въ городъ, сдѣлался я невидимымъ и пошелъ прямо въ тотъ домъ. Я узналъ, что то былъ дворецъ и, прошедъ до внутреннихъ чертоговъ, увидѣлъ тамъ молодого государя, окруженнаго своими вельможами, который по смерти своего отца въ тотъ самый день взошелъ на престолъ. Я съ великимъ любопытствомъ желалъ видѣть, что будетъ происходить при семъ достопамятномъ случаѣ и для того, подошедъ, сталъ подлѣ самого юнаго владѣтеля. Не безъ удивленія взиралъ я на льстивыя привѣтствія, дѣланныя сему государю отъ всѣхъ представшихъ предъ него для поздравленія, или, лучше сказать, для гнуснаго ласкательства. Я хочу увѣдомить тебя, почтенный Маликульмулькъ, о всемъ, что тамъ въ глазахъ моихъ происходило.

Стихотворцы той земли подносили сему государю сдѣланныя въ похвалу его свои сочиненія, въ которыхъ выводили родъ его отъ боговъ. Вельможи, повергаясь къ ногамъ его, говорили: „Хотя мы любили покойнаго твоего родителя, но тебя любимъ и почитаемъ гораздо больше. Къ нему привержены мы были по нашей только должности, но къ тебѣ прилѣпляемся всѣми нашими сердцами. Онъ осыналъ насъ благодѣяніями, но какъ ты одаренъ превосходнѣйшимъ предъ нимъ разумомъ, то мы ожидаемъ отъ тебя болѣе щедрости, и за сію цѣну готовы пролить за тебя кровь нашу до послѣдней капли, въ какомъ бы то случаѣ ни было: для побѣжденія ли враговъ твоихъ, или для приведенія въ повиновеніе тѣхъ изъ твоихъ подданныхъ, которые вздумали бы осуждать оказанныя тобою намъ милости“.

„Высокомощный государь!“ возопилъ одинъ изъ нихъ: „доставь мнѣ честь держать стремя у ноги

твоего блистательнаго величества, со ста тысячами рупіевъ [1], присоединенными къ сему достоинству, и препоручи, изъ милости, въ мое управленіе небольшую область, которая не болѣе пяти сотъ миль заключаетъ въ своей окружности". — „Съ охотою сіе исполню", сказалъ ему государь, „но когда ты будешь жить въ той области, которая разстояніемъ отсюда четыре ста миль, то кто тогда будетъ держать мое стремя?" — „Ваше пресвѣтлое величество", отвѣтствовалъ придворный, „вотъ здѣсь предстоитъ предъ тобою молодой мандаринъ [2] второй степени, который почтетъ превеликою честію исполнять сію должность въ мое отсутствіе и быть при лицѣ твоего августѣйшаго величества, ежели только опредѣлишь ты ему ежегодно по двѣ тысячи рупіевъ и дашь въ его управленіе двѣнадцать кораблей, которые препоручитъ онъ своему помощнику, дабы самому всегда быть въ готовности держать твое стремя".

„Ваше благоуханное Величество!" вскричалъ другой: „понеже каждая изъ твоихъ потовыхъ скважинъ подобна самочистѣйшей амврѣ, которая при сгорѣніи своемъ испускаетъ отъ себя пріятнѣйшее благовоніе, и понеже каждая исходящая изъ тебя капля твоего пота имѣетъ ароматный запахъ, то для того всенижайше тебя прошу удостоить возложеніемъ на меня почтенной и увеселительной должности чистить твое бѣлье и отирать грязь съ твоего тѣла. Буде же соблаговолишь ты присоединить къ сей пріятнѣйшей должности чинъ главнаго начальника надъ всѣмъ твоимъ конымъ войскомъ, то тѣмъ

[1] Монетная единица британской Остъ-Индіи, перешедшая въ Африку.

[2] Китайское слово—чиновникъ.

исполнишь желанія твоего усерднѣйшаго раба, который не питаетъ въ груди своей нималаго корыстолюбія, и который желаетъ получить изъ твоего сокровища четыре или пять тысячъ рупіевъ, единственно для того, чтобъ быть въ состояніи имѣть самые тонкіе и всегда чистые платки, которыми благоугодно тебѣ будетъ приказать мнѣ стирать съ твоего благоуханнаго тѣла потъ и грязь, коихъ запахъ весьма пріятенъ для всѣхъ окружающихъ твою величественную особу".

По семъ третій, подступя, говорилъ: „о божество, обитающее на землѣ! Ты вкушаешь по четыре раза въ день единственно для того, дабы симъ примѣромъ учинить для насъ наши нужды сносными. Удостой меня быть твоимъ хлѣбникомъ, а вмѣстѣ съ онымъ повели, чтобъ я имѣлъ честь представлять славу твоего побѣдоноснаго величества у двора китайскаго императора".—„Но ты", сказалъ монархъ ... „Правда", перехватилъ мандаринъ, „что я не знаю языка китайскаго, а еще менѣе того мнѣ извѣстно, какія дѣла твои могутъ быть съ государемъ китайскимъ-но ты будешь во мнѣ имѣть въ Пекинѣ человѣка надежнаго, который со всѣмъ усердіемъ будетъ тамъ представлять собою образъ твоей священнѣйшей особы, и будетъ точный твой языкъ. Когда ты скажешь *да*, тогда и я скажу *да*, когда ты скажешь *нѣтъ! нѣтъ!* и я скажу то же. Если же нужно бы было что-нибудь подписать, то я бы оное подписалъ, дабы имя твоего полномочнаго министра не было обезчещено. Тебѣ потребно только будетъ дать мнѣ шесть сотъ рупіевъ, какъ такому человѣку, который дѣлать будетъ все, но ничего не будетъ значить. А какъ я имѣю хорошій достатокъ, то и буду доволенъ одною только честію представлять

твое лицо съ четырьмя тысячами рупіевъ, присоединенными къ сему достоинству, и съ тремя тысячами для содержанія моей важной особы, что составитъ, съ небольшими издержками на проѣздъ, на бумагу, на кисти и на чернила, около девяти тысячъ рупіевъ". — „Я не то хотѣлъ сказать", говорилъ императоръ, „ты хочешь быть моимъ хлѣбникомъ, а я никогда не думалъ, чтобы ты умѣлъ печь хлѣбы". — „Это правда, ваше сладкоѣдущее величество, что я печь хлѣбы не умѣю, да и никогда ни одинъ главный хлѣбникъ изъ всѣхъ бывшихъ при твоихъ небесныхъ предкахъ не зналъ даже, какъ за нихъ и приняться; но я предъ всѣми ими имѣю то преимущество, что одинъ изъ моихъ секретарей имѣетъ сестру, у которой горничная дѣвка племянница внучетнаго брата одного изъ наилучшихъ хлѣбниковъ въ твоемъ государствѣ". На сіе государь имъ отвѣтствовалъ: „не лучше ли бы было, чтобъ конюхъ поддерживалъ стремя у моего сѣдла, чтобъ комнатный мой служитель имѣлъ смотрѣніе за моимъ бѣльемъ, и чтобъ тотъ человѣкъ, который умѣетъ печь столь хорошіе хлѣбы, былъ непосредственно моимъ хлѣбникомъ?" Всѣ предстоящіе вельможи единогласно возопили: „о государь, въ пять разъ премудрѣйшій! отврати твои проницательные взоры отъ сихъ мелѣныхъ подробностей, которыя умалятъ твою великую душу: неотмѣнно нужно, чтобъ въ государствѣ твоемъ были чины посредственные, и чтобъ не тотъ самъ держалъ твое стремя, которому должно его держать, и чтобъ твой хлѣбъ проходилъ или, по крайней мѣрѣ, почитался проходящимъ между рукъ семидесяти пяти чиновныхъ, прежде нежели достигнетъ до божественныхъ устъ твоихъ; не помышляй болѣе ни о чемъ, какъ владычествовать

надъ нами, и оставь намъ попеченіе о учрежденіи всѣхъ вещей въ надлежащій порядокъ, безъ всякаго корыстолюбія, чрезъ посредство восьмидесяти тысячъ рупіевъ, которые ты будешь раздавать каждому изъ насъ ежегодно, и ...“

Въ самое сіе время, когда вельможи разглаголь-ствовали съ государемъ, и когда весь народъ питался безумною утѣхою (ибо имъ возвѣщено было о возвращеніи златаго вѣка, котораго никогда не бывало, и увѣряли ихъ, что самыя жирныя колибріи [1], совсѣмъ уже изжаренныя, будутъ къ нимъ ниспадать съ небесъ, и что имъ не нужно будетъ ни о чемъ имѣть никакого попеченія), нѣкто продирался сквозь толпу сего народа, близъ царскихъ чертоговъ предстоящаго, и кричалъ [2]: „Злодѣи! они развратятъ нашего юнаго государя!“ ... Народъ почелъ его безумцемъ, вельможи кричали, что этотъ человѣкъ весьма опасенъ, а тѣлохранители государевы усматривали ясно въ семъ дерзкомъ поступкѣ величайшее преступленіе, и вслѣдствіе сихъ трехъ основательнѣйшихъ умозаключеній дерзновенный былъ отъ всѣхъ угрожаемъ именемъ императора, который о томъ совсѣмъ ничего не зналъ. Насиліе, дѣлаемое многими противъ одного человѣка, произвело нѣкоторое смятеніе и шумъ, который, наконецъ, достигъ до чертоговъ государевыхъ. „Что тамъ такое?“ говорилъ онъ: „кто тамъ?“ — „Это злодѣй ...“ отвѣтствовали ему: „Это возмутитель ...“ „Кто бъ онъ таковъ ни былъ“, сказалъ государь, „велите его представить предъ меня“.

По нечаянности случился тамъ одинъ чиновный, который былъ нѣсколько уважаемъ потому, что имѣлъ

---

[1] Колибри.

[2] Срв. главу объ „истинѣ“ въ „Путешествіи“ Радищева.

право выгонять изъ комнатъ собакъ и заставлять молчать придворныхъ, находящихся въ царской прихожей. Этотъ самый чиновный, также по особливому случаю, былъ покровителемъ тому дерзновенному человѣку; онъ тотчасъ узналъ его по голосу и, видя, какому бѣдствію тотъ себя подвергалъ, забылъ всю должную скромность и не могъ воздержаться, чтобъ по чувствительности своей не оказать о немъ своего сожалѣнія ... „Ахъ, несчастной!“ сказалъ онъ ... „Какъ! ты его знаешь?“ спросили у него.—„Да, немного“.—„Кто же онъ таковъ?“ — При семъ вопросѣ придверникъ, поблѣднѣвъ и затрепетавъ отъ страха, говорилъ сквозь зубы: „онъ ... это бѣднякъ ... это одинъ ... изъ тѣхъ ... которые ... пишутъ“.—„Какъ его зовутъ? ... такъ это писатель?“—„Да ... онъ ... пишетъ книги“.

Старшій изъ эмировъ [1], предстоящихъ предъ государемъ, ему сказалъ: „ваше непостижимое величество, жизнь всѣхъ людей въ твоихъ рукахъ: повели сего дерзновеннаго предать казни, это не первое уже его преступленіе. Онъ обманщикъ; онъ бродяга; онъ скитался по всей землѣ подъ предлогомъ исканія истины. Не унижай себя до того, чтобъ войти съ нимъ въ разговоры: ты тѣмъ только себя обезчестишь, но его ничѣмъ не уличишь; онъ всегда тебя будетъ увѣрять, что говоритъ истину-онъ изъ всѣхъ людей, коимъ ты позволяешь наслаждаться жизнію, самый опаснѣйшій; о немъ сказывали, что онъ геогра ... Нѣтъ! Геометръ! При каждой подати, которую мы налагаемъ на народъ твоимъ именемъ, онъ дѣлаетъ вычисленіе, соображая справедливость сего налога съ возможностію оный

[1] Титулъ нѣкоторыхъ восточныхъ государей, также почетный титулъ предполагаемыхъ или настоящихъ потомковъ Магомета.

платить. Еще не прошло трехъ лунъ [1] отъ того времени, когда дерзалъ онъ предлагать, чтобъ сдѣлать уравненіе въ цѣнѣ жизненныхъ припасовъ съ цѣнами разныхъ бездѣлокъ, служащихъ къ нашему украшенію, такъ, какъ бы должна была быть соразмѣрность между оными вещами".

„Я тебя понимаю", сказалъ юный Моголъ: „однакожъ хочу выслушать и сего человѣка. Подойди сюда, другъ мой! Стражи! пропустите его ... Какое твое преступленіе?"—„Истина, государь!" отвѣтствовалъ смѣльчакъ: „всѣ мудрецы, жившіе въ прежніе вѣки, говорили, что чрезмѣрная похвала, а при томъ и безъ всякихъ еще заслугъ, повреждаетъ доброту природныхъ склонностей, самый же опытъ доказалъ мнѣ справедливость сихъ изреченій, ибо въ самомъ дѣлѣ тѣ государи, кои наиболѣе въ жизни ихъ превозносимы были похвалами, не были отъ того лучшими". — „Изъясни мнѣ сіе", сказалъ монархъ. — „Съ охотою", отвѣтствовалъ ему другъ истины: „Внемли, почтенный юноша!.." „Ахъ, какое богохуленіе!" возопилъ эмиръ и выхватилъ изъ ноженъ широкій мечъ; но императоръ однимъ взоромъ своимъ усмирилъ эмира и, повелѣвъ ему вложить мечъ въ ножны, приказалъ оратору продолжать свою рѣчь. Тогда онъ девять разъ повергался къ ногамъ его и три раза лобызалъ ноготь второго пальца у лѣвой ноги императорской, въ знакъ всеуниженнѣйшей благодарности, слѣдуя обычаю той земли, потомъ, положивъ руку на свою чалму и, не снимая ея, также слѣдуя обычаю, говорилъ.

Почтенный юноша!

Ты былъ предназначенъ вышнимъ Провидѣніемъ

[1] На востокѣ счетъ по фазамъ луны.

владычествовать надъ великимъ народомъ, но гнусная политика или, лучше сказать, подлое ласкательство сокрыло отъ тебя должности, присоединенныя къ сему достоинству. Между тѣмъ непредвидимый ударъ поспѣшилъ минутою твоего владычества; ты восходишь теперь на родительскій престолъ, и тщеславное властолюбіе, изъ коего ты доселѣ не дѣлалъ никакого употребленія, еще тебя не ослѣпило; ты учинился монархомъ, но не престалъ еще быть человѣкомъ; ты долженъ теперь принимать поздравленія отъ всего рода человѣческаго.

Увѣряютъ, что ты ищешь истину: итакъ, видно, ты не хочешь умножать число тѣхъ высокомѣрныхъ государей, которые во время царствованія своего были только знаменитыми злодѣями, а предпочтеніе предъ онымъ желаешь быть постановленъ между малымъ числомъ государей добродѣтельныхъ. Да возблагодаримъ за сіе троекратно Бога!

Почтенный юноша!

Внемли ... если государи не любятъ истины, то и сама истина, съ своей стороны, не болѣе къ нимъ благосклонна. Она ихъ не ненавидитъ, но страшится и не иначе сноситъ ихъ присутствіе, какъ цѣломудренная дѣвица пріемлетъ объятія своего похитителя.

Есть однакожъ такіе примѣры, что она и коронованныхъ главъ имѣла своими любимцами, и буде слава могла бы быть наслѣдственною, то я могъ бы назвать тебѣ нѣкоторыхъ изъ твоихъ предковъ, къ которымъ она оказывала немалое уваженіе, и являлась предъ ихъ лицо во всей наготѣ своей, но заслуги предковъ никому не придаютъ знаменитости, и ты не можешь требовать ея благосклонности, не учинившись дѣлами своими того достойнымъ.

Помни, что для монарховъ не всегда довольно бываетъ одного только того, чтобъ любить истину и оною обладать, ибо троякая личина корыстолюбія, страха и ласкательства прикрываетъ всѣ лица, повергающіяся у подножія престола, и величество твоего достоинства есть главнѣйшая препона, которую ты паче всего преодолѣвать долженъ въ желаемомъ тобою исканіи истины.

Ты не обрящешь ее въ устахъ тѣхъ льстецовъ, которые, безъ сомнѣнія, находятся между окружающими тебя вельможами. Есть, конечно, между ими нѣкоторые и такіе, которые желали бы наставить тебя на путь истины, если бы только могли имѣть дерзновеніе или не находили бы почти таковыхъ же препятствій, какія предстоятъ тебѣ для ея познанія. Гласъ народа также не можетъ быть надежнѣйшимъ способомъ для ея открытія. Итакъ, къ кому же ты долженъ прибѣгнуть въ семъ случаѣ? ... къ мудрецамъ твоего государства!

Но ты долженъ знать, что мудрецъ не есть изъ числа тѣхъ угрюмыхъ смертныхъ, имѣющихъ нечувствительное сердце и отвратительный видъ, которые никогда ничего не хвалятъ, которые на все непрестанно произносятъ хулу и суровостію своею оскорбляютъ наши слабости, не дѣлая насъ лучшими [1].

Онъ не являетъ въ себѣ также излишняго восторга и неумѣренной привязанности къ человѣколюбію, ибо таковое неблагоразумное состраданіе приводитъ оное въ большое ослабленіе, и потому не сострадаетъ равно какъ о преступникѣ, заслуживающемъ достойную казнь, такъ и о невинномъ, сильными притѣсняемомъ: таковой можетъ назваться человѣконе-

[1] См. выше письмо о мизантропахъ (Дальновида).

навистникомъ, который думаетъ, что вся чувствительность заключается въ одномъ только его сердцѣ, и онъ скоро бы учинился жертвою другихъ людей, если бы успѣлъ поселить въ нихъ тѣ чувства, которыя самъ къ нимъ оказываетъ.

Еще менѣе уподобляется онъ тому строгому отшельнику, коего великое смиреніе питается желчію умерщвленія страстей, коего разумъ, будучи возмущаемъ болѣе страхомъ, нежели слабою надеждою, съ свирѣпостію пожираетъ сіе гнусное противоборствіе; который не иначе, какъ съ проклинаніемъ исполняетъ должности, налагаемыя на него его своенравіемъ. Будучи надменъ, а еще болѣе того несчастенъ тѣмъ, что лишился всей чувствительности, осуждаетъ онъ въ другомъ употребленія тѣхъ чувствъ которыя самъ въ себѣ умертвилъ долговременнымъ усиліемъ. Онъ тѣмъ болѣе превозносится своею строгою жизнію, чѣмъ мучительнѣе было для него преодолѣвать бунтующія въ немъ страсти, а потому всякаго того почитаетъ своимъ врагомъ, кто опорочиваетъ сіи его поступки. Таковой можетъ почесться гнуснымъ обманщикомъ, ибо онъ единственно для того превозноситъ похвалами носимыя имъ тягостныя оковы, дабы обременить оными тѣхъ, конхъ блаженство причиняетъ ему несноснѣйшее мученіе.

Почтенный юноша!

Мы всѣ карлы: одинъ только Богъ великъ. Для сего то самаго онъ помѣстилъ добродѣтель не на безплодной вершинѣ неприступной горы, но на жертвенникѣ, сплетенномъ изъ розъ, находящемся посреди прекраснѣйшей рощи, которая въ тысячу разъ прелестнѣе той, гдѣ мы полагаемъ быть жилищу

Вистнову [1]. При входѣ въ оную лежитъ сто дорогъ. Премудрый Строителъ міра столь искусно расположилъ сіе мѣсто, что путешественникъ, при первомъ туда вступленіи, съ утѣшеніемъ бываетъ влекомъ къ концу своихъ желаній.

Неподалеку оттуда находится излучистая пещера, въ которой обитаетъ тѣнь *совершенства*. Путь, туда ведущій, познается по колючимъ терніямъ и по великому множеству *затрудненій* непрестанно между собою сражающихся, желая получить жезлы и мечи, приготовляемые *самолюбіемъ* для увѣнчанія *тщеславія*.

Итакъ, ты долженъ различать истиннаго мудреца отъ хитраго обманщика, который, нося на себѣ обманчивую личину, старается притворною наружностію таковымъ казаться

Истинный мудрецъ имѣетъ видъ веселый, взоръ неробкій и усмѣшку непринужденную. Его черты никогда не помрачаются неумѣренною радостію, ни чрезвычайною печалію: его непритворная веселость означаетъ спокойствіе души его. Онъ не всегда бываетъ счастливъ, однакожъ никогда не терпитъ несчастія, для того, что его не терзаетъ никакое угрызеніе совѣсти. Посреди самаго бѣдствія сохраняетъ онъ совершенное равновѣсіе, котораго никакое благоденствіе и никакіе дары счастія поколебать въ немъ не могутъ.

Хотя мудрецъ, такъ же какъ и другіе люди, бываетъ подверженъ страстямъ, но онъ изъ нихъ умѣетъ дѣлать лучшее употребленіе.

Почтенный юноша!

Ежели ты найдешь такого мудреца между много-

[1] Несомнѣнно, искаженная форма Вишну — важнѣйшее индусское божество.

численными обитателями обширнаго твоего владѣнія, прилѣпись къ нему и привлеки его къ себѣ своими милостями; удостой его твоей довѣренности и позволь ему съ собою бесѣдовать; чти его, какъ отца, и люби, какъ друга! Когда же ты дѣлами своими достигнешь до того, что и онъ тебя будетъ почитать своимъ другомъ, и когда, слѣдуя мудрымъ его наставленіямъ, будешь ты умѣть различать истинную похвалу отъ ласкательства, тогда можешь принимать отъ всѣхъ похвалы, безъ всякой опасности ими развратиться, ибо тогда ты будешь человѣкомъ, достойнымъ владычествовать надъ всѣми земными обитателями.

Вотъ что я хотѣлъ тебѣ сказать. Я тебя не хвалилъ, но изъяснилъ, какъ долженъ ты поступать, дабы сдѣлаться похвалы достойнымъ".

Тогда государь, обратясь къ придворнымъ, сказалъ: „Этотъ человѣкъ кажется мнѣ не столь безуменъ и злобенъ, какъ вы о немъ мнѣ говорили. Я беру его подъ мое покровительство и приказываю, что никто не дерзалъ дѣлать ему ни малѣйшаго оскорбленія, и чтобъ дали ему изъ моей казнохранительницы богатое платье и тысячу рупіевъ". Придворные, услыша сіе, ворчали что то тихонько сквозь зубы, а придверникъ, который устрашился отъ того, что защищалъ сего мудреца, опять принялъ на себя веселый видъ.

Послѣ сего юный императоръ сдѣлался задумчивъ. Придворные заключали изъ того, что въ немъ не было разума, а одинъ изъ нихъ, будучи смѣлѣе прочихъ, дерзнулъ вопросить государя, что такое могло возмутить спокойствіе его величества въ день, посвященный всѣмъ веселостямъ, и когда онъ со всѣхъ сторонъ осыпаемъ безчисленными похвалами. — „Отъ того то я и смущаюсь", отвѣтствовалъ юный владѣ-

тель, „что я еще не заслужилъ сихъ похвалъ. Можетъ быть, современемъ я буду ихъ достоинъ, и тогда наслаждаться буду ими съ большимъ удовольствіемъ потому, что я люблю истину.“

Старшій Эмиръ, который хотѣлъ отрубить голову мудрецу, чтобъ заставить его молчать, вскричалъ: „Государь! я о закладъ бьюсь, что этотъ негодный умствователь, который теперь говорилъ предъ тобою дерзкую свою рѣчь, смутилъ веселый духъ твоего проницающаго величества. Сіи опасные люди приносятъ съ собою унылость, и я думаю, что онъ повергъ бы въ задумчивость и самого Вистну [1], находящагося посреди семи сотъ тридцати девяти прекрасныхъ дѣвицъ, которыя непрестанно щиплютъ ему бороду, въ восьмнадцатомъ небѣ. Да будетъ троекратно проклятъ этотъ возмутитель со всею своею истиною! Для разогнанія мрачныхъ паровъ, которые дерзнулъ онъ разлить на нерушимое твое спокойствіе, въ то время, когда ты не долженъ ничего знать, кромѣ забавъ и веселостей, всенижайшій рабъ послѣдньйшаго изъ слоновъ твоихъ совѣтуетъ тебѣ удостоить своимъ присутствіемъ одно забавньйшее зрѣлище, которое я приготовилъ въ пріемной твоей залѣ“. — „Посмотримъ, что это такое“, сказалъ императоръ: „весело ли оно?“ — „Очень забавно и чувствительно!“ отвѣтствовалъ Эмиръ. — Придворные всѣ единогласно хвалили выдумку Эмира и спрашивали, кто учреждалъ сіе торжество. — Имъ отвѣтствовали, что учредитель онаго былъ Како-Музи-Драма-Лармой-Ризу. При семъ имени всѣ вскричали: „А, а! мы его знаемъ, онъ человѣкъ прескусной“! — „И некорыстолюбивой.“ — „Онъ разорилъ съ двад-

[1] Вишну.

цать мандариновъ[1], не обогативъ себя". — „Это правда". — „Да какъ онъ могъ въ такое короткое время приготовить столь великолѣпное зрѣлище?" — „Которое притомъ и очень мало стоитъ". — „А сколько?" — „Двѣсти тысячъ рупіевъ". — „Какъ! только двѣсти тысячъ! это невѣроятно". — „Совсѣмъ невѣроятно!" ... Говоря такимъ образомъ, пошли они всѣ въ залу смотрѣть зрѣлища, а я полетѣлъ въ свой путь, проклиная подлость льстецовъ, которые, кажется, полагаютъ въ томъ свою славу, чтобъ сердца монарховъ отвращать отъ добродѣтели и заграждаютъ истинѣ путь къ престолу. Пожелай со мною, любезный Маликульмулькъ, чтобъ сей молодой вѣнценосецъ не подпалъ участи многихъ Государей, которые слушаютъ ласкательства для своего удовольствія, а наставленія мудрецовъ для того, чтобъ по вечерамъ засыпать отъ ихъ нравоученія.

Письмо XLVI.

Отъ Гнома Зора къ волшебнику Маликульмульку.

Чѣмъ болѣе живу я между людьми, тѣмъ болѣе истребляется въ монхъ мысляхъ то понятіе, которое я имѣлъ о нихъ, видя тебя, любезный Маликульмулькъ, и нѣкоторыхъ подобныхъ тебѣ мудрецовъ, и тѣмъ больше кажется мнѣ, будто я окруженъ безчисленнымъ множествомъ куколъ, которыхъ самая малая причина заставляетъ прыгать, кричать, плакать и смѣяться. Знатная барыня заплачетъ, и въ ту жъ минуту всѣ лица вокругъ ея сморщатся; большой баринъ улыбнется, и вдругъ собранныя вокругъ его

---

[1] Здѣсь въ смыслѣ — сановниковъ.

машники на красныхъ каблучкахъ[1] зачинаютъ хохотать во все горло. Никто не дѣлаетъ ничего по своей волѣ, но всѣ какъ будто на пружинахъ, коими движутъ такія же машины, называемыя — свѣтская благопристойность, щекотливая честь, обряды и моды. Тебя можетъ быть удивляетъ слово честь, противъ которой я вооружаюсь; но знай, что это не та честь, которую разумѣли древніе, и я не знаю, почему сію пружину называютъ нынѣ честью. Древняя повелѣвала быть обходительну, а нынѣшняя подымаетъ у всѣхъ своихъ машинъ вверхъ носы. Первая заставляла прощать обиды, а вторая за нечаянно выговоренное слово повелѣваетъ у своего мнимаго непріятеля обрѣзать уши или убить его до смерти. Ты увидишь самъ, справедливо ли мое на нее вооруженіе, когда я разскажу тебѣ поступокъ, къ коему принудила сія пружина нѣкоторыхъ куколъ, которыя не дѣлаютъ ни одного движенія безъ постороннихъ дѣйствующихъ ими причинъ, но со всѣмъ тѣмъ называютъ себя свободными.

Недавно зашелъ я къ одному изъ моихъ знакомыхъ, съ коимъ можно проводить многіе часы, не теряя времени. Я засталъ его зѣвающаго надъ нововышедшею въ свѣтъ книгою[2], и потому онъ не досадовалъ, что я прервалъ скучное для него чтеніе. „Конечно, эта книга достойна хулы, любезный другъ!“ сказалъ а ему, „когда ты надъ нею зѣваешь“. — „Нѣтъ“, отвѣчалъ онъ, „это одна изъ такихъ книгъ, которыя и цѣнить стыдно: десять модныхъ повѣсъ расхвалили мнѣ ее, какъ твореніе отличнѣйшаго автора, и я, зная цѣну ихъ похваль, взялъ себѣ эту

[1] Петиметры.

[2] Дальше — насмѣшки надъ сочиненіями Княжнина, въ особенности надъ „Владисаномъ“.

трагедіи только для того, чтобы ихъ читать отъ безсонницы, и теперь, желая поскорѣе заснуть, за нихъ принялся". — „Да почему жъ эта книга столько нравится", говорилъ я, „тѣмъ повѣсамъ, которые тебѣ ее расхвалили?" — „Потому", отвѣчалъ мнѣ мой знакомецъ, „что въ ней есть новости, небывалыя на нашемъ театрѣ: напримѣръ, въ ней отпѣваютъ государя при его глазахъ тогда, когда онъ прогуливается спокойно между своими отпѣвальщиками, и потомъ, чего также нигдѣ не видано, онъ, желая скрыться отъ своихъ непріятелей, не выбралъ въ городѣ ни одного дома, въ которомъ могъ бы жить тайно, и поселился на кладбищѣ, гдѣ всегда множество бываетъ набожныхъ прихожихъ, посѣщающихъ гробницы своихъ сродниковъ: это такъ же умно сдѣлано, какъ, еслибы кто, желая спрятать поскрытнѣе деньги, не выбралъ ничего безопаснѣе, какъ положить ихъ на большой улицѣ. Тутъ есть и еще новость, что пронырливый и хитрый злодѣй, который во всѣхъ своихъ дѣлахъ старается себя скрывать и казаться справедливымъ, схватывается браниться съ восьмилѣтнимъ ребенкомъ, который вмѣсто того, чтобъ оробѣть отъ его крика, дѣлаетъ передъ нимъ скоропостижныя правоучительныя вирши, а злодѣй отвѣчаетъ ему также скоропостижными эпиграммами, выбранными изъ лучшихъ французскихъ писателей".

„Да скажи мнѣ", спрашивалъ я его, „развѣ нѣтъ у васъ правилъ, которымъ слѣдуя можно бы было избавиться всѣхъ такихъ погрѣшностей?" — „У насъ", отвѣчалъ мнѣ неугомонный критикъ, „авторы слѣдуютъ общему правилу, и тотъ, кто желаетъ сдѣлать какое твореніе, долженъ только дать ему имя; достальное же все, какъ несносное рабство, выкинуто изъ употребленія." — „Я ничего не пойму изъ

этого". — „О! я вамъ растолкую яснѣе: напримѣръ, авторъ, который имѣлъ терпѣніе набрать изъ разныхъ мѣстъ большую тетрать стиховъ, думаетъ, что онъ уже исполнилъ всѣ правила, если поставилъ надъ симъ собраніемъ стиховъ въ красной строкѣ: Трагедія, и потомъ раздѣлилъ на пять разныхъ доль, которыя назвалъ дѣйствіями. Такимъ образомъ, нерѣдко поступаетъ и сей авторъ, не заботясь о томъ, кстати ли онъ назвалъ кучу стиховъ, разговоровъ и опредѣленій трагедіею, и подлинно ли она кончится тамъ, гдѣ онъ конецъ выставить изволилъ. Отъ того то и другіе наши авторы на удачу разрѣзываютъ свои стихи между дѣйствіями, и нерѣдко ошибкою ставятъ конецъ страницами тридцатью позже, нежели ему быть надобно. Случается иногда и то, что тамъ, гдѣ должно поставить конецъ, ставятъ начало, и такимъ образомъ часто публика имѣетъ удовольствіе видѣть, что драммы выставляютъ передъ нею задомъ напередъ; но я вамъ все это растолкую въ моихъ примѣчаніяхъ на здѣшній театръ, гдѣ между прочимъ помѣстилъ я и то, что перерѣзать себѣ глотку за товарищество, безъ всякой нужды, не есть трагическое дѣйствіе, и что никто не станетъ плакать о томъ, если мужъ, запрятавшись въ гробницу, станетъ стращать свою жену, какъ маленькихъ ребятъ стращаютъ букою, и она, испугавшись мнимаго мертвеца, упадетъ въ обморокъ, между тѣмъ, какъ наперсница ея, слыша тотъ же голосъ, съ драгунскою твердостію перенесетъ нечаянную вылазку покойника изъ гробницы [1], и гдѣ также мнѣ хочется доказать, что переводчикъ и сочинитель не есть одно; и что очень дурно переведенное сочиненіе назвать

[1] „Владисанъ" Княжнина.

своимъ[1]: — вътакомъ случаѣ на всякомъ европейскомъ языкѣ могли бы быть сочинителями Иліяды, Энеиды [2] и Телемака [3], ко вреду истинныхъ ихъ авторовъ". Разсерженный мой замѣчатель продолжалъ бы долѣе свои разсужденія, еслибъ нечаянный шумъ, сдѣлавшійся въ ближней комнатѣ, не привлекъ къ себѣ нашего вниманія.

Едва поразилъ онъ нашъ слухъ, какъ вбѣжала къ намъ въ комнату молодая растрепанная женщина, „Государи мои!" кричала сія красавица, „сжальтесь надъ моимъ состояніемъ и воспрепятствуйте, чтобъ не произошло въ комнатахъ моихъ кровопролитія: двое бѣшеныхъ господъ дошли до такой крайности, что въ состояніи перерѣзать другъ другу горло; выведите ихъ хотя на улицу, чтобы избавить только меня изъ такой негодной исторіи. Боже мой!" продолжала она, „слышите ли вы этотъ шумъ! Конечно, они уже дерутся! Дай Небо, чтобы они хотя волосной схваткой были довольны, и чтобы разсчетъ ихъ на однихъ только зубахъ кончился". При сихъ словахъ мы немедленно туда бросились, а миролюбивая красавица, бѣгучи за нами, упрашивала насъ, чтобы мы вывели ихъ только изъ ея комнаты, и оставили бы на волю ихъ бѣшенству. Кого бы, ты думалъ, увидѣлъ я въ ея комнатѣ? Г. Припрыжкина и старинаго моего знакомца по кофейному дому Вѣтродума, который, ежели ты вспомнишь, обѣщалъ меня сводить къ своей любезной тетушкѣ, для познанія различныхъ парижскихъ модныхъ дурачествъ, которыхъ ея туалетъ можетъ назваться истиннымъ барометромъ.

---

[1] Намеки на Княжнина.
[2] Виргилія.
[3] Фенелона.

„Знаешь ли ты", кричалъ Припрыжкинъ, не примѣчая насъ, такъ же какъ и его товарищъ, „знаешь ли ты, мой мелкой господчикъ, что она принадлежитъ одному мнѣ по всѣмъ денежнымъ правамъ волокитнаго рыцарства? Знаешь ли ты, что я имѣю честь разоряться для этой богини, и что цѣлый городъ разумѣетъ ее моею фавориткою, а ты смѣлъ войти въ ея комнаты, въ которыхъ всякая доска, всякой стулъ и всякое зеркало стоятъ мнѣ наличныхъ денегъ или хорошихъ векселей, и въ которыя каждой мой приходъ опустошаетъ въ моихъ деревняхъ, по крайней мѣрѣ, два или три крестьянскихъ дома?"—„Тьфу къ чорту!" вскричалъ Вѣтродумъ, „ты насказалъ мнѣ такія права, которыя и всякаго юриспрудента приведутъ въ тупикъ, однакожъ знай, мой господинъ, что у насъ, военныхъ людей, совсѣмъ другіе законы: у насъ позволительно съ соперниками воевать и брать крѣпости приступомъ, деньгами и хитростію; и тотъ только остается правымъ, кто въ въ силахъ чѣмъ завладѣть, а какъ у меня теперь денегъ нѣтъ, для того, что я еще подъ опекою, приступомъ же брать мнѣ не хотѣлось тебя безпокоить, а при томъ боялся я, чтобъ нашимъ сраженіемъ не надѣлать вреда здѣшней крѣпости, которая, я не хочу, чтобъ что-нибудь претерпѣла, то для того и рѣшился я засѣсть въ ней закрытымъ образомъ и пользоваться ею до тѣхъ поръ, пока мнѣ вздумается, ожидая спокойно твоего отступленія, или когда я получу деньги, тогда открыть свою батарею, которая не думаю, чтобъ уступила твоей въ изобилии зарядовъ. Вотъ, пріятель мой, какое мое право! Я опять напоминаю тебѣ, что въ войнѣ право хитраго и право сильнаго равно уважаются, но когда уже дьявольскимъ видно къ тебѣ благоволеніемъ сдѣлалась от-

крыта засадная моя батарея, то знай, что я до послѣдняго своего или твоего зуба не уступлю мѣста сраженія". — „Перестаньте, государи мои!" вскричалъ мой хозяинъ, „вы заводите здѣсь такой шумъ и крикъ, что перетревожили всѣхъ честныхъ людей въ домѣ". — „Это точная правда", сказалъ я, „постыдитесь сдѣлать изъ себя исторію. Воля ваша, мы не дадимъ вамъ шумѣть, и если вы не перестанете изъ уваженія къ вашей красавицѣ, то перестаньте хотя изъ уваженія къ полиціи, которая, конечно, не преминетъ вмѣшаться въ ваше дѣло, и надѣлаетъ вамъ много стыда, хлопотъ и убытковъ".

„Браво!" вскричалъ Припрыжкинъ, „браво, пріятель! ты уже нынѣ проповѣдуешь! Тьфу къ чорту! только надобно тебѣ быть Архи-Цицерономъ, чтобъ утишить мой гнѣвъ на этого повѣсу". — „Какъ! я повѣса?" вскричалъ Вѣтродумъ: „ахъ, ты закулисной бродяга! Можешь ли ты сказать благородному человѣку, который за оскорбленіе своей чести можетъ съ тобою очень исправно раздѣлаться шпагою, палкою и кулаками?" — „О, мой любезной", сказалъ Припрыжкинъ, „когда дѣло дойдетъ до драки, то я докажу тебѣ, что и я никакому негодяю спины не подставлю. Увидимъ, кто изъ насъ трусъ! Жаль только, что я теперь во фракѣ, а то, въ сію же минуту, отмстилъ бы тебѣ за обезчещеніе моей особы и моего достоинства твоимъ къ Ларинѣ посѣщеніемъ, но завтра, завтра въ шесть часовъ поутру, если ты честной человѣкъ, то пріѣзжай въ улицу Мотожилову, и спроси собственной домъ Припрыжкина, гдѣ найдешь меня и мою шпагу къ твоимъ услугамъ, а поле сраженія можешь ты выбрать, гдѣ тебѣ угодно. Увидимъ, голой мой господчикъ, какъ хорошо расплачиваешься ты за по-

стоялое, безъ вѣдома хозяина ... Ба! чортъ меня возьми", вскричалъ онъ, схватя его за руку, „вотъ мой перстень, который подарилъ я этой негодяйкѣ, да вотъ и пряжки, которыя выпросила она у меня своему брату! прекрасно, господинъ голякъ! прекрасно! продолжай жить на счетъ честныхъ людей, если тебя удастся, а ты, моя красавица! ... Ба! вотъ хорошо! эта плутовка, для соблюденія добраго порядка, изволитъ лежать въ обморокѣ ... Ей! ей! не худо выдумано! обманщица театральная! она знаетъ мою слабость: вотъ то самое положеніе, которымъ въ первый разъ она меня плѣнила! Она была моимъ божествомъ! да и теперь посмотрите, посмотрите, какъ она прекрасна! право, надобно, ей помочь. Ну, господинъ подлипала! прощай, завтра мы съ тобою увидимся!" — „Прощай", сказалъ Вѣтродумъ,—„завтра расквитаюсь я съ тобою за перстень и за все, если мнѣ удастся. Послѣ этого ты, можетъ быть, будешь учтивѣе съ людьми, которые, не нарушая правилъ благопристойности, живутъ на твой счетъ. На твои же деньги", продолжалъ онъ съ насмѣшкою, „запасусь я сегодня добрымъ булатомъ, и завтра буду имѣть честь поподчивать тебя твоимъ собственнымъ добромъ ... Но что я вижу!" вскричалъ онъ, проходя мимо меня: „старинной мой пріятель! какимъ образомъ ты здѣсь? не вкладчикомъ ли ты въ здѣшнюю обитель?" — „Нѣтъ", отвѣчалъ я, „я пришелъ васъ разнять и укротить, ежели можно, вашу ссору". — „Браво! вотъ прямо духовное намѣреніе! очень хорошо! прекрасно! завтра мы съ нимъ пощекочемъ немного другъ друга шпагами, а послѣ завтра можешь ты быть у насъ посредникомъ въ нашемъ перемиріи". — Послѣ сего онъ, какъ

стрѣла, вылетѣлъ изъ комнаты и оставилъ меня удивляться введенному между людьми дурачеству не иначе заглаживать свое оскорбленіе, какъ зарѣзать другого или дать себя зарѣзать. — Но возвратимся къ нашей повѣсти.

„Господа мирители!“ сказалъ Припрыжкинъ: „я прошу васъ со мною здѣсь отужинать. Это послѣдней столъ, которой даю я въ этихъ комнатахъ моимъ пріятелямъ: съ нынѣшняго дня не будетъ здѣсь нога моя ... Но посмотрите, какъ прелестна эта плутовка въ обморокѣ! однакожъ я ея болѣе не люблю: желалъ бы я только знать, сыщется ли хотя одинъ смертной, которой бы усерднѣе меня захотѣлъ для нее раззориться ... Негодяйка! за все это она не щадитъ моего добраго имени въ городѣ и хочетъ, чтобъ меня называли содержателемъ, можетъ быть, цѣлой толпы ея обожателей, изъ коихъ я ни одного съ роду въ глаза не видывалъ. Посмотримъ, какъ она безъ меня будетъ жить! Но мнѣ хочется сдѣлать ей послѣднюю нечаянность“. Послѣ сего снялъ онъ съ руки своей брилліантовой перстень и надѣлъ на ея руку, а часы свои, вынувъ, заткнулъ ей за поясъ. — „Я добродушенъ“, сказалъ онъ, „и въ самой размолвкѣ хочу съ ней разстаться, какъ щедрой человѣкъ“. Потомъ постарались мы подать ей помощь, и она не имѣла трудности ожить, не бывъ ни минуты мертвою.

„Ахъ, любезной Припрыжкинъ!“ сказала она томнымъ голосомъ, открывая глаза: „такъ я никогда уже болѣе съ тобою не увижусь! Ты ушелъ, о небо! насъ могли съ тобою поссорить, когда я передъ тобою такъ невинна, какъ трехлѣтній младенецъ!“ и, выговоря сіе, закрыла платкомъ свои глаза.— „Вотъ“, подумалъ я самъ въ себѣ, „искусная

актриса!“ — „Какъ! ты невинна“, сказалъ Припрыжкинъ, „или думаешь ты, моя голубка, что доказательства твоей измѣны несправедливы?“ — „Вѣрю, что ты могъ ими ослѣпиться, но со всѣмъ тѣмъ совѣсть моя меня не укоряетъ: сердце мое укоряетъ меня только въ томъ, что я не умѣла сохранить твоей къ себѣ довѣренности“. — „Посмотримъ, посмотримъ, плутовка!“ сказалъ онъ, взявъ ее за руку, „чѣмъ ты можешь оправдаться! Ну, напримѣръ, этотъ повѣса Вѣтродумъ къ какой стати запрятался за занавѣсъ твоей постели? какая невинная причина заставила тебя отдать ему мой перстень и пряжки? и которая изъ семи добродѣтелей побудила тебя держать его у себя тайно три дни, о чемъ я недавно провѣдалъ?“ — „Неблагодарной!“ сказала театральная Лукреція, „самое то, что ты почитаешь знакомъ моей невѣрности, есть опытъ жаркой моей къ тебѣ любви: знай, что этотъ Вѣтродумъ хотѣлъ съ тобою драться за то, что ты отбиваешь отъ него всѣхъ женщинъ, за коими онъ машетъ [1]. Я, примѣтя, что онъ въ меня влюбленъ, захотѣла польстить ему надеждою, пока не пройдетъ въ немъ охота драться, и для того старалась продержать его у себя три дни, послѣ коихъ онъ такъ много потерялъ своей бодрости, что и куренка бы не тронулъ; но я увѣряю тебя, что онъ былъ здѣсь въ такомъ же воздержаніи, какъ въ монастырѣ; что же до пряжекъ и перстня касается, то, имѣя нужду въ деньгахъ и не желая тебя безпокоить (ибо клянусь тебѣ, что люблю тебя не изъ корысти), продала я ему эти мелочи; наконецъ, не долго мнѣ оправдаться и въ послѣднемъ поступкѣ: онъ зашелъ

[1] Ухаживаетъ.

ко мнѣ сего дня, желая убѣдить мою суровость, и лишь только сѣлъ, какъ ты пришелъ. Признаюсь, что, зная твоей ревнивой нравъ, я не хотѣла, чтобы вы встрѣтились, и для того спрятала его за занавѣсъ. Вотъ всѣ мои преступленія, будь теперь самъ моимъ судьею". — „Божусь", вскричалъ Припрыжкинъ, „что эта плутовка въ самомъ дѣлѣ невинна! Помиримся же, моя милая! признаюсь, что я самъ передъ тобою виноватъ, какъ собака. То правда, что я ревнивъ, но это отъ того, что люблю тебя очень много, однакожъ увѣряю тебя, что если ты меня простишь, то съ сего времени моя ревность не нанесетъ тебѣ никакого безпокойства". Послѣ сего они помирились, и мы разстались съ великимъ веселіемъ. Припрыжкинъ просилъ меня на другой день къ себѣ, чтобъ я былъ посредникомъ въ ихъ поединкѣ; я далъ ему слово, надѣясь, что, можетъ быть, удержу его отъ этого дурачества, и распрощался съ нимъ, удивляясь потачливости его къ своей театральной Лансѣ [1], которая, какъ кажется, наблюдаетъ твердо правила театра, и ко всякому бываетъ равно чувствительна, кто съ нею играетъ любовныя роли.

Письмо XLVII.

Отъ Ондина Боренда къ волшебнику Маликульмульку.

Ничего не можетъ быть для меня страшнѣе, любезный Маликульмулькъ, какъ жадность людей къ собиранію безчисленныхъ богатствъ. Алчный къ богатству человѣкъ столь много его желаетъ, какъ

[1] Гетера, куртизанка.

будто бы никогда не долженъ онъ былъ умирать, и, глядя на сундуки свои, наполненные золотомъ, онъ столь боязливъ и безпокоенъ, что всякую минуту опасается умереть, и кажется приговореннымъ къ смерти.

Не смѣшонъ ли покажется тебѣ человѣкъ, который для одной своей особы хочетъ заготовить семь сотъ тысячъ кулей хлѣба, зная, что онъ и тремя стами можетъ очень изобильно весь свой вѣкъ пропитаться? Искатели богатствъ, зная хорошо ариѳметику, только сей одной задачи не умѣютъ выложить, а эта ошибка часто заставляетъ ихъ трудиться и вдаваться въ опасности для тѣхъ лѣтъ, до которыхъ они, конечно, не доживутъ. Очень забавно видѣть, какъ такой человѣкъ ломаетъ себѣ голову, чѣмъ ему чрезъ десять тысячъ лѣтъ жить будетъ, и опасается, чтобъ не умереть тогда съ голоду; а такая странная и смѣшная забота столько его сокрушаетъ, что онъ не доживаетъ и восьмидесяти лѣтъ, полнаго человѣческаго вѣка. Недавно видѣлъ я самъ примѣръ такой попечительности, и думаю, что ты не наскучишь его выслушать.

На сихъ дняхъ Нептунъ остановился съ своимъ дворомъ у подошвы прекраснѣйшей морской мели и расположился прожить на ней нѣсколько дней. Можно сказать, что мы жили очень весело! Не проходило ни одного дня безъ новой забавы; ловля китовъ и собраніе коралловъ и лучшихъ раковинъ были украшеніемъ Нептунова двора. Ѳетида также вздумала съ своими женщинами вмѣшаться въ ловлю рыбъ, и хотя Нептунъ уговаривалъ ихъ, что это можетъ быть для нихъ очень опасно, со всѣмъ тѣмъ онѣ, не слушая его, захотѣли непремѣнно начать съ сими животными открытую войну и сдѣлаться но-

выми амазонками, но, чтобъ не вдаваться въ излишнюю опасность, то просили онѣ Нептуна, чтобы онъ для утомленія большихъ китовъ возмутилъ моря и произвелъ бурю, послѣ чего удобнѣе надѣялись овладѣть своими непріятелями. Итакъ, Нептунъ, въ угожденіе своей женѣ, всколебалъ всѣ моря и подвергъ опасности нѣсколько, можетъ быть, милліоновъ бѣдныхъ плавателей, только для того, чтобы его жена пріобрѣла имя искуснаго ловчаго рыбъ, которыхъ плѣнять ни ей, ни ему никакой не было надобности. Такимъ образомъ, любезный Маликульмулькъ, часто забава одной особы стоитъ жизни многимъ несчастнымъ, и такимъ то образомъ одинъ изъ вашихъ героевъ [1] прошелъ множество земель, разорилъ тысячу селеній и истребилъ нѣсколько милліоновъ, какъ своихъ согражданъ, такъ и мнимыхъ непріятелей, только для того, чтобы, проложа такую кровавую дорогу за нѣсколько тысячъ верстъ отъ своего отечества, поставить надпись: пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ.

Между тѣмъ, какъ взволновавшееся море, ворочая со дна песокъ и тину, тревожило нѣмыхъ своихъ обитателей, и они, бѣгая по разнымъ странамъ, чтобы сыскать спокойствіе, лишались силъ и зрѣнія отъ песку, которой, смѣшавшись съ нашею стихіею, попадалъ имъ въ глаза, Ѳетида съ женщинами, въ покрытой со всѣхъ сторонъ раковинѣ, выѣхала прогуливаться на охоту и сидѣла въ ней такъ же спокойно, какъ будто бы была самая глубокая тишина во всемъ морѣ, хотя бѣдные Тритоны [2], правившіе лошадьми, насилу могли держать возжи въ рукахъ, и проклинали потихоньку охоту, бурю и богинины

[1] Юлій Цезарь.
[2] Низшія водяныя божества.

причуды, подвергающія опасности ихъ зрѣніе и здоровье. Множество придворныхъ окружали богинину раковину, и очень весело было смотрѣть, какъ они улыбались, желая показаться веселыми, и щурились отъ песку, повсеминутно въ глаза имъ попадающаго, а богиня между тѣмъ подшучивала надъ ихъ нѣжностію и увѣряла, что ей очень спокойно сидѣть, и что она до тѣхъ поръ не возвратится домой, пока не поймаетъ хотя шести китовъ; но думаю, что придворные не слишкомъ радовались такой ея храбрости.

Нептунъ и я не чувствовали сей жестокой непогоды потому, что его морскому Величеству угодно было остаться дома и приказать мнѣ быть съ собою. Съ ужасомъ ожидалъ я слѣдствій богининой забавы, ибо признаться, хотя я и морской житель, но люблю людей, несмотря на ихъ дурачества, и мнѣ очень было жаль, если два или три кита, побѣжденные Өетидою, будутъ стоить жизни, можетъ быть, нѣсколькихъ тысячъ добродѣтельныхъ человѣковъ, по необходимости вдавшихся морскимъ водамъ, которые, конечно, того не ожидали, чтобъ пустое желаніе Нептуновой супруги ввергло ихъ въ такія опасности. И подлинно, я не безъ причины боялся.

Едва прошло четверть часа, какъ на вершину горы, подъ которою мы были, налегѣлъ одинъ корабль и разбился на части. Бѣдные плаватели въ полминуты разнесены были волнами. Одинъ изъ нихъ поспѣшнѣе всѣхъ потонулъ и упалъ къ самой подошвѣ горы. Я удивился, что онъ такъ тяжелъ; но удивленіе мое миновалось, какъ я увидѣлъ маленькой сундучокъ, наполненной золотомъ, привязанной у этого корыстолюбца на поясу. „Конечно“, сказалъ Нептунъ, „этотъ человѣкъ ожидалъ, что зо-

лото поддержитъ его на поверхности воды, и для того привязалъ онъ къ себѣ этотъ ларчикъ вмѣсто пробочной рубашки. Однако надобно подать ему помощь: онъ еще живъ. Поможемъ ему: я желаю, чтобъ онъ, возвратясь въ отечество, уговорилъ своихъ земляковъ не мѣнять свою жизнь на блестящій этотъ металлъ и не надѣяться на уваженіе мое къ ихъ богатству, которымъ могутъ они иногда откупаться отъ бѣдъ на сухомъ пути, но въ морѣ богачу можетъ оно служить вмѣсто камня, привязаннаго на шеѣ, и скорѣе дотянуть его на морское дно". Послѣ сихъ словъ не умедлилъ онъ, нашимъ стараніемъ, возвратить жизнь и продолжить ее на нѣсколько времени сему полезному члену свѣта, который, какъ потомъ мы узнали, ѣздилъ по всѣмъ его концамъ для того, чтобъ обманывать своихъ собратій.

„О, Небо", вскричалъ онъ, протирая свои глаза, „гдѣ я! гдѣ мои любезныя денежки? (замѣть, что мы отвязали отъ него ларчикъ) гдѣ душа моя? ... Ахъ! все погибло!... Конечно, наказалъ меня Господь за несмѣтные грѣхи мои и лишилъ меня того, что послѣ Его, моего Создателя, почиталъ я вторымъ божествомъ, и для чего всякой день многогрѣшная душа моя преступала Десятословіе[1]!" — „Мнѣ кажется, что ты очень честнаго права", сказалъ ему Нептунъ, „и безъ обиняковъ сказать, ты по справедливости претерпѣлъ кораблекрушеніе". — „Въ Священномъ Писаніи написано", отвѣчалъ нашъ законникъ, „что безъ воли Божіей не погибнетъ и влась со главы человѣческой, а какъ золото дороже нашихъ окаянныхъ волосовъ, то, конечно, Ему

[1] Десять заповѣдей.

угодно было лишить меня семи сотъ тысячъ наличными золотыми деньгами. Признаюсь, что я грѣшенъ передъ Нимъ; но такое наказаніе превосходитъ мѣру и самыхъ тягчайшихъ грѣховъ". — „Не печалься о твоемъ сокровищѣ", сказалъ Нептунъ: „я могу тебѣ его возвратить; но скажи мнѣ, неужели оно тебѣ и всѣмъ подобнымъ тебѣ дороже жизни, что вы ею жертвуете для нѣсколькихъ ящичковъ этого металла, который, можетъ быть, по одному только предразсужденію предпочтенъ желѣзу?" — „Ахъ, милостивый государь", вскричалъ обрадованный сребролюбецъ, „надобно только заглянуть въ большой свѣтъ, чтобъ увидѣть, сколь много обожаемо въ немъ золото: умъ, дарованіе и доброе сердце—все оно собою замѣняетъ: человѣкъ, одаренный симъ металломъ, отъ всѣхъ уважается въ свѣтѣ: его боятся бѣдные, и ему покланяются знатные ... Но, милостивый государь, не морите меня долѣе, возвратите мнѣ мое сокровище и скажите, въ которую сторону долженъ я отправиться къ моему отечеству ... Ахъ! сколь обрадую я мою бѣдную жену и дѣтей, которые, конечно, умрутъ съ печали, когда узнаютъ, что я претерпѣлъ кораблекрушеніе ... Сколь обрадуюсь и я самъ, когда, возвратясь домой, облобызаю мои любезные, мои милые сундуки, въ которыхъ осталась замкнута и запечатана лучшая часть души моей! тогда то прямо почувствую я райское удовольствіе и обѣщаюсь, на радостяхъ, отслужить молебенъ всѣмъ святымъ, накормить человѣкъ пять нищихъ и угостить великолѣпнымъ столомъ человѣкъ десять знатныхъ". — „Но неужели", спрашивалъ у него Нептунъ, „почитаешь ты болѣе въ томъ добродѣтели, чтобъ изобильнѣе накормить знатныхъ, нежели нищихъ?" — „Хотя

это усердіе", отвѣчалъ онъ, „и не совсѣмъ спасительно для вѣчности, но для временнаго блаженства ничего нѣтъ сего полезнѣе: нищихъ молитвы ходатайствуютъ у Царя небеснаго за грѣшныхъ, подпадающихъ мукѣ вѣчной, а молитвы знатныхъ ходатайствуютъ у царей земныхъ за грѣшныхъ, подпадающихъ своими грѣхами истязаніямъ временнымъ. Итакъ, милостивый государь, обое равно полезно, ибо и богатство есть даръ Божій, писано бо есть, что въ десницѣ Его спасеніе небесное, въ шуйцѣ же его богатство и честь: такъ осмѣлится ли кто изъ бренныхъ человѣковъ пренебрегать и шуйцею Создателевой, изливающею щедроты свои на грѣшныхъ человѣковъ чрезъ вельможъ, кои нѣкоторымъ образомъ могутъ назваться шуйцею Его, ибо они на землѣ управляютъ богатствомъ и честію, почему, угощая ихъ, отдаю я почтеніе шуйцѣ, о которой, какъ я грѣшный, такъ и многіе мои собратія болѣе пекутся, нежели о десницѣ, и которой нерѣдко мы, въ лицѣ вельможъ, десятиною нашихъ грѣшныхъ пріобрѣтеній воздаемъ жертву?" — „Прекрасно, господинъ жертвоприноситель", сказалъ ему Нептунъ, „ты думаешь, что, принеся такую жертву, ты уже совсѣмъ очистился въ своей совѣсти? Но видно, что судьба справедливѣе вашихъ вельможъ: она наказала тебя за твои неправедныя пріобрѣтенія и загладила потворство къ тебѣ твоихъ покровителей: видишь ли ты, что она не уважаетъ богатыхъ плутовъ!" — „Ахъ, милостивый государь!" вскричалъ онъ: „я твердо помню, что богатый не внидетъ въ Царство небесное, но всякой человѣкъ есть червь передъ Господомъ, и никто кромѣ Его не можетъ назваться богатымъ: такъ я ли, имѣющій не болѣе двухъ милліоновъ рублей, могу себя таковымъ почесть? Хотя

и неправдою пріобрѣлъ я свое имѣніе, каюсь въ томъ передъ Богомъ, но неужели сравняюсь я въ грѣхахъ съ тѣми, которые неправдами и грабежами пріобрѣтали по тридцати милліоновъ! увы! я еще сущей передъ ними младенецъ: согрѣшилъ, можетъ быть, и я, окаянный, разворилъ на свою долю душъ съ шесть сотъ, но можетъ ли это идти въ сравненіе съ тѣмъ, что иногда одинъ искатель земныхъ сокровищъ разворяетъ многія тысячи людей, для пріобрѣтенія новыхъ доходовъ, кои — о, нестерпимый грѣхъ! — онъ же еще и расточаетъ и предается тѣмъ безкорыстному грѣху, который по изустнымъ сказаніямъ нашихъ предковъ есть самый тяжкій грѣхъ на свѣтѣ, я же могу похвалиться, что сему грѣху непричастенъ и могу найти въ томъ себѣ много товарищей, какъ за счетами, такъ и за краснымъ сукномъ, которые ни грѣховъ, ни добродѣтелей безъ корысти не дѣлаютъ". — „Но какую корысть", спросилъ у него Нептунъ, „получаешь ты отъ своихъ грѣховъ, когда, по твоимъ же словамъ, ты не пользуешься своимъ золотомъ, держа его въ заключеніи, и бывъ при всемъ своемъ богатствѣ такъ же бѣденъ, какъ послѣдній нищій?" — „Ахъ, милостивый государь!" вскричалъ скупяга, „хотя для себя, для моей жены и для дѣтей не трачу я излишнихъ денегъ, но это дѣлаю я не изъ скупости, а для ихъ же пользы, желая, чтобъ имѣніе мое хотя нѣсколько утѣшило ихъ послѣ моей смерти: они, бѣдняжки, такъ много, такъ много меня любятъ, какъ я золото, которое почитаю, какъ второго самого себя, и хочу его вмѣсто себя имъ оставить послѣ смерти. Я увѣренъ, что бѣдная моя жена и дѣти, конечно, мнѣ будутъ благодарны, когда я умру, за всѣ труды, понесенные мною не для себя, но для нихъ, ибо я самъ (ска-

залъ онъ, заплакавъ), конечно, долженъ буду современемъ разстаться съ моими денежками и оставить родныхъ своихъ по себѣ наслѣдниками". — „Посмотримъ", сказалъ Нептунъ, „такъ ли они благодарны, какъ ты думаешь?" — Послѣ сего ударилъ онъ своею острогою въ стѣну и превратилъ ее въ зеркало. „Смотри", говорилъ онъ скупцу, „и утѣшайся, видя, для кого собралъ ты свое сокровище, и для кого подвергалъ столько разъ жизнь свою опасности".

Едва скупецъ взглянулъ на зеркало, какъ увидѣлъ свою любезную супругу, сидящую очень дружески съ молодымъ офицеромъ, которому отдавала она мѣшокъ съ золотыми деньгами. — „О Боже мой!" вскричалъ купецъ, „что я вижу! такъ! это злодѣйка моя жена! не бояся ни Бога, ни меня, отдаетъ оно потомъ и грѣхами нажитыя мои деньги какому та проклятому подлипалѣ за то, что онъ осквернилъ мою честь ... Неблагодарная! беззаконница! ты не щадишь своей непорочности, и что всего законопреступнѣе, не щадишь и моихъ денегъ! ... Посмотримъ, когда я пріѣду, посмотримъ, чѣмъ то ты можешь оправдаться? Ахъ, еслибъ я слышалъ теперь твои проклятые разговоры!" — Нептунъ ударилъ острогою по зеркалу, и въ ту минуту услышали мы рѣчи дѣйствующихъ лицъ. — „Возьми, любезной Вѣтродумъ," говорила благочестивая половина нашего гостя, „возьми сіе въ знакъ моей къ тебѣ любви, и будь увѣренъ, что я всѣ способы употреблю содержать тебя въ лучшемъ состояніи, доколѣ не выдешь ты изъ-подъ опеки [1]. — „Ахъ, сударыня!" вскричалъ подлипала, „вся моя горячность мала въ заплату за

[1] Смотри предшествующее письмо. Отсюда можно заключить, что Борендъ, какъ и Зоръ—Крыловъ.

такую щедрость. ... Обожанія достойная женщина! сколько я сожалѣю, что не могу вѣчно обладать тобою; но твой мужъ! ... увы! ... меня страшитъ подчувствіе, что онъ скоро возвратится.“ — „Не опасайся, мой любезной!“ говорила она, „мужъ мой такой жадной къ богатству человѣкъ, что, конечно, дотолѣ будетъ гоняться за нимъ по морямъ, доколѣ не потонетъ, и я уже надѣюсь, что небо, давно услыша мои теплыя молитвы, сослало его на дно морское за то мученіе, которое терпѣла я отъ его ревности и скупости. ... Ты не повѣришь, душа моя, какой это скряга! онъ всякую полушку цѣнитъ дороже своей жены! сколько ни притворялась я, что его люблю, но за всѣ мои ласки получала отъ него одно только увѣщаніе, что роскошь противна Богу... Чтобъ лукавой его взялъ и съ его правоученіемъ! но, благодаря Бога, вотъ уже три года, какъ онъ, наскуча обманывать въ торговлѣ однихъ своихъ земляковъ, вздумалъ обманывать весь свѣтъ, и поѣхалъ на кораблѣ, въ намѣреніи плутовствомъ своимъ перещеголять самыхъ безбожныхъ купцовъ въ свѣтѣ. Онъ оставилъ здѣсь два милліона наличныхъ денегъ, и хотя они запечатаны, но желаніе женщины трудно удержать печатью, и я смѣло сорвала ее на другой же день его отъѣзда.“ — „Прекрасно!“ вскричалъ Вѣтродумъ, „я радуюсь, что и въ вашемъ состояніи начинаетъ искореняться природный страхъ къ мужьямъ, и что женщины всего свѣта, наконецъ, утвердятъ приговоръ, чтобъ жена была главою мужу, а не мужъ женѣ.“ — „Ахъ!“ сказала добросовѣстная хозяйка, „дорого намъ достается за это желаніе; что до моего чудака, то онъ твердо придерживается Писанія, и ни на волосъ не хочетъ уступить мнѣ власти, а особливо надъ сундуками, и если онъ

узнаетъ, что я безъ его вѣдома вздумала вступить въ управленіе расходовъ, то, конечно, самымъ подлымъ образомъ со мною раздѣлается; однакожъ, благодаря моей хитрости, я уже давно выдумала способъ его обмануть, которой состоитъ въ томъ, чтобъ взвести на воровъ свои поступки. ... Такъ, душа моя! и я немного передъ нимъ солгу: ты этотъ воръ, ты похититель моего сердца! ... но я не могу иначе тебя наказать, какъ моими пламенными поцѣлуями!“ — „О безбожница!“ вскричалъ скупецъ, смотря въ бѣшенствѣ на ихъ ласки, которыя зеркало показывало безъ всякой утайки, и которыми можно бы было раздражить и самаго холоднокровнѣйшаго мужа. ... „О варварка! вотъ какая благодарность за все мое попеченіе, чтобы оставить тебя по себѣ богатою вдовою! ... Веселись, веселись умноженіемъ моихъ наслѣдниковъ! Скоро приберуся я къ тебѣ, и всякой сучокъ моихъ роговъ на тебѣ вымещу. ... Почтенный ворожая!“ сказалъ онъ, оборотясь къ Нептуну: „пожалуй, покажи мнѣ поскорѣе мою кладовую: я хочу видѣть, сколько эта беззаконница грѣшна передо мною; пусть за прикованные мнѣ рога отвѣчаетъ она передъ Богомъ, но за мое любезное золото я самъ съ нею управлюсь.“ — Въ ту жъ минуту, по его желанію, зеркало представило его кладовую, наполненную сундуками и мѣшками. Онъ оцѣпенѣлъ, взглянувъ на нее, а мы увидѣли новое зрѣлище.

Два молодые повѣсы съ растрепанными волосами разламывали сундуки и кидали въ окно къ третьему деньги.—„О Небо!“ вскричалъ старикъ: „это мои несчадія! это мои дѣти! Вотъ какъ они мучатъ родителя своего! вотъ для кого собиралъ я свое богатство!“—Въ минуту услышали мы ихъ разговоры. — „Посѣщимъ,

дорогой Разврать, опорожнить этотъ сундукъ", говорилъ меньшой большому, „пока наша матушка занимается своимъ гостемъ: иначе очень будетъ худо, если насъ здѣсь застанутъ: она не преминетъ и свои, и наши похищенія — всѣ батюшкѣ взвести на насъ." — „Тьфу, къ чорту!" вскричалъ другой братъ, „неужели ты думаешь, что батюшка нашъ проживетъ Аредовы вѣки[1]: я такъ, право, думаю, что уже онъ давно отправился на тотъ свѣтъ, и матушка только для того намъ говоритъ, что онъ еще живъ, чтобы пользоваться его деньгами, которыя она начинаетъ дѣлить пополамъ съ нами, и если разсудить, то мы всѣ правы, не выключая и нашей любезной матушки. Скажи, пожалуй, можно ли кому-нибудь поступать суровѣе съ своими домашними, какъ поступаетъ нашъ батюшка? Видалъ ли кто, чтобъ женѣ своей не давать ни полушки? не значитъ ли это подвергать честь ея опасности? Но что и еще страшнѣе, видалъ ли кто, чтобъ дѣтей записавъ въ службу, не давать имъ денегъ на порядочное содержаніе и для пріобрѣтенія покровителей и друзей? Не дивно, что до его отъѣзда не получали мы ни малѣйшаго повышенія въ чинахъ, а безъ него вся наша служба приняла иной видъ: наши столы и подарки поставили насъ въ списокъ ревностнѣйшихъ сыновъ отечества, и я ручаюсь, что если онъ еще помедлитъ нѣсколько лѣтъ своимъ возвращеніемъ, то застанетъ насъ въ такихъ чинахъ, которые принесутъ честь всему нашему поколѣнію, и онъ самъ будетъ имѣть удовольствіе найти въ своихъ сынкахъ покровителей всѣмъ своимъ тяжбамъ, откупамъ и подрядамъ, которыхъ у него всегда великое множе-

[1] Безконечное количество лѣтъ.

ство; а между тѣмъ, можетъ быть, онъ и подлинно, волею или неволею, разстался съ здѣшнимъ свѣтомъ. Итакъ, поспѣшимъ выпередить матушку въ очищеніи сундуковъ, чтобъ послѣ при раздѣлѣ не остаться намъ въ накладѣ". — „О! я не думаю этого", отвѣчалъ старшій братъ, „чтобъ кто-нибудь изъ насъ былъ въ накладѣ, выключая только нашу сестру, которая одна не вмѣшивается въ наши издержки, и живетъ скромнѣе всѣхъ въ нашей семьѣ, а все это отъ того, что воспитана вмѣстѣ съ старухами въ невѣжествѣ. Бѣдная дѣвушка! она страшится вѣчныхъ мукъ за всякое излишнее выговоренное слово и живетъ въ своей комнатѣ, какъ монахиня. Пусть ее скромничаетъ! она когда-нибудь раскается въ своемъ воздержаніи". — „О! окаянные", вскричалъ чадолюбивый отецъ, „они же еще и смѣются надъ моею бѣдною дочерью, которая, какъ видно, одна только достойна назваться моимъ отродьемъ. ... Покажите, господинъ ворожея, покажите мнѣ ее, чтобъ я могъ хотя на минуту ею полюбоваться, и потомъ въ награжденіе за ея невинность, возвратясь домой, вырвать изъ рукъ беззаконниковъ Божій даръ, и ее одну сдѣлать владѣтельницею всего моего имѣнія". — Въ ту самую минуту увидѣли мы комнату, въ которой сидѣла его дочь. — „Такъ", вскричалъ старикъ, „вотъ истинное отродье ея бабки, а моей покойницы матери! ... Я познаю ея добродѣтель по сей лампадѣ, горящей въ углу передъ образами!" — И подлинно, дочь его съ скромнымъ видомъ сидѣла за толстою книгою, которую почитавъ нѣсколько, выслала она всѣхъ женщинъ изъ комнаты, подъ видомъ, что хочетъ спать, и лишь только женщины отъ нея вышли, и она заперлась, какъ влѣзъ къ ней въ окошко тотъ же самый Ветро-

думъ, который недавно былъ у ея матери. — „Что это!“ вскричалъ купецъ, „зачѣмъ этотъ повѣса пришелъ къ моему любезному дитяти? Не ограбить ли онъ ее хочетъ?“ — Но Вѣтродумъ скоро доказалъ, что онъ изъ числа тѣхъ воровъ, которые грабятъ дѣвушекъ съ ихъ позволенія. — „Ахъ! любезной Вѣтродумъ!“ сказала скромная дѣвушка, „къ чему ты меня принуждаешь? Я не въ силахъ покуситься на твои соблазнительныя убѣжденія! Бабушка моя всякой день мнѣ говаривала, указывая на эти образа, что они увидятъ, если я хотя мало что сдѣлаю дурное, а ты хочешь такъ меня остыдить“. — „Ахъ, жестокая!“ вскричалъ Вѣтродумъ: „такъ я вижу, что ты не вѣришь никакимъ увѣреніямъ о моей любви! ... Постой же! я въ минуту тебѣ докажу, сколь я тобою страстенъ“. Сказавъ сіе, выхватилъ онъ ножикъ и хотѣлъ зарѣзаться. — „Ахъ!“ вскричала невинница: „ахъ, Вѣтродумъ! ты хочешь меня и себя погубить. ... Постой! ... Дай хотя мнѣ загасить лампаду, чтобъ не сбылись бабушкины слова“.— Послѣ сего она встала и, подошедъ со скромнымъ видомъ, загасила лампаду, и въ комнатѣ вдругъ такъ стало темно, что мы ни зги разсмотрѣть не могли.— „Ну, мой другъ!“ сказалъ Нептунъ, „еще ли ты думаешь, что твое богатство приноситъ тебѣ хорошіе плоды?“ — „Ахъ! милостивый государь!“ вскричалъ скупецъ: „пустите, пустите меня вырвать его изъ недостойныхъ ихъ рукъ... Поставьте меня поскорѣе туда; я въ минуту отберу отъ нихъ всѣ мои денежки и убѣгу съ ними въ пустыню: тамъ выкопаю двѣ ямы, и въ одной закопаю мое сокровище, а въ другой подлѣ закопаюсь самъ“.

Письмо XLVIII.

Къ Эмпедоклу отъ волшебника Маликульмулька.

Изъ всѣхъ доказательствъ, предлагаемыхъ древними мудрецами, ни одного нѣтъ яснѣе и правдоподобнѣе того, которое предложилъ одинъ ученый мужъ, что большая часть людей злобны и развращенны.

Развратность нынѣшняго вѣка людей, любезный Эмпедоклъ, столь примѣтна, что оная развѣ только быть можетъ неизвѣстна въ пустыняхъ, или въ самыхъ отдаленнѣйшихъ скитахъ; но человѣкъ, живущій въ свѣтѣ, противъ воли своей познаетъ ихъ пороки. И самые тѣ, которые, будучи удалены отъ ихъ сообщества, не могутъ видѣть ихъ злобы, не престаютъ ощущать ея дѣйствій, которыя часто достигаютъ и до самыхъ уединеннѣйшихъ кабинетовъ. Нравоученіе, предлагаемое людямъ, не что иное есть, какъ поощреніе къ исполненію ихъ должностей: какая была бы въ немъ нужда, ежели бы люди не были подвержены ежеминутному искушенію нарушать правила чести и благопристойности? Вся исторія дѣлъ человѣческихъ, отъ самаго начала свѣта, наполнена злодѣяніями, измѣнами, похищеніями, войнами и смертоубійствами.

Но правоучительныя правила должны состоять не въ пышныхъ и высокопарныхъ выраженіяхъ, а чтобъ въ короткихъ словахъ изъяснена была самая истина. Люди часто впадаютъ въ пороки и заблужденія, не отъ того, чтобъ не знали главнѣйшихъ правилъ, по которымъ должны они располагать свои поступки, но отъ того, что они ихъ позабываютъ; а для сего то и надлежало бы поставлять въ число благотворителей рода человѣческаго того, кто глав-

нѣйшія правила добродѣтельныхъ поступокъ предлагаетъ въ короткихъ выраженіяхъ, дабы оныя глубже впечатлѣвались въ памяти.

Находящіеся въ срединѣ теченія своей жизни, сколь ни кажутся удивленными, что въ такое позднее время предостерегаютъ ихъ отъ пороковъ; но, по претерпѣніи многихъ несчастій и по изнуреніи своего здоровья, сами они, наконецъ, признаются, что сія предосторожность была для нихъ весьма нужна, и что они могли бы избавиться отъ всѣхъ бѣдствій, ежели бы заранѣе слѣдовали благоразумнымъ совѣтамъ, имъ предлагаемымъ. Въ нынѣшнемъ вѣкѣ, любезный Эмпедоклъ, много есть такихъ людей, которые впадаютъ въ превеликія несчастія или приходятъ въ совершенное раззореніе, не зная или пренебрегая тѣмъ правиломъ, которое предложено мною въ началѣ сего письма.

Не проходитъ почти ни одного дня, чтобъ не встрѣтился въ нынѣшнемъ свѣтѣ какой-нибудь молодой человѣкъ, гордящійся полученнымъ имъ богатымъ наслѣдствомъ, который, будучи не испытанъ въ свѣтскомъ обращеніи, гоняется за утѣхами и за чинами. Онъ вступаетъ въ свѣтъ, не бывъ никому подвластенъ и не познавъ еще ни обмана, ни злобы людей, съ которыми имѣетъ обхожденіе; онъ всѣхъ искренно любитъ, будучи увѣренъ, что и ему тѣмъ же отвѣчаютъ; каждое сдѣланное ему привѣтствіе доставляетъ ему новое знакомство, въ которомъ думаетъ онъ найти совершенную дружбу.

Также отъ времени до времени являются многія красоты, которыя, привыкши непрестанно слышать себѣ похвалы, думаютъ, что сердце человѣческое не можетъ чувствовать никакой другой страсти, кромѣ любви. Онѣ тотчасъ бываютъ окружены безчислен-

нымъ множествомъ обожателей, которымъ во всемъ вѣрятъ, потому что они имъ говорятъ только то, что имъ пріятно слушать. Если же кто посмотритъ на нихъ влюбленными глазами и произнесетъ нѣсколько вздоховъ, тотъ уже покажется имъ пришедшимъ въ совершенное отчаяніе.

Итакъ, по справедливости, тотъ долженъ быть почтенъ полезнѣйшимъ наставникомъ, кто симъ новымъ Венерамъ, не имѣющимъ никакаго испытанія въ свѣтѣ, часто будетъ твердить, что большая часть людей злобны и развращенны, и кто всегда имъ будетъ припоминать, что богатство и красота есть такая добыча, за которою нынѣ весь свѣтъ гоняется, и что между всѣми тѣми, которые имъ льстятъ, можетъ быть, нѣтъ ни одного, который бы не старался, ихъ обманувъ и обольстя, у однихъ похитить честь, а у другихъ все имѣніе, которымъ обогатя себя раздѣлить его съ другими подобными себѣ обманщиками.

Добродѣтель, представляемая здравому разсудку и основательному воображенію, толикія имѣетъ прелести, столь достойна уваженія и подкрѣпляется столь сильными доводами, что каждый испытанный человѣкъ долженъ удивляться, какъ могутъ быть въ свѣтѣ безчестные люди; и потому всѣ тѣ, коимъ неизвѣстно еще могущество страстей и корыстолюбія, и кои никогда еще не испытали ни коварнаго обольщенія, ни гнусныхъ примѣровъ, поврежденныхъ нравовъ, ни того, съ какою легкостію люди обращаются отъ одного злодѣянія къ другому, ниже того, сколь много способствуютъ къ ихъ развращенію соблазнительные разговоры, обыкновенно думаютъ находить искренность во всѣхъ сердцахъ и откровенность на всѣхъ языкахъ.

Совсѣмъ не возможно, чтобъ люди, состарѣвшіеся въ свѣтѣ, не жаловались на несправедливость, вѣроломство и обманы, которые они отъ другихъ претерпѣли; но молодые люди обыкновенно таковыя ихъ жалобы почитаютъ пустыми ропотаніями, старымъ людямъ свойственными; и для того, не взирая на всѣ дѣлаемыя имъ наставленія, смѣло впадаютъ, съ ослѣпленною довѣренностію, въ обманчивыя сѣти нынѣшняго развращеннаго свѣта, не предвидя опасностей, въ которыя сами себя ввергаютъ.

Легковѣріе есть обыкновенная погрѣшность неопытныхъ молодыхъ людей; а потому и нужно бы было почасту имъ твердить, что вступать въ свѣтъ безъ всякой осторожности, въ надеждѣ найти въ немъ справедливость и чистосердечіе, есть равно, какъ бы пускаться въ море безъ карты и безъ компаса, въ надеждѣ имѣть всегда благопріятный вѣтеръ и найти у всякаго берега, куда ни пристанешь, спокойную пристань.

Если захотѣть исчислять всѣ различныя причины, побуждающія людей къ несправедливости и злодѣяніямъ, то должно прежде разсмотрѣть всѣ желанія, которыя ими обладаютъ, и кои всегда одерживаютъ верхъ надъ добродѣтелью. Есть множество людей, у коихъ золото управляетъ всѣми поступками, и кои ничего не дѣлаютъ иначе, какъ въ надеждѣ пріобрѣсти болѣе, какимъ бы то способомъ ни было. Таковыхъ сребролюбцевъ должно почесть изъ всѣхъ порочныхъ людей гнуснѣйшими, ибо они, не взирая на то, что ими всѣ гнушаются, не престаютъ обогащать себя разореніемъ другихъ, похищая у нихъ послѣднее имущество, безъ сожалѣнія.

Другіе, еще сихъ злобнѣе, провождаютъ всю жизнь свою, дѣлая вредъ другому, ибо они не мо-

гутъ спокойно взирать ни на чье благополучіе, и питаютъ ненависть ко всѣмъ тѣмъ, кто ихъ богатѣе и честнѣе.

Многіе есть такіе, которые хотя не столько погружены въ пороки, однакожъ совсѣмъ неспособны имѣть дружбу или какую-нибудь искренность съ кѣмъ бы то ни было.

Итакъ, вотъ сколь великія предстоятъ опасности, любезный Эмпедоклъ, отъ сообщенія съ людьми нынѣшняго вѣка, отъ конхъ не иначе можно избавиться, какъ соблюдая величайшую осторожность, и тотъ, кто всегда будетъ помнить сказанное мною въ началѣ сего письма спасительное правило, безъ сомнѣнія, научится заранѣе не вѣрить никакимъ блистательнымъ наружностямъ, которыя мечтательнымъ своимъ блескомъ ослѣпляютъ глаза молодымъ неопытнымъ людямъ, и не допуститъ себя до того, чтобъ, наконецъ, собственнымъ своимъ опытомъ познать всѣ бѣдствія, каковыя случаются съ тѣми, кои, не знавъ сего правила, безъ всякой осторожности впадаютъ въ сѣти, разставляемыя предъ ними человѣческою хитростію и коварствомъ.

Конецъ четвертой и послѣдней части.

Крыловъ на прогулкѣ.

Рис. Агина (1844).

По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ „Дѣдушка Крыловъ“, Спб. 1845.)

Отдѣлъ II.

Журнальныя статьи.

Статьи изъ „Зрителя“.

Вступительная замѣтка.

Журналъ „Зритель“ издавался „Крыловымъ съ товарищи“ въ 1792 г. [1]. Въ біографическомъ очеркѣ, приложенномъ къ I тому, указано, что въ компанію входили, кромѣ Крылова, Плавильщиковъ, Клушинъ и Дмитревскій. Слѣдовъ участія послѣдняго въ журналѣ намъ не удалось найти, но первые три были усердными и постоянными вкладчиками. Кромѣ того, принимали участіе Бухарскій, кн. Горчаковъ, Варакинъ, кн. Хованскій, гр. Хвостовъ, В. Л. Пушкинъ, Шишковъ и т. д.

„Зритель“ пытался, но безъ особаго успѣха, конкурировать съ „Московскимъ Журналомъ“ Карамзина, подобно ему старался сдѣлать содержаніе возможно болѣе разнообразнымъ, ввелъ стихи, беллетристику и литературную критику, но прибавилъ къ нимъ публицистику и сатиру, которыхъ чуждался Карамзинъ.

Молодымъ издателямъ не хватало знаній и опыта. Литературные противники (напр., Карамзинъ въ письмахъ къ Дмитріеву) легко вылавливали курьезы въ содержаніи и стилѣ статей, но журналъ далъ и нѣсколько замѣчательныхъ статей („Канбъ“ Крылова, „Театръ“ Плавильщикова).

Равнодушіе публики [2] и столкновенія съ властями разстроили компанію, и въ слѣдующемъ году Крыловъ и Клушинъ выступили съ новою попыткою издавать журналъ другого названія и направленія.

---

[1] Кое-какіе матеріалы (напр., нападки на Княжнина, умершаго въ 1791 г.), вѣроятно, были взяты изъ нечапечатанныхъ остатковъ, „Почты духовъ“.

[2] Подписчиковъ было 105.

I.

Введеніе.

(Издателей „Зрителя“).

Одинъ или многіе будутъ издавать „Зрителя“, о томъ, кажется, нѣтъ нужды увѣдомлять благосклоннаго читателя.

Пускай представляютъ человѣка, который любопытнымъ взоромъ смотритъ на все и дѣлаетъ свои примѣчанія. Сего воображаемый Зритель позволяетъ себѣ, выбравъ изъ самой природы, образовать разныя свойства по своему разсужденію, не дерзая нимало касаться личности — подобно какъ живописецъ, желая написать на своей картинѣ различныя страсти, рисуетъ человѣка во всѣхъ правилахъ естества, но ничьего прямо лица не изображаетъ.

Право писателя представлять порокъ во всей его гнусности, дабы всякъ получилъ къ нему отвращеніе, а добродѣтель во всей ея красотѣ, дабы плѣнить ею читателя: симъ правомъ вознамѣрился пользоваться „Зритель“.

Любезные Россіяне, предметъ моего вниманія и душевнаго почтенія! Если въ свободные часы я, т. е. воображаемый вами зритель, явясь очамъ вашимъ въ сихъ листахъ, извлеку на лицахъ вашихъ улыбку ... вотъ моя слава! вотъ мое торжество!

Увѣдомляю при томъ, что не все буду я сочинять и не все также переводить. Вздумается сочинить — сочиню; вздумается перевесть — переведу; вздумается о чемъ разсуждать—разсужу; вздумается написать небылицу—напишу; услышу или увижу какую-нибудь новость на Парнасѣ и вздумается объ ней сказать — скажу ... Не подумаетъ ли кто, что здѣсь стиховъ не будетъ? Боже сохрани! .. безъ стиховъ ежемѣсячникъ — какъ пища безъ питья или какъ

чай безъ сахару. Угоститъ ли тотъ хозяинъ гостей, который представитъ имъ обѣдъ, хотя бы преизобильный и превкусный, но безъ всякихъ напитковъ? .. Безъ стиховъ нельзя.

Наконецъ, „Зритель“ посвящаетъ себя благосклоннымъ читателямъ всякое первое число. Дай Боже, чтобы могъ имъ понравиться.

Нынѣ высокосъ, февраль именинникъ—вотъ причина, для чего „Зритель“ начинается съ февраля!

Перечень статей изъ „Зрителя“.

— ——

I.

Введеніе.

„Зритель“ I, стр. 3—5. Оно никѣмъ не подписано.

II.

Ночи.

Часть I, 70—80, 140—160, 228—250. Часть II, 95—116. Статья, повидимому, оборвана: послѣдній отдѣлъ отмѣченъ, какъ „продолженіе“. Полная подпись Крылова Ея нѣтъ только подъ послѣднимъ отдѣломъ статьи, но она указана въ оглавленіи.

III.

Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ.

Часть II, стр. 42—58. Подписи нѣтъ, но она указана въ оглавленіи.

IV.

Разсужденіе о дружествѣ.

Часть II, 236—245, съ полною подписью Крылова.

V.

Мысли философа по модѣ.

Часть II, 279—295. Подписи подъ статьею нѣтъ, но она указана въ оглавленіи.

VI.

Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ.

Часть III, 63—80. Подпись указана въ оглавленіи.

VII.

Каибъ.

Часть III, 90—108, 257—306. Полная подпись Крылова.

VIII.

По поводу одной изъ статей, общаго сатирическаго характера, издатели (часть II, стр. 33) прибавили отъ себя такое примѣчаніе:

Издатели покорнѣйше благодарятъ г. Неизвѣстнаго за присылку прекраснаго его сочиненія къ помѣщенію въ журналъ.

Просвѣщенный читатель увидитъ, что сіе твореніе столь же много дѣлаетъ чести ихъ изданію, какъ легкому, пріятному и острому его перу.

За желаніе же издателямъ орлинаго зрѣнія взаимно желаютъ они господину Неизвѣстному мудрости змінной и силы львиной, дабы онъ, вооружаясь противу пороковъ, сдѣлалъ и впредь честь издателямъ присылкою своихъ сочиненій, которыя съ отмѣннымъ удовольствіемъ помѣстятся въ ихъ листкахъ.

См. еще въ приложеніяхъ статью „Покаяніе сочинителя Крадуна“, приписываемую нами Крылову.

II.

Ночи.

I.

Часъ било за полночь. ... Природа уснула ... Городской шумъ утихъ... и люди, кажется, перестали дурачиться, или, по крайней мѣрѣ, рѣшились до утренней зари дурачиться тихомолкомъ. А я, казалось мнѣ, что я одинъ не спалъ, и окружающее меня глубокое молчаніе подавало мнѣ случай къ размышленіямъ.

Сія темнота,—такъ началъ я свое размышленіе,—кажется, нарочно для того есть въ природѣ, чтобы унижать гордость человѣческую и помрачать мнимыя дарованія и прелести, которыя блистали во время прошедшаго дня. Человѣкъ! ... хочешь ли ты видѣть себя, свою ничтожность? Дай зайти солнцу, и человѣку снять съ себя постороннія украшенія, которыя не принадлежатъ ему и которыя одно его дѣтское честолюбіе себѣ присвоило.

Гдѣ теперь тотъ пышной вельможа, которой, за нѣсколько передъ симъ часовъ, заставлялъ міръ думать, что въ рукахъ ево находится спасеніе всѣхъ восьми планетъ, и съ ихъ спутниками; который самъ дѣлалъ видъ, что отъ ево только мановенія зависитъ переставить созвѣздіе Скорпіона на мѣсто созвѣздія Тельца, и съ которымъ встрѣчаясь подлые его льстецы съ набожностію глотали пыль, воздымаемую позла-

щеными колесами ево кареты. ... Гдѣ онъ? ... Его превосходительство, валяясь въ пышныхъ пуховикахъ, изволитъ заниматься хорошими сновидѣніями, между тѣмъ какъ секретарь ево готовитъ ему къ завтрему политическія разсужденія, которыя, конечно, выдастъ онъ за свои, ибо сей господинъ уже привыкъ думать секретарскою головою, которая есть ево душа, а вельможа сей — ея тѣло; итакъ онъ основательно можетъ сказать во извиненіе безперерывнаго своего сна: духъ бодръ, но плоть немощна, то есть секретарь рожденъ обдумывать, а я подписывать съ просонья ево мысли.

Гдѣ та обольщающая красавица, за которою гонялись стада волокитъ, — которой розовыя уста приманивали къ себѣ тысячи поцѣлуевъ, а нѣжная грудь вливала томныя желанія въ юныя сердца, и даже самыхъ грубыхъ философовъ заставляла желать рожденія новаго Праксителя и Фидія[1]; — которой томные глаза всякимъ взоромъ означали, что сердце таетъ въ ней отъ удовольствія, — коей тонкой, легкой станъ и прекрасная ножка заставляли стихотворцевъ думать, что или Венера будетъ имѣть скоро четыре Граціи, или одна изъ нихъ лишится своего мѣста, дабы уступить ево сей красавицѣ. ...—Гдѣ она? ... Она спитъ, и всѣ ея прелести раскладены на убормомъ столикѣ: прекрасные зубы ея лежатъ въ порядкѣ близъ зеркала; голова ея такъ чиста, какъ рѣна, а волосы, которымъ удивлялись, висятъ, осторожно накинутые на зеркало; нѣжной румянецъ ея и плѣняющая бѣлизна стоятъ приготовленные къ утру въ баночкахъ, между тѣмъ какъ она походитъ на брошенную въ постель мумію. Грудь ея присохла

[1] Величайшіе греческіе ваятели.

къ костямъ, а подставная покоится въ сохранности вмѣстѣ съ корсетомъ. Гдѣ же всѣ прелести, которыя заставляли о ней кричать? Гдѣ тѣ пріятности, тѣ достоинства, магниты, привлекающіе къ ней сердца молодыхъ воздыхателей? О! они и теперь на-лицо раскладены въ кошелькахъ и въ записныхъ книгахъ, на ея уборномъ столикѣ.

Не подумай однакожъ, любезной читатель, что госпожа эта скудна разумомъ. Еслибы и случилось кому покрасть ея прелести, то осталось у ней еще одно очарованіе, — противъ котораго никакое нынѣшняго свѣта сердце не устоитъ; краснорѣчіе—вотъ ея сильнѣйшее оружіе; она превосходитъ имъ сочинителя Новой Элоизы[1]. Письма къ ея любовникамъ очень убѣдительны, хотя, правда, всѣ они на одинъ образецъ, ибо начинаются такъ: „Объявителю сего платить Государственный Заемный Банкъ“ и проч. Воскресни, Руссо, подобно Магометову отцу, на одинъ только часъ, и взгляни на свою побѣдительницу![2] А если ты столь отваженъ, что вздумаешь спорить съ нею въ преимуществѣ краснорѣчія, то выставимъ на одну доску письма твоей Элоизы и моей, — и я ручаюсь, что послѣднія станутъ торжествовать, и что за нихъ ухватются всѣ, не выключая академиковъ и самого тебя.

Гдѣ тотъ щеголеватый господчикъ, обвѣшенный золотыми цѣпочками, унизанный бриллiантовыми перстнями, которой, цѣлой день катаясь по городу въ щегольской каретѣ, кажется, имѣлъ усердное желаніе всѣхъ пѣшеходцевъ душить пылью и старался по-

[1] Руссо.

[2] Въ каноническихъ магометанскихъ книгахъ, по указанію проф А. Е. Крымскаго, такого сказанія нѣтъ. Взято, вѣроятно, Крыловымъ изъ какого-нибудь сомнительнаго источника (въ XVIII вѣкѣ было нѣсколько сборниковъ выдуманныхъ разсказовъ о Магометѣ и магометанствѣ).

снѣть вдругъ въ тридцать мѣстъ, не бывъ нигдѣ надобенъ? Еще не прошло 5 часовъ, какъ въ кружку щеголихъ божился онъ, что изрубилъ всю Турецію, съ великимъ жаромъ увѣрялъ, что онъ съ такою же проворностію перерубливаетъ людей, какъ тростникъ, и сожалѣлъ, для чего не заведутъ у насъ войны со слонами, гдѣ бы могъ онъ пощеголять своею саблею; безъ устали исчитывалъ онъ свои побѣды и тысячами поминалъ своихъ убитыхъ. Надобно отдать справедливость сему молодому храбрецу, что онъ самую отважную ложь запохивалъ иногда табакомъ, но не красиѣлъ никогда. Гдѣ же онъ? ... Гдѣ рѣзвой языкъ его, которымъ могъ онъ переговорить, — если дозволятъ употребить такое смѣлое и сумнительное сравненіе, — самую проворную говорунью, и гдѣ блистающая сво пышность? Онъ спитъ въ мягкихъ пуховикахъ; подлѣ сво лежитъ аттестатъ, данной ему сво дядюшкою о храбрости сво, оказанной такого то числа, а подлѣ аттестата развернута записная его книжка, въ которой видно ясно, какъ день, что того числа за сто верстъ отъ сраженія находился онъ для любовнаго приключенія, ибо молодой этотъ человѣкъ любитъ порядокъ и ведетъ всѣмъ своимъ дѣламъ вѣрную записку. Читатель, вспомни, что̀ онъ былъ днемъ, сравни языкъ сво съ сво постелью, — и ты увидишь, что онъ лжетъ, какъ храброй человѣкъ, а нѣжится, какъ женщина. Гдѣ же сво богатство, которое, какъ сказываютъ, нажилъ онъ на счетъ побѣжденныхъ имъ непріятелей? О, что до этого, то къ утру же портной, сапожникъ и другіе ремесленники сбираются засвидѣтельствовать въ магистратѣ, съ какою неустрашимостью подписывалъ онъ векселя, которыхъ ни въ двѣсти лѣтъ оплатить не будетъ въ состояніи, а наемной кучеръ сво съ щегольской

каретою и лошадьми, коими пускалъ онъ городу пыль въ глаза, этотъ удалой кучеръ, говорю я, дожидаясь съ нетерпѣніемъ утра, хочетъ оказать ему послѣднюю услугу и отвезти ево въ магистратскую тюрьму.

„О благотворная ночь!“ продолжалъ я свои восклицанія, „чѣмъ не обязанъ тебѣ человѣкъ, которой умѣетъ тобою пользоваться? Ты, прохлаждая ево природу, успокоиваешь и возвращаешь ее; ты, обнажая смертнаго, котораго гордость принуждаетъ почитать себя превыше человѣковъ, напоминаешь ему, что и онъ такое же слабое твореніе, каковыхъ милліоны, имъ презираемы, и что онъ отличенъ отъ другихъ людей единою своею гордостію. Ты каждымъ своимъ пришествіемъ къ намъ напоминаешь намъ вѣчность, бывъ сама изображеніе ея, подобно какъ сонъ, приносимый тобою, есть изображеніе смерти. Такъ, всякое возвращеніе твое къ смертнымъ есть наставленіе имъ, и отъ нихъ только зависитъ онымъ пользоваться.

Гордой городской житель! если тебѣ случится быть ночью на великолѣпнѣйшей площади, окинь взоромъ вокругъ себя, сравни, если ты можешь, между собою пышныя зданія твоихъ сограждан, и покажи мнѣ, когда смѣешь, различіе между убогимъ шалашомъ и огромными чертогами гордости.

Гдѣ пышныя тѣ зданія, за нѣсколько передъ симъ часовъ удивлявшія мимохожихъ, и наружностію коихъ гордилось цѣлое государство?... наступила ночь—и сравняла ихъ съ шалашами убогихъ. Смертный, вотъ изображеніе твоихъ дѣлъ! вотъ изображеніе того, какимъ образомъ вѣчность сравниваетъ честолюбивые твои подвиги съ ничтожествомъ! — Обратимся къ прошедшимъ вѣкамъ, и мы увидимъ, что вѣчная ночь сравнила гордыя и пышныя монархіи съ убогими ихъ сосѣдствами, такъ, какъ ночь срав-

ниваетъ великолѣпныя зданія съ низкими хижинами. Едва помнютъ мѣста, гдѣ стояли великолѣпные города, подобно какъ, проходя ночью городомъ, съ трудомъ можно означить мѣсто, гдѣ есть богатое зданіе.

Что же есть достойнаго человѣка? Что можетъ онъ произвести неподверженное разрушенію вѣковъ? Ево слово, ево мысли, — вотъ одно твореніе, дающее цѣну человѣку и избавляющее ево отъ совершеннаго разрушенія; вотъ одно произведеніе, которое борется съ вѣками, преобораетъ ихъ ядовитость, торжествуетъ надъ ними и всегда пребываетъ столь же ново и сильно, какъ и въ ту минуту, когда рождено оное человѣкомъ! Сильнѣйшія монархіи пали, съ ними исчезли полки мнимыхъ героевъ, идоловъ народа. Все разрушается: владѣнія и племена исчезаютъ; на что̀ ни обратимъ взоры, все скорыми шагами течетъ къ своему ничтожеству; но Орфей и Гомеръ цвѣтутъ, и гласъ ихъ столь же плѣняющъ и чувствителенъ, какъ и въ ту минуту, когда онъ ими произносился. Сколь превосходна и отмѣнна живая слава ихъ отъ мертвой славы мнимыхъ героевъ! Послѣдній умираетъ для всего свѣта; и двухъ вѣковъ довольно, дабы изгладить слѣды его пребыванія и смѣшать ихъ съ баснею; но первый по смерти живетъ, и слово его, подобно безсмертному духу, имѣетъ даръ, не раздѣляясь, во многихъ мѣстахъ пребывать въ одно время. Единый мудрецъ, торжествуя надъ смертію, похищаетъ право говорить съ позднѣйшимъ своимъ потомствомъ.

Тебѣ, о нощь, бываетъ часто долженъ онъ произведеніемъ своихъ мыслей, и когда одѣешь ты небеса мрачнымъ покровомъ и усыпишь природу, онъ тогда вѣряетъ тебѣ размышленія свои. Не видя вокругъ себя ничего, кромѣ разсѣяннаго мрака,

приводящаго слабоумному сонъ, а мудрецу размышленія, дѣлаетъ онъ судъ надъ человѣчествомъ. Кажется, что онъ одинъ остался тогда во вселенной, и что гордость и насильствіе не дерзаютъ налагать оковы на его мысли, который только тогда правоучительны безъ подозрѣнія, когда слѣдуютъ онѣ своему собственному стремленію, не управляемыя ни страхомъ, ни пресмыкающеюся лестію; иначе правоучитель есть скопецъ, проповѣдующій дѣвство, коего скованныя насильствомъ чувства не подражаніе, но посмѣяніе себѣ производятъ.

Но когда ты, мрачная спутница размышленій — ночь, бываешь свидѣтельницею, что не корыстолюбіе и лесть заставляютъ его раждать славу героевъ, но добродѣтель и премудрость ихъ, тогда правоученіе его, извлекаемое изъ великихъ дѣлъ ихъ, чисто и свободно: тогда возбуждаетъ онъ сердца удивляться себѣ и подражать добродѣтели восѣтыхъ имъ героевъ; тогда . . .

Вдругъ отворилось окно въ моей комнатѣ, и женщина, лѣтъ подъ сотню, сидѣвшая на серебряной рогатой лунѣ, спустилась по воздуху ко мнѣ въ комнату. Я тотчасъ узналъ, что это ночь, для того что раза три видѣлъ ее на театрѣ въ „Амфитріонѣ," комедіи Мольера[1], гдѣ она точно такъ же спускается, съ тою при томъ разницею, что тамъ ее съ небесъ спускаютъ на веревкахъ, которыя часто видны, и заставляютъ нерѣдко меня трепетать, чтобъ госпожа богиня не раскроила себѣ черепъ и не убилась бы до смерти. Что до той ночи, которая посѣтила меня, то машинистъ ея, кажется, былъ исправнѣе театральнаго.

Я лежалъ въ постелѣ; и какъ я не привыкъ при-

[1] Великій французскій комическій писатель (1622—1673).

нимать столь знатныхъ гостей въ такомъ безпорядочномъ положеніи, то посѣщеніе сей госпожи очень меня встревожило.

II.

„Конечно, милостивая государыня“, сказалъ я ей въ страхѣ, „какой-нибудь новой Юпитеръ просилъ васъ, чтобы продолжить здѣсь ваше присутствіе для ево забавъ, и вы, можетъ быть, ищете Меркурія, чтобы черезъ него отрапортовать богу громовъ, что время ему убираться на Олимпъ, если не хочетъ онъ, чтобы какой-нибудь Амфитріонъ[1] переломалъ ему руки и ноги и подвергнулъ бы ево опасности пролежать мѣсяца три въ публичной больницѣ“. — „Нѣтъ“, отвѣчала она мнѣ, „для нынѣшнихъ Алькменъ не нужны такія чудеса; надобно отдать справедливость, что и Амфитріоны нынѣ гораздо сговорчивѣе противъ старыхъ вѣковъ, ибо Юпитеръ для нихъ прибѣгаетъ чаще къ помощи Плутуса[2], нежели ко мнѣ. Итакъ, ты видишь, что я къ тебѣ совсѣмъ не для того пришла, но мнѣ есть надобность другого рода, которую хочу я на тебя возложить. Выслушай меня.

— Недавно *Момусъ*[3] давалъ богамъ вечеринку, и хотя я рѣдко бываю въ большихъ собраніяхъ, но случилось такъ, что на этой пирушкѣ сошлась я съ Фебомъ[4]. Мы разговаривали съ нимъ очень долго о нашемъ жребіи и должностяхъ. Разговоръ зашелъ и о людяхъ, около которыхъ мы столь давно съ нимъ вертимся. Между тѣмъ примѣтъ, что полныя чаши съ виномъ безъ устатку обносились около гостей. — „Признаться надобно, любезная Ночь“,

[1] Зевесъ, влюбившись въ его жену Алкмену, принялъ его видъ; отъ нихъ родился Геркулесъ.

[2] Богатство, деньги.

[3] Богъ насмѣшки и порицанія.

[4] Богъ солнца.

сказалъ онъ, допивая двѣнадцатую бутылку нектару, „твоя должность мнѣ жалка, и я дивлюсь, для чего не проснишься ты у боговъ въ отставку; а особливо въ твои почтенныя лѣта совсѣмъ не прилично таскаться по свѣту только для того, чтобы видѣть сонные или зѣвающіе народы“. — „Милостивой государь“, отвѣчала я ему очень учтиво, „я нимало не думаю пенять на свою судьбу и очень довольна своимъ состояніемъ, а потому то и ваше сожалѣніе очень не у мѣста. Правда, мои лѣта не дѣтскія, но я немного старѣе Венеры[1], и все это не доказываетъ, чтобы я была безполезна. Да еслибы и въ самомъ дѣлѣ во мнѣ пользы никакой не было, то моя порода одна даетъ мнѣ право имѣть олтари и собирать жертвы. Мало ли у насъ есть боговъ-тунеядцовъ, которые не заслуживаютъ ни фунта телятины, а пользуются такими жертвами, что могутъ жить богатѣе всякаго, между тѣмъ какъ они дѣлаютъ народу болѣе зла, нежели добра? Нашъ хозяинъ самъ хотя не иное что, какъ шутъ на Олимпѣ, но онъ за свое ремесло получаетъ болѣе доходу, нежели всѣ академіи вмѣстѣ. Скажи мнѣ: какую пользу приноситъ Бахусъ[2]? Весь Олимпъ думаетъ, что онъ не тратитъ время, которое проходитъ только въ томъ, что онъ или пьетъ, или сочиняетъ негодныя пѣсенки, бывши столь же дурной писатель, какъ и политикъ, хотя то и другое ремесло почитаетъ онъ рожденнымъ для ево головы: онъ одинъ выдумалъ способъ съ зѣвоты собирать доходъ; и я думаю, что ему даромъ не пройдетъ, когда Морфей[3] узнаетъ, что пьяной

[1] Богиня любви и красоты, рожденная позднѣе большинства другихъ боговъ и богинь изъ пѣны морской.

[2] Богъ вина и веселья.

[3] Богъ сна.

Бахусъ своими пѣсенками перебиваетъ у него должность и усыпляетъ слушателей безъ его вѣдома.

— Посмотримъ теперь на Меркурія[1], достоинъ ли онъ такихъ большихъ доходовъ и такого прекраснаго дома, которой выстроилъ онъ на счетъ своихъ плутней. Ему поручены купцы, а онъ самъ началъ входить въ подряды. Вспомни, давно ли Юпитеръ изломалъ объ него всю кадуцею[2] за то, что онъ началъ съ подрядчиковъ сбирать взятки.—Изъ всѣхъ его званій наблюдаетъ онъ съ лучшею исправностію званіе бога воровъ; и можно отдать справедливость, что онъ у нихъ первой по своему достоинству. Итакъ, видишь ли ты, господинъ Фебъ, что немного найдется боговъ, которые бы получали жертвы по справедливости.

— Музы твои очень умныя дѣвушки, но и онѣ померли бы съ голоду, еслибы Калліопа[3] не поддерживала ихъ, взявъ на подрядъ лучшіе города, куда ставитъ она оды на именины и на похороны; да и этотъ торгъ начинаетъ у нея плохо клеиться, для того, что примѣчаютъ въ ея твореніяхъ все старое, а человѣческое самолюбіе ни къ чему такъ не жадно, какъ къ новымъ похваламъ. — Мельпомена[4] твоя какъ ни жалко плачетъ, но во всю нынѣшнюю зиму она на башмаки себѣ не выплакала, и отъ ея трагедій плачутъ одни типографщики. Твоя Талія[5], правда, смѣшитъ народъ и за это собираетъ изрядной доходишко, но желаніе добывать деньги заставляетъ ее доходить до подлости, и она часъ-отъ-часу

[1] Богъ торговли и покровитель воровъ.
[2] Жезлъ съ крыльями.
[3] Муза лирической поэзіи.
[4] Муза трагедіи.
[5] Муза комедіи.

болѣе отваживаетъ отъ себя честныхъ людей, и вмѣсто того, чтобы быть полезнымъ и веселымъ учителемъ нравовъ, старается своими шутками понравиться пьяному народу, съ котораго, не думаю, однакожъ, чтобъ собрала она себѣ на порядочное пропитаніе. Что до другихъ твоихъ Музъ, то есть надежда, что онѣ скоро превратятъ Парнасъ въ богадѣльню, а слухъ уже носится, что Кліо[1] твоя безъ памяти и безъ языка.

Итакъ ты видишь, сколько найдется боговъ, которые пользуются доходами по своему достоинству. Что до моей должности, господинъ Фебъ, то я не знаю, почему бы она казалась достойною сожалѣнія" . . .

— „О, о!" — сказалъ Марсъ, вслушавшись въ нашъ разговоръ и вынимая табакеру,—„твоя должность не только не унизительна, какъ говоритъ Фебъ, напротивъ, она презавидна; сколько разъ доставляла ты мужьямъ украшеніе, котораго нѣтъ способовъ прицѣпить имъ въ присутствіи этого свѣтлаго подзорщика; сколько разъ, очень кстатѣ, наносила ты сонъ строгимъ матерямъ, тогда какъ прелестныя ихъ дочки употребляли въ пользу свѣта свою безсонницу; сколько разъ унижала ты гордость несправедливыхъ судей, пособляя обкрадывать ихъ Меркуріевымъ чадамъ, тогда какъ первые думали, что они одни красть имѣютъ преимущество" . . .

— „Какія мелочи", вскричалъ Фебъ, „противъ моихъ подвиговъ! Я освѣщаю знатнѣйшія дѣла природы и человѣковъ и даю имъ настоящую цѣну; въ моемъ присутствіи освѣщаются славнѣйшія сраженія; съ моею помощію созидаются пышныя зданія; я бы-

[1] Муза исторіи

ваю свидѣтелемъ великолѣпнѣйшихъ обрядовъ, — словомъ, для меня всякой день цѣлой свѣтъ играетъ комедію, надъ которою ты, Ночь, только что опускаешь занавѣсъ“ ...

— „Пустое!“ сказалъ, подошедъ, Бахусъ и дотягивая двадцать четвертую бутылку шампанскаго: „пустое, господинъ Фебъ! Правда, что при тебѣ свѣтъ играетъ комедію, но развязка ея бываетъ ночью. Самыхъ лучшихъ явленій рѣдко случалось мнѣ при тебѣ видать. Ты освѣщаешь пышность, гордость; твои лучи питаютъ самолюбіе красавицы, щеголя и надменнаго вельможи, но сердце болѣе чувствуетъ и голова болѣе разсуждаетъ ночью. Спроси у самихъ людей, и тебѣ признаются, что они болѣе ищутъ счастливыхъ ночей, нежели счастливыхъ дней“.

— „Надобно отдать справедливость Ночи“, сказала съ презрительною улыбкою Юнона [1], „что она очень полезная богиня для невѣрныхъ мужей и для непостоянныхъ женъ“ ... Тутъ Юпитеръ засвисталъ пѣсенку изъ новой оперы, а Венера, улыбаясь, поглядывала на Марса [2].

— „Что до меня“, вскричалъ Геркулесъ [3], „то я бы желалъ, чтобы Ночи лучше на свѣтѣ не было: она только служитъ помѣхою славнѣйшимъ дѣламъ и помогаетъ трусамъ укрываться отъ своихъ непріятелей. Сколько разъ бывалъ я свидѣтелемъ, что эта богиня разводила величайшія брани въ самомъ ихъ жару, и когда толпы великихъ душъ сходились изъ-за нѣсколькихъ тысячъ стадій [4], чтобы имѣть слад-

[1] Супруга Юпитера, имѣвшая основаніе ревновать его очень часто.

[2] Съ нимъ она измѣнила своему мужу, Вулкану.

[3] Герой, сынъ Юпитера, причтенный послѣ смерти къ сонму олимпійскихъ боговъ.

[4] Стадія — 600 футовъ.

кое удовольствіе или зарѣзать или быть зарѣзанными, когда неустрашимые умы, обожая славу, не имѣли предразсужденія бить непріятелей своего отечества, но, почитая цѣлой свѣтъ своимъ отечествомъ, дрались вездѣ, гдѣ только есть случай перевести родъ человѣческой, и со славою вмѣшивались во всѣ ссоры, гдѣ ихъ не спрашиваютъ; когда цѣлые народы“ . . .

„Короче молвить, что вы хотите сказать?“ спрашивалъ я у моей разговорившейся безъ устатку старушки: „и, сверхъ того“, продолжалъ я, „чѣмъ касается до меня споръ вашихъ боговъ? Неужели вы думаете, что я земской [1] вашева Олимпа и долженъ рѣшить всѣ ваши раздоры, которые никогда не кончатся? А если вы изъ одного пристрастія говорить пересказываете мнѣ всѣ ваши приключенія, то признаюсь, что мнѣ теперь не время васъ слушать. Мы съ пріятелемъ подрядились поставить къ завтраму оду, и на мою часть досталось сдѣлать пятьдесятъ двѣ строфы похвалъ; и хотя надежда, что мнѣ заплатятъ наличными, придаетъ крылья моему воображенію, и я списалъ изъ разныхъ одъ три строфы, но все еще остается выписать сорокъ девять, а я еще и писателей не выбралъ, съ которыхъ бы можно было собрать такой большой оброкъ“. Ты видишь, любезной читатель, что я хотѣлъ только отдѣлаться отъ этой гостьи, которая мѣшала моему уединенію, и потому ничего не выдумалъ вѣроятнѣе этой лжи.

— „Безумный смертный!“ вскричала богиня: „еслибы ты не былъ мнѣ нуженъ, то бы научила я тебя знать, каково помѣшать женщинѣ. Но помни мои наставленія: женской языкъ останавливать и строить плотину во время разлитія рѣки — это двѣ

[1] Земской исправникъ или капитанъ-исправникъ, членъ земскаго суда (съ 1775 г.).

вещи, которыя болѣе опасны, нежели возможны. Не думай, однако-жъ, чтобъ повѣсть моя о Момусовой вечеринкѣ не касалась до тебя: она есть первая причина, которой одолженъ ты моимъ посѣщеніемъ. Но я хочу ее тебѣ досказать.

— Едва Юнона и Геркулесъ пристали къ Фебовой сторонѣ и поддерживали ево первенство передо мною, то передались на ево сторону множество и другихъ боговъ. Первая была Церера[1], которая зла на меня за то, что многіе поселяна, оставляя ея нивы, стали, подъ покровительствомъ моимъ, собирать съ проѣзжихъ оброкъ, а потомъ переселялись совсѣмъ въ города, и тамъ, воруя сперва въ присутствіи моемъ, наконецъ, подъ названіемъ откупщиковъ и подрядчиковъ, стали безопасно уже воровать и днемъ, не помышляя ни о серпѣ, ни о жнивѣ. Потомъ передалась Минерва, которая подозрѣваетъ, будто я служу немалою подпорою сутолищъ игроковъ, которые, гоняясь за счастіемъ безъ кафтановъ, умѣютъ столь блестящимъ сдѣлать свое состояніе, что множество молодыхъ фабрикантовъ и художниковъ, оставя ея фабрики, взялись за легкой способъ перекрадывать другъ у друга деньги посредствомъ картъ, и этимъ упражненіемъ подрываютъ ея лучшія рукодѣлія и, раззоряя себя, становятся своею праздностію въ тягость цѣлому обществу. Потомъ слѣдовали и другіе боги, такъ что, наконецъ, не знали, кому изъ насъ съ Фебомъ дать преимущество!

Тогда хозяинъ нашъ, Момусъ, всталъ и, поклонясь очень учтиво собранію боговъ, подалъ свое мнѣніе:

— „Милостивые государи“, началъ онъ, „я имѣю

[1] Богиня жатвы.

счастіе быть богомъ дурачества, и мнѣ царь земной принадлежитъ болѣе, нежели всякому другому богу. Венера имѣетъ свое время, Марсъ свое; но человѣкъ родится и умираетъ моимъ рабомъ; и надобно отдать справедливость, что я люблю заниматься этими размышляющими куколками, которыя въ томъ только почти и упражняются, чтобъ ставить трофеи моему величію [1]. Но, несмотря на то, что я не отступаю отъ людей ни на минуту, и донынѣ еще не знаю, когда люди усерднѣе мнѣ служатъ, днемъ или ночью, и потому то не рѣшусь, ково мнѣ изъ васъ предпочесть. Но послушайте моево мнѣнія, какъ рѣшить вашъ споръ. Согласитесь, ты, Фебъ, и ты, госпожа Ночь, вести записку людскихъ дѣлъ всякой по своей части, хотя одинъ годъ; и когда окажется, что при комъ-нибудь изъ васъ люди менѣе дурачутся, тотъ пусть останется виноватымъ; а побѣдителю я обѣщаю вѣнокъ изъ ослиныхъ ушей, вылитыхъ изъ чистова золота. Не подумайте, чтобъ этотъ подарокъ былъ маловаженъ: съ обладаніемъ золотыхъ ослиныхъ ушей совокуплено удачное волокитство, счастіе въ исканіи милости и способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни на полушку разума“.

Всѣ боги одобрили мнѣніе Момуса, а какъ я не хотѣла прекословить хозяину, то и согласилась на ево предложеніе; имѣя въ самой мысли намѣреніе такимъ подаркомъ подрадѣть Фебу, рѣшилась я вести записку ночныхъ приключеній. Признаюсь, хочется мнѣ ево видѣть съ такимъ же прекраснымъ уборомъ, какой нѣкогда подрадѣлъ онъ Мидасу [2], и намѣреніе мое только все въ томъ, чтобы онъ выигралъ въ этой тяжбѣ.

---

[1] Срв. „Похвалу глупости“. Эразма Роттердамскаго.

[2] Аполлонъ-Фебъ надѣлилъ царя Мидаса ослиными ушами за то, что онъ предпочелъ его игрѣ игру бога рѣки Марсія.

— Нѣсколько разъ проходя мимо здѣшнихъ мѣстъ, видѣла я часто, что у тебя горитъ свѣча, и заключила, что или ты мучимъ сочинителями, или самъ собираешься мучить публику; и дѣйствительно замѣтила я, что ты пишешь, а мнѣ такой то человѣкъ и нуженъ, которой бы имѣлъ великой духъ однимъ присѣстомъ исчерчивать дести по двѣ бумаги, не имѣя малодушія страшиться ругательствъ и зѣвоты неугомонныхъ читателей.

— Съ сей ночи долженъ ты выходить въ десятомъ часу, возвращаться домой въ пятомъ по полуночи, и записывать все то, что во время твоего выхода увидишь и услышишь, или бойся моего мщенія: я женщина, и ты можешь быть увѣренъ, что искусство отмщать мнѣ не безызвѣстно. Слушай же, выбирай любое: если согласишься исполнить мое приказаніе, то я отдаю тебѣ во владѣніе звѣзду Сиріюсъ, и хотя будешь ты отъ нея удаленъ на милліоны земныхъ поперечниковъ, но я увѣряю тебя, что жители ея, а твои подданные будутъ почитать и признавать тебя своимъ владѣтелемъ . . .“ — „Какъ!“ вскричалъ я съ восхищеніемъ, „такъ я самъ тамъ буду?. . .“ — „Нѣтъ“, отвѣчала моя гостья, „тебя тамъ не будетъ, но я пошлю туда твою перчатку, которая будетъ такъ же свято почитаться, какъ ты самъ, и всѣ важныя дѣла знатнѣйшіе вельможи будутъ подписывать, надѣвъ ее на руку. — Словомъ, ни одного дѣла не сдѣлается, которое не было бы отъ твоего имени“.

„Я вижу, милостивая государыня“, сказалъ я, „что вы хорошаго мнѣнія о нашемъ писательскомъ ремеслѣ, и думаете, что произведенія нашего воображенія можно такъ же и отплачивать наградою по воображенію. Но, признаюсь, я не столько прельщенъ

мечтательнымъ міромъ, чтобъ плѣняться обладаніемъ Сиріуса, и чтобъ, между тѣмъ, какъ моя перчатка будетъ дѣлать тамъ великія дѣла, самому бы мнѣ нравилось умирать здѣсь въ голоду. И если всѣмъ моимъ товарищамъ-писателямъ раздадутъ такія знатныя королевствы на воздухѣ, то, для содержанія нашихъ величествъ, должно будетъ со временемъ выстроить пространную богадѣльню.“

— „Дерзкой человѣкъ!“ вскричала богиня: „не смѣй смѣяться надъ дарами боговъ, и моли лучше ихъ, чтобъ жители Сиріуса обожали твое имя (при семъ взяла она мою перчатку), и чтобъ вельможи какъ можно рѣже надѣвали эту перчатку для своей корысти и ко злоупотребленію. Если же ты заупрямишься вести записку ночныхъ приключеній нынѣшняго года, то, вмѣсто звѣзды Сиріуса, дамъ я тебѣ злую жену, которая у тебя въ домѣ такъ же будетъ сильна, какъ твоя перчатка въ Сиріусѣ, и которая ...“— „Не продолжайте!“ вскричалъ я, „исполню вашу волю и всѣми силами постараюсь заслужить награжденіе, которое пріятно мнѣ только тѣмъ, что избавитъ меня отъ такого страшнаго наказанія“.

„Но какъ великому обладателю Сиріуса надобно что-нибудь ѣсть, и какъ онъ отъ своихъ подданныхъ, смотря по качеству вельможъ, которые будутъ пользоваться ево перчаткою, кромѣ усердныхъ похвалъ, ничего не получитъ, а моральная пища очень худо варится въ физическомъ желудкѣ, то позвольте мнѣ хотя открыть обществу ночныя мои приключенія, и возвратить ему за наличныя деньги то, что отъ него займу я украдкою“.

— „Печатай все, что увидишь“, отвѣчала она, „но берегись личности. Если, напримѣръ, увидишь ты парнасскаго нищаго, которой, схватя, вмѣсто по-

жа, свою оду, нападаетъ съ нею на перваго денежнаго мимохожаго и пересчитываетъ на-угадъ достоинства того, кто едва по имени только ему извѣстенъ; если увидишь ты, что онъ потѣетъ надъ продажными похвалами и хочетъ переупрямить цѣлой свѣтъ, навязываясь ему на шею со своими одами, въ которыхъ, наперекоръ здравому разсудку и истинѣ, отводитъ онъ непремѣнныя квартеры добродѣтелямъ тамъ, куда онѣ заглянуть боятся, и ставитъ престолъ разуму въ такой головѣ, въ которой свищетъ сквозной вѣтеръ, то запиши это и скажи свое мнѣніе; но не называй имени продажнаго писаки, а оставь для него на нѣсколько буквъ порожняго мѣста, и когда твой герой усовѣстится лгать, то пусть, при первомъ покаяніи, подпишетъ подъ твоимъ описаніемъ свое имя, съ обѣщаніемъ не гнуть впередъ въ дугу природу, разсудокъ и истину. —

— Когда увидишь ты, что нѣжная красавица дѣлаетъ счастіе милаго себѣ человѣка и вступаетъ съ нимъ въ супружество, не осмѣливаясь подозрѣвать, чтобъ любовь ево къ ней исчезла, и когда узнаешь, что новобрачной этотъ философъ, за прежнее свое щегольское поведеніе, осужденъ судьбою играть у молодой и прекрасной жены своей мучительское для него лицо Тантала [1], тогда воздохни о немъ, пожалѣй о подобныхъ ему молодыхъ людяхъ, которые женятся только для того, чтобы вводить во искушеніе непостоянства самыхъ скромныхъ красавицъ; но не называй его по имени, и пусть, позабывшись, первой онъ улыбнется, читая описаніе себя, между тѣмъ какъ прекрасная жена его вздохнетъ украдкою

---

[1] Тантал мучился въ аду жаждою и голодомъ въ виду близкихъ къ нему и все же недоступныхъ воды и плодовъ.

о томъ, что ея замужство построило ей замки на воздухѣ, и что она отъ своихъ подругъ почитается обладательницею такого блаженства, котораго сладость извѣстна ей по одному воображенію.

Вотъ мои правила: пиши такъ, чтобы всякой улыбался, читая твои описанiи, иные бы краснѣли, но чтобы на тебя не сердился никто".

„Милостивая государыня", отвѣчалъ я, „сатира есть камень, которымъ бросаютъ въ кучу безумныхъ; а вы знаете, что, брося камень въ многолюдную толпу дураковъ, нельзя остеречься, чтобъ въ кого не попасть. Итакъ, если кто осердится..." — „Если кто осердится, то ты виноватъ. Должно, чтобы никто не сердился, и сіе то есть искусство сатиры. Взгляни, напримѣръ, на Антиришардсона [1]: онъ въ своемъ романѣ сердится на весь свѣтъ, а на него никто; онъ, вмѣсто досады, возбуждаетъ пріятную зѣвоту; и самой щекотливой читатель заснетъ прежде, нежели успѣетъ на него разсердиться. Посмотри на мнимаго нашего Детуша [2]: онъ съ театра сильною рукою нападаетъ на зрителей; но какъ въ его комедіяхъ нѣтъ ни одного человѣческаго подобія, то ни одинъ слушатель не принимаетъ его сатиры на свой счетъ; и когда авторъ бранитъ Петербургъ, то часто думаютъ, что онъ ссорится съ Пекиномъ. Природа дала ему ключъ, какъ ладить съ публикою. Дѣло все въ томъ, что его никто не понимаетъ; а кого не понимаешь, на того грѣхъ и сердиться. —

— Возьми въ примѣръ Баснобредова: онъ пишетъ цѣлой вѣкъ, бранитъ всѣхъ, но его никто не читаетъ.

---

[1] Бездарный сантиментальный романистъ того времени, П. Ю. Львовъ (1770—1825), неумѣлый подражатель Ричардсона.

[2] В. И. Лукинъ (1737—1794), переводчикъ французскихъ комедій (между прочимъ и Детуша) и авторъ самостоятельныхъ піесъ. Обычная мишень для остротъ нашихъ журналовъ XVIII в.

Сколько ни дѣлалъ онъ объявленій о своихъ новостяхъ, сколько ни печаталъ онъ своихъ сочиненій, но никто не скорбился ево сатирою, ибо онъ успѣлъ первымъ своимъ сочиненіемъ столь обезпечить публику, что она никогда уже не любопытствуетъ видѣть и читать ево новостей. Итакъ, онъ можетъ смѣло разругать весь свѣтъ, прежде нежели какая-нибудь живая душа о томъ догадается. Я помню, что онъ написалъ нѣкогда презабавную и пренасмѣшливую комедію; признаюсь, я ожидала, что онъ не минуетъ съ кѣмъ-нибудь ссоры, но дѣло кончилось самымъ лучшимъ образомъ. Книгопродавецъ продалъ ево комедію въ овощной рядъ съ вѣсу; все изданіе въ короткое время расхватили по листамъ. Авторъ удовольствовалъ свой сатирической духъ, и при всемъ томъ въ мысляхъ общества остался скромнымъ писателемъ, хотя стоитъ только заглянуть въ корзинку у перваго разносщика, чтобъ видѣть, какъ ядовита его сатира [1].

— Пользуйся такими хорошими примѣрами, брани, если уже то необходимо для твоей желчи, но брани такъ, чтобы тебя никто не читалъ, — и ты будешь въ великомъ согласіи съ публикою. Прости; помни слова мои и въ сію минуту начни твою должность. Два часа за полночь: будь только прилеженъ, и ты не потеряешь время". — И въ ту минуту она исчезла, а я, зѣвнувши раза два, три, всталъ съ постели, ворча сквозь зубы, одѣлся на скорую руку, накинулъ на себя епанчу [2] и пошелъ слоняться по улицамъ, дабы записывать истину, которая всегда доставляетъ главной доходъ ругательствами.

---

[1] Трудно указать, кого изъ своихъ литературныхъ противниковъ имѣетъ въ виду Крыловъ.

[2] Верхнее платье (широкій круглый плащъ безъ рукавовъ).

Вотъ, любезной читатель, въ чемъ хочу я сдѣлать тебѣ довѣренность. Днемъ ты можешь спокойно самъ замѣчать, что тебѣ встрѣтится, а что сдѣлается ночью, о томъ я тебѣ буду тихомолкомъ сказывать, и послѣ мы посмотримъ: Ночи или Фебу принадлежитъ завидной на Олимпѣ вѣнокъ изъ золотыхъ ослиныхъ ушей.

Ночь I.

Едва прошелъ я нѣсколько шаговъ, какъ примѣтилъ карету и близъ нея двухъ молодыхъ человѣкъ, которые вынимали изъ нея веревочную лѣстницу. Съ великою осторожностію подошли они къ одному богатому дому, каплянули раза три, и съ верхняго жилья спустилась къ нимъ тоненькая веревочка, къ которой прикрѣпили они свою лѣстницу... и оную въ минуту зачали встягивать наверхъ. Какъ я начитался довольно такихъ любовныхъ новостей въ романахъ, то и не почелъ это происшествіе достойнымъ примѣчанія, а, пожелавъ пріятнова сна мужьямъ и матерямъ, продолжалъ путь свой далѣе и, миновавъ карету, пробирался подлѣ стѣнки, какъ вдругъ услышалъ у воротъ тово дома двухъ женщинъ, очень тихо разговаривающихъ. „Ахъ, мадамъ Плутанвиль“, говорила одна другой, „они уже привязываютъ лѣстницу, мы едва не опоздали: хорошо мы вздумали, что оставили вверху Плутану, а то бы некому и лѣстницы было принять. Но признаюсь вамъ, что я робѣю отъ этого приключенія, когда воображаю, что мнѣ надобно будетъ слѣзать въ теперешнюю темноту къ моему любезному Вѣтрогону съ такой вышины, то сердце у меня замираетъ“. „Вотъ странная прихоть!“ сказалъ я самъ себѣ: „всходить въ третье жилье и лѣзть оттоль по веревочной лѣстницѣ къ своему лю-

бовнику, тогда какъ она сама стоитъ отъ ево кареты въ десяти шагахъ. Надобно думать, что эта дѣвушка жалуетъ околичности. Но удовольствую свое любопытство и разсмотрю, что значитъ это странное происшествіе".

III.

Въ сихъ мысляхъ возвратился я къ каретѣ, надѣясь вывѣдать что-нибудь отъ кучера, которой одинъ тамъ остался. Едва услышалъ онъ близъ себя шорохъ, происходящей отъ меня, какъ вступилъ со мною въ разговоръ: „Иванъ! не ко мнѣ ли ты?" спрашивалъ онъ меня. — „Къ тебѣ", — отвѣчалъ я. „Что дѣлаетъ баринъ?" — „Баринъ еще долженъ дрогнуть съ часъ на морозѣ: лѣстница коротка, и онъ приказалъ тебѣ бѣжать домой, принести другую веревочную лѣстницу и нѣсколько веревокъ, чѣмъ бы можно было привязать ее къ первой, а мнѣ велѣлъ посмотрѣть за каретой". — „Чортъ возьми всѣ любовныя приключенія!" ворчалъ кучеръ, слѣзая съ козелъ: „Этова мало, что я съ часъ дрогъ для негодной француженки, которую бы промѣнялъ я теперь за полной стаканъ вина: надобно еще, чтобы я околеслилъ версты три!.." — „Ты правъ", отвѣчалъ я, „но какъ же быть: надобно дѣлать, что велятъ. А чтобы тебѣ не такъ скучно было, то вотъ, возьми этотъ рубль: ты можешь за него на дорогѣ отогрѣться; мы еще успѣемъ". — „О! когда такъ", сказалъ съ радостію кучеръ, „то съ такимъ хорошимъ товарищемъ готовъ я обѣгать весь Петербургъ, лишь бы было мнѣ чѣмъ во всякомъ кабакѣ учредить станцію". Послѣ того бросился онъ отъ меня, и въ пяти шагахъ не было уже его видно за темнотою.

„Начало прекрасно!" разсуждалъ я самъ въ себѣ: „одного уже нѣтъ; и если успѣю я такъ же про-

ворно отправить и послѣднихъ, то не мудрено мнѣ будетъ дать случай сбыться пословицѣ: орлы дерутся, а молодцамъ перья. Можетъ быть, еще удастся мнѣ сдѣлать доброе дѣло и спасти честь этой дѣвушки, зашедшей, что легко станется, невинно въ сѣти, разставленныя ей плутовствомъ француженки и богатствомъ господчика, которой, съ помощію набитова кошелька, какъ Язонъ съ помощію Медеи, похищаетъ это новое руно[1]. — „Опомнись“, вѣщалъ мнѣ разсудокъ: „съ какимъ намѣреніемъ вышелъ ты изъ дому? Ты хочешь нападать на порокъ; а едва отошелъ пять шаговъ, какъ самъ дѣлаешь шалости“. — „Кричи, что хочешь, господинъ разсудокъ“, отвѣчало сердце, „а у меня есть своя маленькая философія, которая, право, не уступитъ твоей. Твой барометръ измѣряетъ сухая математика, но мой барометръ не менѣе справедливъ въ своихъ перемѣнахъ...“ „Прекрасно, любезное сердце, прекрасно! И если твоя филозофія не столь глубока, то по крайней мѣрѣ она заманчива и пріятна; и я отнынѣ съ пользою буду наблюдать, когда опускается и поднимается твой барометръ...“

„Что это за чудной барометръ?“ спросишь ты, любезная читательница. — „Это, сударыня... но ты краснѣешь... нѣжная грудь твоя трепещетъ и напрасно старается удержать томной вздохъ... Ахъ! еслибъ не было тутъ твоей бабушки или тетушки, то бы, потупя глаза и со скромною стыдливостію, давно бы сказала ты, что это... любовь... — Любовь!... къ незнакомой женщинѣ, которую никогда не видывалъ ты въ глаза?... — „О! если вы не вѣрите, сударыня, то загляните только въ романы: вы

[1] Аргонавтъ Язонъ съ помощію царевны Медеи похитилъ золотое руно въ Колхидѣ.

найдете тамъ тьму страстныхъ любовниковъ, которые не видывали въ глаза другъ друга; загляните въ элегіи: вы найдете, что поэты прежалко воспѣваютъ любовь свою къ красавицамъ, которыхъ случалось имъ видать развѣ во снѣ, и пишутъ престрастныя письма къ несравненнымъ прелестямъ, которыя родятся въ ихъ чернильницахъ и умираютъ въ книжной лавкѣ на полкахъ. Итакъ, вы видите, что ничево нѣтъ легче, какъ влюбиться въ совершенства такой особы, которой на свѣтѣ не было. Что до меня, то одинъ голосъ моей незнакомки разлилъ по моимъ жиламъ электрической огонь, а воображеніе пріятности ночнова приключенія довершило дурачество мое сдѣлаться героемъ такова романа, въ которомъ долженъ бы я былъ играть эпизодическое лицо мужа. Правда, совѣсть меня упрекнула, что я срываю съ вилки у ближнева кусокъ, совсѣмъ мнѣ непринадлежащей; но кто въ семъ свѣтѣ работаетъ на себя? Крестьянинъ потѣетъ и трудится цѣлые годы, чтобы выплатить колесо богатой кареты, или пуговицу съ кафтана своево господина Промотова, которыхъ онъ никогда не увидитъ. Судья высасываетъ у челобитчика набитой кошелекъ для тово, чтобы жена ево нарядила въ обновку капитана Хватова, молодова ево сосѣда. Неустрашимой офицеръ Храбронъ дерется для тово, чтобы щеголеватова его товарища, Юлу, племянника ево сіятельства Дурындина, назвали храбрецомъ. Толстой Безмозговъ платитъ богато прекрасной своей Неотказѣ, не воображая, что ево щедростію пользуются человѣка четыре молодыхъ подлиналъ, не включая въ то число Неотказина волосочоса, кучера и егеря. - Вотъ сколько примѣровъ собралось у меня тогда на оправданіе моево поступка! Итакъ, для

чево же мнѣ не пользоваться тѣмъ блюдомъ, которое не для меня готовится? – На свѣтѣ семъ всѣ, какъ повара, суечатся и готовятъ кушанье для другихъ, между тѣмъ какъ сами хватаютъ съ такихъ блюдъ, которыя нечаянно попадаются къ нимъ подъ носъ, Въ такихъ то размышленіяхъ подкрадывался я къ ночному похитителю. Ударило часъ, и я услышалъ у нево со слугою слѣдующей разговоръ:

„Еще часъ бьетъ, сударь, и намъ, по условію, остается ждать битыхъ полчаса“ ...

Б. Ахъ еслибъ ты зналъ, Иванъ, какъ мнѣ время длинно кажется! ...

Иванъ. Вѣрно, не такъ, какъ мнѣ, сударь! Признаюсь, я очень неохотно вдаюсь въ такое приключеніе, отъ которова, кромѣ худа, ничево намъ ждать нельзя.

Б. Если избѣгать худа, то ни въ одно приключеніе нельзя вдаваться. Что до меня, то я всегда на мои предпріятія смотрю съ одной доброй стороны. Теперь, напримѣръ, я однимъ тѣмъ занятъ, какъ моя милая Жанета пылка, влюблена, прелестна, невинна...

Иванъ. О красотѣ я ни слова, сударь! Въ любви, какъ въ кушаньѣ: иной любитъ кислое, иной соленое, и трудно увѣрить, что̀ лучше. Но что до невинности, то я соглашусь скорѣе искать смыслу въ Антирихардсоновыхъ романахъ и остроты въ комедіяхъ мнимова Детуша [1], нежели искать невинности во французской лавкѣ, — гдѣ...

Б. О, да ты еще и въ учености вмѣшиваешься!.. Но послушай, у меня страшная охота бить разумныхъ людей; итакъ, не совѣтую тебѣ никогда при мнѣ вплетаться въ разсужденіи, для тово, что это совсѣмъ не ваше дѣло.

---

[1] П. Львовъ и Лукинъ. См. выше.

Иванъ. Почему жъ, сударь?

Б. Почему... почему? У меня есть на это хотя тонкія, но гибкія доказательства...

Иванъ. А! а! понимаю: вы говорите про палки, и признаюсь, что вы убѣдительнѣе Руссо [1] доказываете мнѣ вредность наукъ. — Оставимте же этотъ разговоръ; я не охотникъ до ученыхъ споровъ, и станемъ лучше говорить о томъ, что къ намъ ближе. Скажите, напримѣръ, къ чему вамъ вздумалось вести любовь свою такими околичностями и обижать честную мадамъ Плутавиль, похищая у ней украдкою такой товаръ, которымъ эти честныя мадамы расторговываются болѣе, нежели модными шляпками [2]?

Б. Какое дурацкое сравненіе! Неужли ты думаешь, что и моя прелестная Жанета такъ же, какъ и ея подруги, француженки, не отличаетъ своихъ прелестей отъ продажныхъ лентъ и булавокъ? — Грубо ошибаешься, другъ мой! Еслибы ты зналъ, какъ за нею прилежно волочились Промотъ и Голосумъ...

Иванъ. Станется... Я и всегда былъ увѣренъ, что противъ безденежныхъ волокитъ нѣтъ добродѣтельнѣе женщины, какъ ваша Жанета и ея подруги. Еслибы не почла она васъ богатымъ, то, повѣрьте, что никогда не поколебали бы вы ея цѣломудрія ...

Б. Не должно, мой другъ, такъ грубо разсуждать о женской добродѣтели ...

Иванъ. О! добродѣтель женщины по модѣ такъ же тверда, какъ стекло, которое никакою острою бритвою, кромѣ алмаза, не разрѣжешь. — Да скажите мнѣ: куда вы намѣрены дѣвать вашу Елену [3], не

---

[1] Крыловъ не разъ дѣлалъ подобныя ироническія вылазки противъ трактата Руссо о вредѣ цивилизаціи.

[2] Срв. статьи о модныхъ лавкахъ въ „Утреннихъ часахъ“ и „Почтѣ духовъ“ и комедію „Модная лавка“.

[3] Елена, жена Менелая, была похищена Парисомъ.

имѣя ни полушки денегъ? Развѣ хотите вы уморить ее съ голоду и дать случай писателямъ къ новому роману?

Б. Лишь бы удалось мнѣ увезти любезную Жанету, и мы съ нею докажемъ, наперекоръ всему свѣту, что и во французскихъ модныхъ лавкахъ есть предобродѣтельныя женщины...

Иванъ. Сомнѣваюсь, сударь: нынѣ не такой вѣкъ, чтобъ чудесамъ вѣрили. Но скажите, не совѣстно ли вамъ измѣнять прелестной вашей Вертушкиной, которая теперь одна поддерживаетъ вашъ блескъ на счетъ любезнаго своего супруга...

Б. Куда какъ худо толкуешь ты любовь! По твоему мнѣнію, она должна быть такъ же тверда и постоянна, какъ старинное супружество, чтобы наскучить въ двѣ недѣли. Пустое, мой другъ! Любовь, какъ смородина, которую какъ бы ты ни жаловалъ, но она въ шесть минутъ набьетъ тебѣ такую оскомину, что никогда на нее не взглянешь, если не возьмешь предосторожности употреблять ее рѣже. Измѣна и невѣрность, мой другъ, есть ключъ къ сохраненію модной любви, и для того то я знаю много супружествъ, которыя продолжаются въ добромъ согласіи только для того, что супруги не скучаютъ другъ другу безотвязною вѣрностію. — Но я слышу, что вверху кашлянули ... Приготовимся принять Жанету.

Услыша это, отошелъ я отъ нихъ и ожидалъ, чѣмъ кончится приключеніе. Сперва мнѣ пришло на мысль самому сѣсть на козлы и отвести къ себѣ Анжелику; но какъ я не надѣялся управиться съ лошадьми, то едва было не отказался отъ моего предпріятія, еслибъ нечаянная встрѣча не подала мнѣ по-

мочь. Я увидѣлъ, что шагахъ въ пяти отъ меня бродитъ человѣкъ, которой не отходилъ отъ тово мѣста и, кажется, хотѣлъ быть свидѣтелемъ происходящева приключенія. „Другъ мой“, сказалъ я ему, „не занятъ ли ты чѣмъ, и можешь ли оказать мнѣ услугу, за которую тебѣ дано будетъ на водку?“ — „Охотно, сударь“, отвѣчалъ онъ: „я сторожъ этова дома и хожу поочереди около него; но это такая должность, за которою еще десять могу я отправить. Что вамъ угодно?“ — „Мой баринъ сговорился уйти съ одною дѣвушкою...“ — „Не изъ этой ли французской лавки?“ — „Точно такъ“. — „Не Жанетою ли ее зовутъ?“ — „Ты угадалъ...“ — „А барина твоево Вертушкинымъ?“ — „Правда. Да ты почему все это знаешь?“ — „О! я часто видалъ, какъ они перебрасывали другъ другу письма, и уже ожидалъ, что изъ этова выльется что-нибудь доброе“. — „Эта мысль требуетъ еще подтвержденія“, отвѣчалъ я: „Но выслушай же мою просьбу. Жанета скоро спустится къ намъ, а кучеръ нашъ ушелъ и, вѣрно, въ кабакъ; баринъ про это узналъ и грозится уже наградить ево палочнымъ увѣщаніемъ. Такъ не хочешь ли ты, когда я тебя черезъ минуту позову, сѣсть на ево мѣсто, не говоря ни слова, и отвезти насъ къ *** мосту въ домъ ***?“—„Охотно, бояринъ. Я очень люблю править лошадьми и радъ случаю вамъ подслужиться...“ — Въ ту минуту подошелъ къ нему одинъ человѣкъ. „Ну, Сидорычъ“, сказалъ онъ моему новому знакомцу, „долго ли намъ дрогнуть? Мои товарищи, восемь человѣкъ, всѣ отъ морозу зубы повыколотили, и намъ бы теперь не худо руки погрѣть.“... „Подите домой, братцы“, отвѣчалъ дворникъ: „вы мнѣ болѣе не надобны...“ — „Какъ не надобны? Развѣ не станутъ въ нынѣшнюю ночь...“—

„Ну слышите ль, вы мнѣ не нужны“, — перервалъ дворникъ съ досадою: „дѣло безъ васъ обойдется...“ — „А кто же заплатитъ намъ за то, что мы всю ночь стерегли?“ — „Приходите завтра ко мнѣ: я заплачу вамъ такъ точно, какъ будто бъ вы все сдѣлали. Поди же и скажи товарищамъ, чтобъ они разошлись; а Семену скажи, чтобъ онъ съ лошадьми поѣхалъ домой... понимаешь ли?“—„Понимаю“, отвѣчалъ другой, и скрылся отъ насъ...

„Что это значитъ?“ спрашивалъ я со смятеніемъ дворника: „къ чему собраны были у тебя всѣ эти люди?“ — „Это ничево, бояринъ“, отвѣчалъ онъ: „Мы узнали, что въ нынѣшнюю ночь сосѣдскіе лакеи собрались ограбить моево хозяина и для тово то запаслись мы маленькою засадою, чтобъ сдѣлать доброй отпоръ и переломать имъ руки и ноги; но какъ теперь уже время, назначенное для этова посѣщенія, прошло, и они, видно, узнали, что здѣсь взяты предосторожности, и для тово отмѣнили свой походъ, то я распустилъ своихъ товарищей“. — „Но къ чему же этотъ человѣкъ съ лошадьми?“ спрашивалъ я ево. — „О! онъ былъ приготовленъ, чтобъ, въ случаѣ нужды, гнаться верхомъ за этими буянами; но дѣло все кончилось благополучно и опасаться нечево. Да и правду сказать, лучше мнѣ трястись за деньги на козлахъ, нежели даромъ дрогнуть у воротъ на улицѣ и стеречь, чтобъ не обокрали моево барина, къ которому къ самому надобно бы было приставить карауль и смотрѣть за нимъ, чтобъ онъ не грабилъ бѣдныхъ челобитчиковъ, на счетъ которыхъ выстроены эти полаты“. — „Стой же, мой другъ, и дожидайся меня!“ сказалъ я ему: „а я пойду, и когда время придетъ, то тебя позову“. Потомъ отъ нево возвратился я къ моимъ похитителямъ, распо-

ложа въ мысляхъ, какъ должно случиться дѣлу.

Я подходилъ, когда уже невинная Агнеса [1] спускалась. Кстатѣ бы здѣсь было помѣстить всѣ восхищенія любовниковъ, но они и въ комедіяхъ мнѣ наскучили, и я чрезвычайно обрадовался, когда въ нѣкоторой новой комедіи увидѣлъ, что авторъ двухъ любовниковъ обвѣнчалъ, не давъ имъ ни слова сказать другъ другу о любви. Что -до меня, то и разслушать мнѣ у моихъ любовниковъ ничево было не можно, ибо всѣ дѣла происходили тихомолкомъ

Уже наша чета приближалась къ каретѣ, когда примѣтили, что нѣтъ кучера. „Бездѣльникъ этотъ, вѣрно, гдѣ-нибудь пьянствуетъ“, говорилъ сквозь зубы волокита. — „Бога ради, говорите тише, сударь“, шептала красавица: „если услышатъ вверху этотъ шумъ, и мадамъ Плутаньвиль догадается о моемъ побѣгѣ, то я погибла: у насъ честь очень строго хранится... Подите лучше съ вашимъ человѣкомъ и постарайтесь поскорѣе ево отыскать, а я останусь у кареты и подожду васъ здѣсь“. — „Вотъ неробкая героиня!“ подумалъ я самъ въ себѣ: „кажется, эта дѣвушка уже давно привыкла къ ночнымъ приключеніямъ“.

Едва отошелъ онъ отъ своей Анжелики, какъ я бросился къ подговоренному дворнику. „Ступай, мой другъ“, сказалъ я, „не надобно терять времени, садись на козлы, притворись пьянымъ и скажи только, что ты отогрѣвался въ ближнемъ трактирѣ, а между тѣмъ вези насъ, куда я уже тебѣ сказалъ“. — „Повѣрь, баринъ, что я дѣло кончу такъ проворно, какъ ты не думаешь“, — отвѣчалъ онъ, и послѣ

[1] Выше Жанета, Анжелика. Здѣсь, вѣроятно, въ ироническомъ смыслѣ — олицетворенная невинность.

тово бросился на козлы, а я подкрадывался за нимъ, притворясь, какъ будто потерялъ дорогу. — „Любезная Жанета, здѣсь ли ты?“ спрашивалъ я. — „Здѣсь“, — отвѣчали мнѣ тихонько. „Кучеръ твой пришелъ; но, кажется, онъ пьянъ“. „Я не разслушала, что онъ пробормоталъ... Съ тобой ли твой человѣкъ?“ — „Ево нѣтъ, любезная Жанета, для тово что я строго запретилъ ему возвращаться безъ кучера, а онъ долго ево проищетъ, такъ лучше поѣдемъ одни; онъ и безъ насъ умѣетъ домой воротиться“, — и я тотчасъ отворилъ дверцы, посадилъ красавицу, вскочилъ за нею въ карету, затворилъ за собою дверцы и велѣлъ кучеру скакать домой, не заботясь о томъ, охотно ли къ себѣ возвратится мой несчастливой совмѣстникъ пѣшкомъ, и безъ любовницы, которую уже почиталъ онъ вѣрною въ своихъ рукахъ.

Едва ударили по лошадямъ, какъ моя скромница зачала хохохать во все горло; голосъ ея показался мнѣ знакомымъ. „Чему ты такъ хохочешь, душа моя?“ спрашивалъ я ее.—„О! это ужесть смѣшно“, кричала она, „когда я воображаю, какъ разсердится старая моя мадамъ Плутавиль, не нашедъ меня въ моей комнатѣ. Скажи мнѣ, мой ангелъ, не щегольски ли мы ее провели?...“—Боже мой! это ты, Маша?“ вскричалъ я.—„Ахъ! Міробродъ[1], негодной!.. какимъ страннымъ случаемъ? Я не знаю, радоваться ли я должна или сердиться за нашу нечаянную встрѣчу? Какой дьяволъ занесъ тебя въ эту карету, когда, не видясь съ тобою года три, я менѣе всево тебя

---

[1] Г. читатель можетъ здѣсь видѣть, что герой этой повѣсти — Міробродъ и издатель ея — Крыловъ суть два разныя лица; но послѣдній будетъ всегда доволенъ, если публикѣ понравится первой.

Примѣчаніе типографщика.

тутъ ожидала...“ — „Какимъ образомъ встрѣтилась ты мнѣ, когда и въ умъ не приходило, чтобъ моя милая Маша составляла свиту французской уборщицы?“—„Какимъ образомъ превратился ты въ похитителя?“ — „Какъ переродилась ты изъ русской горнишной дѣвушки во француженку, не имѣя понятія о французскомъ языкѣ?“—„О! мои приключенія не чудны. Вскорѣ послѣ того, какъ мы разстались, барышня моя ушла съ однимъ молодымъ офицеромъ, чему много помогла француженка, ея учительница, которая подговорила также ее увезти изъ дому много брилліянтовъ и денегъ. Я, какъ проворная дѣвушка, тотчасъ смекнула намѣреніе француженки, и ни денегъ, ни алмазовъ не выпускала изъ своихъ рукъ, такъ что французская плутовка, наконецъ, открылась мнѣ, русской, въ своихъ намѣреніяхъ, для которыхъ она и барышню мою подговорила къ побѣгу, и мы оставили влюбленную эту чету безъ денегъ и безъ вещей, на попеченіе судьбы, питаться одною взаимною страстію, и уѣхали въ здѣшней городъ, гдѣ моя учительница завела французскую модную лавку на счетъ моей барышни; а какъ ей нельзя отъ меня отвязаться, не опасаясь отъ меня мщенія, то я по необходимости сдѣлалась первою ея подругою, и мы съ ней торговали пополамъ очень удачно, пока не влюбилась я въ молодова Вертушкина, и хотѣла пожертвовать ему моимъ счастіемъ и . . .“ „Плутовка!“ вскричалъ я, захохотавъ: „я былъ свидѣтелемъ всево вашева ночнова приключенія; и когда еще, возвращаясь домой съ твоей француженкой, говорила ты съ ней у воротъ, то я все слышалъ и заключилъ справедливо, что ты влюблена, да только не въ Вертушкина, а въ ево деньги“.—„Ты демонъ, а не человѣкъ“, отвѣчала

моя красавица: „отъ тебя ни въ чемъ утаиться нельзя, и я вижу, что тебѣ во всемъ признаться надобно“... „Повѣса!“ продолжала она: „выслушай все, и ты увидишь, что я донынѣ отъ тебя никакой тайны не имѣю“.

— „Еслибы модныя торговки жили одними уборами, то бы не вывозили такъ много денегъ въ чужіе краи, но главной торгъ ихъ состоитъ въ томъ, чтобъ украшать не однѣхъ женщинъ, но часто и мужей иныхъ, которые иногда, не подозрѣвая, отпускаютъ своихъ женъ въ модныя лавки себѣ за головнымъ уборомъ [1]). Притомъ же эти честныя француженки нерѣдко доставляютъ случай молодымъ дѣвушкамъ видѣться съ своими любовниками, и за это берутъ порядочную пошлину. Этова недовольно: онѣ держутъ у себя въ лавкѣ много молодыхъ ученицъ, съ тѣмъ, чтобъ приманивать волокитъ, и мнимою строгостію и препятствами своимъ дѣвушкамъ увеличиваютъ желанія воздыхателей; а когда увидятъ, что надобная минута наступила, и кошелекъ любовника тугъ, тогда изъ-подъ руки даютъ своимъ дѣвушкамъ согласіе на побѣгъ, и такимъ образомъ вдругъ получаютъ и деньги и остаются съ добрымъ именемъ ибо такихъ похищеній не смѣютъ приписывать на ихъ счетъ, видя, что онѣ сами болѣе всево за то шумятъ и жалуются“. — „Прекрасная выдумка!“ сказалъ я: „Итакъ, моя любезная Маша ...“ „Твоя любезная Маша“, вскричала она, захохотавъ, „подъ покровительствомъ [2] модной уборицы теперь имѣетъ честь въ восьмой разъ представлять невинность“... — „Я любопытенъ видѣть, искусная ль ты актриса, Маша ... но карета остановилась,

---

[1] Срв. комедію Крылова „Модная Лавка“.

[2] Въ подл. „кровительствомъ“.

войдемъ ко мнѣ, и будь увѣрена, что твоя невинность здѣсь въ такой же безопасности, какъ и во французской лавкѣ".

Дверцы каретныя отворились, и едва успѣлъ я выскочить, какъ ударили по лошадямъ, закричали: „къ Обухову мосту!" и кареты стало неслышно. Любезная моя Маша, съ ея невинностію, и уже конченое почти приключеніе—все исчезло, какъ пріятной сонъ, и я очутился въ рукахъ мочнаго повѣсы, которой, сказавъ мнѣ, что отъ моево молчанія зависитъ моя жизнь, толкнулъ меня на дворъ и заперъ за собою ворота.

Тутъ мягкая и нѣжная рука схватила мою руку, и женской голосъ сказалъ мнѣ, чтобъ я болѣе всево стерегся сдѣлать шуму. „Барыня уже васъ ожидаетъ, сударь", говорила мнѣ моя предводительница: „Ахъ! еслибъ вы знали, въ какомъ она смущеніи"....— „Я и самъ въ неменьшемъ безпокойствѣ" — отвѣчалъ я тихонько и дрожа отъ страха. „Бога ради", продолжала она, „постарайтесь ее утѣшить ... Но не правда ли, что мы щегольски васъ увезли и умѣли въ пору разорвать вашу любовь съ этою негодною бѣглянкою, про которую я уже все развѣдала? Но оставимъ этотъ разговоръ. Вы, конечно, простите моей барынѣ то, чему одна любовь ея къ вамъ причиною ... или она умретъ съ печали, бѣдная! Но теперь болѣе всево опасайтесь кашлянуть и говорить громко: если барынь проснется, то мы всѣ попадемся въ такія хлопоты, изъ которыхъ трудно будетъ намъ выдраться, и вы можете легко потерять ребра четыре". Послѣ такова утѣшительнова предувѣдомленія вела она меня черезъ долгія сѣни, не говоря ни слова, и мы прошли тихомолкомъ большой рядъ комнатъ, а, наконецъ, остановились въ осьмой или девятой. „Останьтесь въ этой уборной", сказала

она мнѣ: „барыня тотчасъ къ вамъ выдетъ; впрочемъ, бояться вамъ нечево: уборная эта вамъ, вѣрно, знакома". При сихъ словахъ пожала она мнѣ руку, дала горячей поцѣлуй и оставила одново размышлять о странности моихъ приключеній.

Гдѣ я?.. какимъ образомъ сюда попался?.. Зачѣмъ съ такою скоростію умчали мою невинную Машу?.. Кто все это спутилъ?.. и какъ выду я изъ дому, не смѣя сдѣлать ни шага и не зная расположенія комнатъ, коихъ прошелъ такое множество?.. Вотъ сколько вопросовъ задавалъ я самъ себѣ, и смущенной мой разсудокъ ни на одинъ изъ нихъ не былъ въ силахъ сдѣлать отвѣта.

Правда, я ждалъ къ себѣ женщины, и приключеніе могло кончиться для меня не слишкомъ бѣдственно; но страхъ, что всякую минуту я могу быть узнанъ и побитъ, дѣлалъ меня почти неспособнымъ ощущать предстоящее благополучіе. Тогда то вспомнилъ я не кстатѣ нанятова мною кучера и ево товарищей, которыхъ распустилъ онъ, какъ ухватился за случай взмоститься на козлы,—словомъ, у меня родились тысячи догадокъ, изъ которыхъ одна другой была хуже. „Если все это приключеніе", прошепталъ я, вздохнувши, „кончится на моихъ бокахъ, то надобно отдать мнѣ справедливость, что я самымъ искуснымъ образомъ придрался къ случаю быть побитымъ".

IV.

Когда такимъ образомъ, оставленный одинъ, въ темной комнатѣ, размышлялъ я, которой бокъ выгоднѣе подставить непріятелю, если появится каменной градъ, то услышалъ, что дверь тихонько отворилась, и женщина, легкая, какъ самой зефиръ, приближалась ко мнѣ осторожными шагами. „Милой и

невѣрной Вертушкинъ", говорила она тихонько, схватя меня за руку: „измѣнникъ! ты, которой и самою своей вѣтреностію умѣешь къ себѣ привязать, смотри, какой опасности я для тебя подвергаюсь, и когда-жъ!—въ самую ту минуту, когда ты мнѣ измѣняешь, я тебѣ жертвую своимъ спокойствіемъ ... и именемъ. Хочу говорить съ тобою съ тѣмъ, чтобы, разбраня тебя, разстаться съ тобою навсегда, и чтобы обезоружить опасные твои глаза, нарочно приготовляю явленіе это въ темнотѣ; уже я думала, что ты обезоруженъ, но-ахъ!—лишь я только коснулась до тебя, какъ чувствую, что пріятное млѣніе объемлетъ всѣ мои члены. Ноги мои подгибаются ... я дрожу ... любезной повѣса! ахъ! я чувствую, что въ твоей волѣ, не говоря ни слова, получить отъ меня прощеніе ..." При сихъ словахъ она своими мягкими и нѣжными руками сжимала крѣпко мои руки; я чувствовалъ, что слабое трепетаніе отнимало всѣ ея силы; она оперлась на меня и, конечно, не сдержала бы себя на ногахъ, еслибъ я не поддержалъ ее, обхватя тонкой и стройной станъ ея моими руками; сердце ея билось изо всей силы, и мое отвѣчало ему подобнымъ трепетаніемъ; пламенная грудь ея, то опускаясь, то воздымаясь до моихъ устъ, изображала смущенное состояніе ея души; мое воображеніе довершало начертывать совершенства сей женщины, коея прелестями восхищался я по одному осязанію. Я не знаю, какимъ образомъ то сдѣлалось, горящія уста наши сплелись и, кажется, другъ у друга занимали дыханіе; оно перерывалось безпорядочными вздохами. Мы уже дышали другъ другомъ, но все еще, казалось, нѣчто насъ раздѣляло; сердца наши, отвѣчая другъ другу согласнымъ трепетаніемъ, составляли одно сердце, которое разливало по на-

нимъ жиламъ одинъ огонь и одинакія чувствованія. „Постой, что хочешь ты начать?" сказала мнѣ смущенная моя незнакомка. Никогда любопытство женщины не было болѣе не кстатѣ, какъ въ сей разъ. — „Ахъ, сударыня!" шепталъ я ей тихонько: „развѣ не знаете вы мою страстную любовь" ... — „Повѣса!" отвѣчала она мнѣ: „ты все такъ же запрометчивъ и вѣтренъ: или позабылъ ты, что въ сосѣдней комнатѣ спитъ мой мужъ, которому можетъ легко показаться подозрительнымъ наше свиданіе, и хотя, при всей своей молодости и пригожствѣ, онъ менѣе пятидесятилѣтнева старика въ правѣ жаловаться на невѣрность жены, со всѣмъ тѣмъ съ удовольствіемъ выброситъ за окно того, кто вздумаетъ быть ево Созіею[1]). Яснѣе тебѣ сказать: мужъ мой изъ числа тѣхъ причудливыхъ зайкъ, которые, на муку своимъ слушателямъ, хотя по три часа зайкаются надъ всякимъ словомъ, но со всѣмъ тѣмъ сердятся, если кто вздумаетъ за нихъ изъясниться. Итакъ, ты долженъ меня оставить, и пусть будетъ это служить наказаніемъ за твою ко мнѣ измѣну".—„Сударыня! неужели вы такъ мстительны?"—„О, конечно! Или ты думаешь, что твое дурачество должно остаться безъ наказанія? Повѣрь, что нѣтъ: я рѣшилась до завтрешней ночи на тебя сердиться. Итакъ, если ты хочешь сдѣлать со мною миръ, то будь завтра въ маскарадѣ въ бѣломъ домиѣ, въ полной черной маскѣ и въ перчаткахъ того же цвѣту; и когда увидишь тамъ въ такомъ же приборѣ мущину, то подходи смѣло къ нему — это буду я; а чтобъ избавиться отъ всякой опасности, то мы поѣдемъ къ тебѣ ужинать и заключимъ тамъ торжественной

[1]) Исполнять за него супружескія обязанности. См. „Амфитріонъ", Менандра и Мольера.

миръ." — „Но вашъ мужъ?" —„О, мой мужъ такъ много занятъ въ свѣтѣ, что онъ и за тѣмъ не смотритъ, что самъ дѣлаетъ: такъ ты можешь повѣрить, что ему некогда заниматься трудною должностію—присматривать за вѣрностью жены. Прости, милой вѣтреникъ, мнѣ некогда съ тобою болѣе говорить: я боюсь, чтобъ мужъ мой не проснулся. Я уже сказала, что онъ не будетъ столь уменъ, чтобъ жаловаться на себя, но всю вину взложитъ на насъ, и подвергнетъ меня опасности видѣть тебя изувѣченнаго. Прости!" Съ симъ словомъ оставила она на устахъ моихъ горячій поцѣлуй, и я уже не слыхалъ ея болѣ. Въ ту минуту подошла ко мнѣ моя прежняя проводница. „Довольны ли вы, сударь, вечеромъ?" сказала она мнѣ.—„Не совсѣмъ", отвѣчалъ я: „прелестная твоя госпожа все еще на меня сердится". — „О. такъ, конечно, вы передъ нею виноваты! ..." — „Какъ, послѣ такова долгова свиданія!" — „Ахъ! я по всему вижу, что и мнѣ еще рано перестать на васъ сердиться. Подите же и будьте готовы хотя завтре исполнить, что вамъ приказано. Желаю только вамъ лучшихъ успѣховъ для будущаго вечера, нежели какими сегодни можете вы похвалиться". Я слышалъ, что плутовка смѣялась тихонько при сихъ словахъ, и послѣ того проводила меня прежнею дорогою за ворота, пожелавъ мнѣ сноснаго дня и потомъ веселой ночи.

Сколько мыслей, сколько разсужденій и догадокъ зачало гнѣздиться въ моей головѣ! На всякомъ шагу встрѣчалось что-нибудь новое моему воображенію. — „Кто эта женщина?" спрашивалъ я самъ себя: „кто эта несчастная, которая, какъ кажется, вышла за одну живопись, и кто этотъ презрѣнной мужъ, которой,

вмѣсто тово, чтобы принести своей женѣ новое пылкое сердце и хорошіе нравы, растерялъ свои чувства на приманчивыя прелести, прибыточныя своею нѣжностію однѣмъ аптекамъ, и которой вступилъ въ супружество тогда, когда уже онъ умеръ для супружества?“

Въ такихъ то важныхъ разсужденіяхъ пробирался я домой и подслащивалъ ихъ распоряженіями, какъ бы лучше завтра кончить свое намѣреніе, или, лучше сказать, я бранилъ дурачества другихъ и сбирался, если можно, умножить ихъ глупости цѣлымъ поликомъ. Таковъ человѣкъ, любезной читатель: нерѣдко у тово бутылка съ виномъ въ карманѣ, кто проповѣдуетъ трезвость. Наконецъ, дошелъ я домой. Заря уже начинала заниматься, и я едва доплелся до постели, то, утомленный моими размышленіями и приключеніями, предался сну, занимаясь воображаемыми прелестями милой моей незнакомки.

Любезные мои собратія, подольные жители Парнаса! вы, которые въ своихъ сочиненіяхъ прицѣпляетесь ко всякому случаю видѣть сонъ[1] — сонливые подлиналы музъ — уже вы ожидаете отъ меня какова-нибудь сновидѣнія, и признаюсь, что случай для этова не худъ: заря, любовь, страхъ, надежда, женщина — все это вмѣстѣ могло бы составить нѣчто изрядное. Но подивитесь моей скромности: въ этотъ разъ ничево не видалъ я во снѣ.

Ночь II.[2]

Одиннадцать часовъ пополудни ударило, и я уже былъ въ маскарадѣ. Какое это поле для сатирика,

[1] Сны — очень распространенная форма аллегорическихъ, дидактическихъ и сатирическихъ сочиненій въ нашей литературѣ XVIII в.

[2] По запутанности и искусственности критики, дальнѣйшее напоминаетъ раннія комедіи Крылова (какъ „Бѣшенная семья“ и „Проказники“).

которой прицѣпляется ко всякому случаю побранить людей! Гораций, Ювеналъ[1] и ты, Боало[2], я бы желалъ воскресить васъ на два часа и дать вамъ билетъ въ нашъ маскарадъ: какое бы это было прекрасное блюдо для вашего остраго пера! Тамъ бы увидѣли вы верченую щеголиху, привлекающую за собою толпу волокитъ; вы бы увидѣли, какъ выставляетъ она свою тоненькую ножку, подбѣленныя ручки; какъ возбуждаетъ во всѣхъ любопытство узнать ее, и не смѣетъ снять свою маску, для того, что она лучше ея лица. — Въ другомъ мѣстѣ попался бы вамъ искусной плутъ, который подъ пріятною личиною, надѣясь не быть узнанъ, носитъ карты, — сей ножикъ разбойниковъ высокаго свѣта, и хочетъ погубить бѣднова простачка, виноватова передъ нимъ только тѣмъ, что онъ, по легковѣрію своему, почитаетъ ево честнымъ человѣкомъ. Тутъ бы попался вамъ, въ ямскомъ кафтанѣ, счастливой шутъ, и вы бы увидѣли, какъ онъ своими кривляньями старается веселить цѣлой маскарадъ, чтобы только заслужить улыбку какой-нибудь важной домины[3]. Вы бы, можетъ быть, подумали, что это обезьяна въ ямскомъ кафтанѣ: совсѣмъ нѣтъ, это повелѣвающій четверкою, почтенной Низкосердъ, счастливый только тѣмъ, что онъ часто надѣваетъ кафтанъ ниже своево состоянія, а сердце имѣетъ ниже кафтана. Вы бы увидѣли, какъ Антидегуишъ[4], нарядясь ребенкомъ, съ гордою скромностію носитъ подъ пазухою азбуку, и, можетъ быть, посовѣтовали бы ему съ нею познакомиться поболѣе, прежде не-

---

[1] Римскіе сатирики (I до Р. Х. и I — II по Р. Хр.).
[2] Французскій сатирикъ (1636 — 1711).
[3] Домино.
[4] См. выше (Лукинъ).

жели онъ опять примется за любимую свою работу раздирать зѣвотою рты у своихъ благосклонныхъ слушателей. Однимъ словомъ, вы бы множество нашли тамъ придирокъ побранить прекрасно шалости людей и, не прибавя имъ ума, прибавили бы, конечно, себѣ славы. Что до меня, то мнѣ некогда было цѣнить посторонніи дурачества: я бѣгалъ по всему маскараду, чтобы сыскать мою прелестную незнакомку въ бѣлой домиѣ съ черными перчатками, и лишался уже надежды, не находя ея нигдѣ, какъ вдругъ маска, одѣтая дьяволомъ, взяла меня за руку. „Браво! любезной Міробродъ, браво!“ вскричала она: „уже ты нынѣ записался въ больной свѣтъ, уже шатаешься по маскарадамъ — прекрасно! О! я, несмотря на твои нравоученія, всегда думалъ, что въ тебѣ прокъ будетъ ...“ — „Тише, государь мой“, отвѣчалъ я съ сердцемъ: „вы позабыли правило благопристойности маскарадной, и называете громко меня по имени ...“ — „Тьфу, къ чорту, да это уже и любовнымъ приключеніемъ пахнетъ! Ну, ну, въ доброй часъ, успѣховъ вамъ желаю. Правда, что ты меня принялъ холодно, это, право, безсовѣстно не узнавать старыхъ своихъ знакомыхъ, признаюсь, что я вамъ виноватъ: я немножко курнулъ[1] и совсѣмъ не такъ началъ съ тобою разговоръ. Вѣдь ты, вѣрно, не узналъ меня?“ — „Вы это точно такъ же угадали, какъ мое имя“. — „О! что до твоево имени, то я не угадалъ ево, а видѣлъ, какъ ты у буфета выпилъ украдкою стаканъ лимонаду, и тотчасъ узналъ тебя, старинаго моего пріятеля“. — „Очень радъ свиданію, прошу только не мучить долѣе мое любопытство и сказать ...“ „Кто я, — неправда ли? При-

[1] Загулялъ, запилъ, кутнулъ (Даль).

знайся, что въ дьяволахъ ты никогда бы не узналъ твоево Тратосила ...“ — „Тратосилъ!“ вскричалъ я: „это ты? ... Давно ль ты здѣсь, въ городѣ! Признаюсь, что я желалъ бы многое съ тобою переговорить, но теперь, какъ ты угадалъ, я занятъ любовнымъ приключеніемъ, и ты сдѣлаешь крайнее одолженіе, когда пріѣдешь ко мнѣ“. И я тогда же разсказалъ ему, куда ко мнѣ пріѣхать. — „Будь увѣренъ“, говорилъ онъ, „что ты скорѣе меня у себя увидишь, нежели думаешь. Но теперь я тебѣ не мѣшаю: ночь всю пропью за здоровье твоей красавицы. Согласись, любезной другъ, что ничево нѣтъ пріятнѣе ...“ — „Я на все соглашаюсь“, отвѣчалъ я, увидя вдали надобную мнѣ маску: „только съ тѣмъ условіемъ, чтобы ты меня теперь извинилъ и оставилъ бы одново“. — „Боже мой! неужли ты думаешь, что я тебя не понимаю? ... оставайся съ покоемъ (маска давала мнѣ знакъ рукою), нельзя ли только слова два, три ...“ — „Никакъ нельзя, прощай!“ — „Прощай, любезной Міробродъ! ... Э, постой! я позабылъ тебѣ сказать новость: вѣдь у меня нынѣ есть прекрасная аглинская карета ...“ — „О, что мнѣ нужды, безотвязчивой человѣкъ ...“ — „Да знаешь ли, какъ я ее досталъ?“ — „За деньги“. — „Это правда, да деньги то почему?“ — „Потому, что ты сдѣлалъ судьею“. — „А судьею то я отчево?“ — „Отъ тово, что ты — женился ... Негодной человѣкъ! да отвяжешься ли ты?“ — „Ха, ха, ха! такъ ты все знаешь; такъ прости жъ ...“ И я, уже ни слова не отвѣчая, бросился отъ нево къ своей домиѣ, предавая проклятію всѣхъ досадчиковъ въ свѣтѣ. — „Ахъ, сударыня!“ — „Говорите какъ можно тише“, перервала моя незнакомка, крича мнѣ страшнымъ голосомъ: „я боюсь,

чтобъ насъ не узнали. Мнѣ сказали", продолжала она, наклонясь, мнѣ на ухо, „что мужъ мой будетъ здѣсь, переодѣтый такъ странно, что ево нельзя узнать. Я не понимаю, что это за намѣреніе, только оно для насъ не совсѣмъ безопасно: но мы хорошо сдѣлаемъ, если скорѣй отсель выѣдемъ". — „Да чево жъ вамъ бояться?" отвѣчалъ я: „развѣ мужъ вашъ знаетъ, въ какомъ вы платьѣ?" — „О! конечно, нѣтъ; это бы было дурачество съ моей стороны; но со всѣмъ тѣмъ у нашихъ мужей, въ такихъ обстоятельствахъ, носъ бываетъ иногда очень некстатѣ чутокъ ..." — „Продолжай, любезной другъ, продолжай", говорилъ мнѣ кто то на ухо: „желаю тебѣ веселыхъ часовъ". — Я оборотился посмотрѣть, кто это, и увидѣлъ моего докучливаго дьявола вполпьяна, и которой не отставалъ отъ меня. Вообразите мое бѣшенство! Я хотѣлъ уже съ нимъ браниться, какъ онъ перервалъ рѣчь мою въ самомъ началѣ: „Не безпокойся", говорилъ онъ, „я тебѣ не хочу мѣшать. Ахъ! уже лѣтъ пять, какъ я сталъ такъ скроменъ, что никому не мѣшаю въ любовныхъ дѣлахъ, и мое сердце ..." — „Если оно у тебя хорошо, такъ ты долженъ меня оставить ..." — „Признайся, что это грубо", отвѣчалъ онъ, „но влюбленному я все спускаю. Прости жъ, мы скоро увидимся. Мнѣ очень хочется узнать, счастливо ль ты кончишь свое приключеніе?" Послѣ сево онъ скрылся отъ меня въ толпу мазокъ[1], и я ево не видалъ болѣе. „Если всѣ дьяволы такъ умѣютъ мучить", сказалъ я съ досадою, „то надобно признаться, что адъ ужасенъ!" — „Поѣдемъ отселѣ, любезной Вертушкинъ!" говорила незнакомка: „за нами, можетъ быть, присматриваютъ,

[1] Масокъ.

и мы очень хорошо сдѣлаемъ, если убѣжимъ отъ глазъ любовныхъ дозорщиковъ". — „Я вашева мнѣнія". — Мы тотчасъ оставили маскарадъ, и я, посадя ее въ свою карету, велѣлъ скакать ко мнѣ домой. — „Теперь то уже ничто не помѣшаетъ мнѣ владѣть моею Еленою[1]", думалъ я самъ въ себѣ. Увы! любезной читатель, ты увидишь, захотѣла ли судьба оправдать это радостное восклицаніе!

Въ нетерпѣливости подъѣзжаю я къ дому. „Развѣ ты уже перемѣнилъ свою квартеру?" — спрашивала меня моя любезная незнакомка. — „Вы это все тотчасъ узнаете", отвѣчалъ я — и въ ту минуту вхожу съ нею въ комнату. Мы скидаемъ наши маски; намъ подаютъ свѣчи, и ... небо! ково бы, думаете вы, увидѣлъ я въ моей комнатѣ? — Тово самова дьявола, которой не давалъ мнѣ отдыху во весь маскарадъ; онъ спалъ безъ маски, сидя въ комнатѣ у меня, на канапе. Я оборотился къ моей незнакомкѣ и еще болѣе смутился, увидя ея положеніе: она взирала съ ужасомъ то на меня, то на злова нашева духа; глаза ея помутились; она начала блѣдиѣть; я уже хотѣлъ кричать помощи, какъ она сказала, тихонько трепеща: — „Ахъ, сударь! я вижу, что я обманута и прощаю вамъ все; только ради Бога не кричите: это мой мужъ! ... О небо! какъ я обманута!" И бѣдная красавица, конечно, упала бы въ обморокъ, еслибы случился близко ея стулъ; въ самую ту минуту проснулся нашъ злой духъ, которой, кажется, заклятъ былъ адомъ не давать намъ покою.

„Ба, да ты уже дома, любезной Міробродъ! Признайся, что я сдержалъ свое слово и не замедлилъ обрадовать тебя своимъ посѣщеніемъ. Только этотъ

---

[1] Въ нарицательномъ смыслѣ — похищенная красавица.

маскарадъ и вино дьявольски вскружили мнѣ голову! Ну, скажи же мнѣ, какъ кончилъ ты свое приключеніе? Ба! да что я вижу!“ продолжалъ онъ, протирая глаза: „это кто съ тобою?“

Обмана (весело). Капитанъ Хватовъ къ вашимъ услугамъ, которой, въ арміи получа письмо, что сестра ево вышла за-мужъ за г. Тратосила, пріѣхалъ сюда ее видѣть.

Тратосилъ. Чортъ меня возьми, если севодняшней вечеръ для меня не самой счастливой. — Да знаете ли вы ево въ лицо? —

Обмана. Совсѣмъ нѣтъ; и для того то (указывая на меня) я просилъ напередъ моево пріятеля, чтобъ онъ со мною къ нему поѣхалъ. —

Тратосилъ. Это я, любезной Хватовъ, это я, твой зять! Только, чортъ меня возьми, ты такъ похожъ на твою сестру, что я бы въ состояніи былъ надѣлать великихъ дурачествъ, еслибы, къ чести вашева и нашева дома, не зналъ, что это вторая Лукреція.

Послѣ того они зачали крѣпко обниматься и строить другъ другу тысячи привѣтствій. „О женщины!“ говорилъ я тихонько, „чье перо въ состояніи хотя слабо списывать всѣ тѣ обманы, которые пылкое воображеніе вамъ изобрѣтаетъ въ минуту?“ Но станемъ продолжать нашъ разговоръ.

Тратосилъ. Итакъ скажи жъ, мой любезной Хватовъ, надолго ль ты здѣсь?

Обмана. Я отпущенъ на двадцать девять дней, и уже срокъ моему отпуску такъ близокъ, что мнѣ должно черезъ день неотмѣнно выѣхать. Я хотѣлъ только увидѣть васъ и мою сестру, ибо мнѣ изъ деревни писали, что вы поѣхали сюда въ городъ, и для того я прямо изъ арміи пустился сюда.

Тратосилъ. О! мы еще съ тобою успѣемъ въ это время опорожнить бутылокъ дюжины двѣ, три шампанскова. И, чортъ меня возьми, намъ надобно крѣпко познакомиться: я думаю, что мы рождены другъ для друга!

Обмана. О! я тово же мнѣнія, и для тово то вы позволите мнѣ обходиться съ собою безъ чиновъ.

Тратосилъ. Да, да, безъ чиновъ! Поѣдемъ же къ тебѣ на квартеру, и если у васъ есть хоть бутылка чево выпить, то мы такъ плотно познакомимся, что вѣчно останемся друзьями.

Я. Перестань, любезной Тратосилъ, ты видишь, что онъ ослабѣлъ: ему нуженъ покой.

Обмана. Это правда, я очень много ходилъ. (Мнѣ, тихо). Ради неба скажите своей каретѣ, чтобъ она со мною ѣхала. (И я въ ту же минуту исполнилъ ея волю).

Тратосилъ. (Мнѣ, взявъ Обману за руку). Ну, такъ поѣдемъ же къ нему, любезной другъ, уложимъ ево въ постелю, спросимъ пуншу и просидимъ у нево всю ночь: намъ не меньше отъ тово будетъ весело ...

Я. Развѣ не можешь ты въ другое время? ...

Тратосилъ. Нѣтъ, я такъ радъ, что не хочу ни минуты тратить, а притомъ же я таковъ, что меня иногда въ годъ не заманишь. Итакъ, надобно ловить меня въ ту минуту, когда расположенъ я гдѣ быть, если не хочешь упустить меня года на два.

Обмана. Но теперь, любезной другъ, я такъ плотно утомленъ маскарадомъ, что не въ силахъ васъ угостить.—Этотъ проклятой маскаратъ! ...

Тратосилъ. О, этотъ маскарадъ — бичъ на молодыхъ людей, и потому то жена моя никогда ихъ не любитъ. Посмотрѣлъ бы я, какъ бы ее кто взду-

малъ заманить въ маскарадъ? Она прочтетъ столько правоученій, наскажетъ столько отъ печатнова ... О! твоя сестрица — настоящей проповѣдникъ! ... Только знаешь ли ты, какъ она на тебя похожа ... Еслибъ мы не ждали тебя сюда, и еслибъ не разсказывала она мнѣ часто, что ты на нее похожъ, то бы, ей-ей, надѣлалъ я такихъ шалостей ... Но что же, мы ѣдемъ?

Обмана. (Улыбаясь) Ко мнѣ, право, нельзя.

Тратосилъ. Понимаю, ты, вѣрно, здѣсь зажилъ семьяниномъ, но я, право, не строгъ; а, впрочемъ, когда нельзя къ тебѣ, такъ пойдемъ ко мнѣ.

Обмана. (Особо) Новое несчастіе! — Какъ, въ эту пору! Нѣтъ, я не хочу встревожить безмѣрною радостію нечаянно мою сестру.

Тратосилъ. Ничево, ничево! Это предобродѣтельная женщина: ее десять такихъ шалуновъ, какъ мы, не обезпокоятъ, и она ихъ цѣлую бесѣду, право, филозофски вытерпитъ.

Обмана. О, я никогда не соглашусь!

Я. Оставь ево; развѣ нельзя это отложить дозавтра?

Тратосилъ. Ни подъ какимъ видомъ: или онъ ко мнѣ, или я къ нему ѣхать непремѣнно долженъ.

Обмана. Ну такъ пойдемъ же къ тебѣ, только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ до завтра не говорить обо мнѣ ни слова сестрицѣ.

Тратосилъ. О, охотно, только ты ночуй у меня.

Обмана. Да, ты точно меня обманешь[1]?

Тратосилъ. Божусь, что нѣтъ; и, для увѣренія, я лягу съ тобою передъ спальною въ одной комнатѣ; мы и будить ея не станемъ.

---

[1] Повидимому, пропущено „не“.

Обмана. Это прекрасно вздумано!

Тратосилъ. О, когда дѣло пошло на хитрости, то я подлинно дьяволъ. А поутру, когда она будетъ меня бранить, что я вздумалъ ее оставить, то, чтобъ утишить ея гнѣвъ, я ей тебя представлю.

Обмана. Это божественно! Поѣдемъ же. А я такъ усталъ, что, думаю, камнемъ упаду въ постелю, и желалъ бы уже теперь быть у тебя. Да какъ далеко отсель до вашева дому?

Тратосилъ. На самой П . . . площади ... Что ты вздыхаешь? ... въ домѣ ... D ...

Обмана. Ахъ! любезной другъ, подлѣ самова этова дому у меня заведена любовная интрига ...

Тратосилъ. Очень кстатѣ теперь о любви. — Поѣдемъ скорѣе ко мнѣ ...

И въ минуту они сѣли въ карету Тратосилу и, пожелавъ мнѣ доброй ночи, уѣхали домой.

Вообрази, любезной читатель, мое бѣшенство: кажется, судьба нарочно для тово подсунула мнѣ подъ носъ любовное приключеніе, чтобы послѣ надо мной подшутить. При всей своей досадѣ, я очень желалъ знать, какъ выпутается изъ этихъ хлопотъ моя прелестная незнакомка. Тысячи безпокойныхъ мыслей мучили меня; въ первой разъ постеля моя показалась мнѣ пустынею. — „Таковы то всѣ мои предпріятія!“ вскричалъ я съ досадою: „нѣтъ ни одново дѣла, которое бы кончилось такъ, какъ я имъ располагаю. На что жъ мнѣ жить болѣе?“ При такихъ отчаянныхъ словахъ вознамѣрился я умереть, а чтобы сдѣлать это спокойнѣе, то я раздѣлся, надѣлъ колпакъ, легъ въ постелю, взялъ, вмѣсто ножа, Одохватову[1] оду и только что наставилъ ее на

[1] Крыловъ, вѣроятно, имѣлъ въ виду кого нибудь изъ современныхъ бездарныхъ одистовъ — напр., Карабанова (См. комедію „Проказники“)

глаза, какъ зрѣніе мое померкло, руки опустились, ноги протянулись, — и я захрапѣлъ въ одну минуту.

III.

Рѣчь, говоренная повѣсою въ собраніи дураковъ.

Милостивые государи!

Когда, простой памяти, предки наши оставили намъ въ наслѣдство пріятную способность дѣлить время съ лошадьми и собаками, воображали ли они, что сіе дарованіе, которое одно мѣшало имъ зѣвать во всю ихъ жизнь, не зажимая рта, будетъ осмѣяно нѣкоторыми безпокойными головами, и что ихъ прилипчивая система жить, поджавъ руки, или, если позволятъ мнѣ употребить такое смѣлое выраженіе, система ихъ жить, поджавъ умы, найдетъ дерзкихъ сатириковъ, которые осмѣлятся доказывать, наперекоръ модному разсудку, что человѣку большова свѣта нужно имѣть разумъ не для злословія, вкусъ не для кафтана и сердце не для волокитства. Но, государи мои! къ стыду нашева вѣка это дѣлается, и когда жъ?

Тогда какъ просвѣщеніе взошло у насъ на высшую степень; когда почувствовали мы, что природа, сотворяя человѣка, не могла избѣжать нѣкоторыхъ погрѣшностей; когда, желая замѣнить ея недостатки, обрѣзали мы стану еву цѣлою четвертью, привязали къ нему подъ шею жаботь [1], причесали голову его анкрошетъ [2]; словомъ, показали, каковъ бы онъ долженъ быть создань, еслибы изъ рукъ природы вышелъ по совѣту премудрыхъ французовъ. Но приступимъ

[1] Жабо.

[2] En crochet (боковой локонъ, накладная букля).

подробнѣе къ исторіи нашего модиаго просвѣщенія, дабы тѣмъ яснѣе доказать грубость сатиры и возбудить въ сердцахъ вашихъ благородную ревность переломать сатирикамъ руки и ноги.

Мода уже давно со справедливою завистію видѣла, что науки обращали къ себѣ вниманіе нашихъ одноземцовъ и угрожали изо всего государства сдѣлать одну академію. Сожалѣя о погибающемъ человѣчествѣ и болѣе всево сожалѣя о бѣдныхъ женщинахъ, которыя бы должны были зазѣваться до смерти подлѣ своихъ мужей или любовниковъ, слушая ученыя ихъ разсужденія,—она принуждена была войти къ намъ украдкою и ввести сюда своихъ первыхъ рачителей французовъ, которые, дѣлая намъ честь, для насъ оставляли въ своемъ отечествѣ достоинство французскихъ водоносовъ и разносчиковъ, чтобы образовать наши нравы и обычаи. Они то изъ медвѣдей сдѣлали насъ людьми, они то показали намъ необходимость перемѣнять въ годъ по пятидесяти кафтановъ, открыли намъ ключъ, что удачнѣе можно искать счастья съ помощію портнова, парикмахера и каретника, нежели съ помощію профессора философіи; они то, наконецъ, науча насъ танцовать, открыли намъ нужную для свѣтскова человѣка тайну, что ученыя ноги въ большомъ свѣтѣ полезнѣе ученой головы.

Не подумайте, милостивые государи, что пристрастіе управляетъ моимъ языкомъ: нѣтъ, безъ самолюбія скажу, что я въ семъ случаѣ философъ и всѣ нашіи люблю, выключая моево отечества. Итакъ, говоря о просвѣщеніи, нельзя умолчать мнѣ объ англичанахъ. Имъ то обязаны мы искусствомъ изъясняться съ англискими лошадьми и превращать грубыхъ нашихъ крестьянъ въ стальныя пуговицы и

пряжки; ихъ то скромной кафтанъ и французская вѣтреность составляютъ нѣчто неподражаемое изъ нашихъ модныхъ господчиковъ, которые одни имѣютъ великое дарованіе соединять въ себѣ благородную вѣтреность французскихъ парикмахеровъ и философскую важность аглинскихъ конюховъ. Съ какимъ ужасомъ, государи мои, воспоминаю я то время, когда у насъ молодой человѣкъ при первомъ словѣ былъ виденъ, какъ далекъ онъ въ невѣжествѣ: должно было или учиться, или опасаться посмѣянія и самаго презрѣнія. Должно было проводить время въ кабинетѣ, вмѣсто того, чтобы съ удовольствіемъ убивать его въ кофейныхъ домахъ; должно было читать книги полезныя... Но, любезные слушатели, я примѣчаю, что отъ одного напоминовенія о такомъ варварскомъ времени вы зѣваете, и многіе чувствительнѣйшіе изъ васъ патріоты зазѣвались бы до слезъ, еслибы продолжалъ я такое жалкое описаніе. Но оставимъ его. Сіе время уже прошло; нынѣ молодой человѣкъ, желающій слыть ученымъ, не имѣетъ большой нужды въ грамотѣ; за недостаткомъ своего ума, можно имѣть у себя на полкахъ тысячи чужихъ умовъ, переплетенныхъ въ сафьянъ и въ золотомъ обрѣзѣ, а этова уже и довольно, чтобы перещеголять своею славою лучшаго академика.

Но чѣмъ не обязаны мы счастливому нашему просвѣщенію! Еслибъ вздумалъ я описывать всѣ въ немъ выгоды, то бы рѣчь моя была длиннѣе всѣхъ предисловій Т...[1] вмѣстѣ; она бы показалась пространнѣе комедіи Минмова Детуша, которая въ своемъ пространствѣ столько неизмѣрима, что въ

[1] Дальше намеки на плохихъ писателей того времени — Лукина, любившаго длинныя предисловія, и Ѳ. Львова. Т..., можетъ быть, Ѳ. Туманскій.

ней ученой свѣтъ не находитъ ни начала, ни конца; она бы показалась протяжнѣе романа Ричардсона, котораго долготерпѣливѣйшіе читатели не дочитывались до половины [1].

Но мнѣ ли, государи мои, съ слабыми моими силами, прилично говорить о пользахъ моднова просвѣщенія? Сія матерія такъ неисчерпаема, какъ древніе авторы, которые подъ рукою молодыхъ нашихъ писателей перерождаются, какъ Протей, въ тысячи разныхъ видовъ, одинъ одново хуже. Довольно и тово, когда доказалъ я, что модное просвѣщеніе взошло у насъ на вышнюю степень, и въ подтвержденіе этова стоитъ только вамъ взглянуть другъ на друга, чтобы видѣть истину моихъ доказательствъ и почувствовать выгоду вашева состоянія, приманчиваго для человѣка, которое одно только можно поддержать, не имѣя ни ума, ни сердца.

Были дерзкіе писатели, которые утверждали, что петиметры [2] ниже человѣка и полагали ихъ въ число животныхъ [3]. Безумные! они не примѣтили, что такимъ заключеніемъ дѣлали нашу славу.

Такъ, государи мои, согласимся, что петиметръ не человѣкъ; но если онъ скотъ, то, конечно, умнѣе всякой скотины, не выключая и самойо безьяны. Итакъ, не лучше ли быть первымъ между скотами, нежели послѣднимъ между людьми? А сіе то лестное первенство получили мы въ нынѣшній вѣкъ, и оно то посѣяло ядъ зависти въ безпокойныхъ сердцахъ и вооружило на насъ сатиру или, лучше сказать, пасквиль, покушающейся сдѣлать жалкимъ щеголя

[1] Въ насмѣшкахъ надъ комедіями Мнимаго Дегуша — Лукина и романами „Антиришардсона“ — Львова Крыловъ повторяетъ тему, излюбленную предшествующими сатирическими журналами.

[2] Щеголи.

[3] См. „Почта духовъ“ I. Письмо X.

въ большомъ свѣтѣ, гдѣ играетъ онъ первое забавное лицо. Сей пасквиль желаетъ разрушить наши труды, тогда какъ мы въ разборчивости платья и въ щегольствѣ превосходимъ самыхъ женщинъ; дерзкой сей пасквиль, кажется, осмѣливается отнимать наше первенство и доказываетъ, что будто изъ человѣческой головы можно сдѣлать лучшее употребленіе, нежели то, чтобы давать ее французу вечесывать анкрошеть, и будто голова не для того намъ дана, чтобы носить на ней аглинскую шляпку.

Вотъ, государи мои, причина, для которой собралось теперь наше почтенное общество.

Надобно подавить въ самомъ началѣ дерзость; надобно доказать нашимъ противникамъ, что безъ хорошева парикмахера и портнова нельзя ни заслужить уваженія публики, ни подружиться со счастьемъ, что истинное достоинство состоитъ только въ томъ, чтобы умѣть одѣваться по погодѣ и поддѣлывать свой тупей подъ крымскія овчинки такъ же искусно, какъ французы поддѣлываютъ мѣдь подъ золото. Почему жъ, возразятъ мнѣ, можетъ быть, нѣкоторые, вооружаетесь вы на сатиру за то, что она нападаетъ на порокъ, не указывая ни на чье лицо?.. Будто разсказывать дурачествы разныхъ особъ не есть то же, что выставлять ихъ лица на осмѣяніе. Такъ, государи мои, не выставлены наши имена, но дѣла наши обнаружены.

Когда описываю я сочинителя, которой своими романами перебиваетъ у антекарей торгъ сонными порошками, и которой отважно передразниваетъ славнаго сочинителя „Клариссы“ или „Новой Элоизы“[1], нужно ли тогда долго задумываться, чтобы въ неутомимомъ этомъ дразнильникѣ угадать неустрашимаго Анти-

[1] Ричардсона и Руссо.

рихардсона[1]? Члена, которой дѣлаетъ собою украшеніе нашему обществу, стремится подражать авторамъ, не читая ихъ, и которой выигрываетъ всегда у своево подлинника большинство томами? Нужно ли долго отыскивать ево имя? Конечно, нѣтъ; и онъ имѣетъ неоспоримое право назвать на себя личностью всякую сатиру, гдѣ осмѣивается усыпляющій авторъ, хотя бы такое описаніе было сдѣлано и за сто лѣтъ до ево рожденія. Не имѣетъ ли право вступиться за себя сіятельной Юла, какъ скоро описываютъ щеголя, которой, какъ состарѣвшаяся въ невѣстахъ дѣвушка, проводитъ передъ туалетомъ двѣ трети своего вѣка, старается всѣмъ понравиться и думаетъ, что о красотѣ его твердитъ весь городъ, между тѣмъ, какъ едва примѣчаютъ, что онъ двигается въ большомъ свѣтѣ?

И много ли надобно трудовъ Одохвату[2] на то, чтобы доказать оскорбленіе стихотворной своей особы тамъ, гдѣ ругаютея оды безъ стихотворства, стихи безъ остроты и безъ смысла, и когда упоминается стихотворецъ, которой похвалами своими мучилъ героевъ болѣе, нежели Буало мучилъ своими сатирами Прадона и Котина[3]; гдѣ говорится про оды, въ которыхъ не только красоть, но и смысла всѣ академіи вмѣстѣ въ триста лѣтъ не отыщутъ,—трудно ли говорю я, Одохвату доказать, что тутъ разругана ево особа? Нѣтъ, государи мои! стоитъ только ему выпуть первую свою оду и самой скромной читатель согласится, что сатира мѣтила на нево!

Взгляните на описаніе Тарантула[4], которой раз-

[1] Ѳ. Львова.

[2] Карабановъ?

[3] Прадонъ (1650 или 1632—1698) и Котень (1604—1692) — литературные враги Буало.

[4] Княжнинъ? Если наше предположеніе вѣрно, статья эта написана до 1791 г., смерти Княжнина.

жился женою, поставя себѣ прекраснымъ правиломъ, что нѣтъ вредньѣе двухъ случаевъ: если у купца деньги, а у него жена назаперти и которой хочетъ переломать руки и ноги сочинителю за то, что тотъ издалъ описаніе его по-русски, которое покойникъ Ле-Сажъ[1] еще до рожденія его написалъ по-французски. Кто не узнаетъ въ немъ нашева милова Тарантула?

Кто, имѣющій сердце и палку, не вооружится за его особу, какъ скоро увидитъ сочинителя, осмѣивающева золотые рога? Если вамъ надобно подтвержденіе, что это сатира на него, то самъ Тарантулъ выставитъ до двадцати доказательствъ, что, не обижая его, нельзя бранить рогатыхъ, хотя и онъ еще не всѣ доказательства знаетъ: что жъ если вступится въ это дѣло его жена? Какой бездны доказательствъ тогда ожидать мы должны![2] О! тогда то, если только приговорятъ въ наказаніе пасквилянту рвать у него по волоску за всякое доказательство Тарантуловой жены, то въ два мѣсяца останется у него менѣе волосъ, нежели у усерднѣйшева музульманина.

Итакъ, не ясно ли видны ваши имена, когда дѣла ваши выставлены? И не достойно ли такое ругательство явнаго мщенія? Вооружимся же, государи мои, и поищемъ способовъ унизить дерзкихъ сатириковъ! Отмстимъ и докажемъ, что если мы не въ силахъ отбарываться перомъ, то кулаки, палки и брани словесныя суть такія въ нашихъ рукахъ орудія, которыми можемъ мы прогнать армію Цицероновъ. При словѣ мщенія, нельзя не обратить мнѣ моей рѣчи къ любезному нашему Тарантулу и не

1 Подобные типы онъ выводилъ въ „Хромомъ чортѣ“ и „Жилѣ-Блазѣ“.

2 См. комедію „Проказники“ и „Почту духовъ“.

отдать справедливости, что онъ подъ французскимъ кафтаномъ носитъ италіанское сердце и ни на чемъ не остановится, лишь бы отмстить тому, кто ему не милъ. Онъ въ состояніи сатирика своего вызвать на аглинской бой головами и не задумается прибавить сучка четыре къ своимъ рогамъ, только для того, чтобы раскроить ему черепъ на двое.

Вотъ примѣръ, которому если мы будемъ рачительно послѣдовать, то или наши непріятели смирятся, или насъ принудятъ смиряться... Станемъ подражать Тарантулу, и пусть похвала, которую я къ нему обращу, послужитъ намъ поощреніемъ, а ему наградою. Онъ не подражалъ нѣкоторымъ слабымъ душамъ, которыя, увидя въ сатирѣ свое лицо, или стараются исправить свои слабости, или возвышаютъ пирамиды печатной бумаги и пишутъ сатиру на сатиру. Нѣтъ, едва ощупью по рогамъ узналъ онъ свой портретъ, какъ далъ клятву сломить голову сатирику, его типографщику и даже мастеровому, у котораго покупаетъ онъ чернило; и еслибъ страхъ кончить свою исторію въ смирительномъ домѣ не удержалъ его, то бы доказалъ онъ, что и маленькое тѣло можетъ сдѣлать великое зло. Со всѣмъ тѣмъ это не привело его въ отчаяніе: онъ сталъ разсѣвать, какъ Бомаршевъ Базиль [1] зловредные на сатиру толки, и тамъ, гдѣ говорятъ о пуговицахъ, онъ доказываетъ, что обижается чье-нибудь лицо; тамъ, гдѣ бранятъ пьянство, онъ силится доказать, что оскорбляютъ честь; а тамъ, гдѣ осмѣиваютъ податливаго мужа, торгующаго рогами, онъ силится увѣрить, что оскорбляютъ добродѣтель и человѣчество.

Словомъ, сидя въ своей конурѣ, выдумываетъ онъ

---

[1] „Севильскій Цырюльникъ“ Бомарше.

всевозможные кривые толки и ищетъ поссорить сатиру со всѣми честными людьми, когда она ссорится съ одними пороками. Онъ не смѣетъ явно выдавать такихъ толковъ, но, какъ скромной авторъ, не ставитъ имя у своихъ твореній, и читатель, здремавъ надъ ево стихами, уже проснувшись угадываетъ, что это долженъ быть Мнимой Детушъ[1], подобно и Тарантулъ нашъ по дѣламъ своимъ заставляетъ угадывать свою особу. Такъ точно разсерженной клопъ, едва примѣтный въ океанѣ веществъ, забивается въ маленькую скважину, пускаетъ вонь на непріятеля, котораго тѣломъ онъ питается, и имѣетъ дарованіе безпокоить носъ, не опасаясь быть увиденъ. Онъ знаетъ, что ево иначе нельзя отыскать, какъ носомъ; и хотя всякой носъ можетъ до него довести, но что и самой терпѣливой носъ въ двѣ минуты отступится отъ такихъ мучительныхъ поисковъ и оставитъ ему поле сраженія.

Вотъ, государи мои, примѣръ, которому должны мы послѣдовать, если хотимъ избавиться отъ ига сатиры. Дадимъ же себѣ слово переломать сильною рукою перья нашихъ непріятелей, и если воображеніе наше слабо сравниться въ выдумкахъ съ воображеніемъ маленькаго Тарантула, то будемъ хотя пользоваться ево совѣтами, которыми онъ въ своемъ родѣ перещеголяетъ Генлея.

Итакъ вы, почтенные собратья, которые ощупаете себя въ сатирѣ, не будьте такъ слабы, чтобы признавать свои погрѣшности и стараться ихъ поправить, но, подражая Тарантулу, старайтесь мстить сатирикамъ. Нѣтъ, ничево, хотя бы авторъ и не думалъ о васъ: уже онъ вашъ открытой непріятель, когда бранитъ

[1] Повидимому, Лукинъ написалъ на Крылова какой-то анонимный пасквиль.

дурачества и вы получаете право злословить ево особу, намѣренія и побить самово ево, если вамъ удастся. Однимъ словомъ, я признаю, что тотъ не членъ нашева общества, кто не палкою станетъ оправдываться и не кулаками доказывать истину; а тотъ будетъ нашимъ украшеніемъ, кто ко всему этому прибавитъ злословіе и вредные толки на сатирика. Можетъ быть, не станутъ насъ слушать, но зато какая слава и удовольствіе для насъ, если выиграемъ мы поле сраженія! Тогда то мы будемъ дурачиться, какъ хотимъ, и если уже станутъ хохотать надъ нами наши современники, то по крайней мѣрѣ не будемъ мы воздержаны страхомъ, чтобъ надъ нами посмѣялись позднѣйшіе наши потомки... Тогда то... но восторгъ меня объемлетъ и понуждаетъ хотя кратко изобразить то золотое время! Послѣдую движенію моево духа и симъ изображеніемъ, какъ самымъ пріятнымъ для васъ мѣстомъ, кончу мою рѣчь.

Тогда то, говорю я, кокетка будетъ спокойно щеголять бѣлыми своими зубами и длинными волосами, не опасаясь, чтобъ напечатано было, что зубы ея искусно сдѣланы изъ слоновой кости, а волосы проданы ей молодымъ щеголемъ, которова тетка, расточа все свое имѣніе, оставила ему въ наслѣдство одни только прекрасные свои волосы.

Тогда то щеголь, не находя о себѣ ни строки, будетъ имѣть удовольствіе мотать до тѣхъ поръ, пока не заставятъ ево въ магистратской тюрьмѣ сличить приходъ съ расходомъ; тогда то разсчетистой Тарантулъ, которой любитъ свою жену какъ рыбакъ свою удочку, не будетъ опасаться, что въ безпокойной сатирикъ изсчитывалъ сучки ево родовъ и предостерегалъ бы молодыхъ людей отъ западни, которая старается ловить сердца, чтобы очистить имѣніе.

Тогда то романы прилежнаго Антиричардсона будутъ спокойно лежать на полкѣ, не опасаясь, чтобы кто-нибудь ихъ бранить, выключая малаго числа неблагодарныхъ читателей, которые, несмотря на то, что автору своему бываютъ часто обязаны хорошимъ сномъ, имѣютъ безбожную привычку, проснувшись, бранить его первова. Тогда то, наконецъ, всякой изъ насъ будетъ смѣло дурачиться, не опасаясь, чтобъ дурачеству ,которое сдѣлалъ онъ въ Петербургѣ, стали смѣяться даже въ Московскихъ книжныхъ лавкахъ. Однимъ словомъ, мы тогда, читая древнихъ авторовъ будемъ имѣть удовольствіе смѣяться ихъ дуракамъ и имѣть передъ ними то преимущество, что намъ наши потомки смѣяться не станутъ и не будутъ нашими именами бранить своихъ дураковъ.

—

IV.
Разсужденіе о дружествѣ.

Во всѣхъ временахъ дружество почитали изъ числа первыхъ благъ въ жизни. Сіе чувствованіе родится вмѣстѣ съ нами; первое движеніе сердца состоитъ въ томъ, чтобы искать соединиться съ другимъ сердцемъ, и между тѣмъ цѣлой свѣтъ жалуется, что нѣтъ друзей. Съ начала міра всѣ вѣки вмѣстѣ едва-едва произвели три или четыре примѣра дружества совершеннаго. Но если всѣ люди согласны, что дружество прелестно, почто же не ищутъ наслаждаться симъ благомъ? Не есть ли сіе заблужденіе слѣпого человѣчества и слѣдствіе развращенія онаго — желать блаженства, имѣть ево въ своихъ рукахъ и убѣгать ево?

Выгоды дружества блистательны сами собою. Вся природа единогласно подтверждаетъ, что онъ пріят-

нѣйшія изо всѣхъ благъ земныхъ: безъ дружества жизнь теряетъ свои пріятности, человѣкъ, оставленный самому себѣ, чувствуетъ въ своемъ сердцѣ пустоту, которую единое дружество наполнить можетъ; отъ природы заботливый и безпокойный, въ нѣдрахъ дружества утишаетъ онъ свои чувствованія.

Коль полезно пристанище дружбы! Она охраняетъ отъ коварства людей, которые почти всѣ непостоянны, обманчивы и лживы. Первое достоинство дружбы есть вспомоществовать добрымъ совѣтомъ. Сколь бы ни разсудителенъ кто былъ, но всегда нуженъ проводникъ, не должно безъ опасенія ввѣряться собственному разуму, которой страсти наши заставляютъ часто говорить по ихъ волѣ.

Древніе познали все благо любви, но они описанія дружества сдѣлали столь огромными, что заставили почитать оное за прекрасную выдумку, которой нѣтъ въ природѣ. Кажется, они худо знали свойства человѣка, когда умышляли прельщать ево такими описаніями и заставлять искать дружбы, столь богато раскрашенной ими: они какъ будто позабыли, что человѣкъ болѣе склоненъ знатнымъ примѣрамъ удивляться, нежели имъ послѣдовать.

Но болѣе ли нынѣ умѣли познать дружество? Къ стыду нашева вѣка, кажется, признаютъ, что дѣлить съ другомъ своимъ имѣніе свое есть вышняя степень дружества и величайшее ея усиліе. Но люди, которые такъ разсуждаютъ, не изъявляютъ ли симъ одно развращеніе нынѣшняго времени, алчность и привязанность свою къ богатству, и способны ли они чувствовать дружество?

Въ такихъ описаніяхъ, желая дать почувствовать цѣну дружества, не оное, но свое корыстолюбіе они изображаютъ: главнѣйшая выгота дружества состоитъ

въ томъ, чтобъ въ другѣ своемъ найти образецъ добродѣтелей; намъ всегда лестно пріобрѣтать почтеніе любимой особы, и сіе то желаніе заставляетъ насъ послѣдовать добродѣтелямъ, которымъ мы въ ней удивляемся.

Сенека совѣтуетъ другу своему выбрать почтеннѣйшаго между людьми, поступать всегда, какъ будто бъ быть въ его присутствіи, и давать ему отчетъ въ своихъ дѣлахъ: сей великой человѣкъ, сей судья нашихъ дѣяній есть нашъ другъ; никто столь за насъ не отвѣчаетъ намъ самимъ, никто не оправдываетъ насъ столь въ глазахъ общества, какъ другъ почтенной. Намъ не простительно быть несовершенными въ ево глазахъ, и потому никогда не видно порочнаго въ дружествѣ съ добродѣтельнымъ.

Непріятно видѣть того, кто судитъ и обвиняетъ насъ безпрестанно. Надобно быть прежде увѣренными хорошо о безпорочности своего сердца и правилъ, если хочешь выбрать себѣ друга. Выбирая друга, ты[1] судью себѣ избираешь: порочный удобенъ ли отважиться на такой выборъ, и выборъ сей не принадлежитъ ли единой добродѣтели? Я боюсь, говоритъ Плиній, лишась своего друга — я боюсь, чтобы не ослабѣть въ пути добродѣтели; уже потерялъ я моево проводника и свидѣтеля моей жизни. Дружество по необходимости заставляетъ насъ быть добродѣтельными: оно не можетъ храниться иначе, какъ между почтенными[2] людьми, и тотъ, кто желаетъ сохранить дружество, долженъ стараться подражать въ добродѣтели своему другу. Итакъ, въ дружбѣ нахо-

---

[1] Въ подлинникѣ „мы“.

[2] Презъ слово почтенный — не разумѣю я чиновной, такъ какъ многіе очень неправильно принимаютъ сіи слова за синонимы. — Прим. Крылова.

дятся и полезные совѣты, возбужденія послѣдовать добрымъ примѣрамъ. Другъ съ нами дѣлитъ наши печали, помогаетъ намъ въ нашихъ нуждахъ, не побужденный ни просьбою, ни корыстію, ни исканіемъ.

Разсмотримъ же теперь истинное свойство дружества, по коему бы можно было познавать оное.

Первое достоинство, которое должно сыскивать въ другѣ, есть добродѣтель: она то увѣряетъ насъ въ немъ, что онъ способенъ къ дружеству и онаго достоинъ.

Не надѣйся нимало на ваши обязательства, какъ скоро ни на семъ основаніи они утверждены: нынѣ не выборъ, но нужды соединяютъ людей, и для того то нынѣшнее дружество такъ же скоро кончится, какъ и начинается: дружатся безъ разбору и ссорятся не раздумывая. Ничто столь не презрѣнно: худой выборъ оказываетъ или дурное сердце, или дурной разумъ. Изъ тысячи умѣй выбрать себѣ друга, ничто столь не важно, какъ сей выборъ, ибо отъ него зависитъ наше благополучіе.

Помысли, что насъ судятъ въ нашихъ друзьяхъ; выбрать друга значитъ дать обществу свой образъ и открыть свое сердце. Всякой бы трепеталъ, еслибы размыслилъ, сколь важно признать кого своимъ другомъ. Хочешь ли быть почтенъ? Обращайся съ людьми почтенными. Итакъ, надобно хорошо познать прежде, нежели войти въ обязательствы. Первой знакъ, могущій увѣрить, что выбранной достоинъ дружества, есть добродѣтель.

Потомъ должно, чтобы выбираемой другъ былъ свободенъ и неподверженный страстямъ: обдержимые гордостію и надменіемъ неспособны къ такимъ чувствованіямъ, а еще менѣе тѣ, кои окованы узами любви!

Любовь похищаетъ всю цѣну дружества; она есть страсть жестокая, а дружба-ощущеніе пріятное и спокойное. Любовь напояетъ душу нѣкоимъ восторгомъ радости, за коею нерѣдко слѣдуетъ жестокое сокрушеніе; но дружба есть наслажденіе разсудка всегда чистое, и всегда ровное; ничто не можетъ ево перемѣнить, ни ослабить; оно питаетъ душу, и время не сокрушаетъ, но подкрѣпляетъ ево.

Занимающіеся исканіемъ почести также не способны къ сему чувствованію: они болѣе ищутъ богатства, нежели дружества. Въ дружествѣ не менѣе нужны чистые нравы; тотъ подвергается великой опасности, кто вступаетъ въ дружбу съ человѣкомъ развращеннаго поведенія.

Я думаю также, что чрезмѣрная молодость неспособна къ наслажденію совершеннымъ дружествомъ: мы видимъ много молодыхъ людей, которые называются друзьями, и думаютъ, что это истина; но ихъ связываютъ одинѣ забавы, а забавы не суть узы, достойныя дружества.

Мы въ лѣтахъ, приличныхъ дружеству, говоритъ Сенека своему другу: сильнѣйшія страсти въ тебѣ угасли, остались одинѣ пріятныя, и мы будемъ наслаждаться забавами дружества.

Но — разсмотримъ должности дружбы.

Три время находятся въ дружбѣ: начало, продолженіе и конецъ.

Какъ всякое начало дружества наполнено чувствованіями, то все наполнено забавою при раждающемся дружествѣ. Но часто случается, что вкусъ притупляется привычкою, очарованіе исчезаетъ, и тогда уже должно поддерживать дружество по разсужденію: подпора всегда слабая. Въ дружбѣ, какъ и въ любви, должно щадить чувства и вкусъ отъ пригущенія; сія

предосторожность позволена. Но кто можетъ воздержаться отъ утѣшенія невиннаго и позволеннаго? Итакъ должно утверждать дружество на крѣпчайшемъ основаніи; почтеніе, подкрѣпляемое знаніемъ достоинствъ,—вотъ основаніе, которое никогда не можетъ поколебаться. Любовь пишется съ завязанными глазами, но у дружества снимается сія завязка; дружество разсматриваетъ прежде, нежели избираетъ и привязывается къ однимъ достоинствамъ особы, ибо тѣ одни достойны быть любимы, которые въ себѣ самыхъ заключаютъ причину, побуждающую ихъ любить.

Сдѣлавъ добрый выборъ, надобно на немъ утвердиться и имѣть къ своему другу непремѣнчивое почтеніе, и основанное не на однихъ чувствахъ, но на разсужденіи, ибо чувства могутъ охладѣть, и тогда почтеніе, сопряженное со справедливостію, только остается непремѣннымъ.

Не надобно дозволять себѣ цѣнить слабости въ своемъ другѣ, и еще менѣе говорить о нихъ. Должно почитать дружбу. Но какъ она намъ дана къ тому, чтобъ быть помощію добродѣтели, а не участвовать въ порокахъ, то должно увѣдомлять, когда другъ твой уклонится съ пути добродѣтели; если онъ упрямствуетъ, вооружись властію и силою, которую подаютъ премудрые совѣты и чистота добрыхъ намѣреній.

Не думай, что по окончаніи дружбы ты уже ничѣмъ не обязанъ: обязательства труднѣйшія остаются тебѣ исполнить, и въ коихъ одна честь можетъ тебя подтержать. Къ старому дружеству должно хранить почтеніе.

Нѣкоторые думаютъ, что смерть разрушаетъ всѣ обязательства, и малое число людей умѣютъ быть

друзьями умершихъ, хотя великолѣпнѣйшее украшеніе на нашихъ похоронахъ суть слезы нашихъ друзей и пріятнѣйшая намъ гробница — ихъ сердца. Не думай однакожъ, чтобъ слезы, проливаемыя только на погребеніи твоево друга, были послѣднимъ знакомъ твоей къ нему горячности: ты еще остаешься обязаннымъ ихъ[1] имени, славѣ и дому, онъ долженъ жить въ твоемъ сердцѣ, въ твоемъ воспоминаніи, въ твоихъ устахъ похвалами и въ твоихъ поступкахъ подражаніемъ ево добродѣтелямъ.

Вотъ правила, вотъ образъ дружества, начертанный на моемъ сердцѣ самою природою, и я тогда только почту себя несчастливымъ, когда сердце мое охладѣетъ къ толь благороднымъ чувствованіямъ; когда дружество меня оставитъ, и свѣтъ претворится для моево сердца въ пустыню.

V.

Мысли философа по модѣ, или способъ казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума.

— „Любезные собратія!“ — такъ начинаетъ мой философъ: „уважая вашу благородную ревность казаться разумными въ большомъ свѣтѣ и въ то же время сохранять наслѣдственное прилѣпленіе къ невѣжеству, предпріялъ я быть вамъ полезнымъ и преподать способъ, легкой для нынѣшняго воспитанія, способъ завидный — *казаться разумнымъ, не имѣя ни капли разума.*

Намѣреніе такое удивитъ угрюмыхъ читателей и философовъ. Можетъ быть, и вы сами почтете ево страннымъ, уважая старинную пословицу: ученье

[1] Его?

свѣтъ, а неученье тьма. Но кто ученъ, друзья мои? И когда самъ Сократъ сказалъ, что онъ ничево не знаетъ, то не лучше ли спокойно пользоваться намъ наслѣдственнымъ правомъ на это признаніе, нежели доставать ево съ такими хлопотами, какихъ стоило оно покойнику аѳинскому мудрецу; а когда уже быть разумнымъ невозможно, то должно прибѣгнуть къ утѣшительному способу — казаться разумнымъ. Поставимъ себѣ въ примѣръ женщинъ, станемъ учиться у нихъ: у нихъ нѣтъ науки быть пригожею, но пригожею казаться — вотъ одно искусство, надъ которымъ многія лѣтъ по семидесяти трудятся, и часто съ успѣхомъ.

Науки нынѣ въ такомъ же маломъ уваженіи, какъ здоровье. Быть дородною, имѣть природной румянецъ на щекахъ — пристойно одной крестьянкѣ; но благородная женщина должна стараться убѣгать такова недостатка: сухощавость, блѣдность, томность — вотъ ея достоинства. Въ нынѣшнемъ просвѣщенномъ вѣкѣ вкусъ во всемъ доходитъ до совершенства, и женщина большова свѣта сравнена съ голландскимъ сыромъ, которой тогда только хорошъ, когда онъ попорченъ ... То же можно заключить и о нашей учености: прямая ученость прилична низкимъ людямъ. Ученіе, къ удовольствію модныхъ господчиковъ, уравнено съ другими ремеслами, и здѣсь Невтонъ [1] и Эйлеръ [2], конечно, менѣе уважаемы, нежели Брейтегамъ и Гекъ [3]; но искусство притворяться учеными — вотъ одно достоинство, приличное благородному человѣку и которое дѣлаетъ ево милымъ въ глазахъ общества! Самыя женщины,

[1] Знаменитый англійскій математикъ и физикъ Ньютонъ (1643—1727).

[2] Знаменитый математикъ, членъ нашей Академіи Наукъ (1707—1783).

[3] Повидимому, какіе то ремесленники или фабриканты (изъ иностранцевъ того времени).

открытыя непріятельницы книгъ, любятъ слушать ево разсужденія, для того что оныя не унижаютъ ихъ самолюбія. Женщинѣ очень пріятно видѣть, когда мужчина лѣтъ подъ сорокъ разсуждаетъ такъ забавно, какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка, и такою прекрасною уловкою скрадываетъ у себя лѣтъ двадцать. Скажите мнѣ, друзья мои, не первая ли должность мужчины нравиться женщинѣ? Но что же для ея разборчиваго и разсчетистаго вкуса можетъ быть пріятнѣе молодого мужчины, съ разметанным разумомъ, которой бы, не утверждаясь ни на чемъ, старался о всемъ говорить, которой бы своими разсужденіями о важныхъ дѣлахъ былъ такъ же забавенъ и основателенъ, какъ маленькая дѣвушка за куклами!

И не ужасно ли, когда молодой, благородной человѣкъ вздумаетъ отъ чистова сердца прилѣпиться къ наукамъ и представлять особу столѣтняго старика? Одинъ видъ такова невѣжи жить въ большомъ свѣтѣ заставитъ зѣвать самую учтивую женщину. Но вы, друзья мои, не должны опасаться, чтобъ къ вамъ относилась эта укоризна: обожая моду, вы не выступаете изъ ея правилъ; вы съ искуствомъ убѣгаете наукъ и съ похвальнымъ усердіемъ храните, какъ талисманъ щеголихъ, наслѣдственное невѣжество; вы не знаете, что такое есть мыслить, и можете служить первымъ доказательствомъ, что человѣку большого свѣта не нужно имѣть ни сердца, ни ума, и что тотъ уже довольно одаренъ отъ природы, кто имѣетъ проворной языкъ и можетъ не уставая говорить по десяти часовъ сряду. Вы, наконецъ, столь искусно умѣете играть лицо маленькихъ ребятокъ, что изъ васъ стариковъ по однимъ сѣдымъ волосамъ узнать можно; вы часто умираете прежде, нежели догадываетесь, что вы живете и зачѣмъ вы на свѣтъ родились.

Пусть смѣются надъ вами; пусть пишутъ на васъ сатиры, сказки, пѣсни, эпиграммы: вы все это сносите съ стоическимъ терпѣніемъ, или, лучше сказать, вы ничево этова не видите и доказываете только тѣмъ, что ваши сатирики, желая васъ перемѣнить, оставляютъ вамъ поле сраженія... Такъ точно старой оселъ, привыкшій къ понуканьямъ и къ брани своево хозяина, съ терпѣніемъ слушаетъ ево восклицанія и ругательства... зная, что это одинъ пустой звукъ, и продолжаетъ свой путь по-прежнему, тихимъ шагомъ, оставляя хозяина въ надеждѣ, что онъ когда-нибудь ево уговоритъ. Вотъ примѣръ, которому вы послѣдуете, — и справедливо дѣлаете, друзья мои! Оставьте сатириковъ кричать и будьте увѣрены, что, нападая на васъ, не вашей пользы, но своей славы они ищутъ, и вы только служите имъ богатымъ оселкомъ, около котораго острятъ они свой разумъ. Не думаетъ ли свѣтъ, чтобы Боало[1] перестать браниться, когда бы Прадонъ и Котинъ[2] ево исправились? Повѣрьте, что нѣтъ: онъ бы сыскалъ ково-нибудь еще глупѣе для своихъ насмѣшекъ. Сказать ли вамъ болѣе: перестаньте только дурачиться, вздумайте быть разсудительны, если только это можно — и сатирики первые огорчатся такою перемѣною: вы у нихъ отнимете любимую ихъ пищу, и многіе изъ нихъ помрутъ съ отчаянія, что глупѣе, смѣшнѣе и забавнѣе васъ никово побранить не сыщутъ. Но посудимъ философски: достойны ли вы даже и насмѣшекъ ихъ, и во многомъ ли они передъ вами преимущество имѣютъ?

Говорятъ строгіе правоучители, что первая и труднѣйшая должность человѣка есть побѣдить свои стра-

[1] Теоретикъ французскаго классицизма и сатирикъ (1636 — 1711).
[2] Литературные враги Буало.

сти. Но вы, вы не имѣете страстей, которыя бы были для васъ опасны, или, лучше сказать, вы совѣмъ безстрастны, и поступаете такъ же равнодушно, какъ прекрасныя куклы, показываемыя въ народныхъ игрищахъ; и которые приписываютъ вамъ волю и страсти, такъ же обманываются, какъ мужики, которые, увидя разныя движенія куколъ, думаютъ, что оныя дѣлаютъ всѣ кривляньи по своему хотѣнію. Поутру, едва проснетесь, комнатные служители обертываютъ васъ и подымаютъ съ постели, послѣ того волосочесъ вертитъ вашею головою, потомъ возятъ васъ по городу, сажаютъ за столъ, и къ вечеру — опять укладываютъ въ постелю: доказываетъ ли все это, чтобы въ васъ были хотя малые порывы страстей?[1].

Тогда какъ важныхъ вашихъ противниковъ занимаютъ желанія, которыя почти выше человѣка; когда они ищутъ таинства природы, стараются даже проникнуть въ связи міровъ; когда измѣриваютъ, сколько далеко отселѣ до солнца, какъ будто бы желая вычислить, какъ дорогъ имъ станетъ туда проѣздъ; когда занимаются топографіею луны; когда они устремляются еще въ важнѣйшія разсужденія и силятся продолжать далѣе свой путь, несмотря на то, что передъ ними открыта ево безконечность, — вы тогда спокойно занимаетесь игрушками; васъ утѣшаютъ зайчики, кареты, собаки, кафтаны, женщины; нерѣдко случаются у васъ и драки, но и дѣти, вѣдь, дерутся за свои бездѣлки: ваши ссоры не важнѣе ихъ, и потому то вы не болѣе ихъ виноваты.

Вы не занимаетесь тѣмъ, далеко ли отселѣ до Сиріуса, и довольны, если кучеръ вашъ знаетъ, близко ли отъ васъ первой хорошей трактиръ или

[1] Срв. подобную же картину въ „Почтѣ духовъ“ (письмо 8) и „Утреннихъ часахъ“ (1788, III, 60 — 61).

клобъ; вы не думаете, солнце или земля скорѣе вертится, — довольно для васъ и того труда, что вы вертитесь съ ними вмѣстѣ, — и это важнѣйшая работа, которая въ жизни васъ занимаетъ ...

Но, завлеченный восторгомъ васъ хвалить, любезные собратія, я не примѣчаю, сколь много отдалился я отъ моего виду, и позабываю, что обширностію моего письма я подвергаю себя опасности не быть никогда вами прочтеннымъ. Приступимъ же поскорѣе къ самому дѣлу.

Теперь уже ясно, сколь велики ваши выгоды, которыхъ первая важность состоитъ въ томъ, чтобъ блистать остроуміемъ. Щеголь, которой не умѣетъ притворяться разумнымъ, не можетъ играть блистательнаго лица въ большомъ свѣтѣ, а къ сему то и нужны нѣкоторыя правилы, приведенныя въ порядокъ ... Вотъ предметъ моего труда! Я посвящаю его вамъ, друзья мои, и буду доволенъ, если одинъ изъ тѣхъ французовъ, которые готовятъ васъ въ свѣтъ и учатъ трудной наукѣ ничего не думать, — если одинъ изъ тѣхъ французовъ, говорю я, прочтя мои правила, скажетъ, что они согласны съ образцомъ, по коему онъ воспитывалъ благородное наше юношество.

1.

Съ самаго начала, какъ станешь себя помнить, затверди, что ты благородной человѣкъ, что ты дворянинъ и, слѣдственно, что ты родился только поѣдать тотъ хлѣбъ, которой посѣютъ твои крестьяны, — словомъ, вообрази, что ты счастливой трутень, у коего не обгрызаютъ крыльевъ, и что дѣды твои только для того думали, чтобы доставить твоей головѣ право ничего не думать.

2.

Пріуготовя себя такимъ прекраснымъ началомъ, изъ коего слѣдуютъ всѣ другія правила, дѣлающія блестящимъ человѣка въ большомъ свѣтѣ, должень ты отвергнуть нѣкоторыя предразсужденія, мѣшающія иногда блистать остроуміемъ молодому человѣку, и для того привыкай заранѣе шутить надъ тѣмъ, что для предковъ нашихъ было священно. Ничто такъ не блистательно, какъ молодой человѣкъ, когда онъ шутитъ надъ важными вещами, не понимая ихъ; при всей мелкости своего ума, онъ тогда такъ милъ, какъ болонская собачка, которая бросается на драгунскаго рослаго капитана и хочетъ его разорвать, между тѣмъ, какъ онъ равнодушно куритъ трубку, не занимаясь ея гнѣвомъ. Какъ мила и забавна смѣлость этой собачонки, такъ точно забавна смѣлость вашева ума, когда огрызается онъ на вещи, передъ коими онъ менѣе, нежели болонская собачка передъ драгунскимъ капитаномъ [1].

3.

Должно быть забавнымъ въ обществѣ, умѣть убивать время и дѣлить его весело; а къ сему нужна только одна наука — играть въ карты: она замѣняетъ въ большомъ свѣтѣ всѣ другія науки. Бойся не играть въ карты! Ничего нѣтъ глупѣе молодова человѣка, которой, не зная картъ, лишенъ способа кстатѣ проиграть деньги барину или его любовницѣ ... Карты суть душа нашихъ собраній; безъ нихъ, четыре человѣка, съѣхавшись, по несчастію, имѣютъ, не знали бы, что дѣлать. И справедливо должно сомнѣваться, бывали ли, полно, до выдумки картъ какія-нибудь собранія.

[1] Подобное сравненіе есть у Новикова (примѣнительно къ сатирѣ) Срв. еще басню „Слонъ и Моська“.

Французскіе учители многіе очень хорошо дѣлаютъ, что питомцевъ своихъ учатъ играть въ карты, и я бы не совѣтовалъ родителямъ принимать для своихъ дѣтей никакова учителя, если онъ не знаетъ игоръ, которыя въ употребленіи. Молодой достаточной человѣкъ, вступая въ свѣтъ, можетъ спокойно забыть свои науки, имѣя деньги и дядюшекъ: онъ уже имѣетъ право на невѣжество и на счастье, но карты ему необходимы: безъ нихъ онъ въ лучшихъ домахъ будетъ мертвецомъ, и на него станутъ указывать пальцами, какъ на выходца съ того свѣту! ... „Вообразите“, скажутъ женщины: „онъ — невѣжда до такой степени, что не можетъ сдѣлать партію въ вискъ!“ [1]

4.

Будь насмѣшливъ, сколь можно. Молодой человѣкъ, умѣющій осмѣять и подшутить, ищется, какъ кладъ, въ лучшія общества. Злословецъ не можетъ быть дуракъ: вотъ опредѣленіе моднаго свѣта! Старайся его заслужить, и ты будешь взысканъ; но не будь низокъ и не шути надъ тѣмъ, что въ самомъ дѣлѣ достойно осмѣянія: это знакъ слабаго воображенія, если молодой человѣкъ смѣется надъ смѣшными только людьми или вещами. Остроумникъ нынѣшнева вѣка долженъ бѣгать такова недостатка, и острить свой языкъ насчетъ важныхъ и почтенныхъ людей. Никакой нѣтъ славы смѣяться надъ Антирихардсономъ и надъ мнимымъ Детушемъ [2]: это значитъ бить лежачихъ; и безъ тебя весь свѣтъ знаетъ, что они гадкіе писатели, но если ты будешь смѣяться надъ Ломоносовымъ, или, увидя на театрѣ, ста-

[1] Несомнѣнно — вистъ, карточная игра.

[2] Львовъ и Лукинъ — бездарные писатели того времени, обычная мишень острот сатирическихъ журналовъ XVIII в.

нешь бранить славную Ле-Сажъ и Делии[1], то подашь тѣмъ знакъ о превосходствѣ твоево вкуса, которой и столь великими талантами не могъ быть удовольствованъ.

5.

Отбери нѣсколько авторовъ на-удачу, затверди ихъ имена, вздумай, что одинъ изъ нихъ плѣнилъ тебя своими красотами, такъ, какъ Донъ-Кишотъ вздумалъ, что ево плѣнила Дульцинея, которой онъ и въ глаза не видывалъ; такимъ образомъ, пожаловавъ одново какова-нибудь автора (тѣмъ больше тебѣ чести, если онъ иностранной) въ свои любимцы, брани другихъ, и занимайся имъ однимъ; приписывай тѣмъ погрѣшности, которыхъ въ нихъ нѣтъ, и придавай ему прелести, коихъ въ немъ не бывало. Ничево нѣтъ милѣе, какъ видѣть двухъ молодыхъ щеголей, когда спорятъ они за своихъ авторовъ — не читавъ ихъ, и мнѣ часто случалось быть свидѣтелемъ, какъ Руссовы эпиграммы надъ Юнговыми Ночами[2] одерживали побѣду, которая всегда оставалась на той сторонѣ, у чьего защитника здоровѣе горло.

Маленькія дѣти нынѣ очень искусно учатся передражнивать своихъ родителей, и если имъ не мѣшаютъ въ такомъ пріятномъ упражненіи, то можно современемъ ожидать, что изъ такова ребенка сдѣлается презабавной для свѣта повѣса; такія дѣти бываютъ обыкновенно неустрашимаго духу, и на пятнадцатомъ году они уже въ состояніи колотить своихъ отцовъ или выталкивать ихъ съ двора.

---

[1] Театральныя знаменитости XVIII вѣка (Le Sage de Montménie 1695 — 1743; Делии въ 80-ыхъ годахъ XVIII в. служилъ въ Петербургѣ).

[2] Знаменитый французскій философъ Ж. Ж. Руссо (1670 — 1711) Юнгъ — англійскій поэтъ, авторъ „Ночей“ (1684 — 1765).

6.

Умѣй говорить, не думая. Думать прилично ученому, а ученье не пристало щеголю, и ты долженъ остерегаться, чтобъ не сказать чево умнаго. Молодой человѣкъ, которой говоритъ умно, очень глупъ въ большомъ свѣтѣ; а ты долженъ быть забавенъ. Большая часть женщинъ любитъ попугаевъ. Хочешь ли и ты тѣми же самыми женщинами [1] такъ же быть любимъ, старайся говорить, какъ попугай — и ты прослывешь острякомъ; выучи поутру нѣсколько чужихъ острыхъ словъ и умѣй ихъ сказать кстатѣ... Твой разумъ, какъ женщина, долженъ быть прибранъ за убориымъ столикомъ: вотъ ключъ къ доброй славѣ. Умѣй поутру выкрадывать, что надобно тебѣ говорить днемъ, и половина [2] города не примѣтитъ, что ты невѣжа.

Есть и другой способъ говорить забавно безъ ума, буде только языкъ твой гибокъ и проворенъ, какъ трещотка; но это трудная наука, которой только у женщинъ учиться можно. Старайся подражать имъ; старайся, чтобъ въ словахъ твоихъ ни связи, ни смысла не было, чтобъ разговоръ твой перемѣнялъ въ минуту по пяти предметовъ, чтобъ брань, похвала, смѣхъ, сожалѣніе, простой разсказъ, — все бы это, смѣшанное почти вмѣстѣ, пролетало мимо ушей, которыя тебя слушаютъ, и, наконецъ, чтобъ ты, какъ барабанъ, оставлялъ по себѣ одинъ пріятной шумъ въ ушахъ, не оставляя никакова смыслу. Молодой человѣкъ съ такими дарованіями нуженъ въ модномъ обществѣ, какъ литаврь въ оркестрѣ, которой одинъ ничево не значитъ, но гдѣ должно сдѣлать шумъ, тамъ безъ нево обойтись не можно.

---

[1] и [2] Въ подлинникѣ „женщины“ и „половину“.

7.

Остерегайся быть скроменъ, или ты заставишь думать, что тебѣ нечево сказывать, — а это великой недостатокъ. Молодой щеголь нынѣшняго вѣка долженъ быть то же, что морская труба: принимая въ одинъ конецъ слова, выдавать ихъ тотчасъ въ другой; и чѣмъ кто смѣшнѣе умѣетъ пересказывать, тѣмъ болѣе приписываютъ ему ума. Не заботься, если отъ такихъ пересказовъ родятся ссоры, драки и бѣдствія: тѣмъ болѣе чести пересказщику, чѣмъ болѣе и блистательнѣе дѣйствіе произведетъ ево пересказъ. Легко станется, что ты и битъ будешь, но это есть лавры, составляющіе лучшее украшеніе пересказчиковъ: чѣмъ сильнѣе тебя побьютъ, тѣмъ яснѣе доказательство, что твоя память и воображеніе твое обширны; и чѣмъ болѣе тебя бранятъ, тѣмъ виднѣе, что ты привлекаешь къ себѣ вниманіе. Многіе франты совсѣмъ забыты отъ свѣта, не имѣя дарованія переносить вѣсти; а это жалкая участь щеголя, если о немъ помнятъ одни ево заимодавцы.

Вотъ, любезные мои собратія, маленькой опытъ правилъ, столь необходимыхъ тому, кто хочетъ съ успѣхомъ блистать въ модномъ свѣтѣ! Пользуйтесь ими. Я знаю, что многіе французы будутъ завидовать, для чево другіе написали то, чему они словесно учили; но я не самолюбивъ и охотно признаюсь, что эти прекрасныя правила не моей выдумки, и что мы обязаны оными тѣмъ снисходительнымъ французамъ, которые, кончивъ на галерахъ свой курсъ филозофіи, пріѣхали къ намъ образовать наши нравы.

Крыловъ на придворномъ маскарадѣ.

Рис. Агина (1844).

(По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ „Дѣдушка Крыловъ“, Спб. 1845.)

VI.

Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ, говоренная ево другомъ въ присутствіи ево пріятелей за чашею пуншу.

Любезные слушатели!

Въ сей день проходитъ точно годъ, какъ собаки всево свѣта лишились лучшаго своего друга, а здѣшній округъ разумнѣйшаго помѣщика: годъ тому назадъ, въ сей точно день съ неустрашимостію гонясь за зайцемъ, свернулся онъ въ ровъ и раздѣлитъ смертную чашу съ гнѣдой своею лошадью прямо по-братски. Судьба, уважая взаимную ихъ привязанность, не хотѣла, чтобъ изъ нихъ одинъ пережилъ другова, а міръ между тѣмъ потерялъ лучшаго дворянина и статнѣйшую лошадь. О комъ изъ нихъ болѣе должно намъ сожалѣть? Ково болѣе восхвалить?

Оба они не уступали другъ другу въ достоинствахъ, оба были равно полезны обществу; оба вели равную жизнь и, наконецъ, умерли одинаково славною смертью.

Со всѣмъ тѣмъ дружество мое къ покойнику склоняетъ меня на ево сторону и обязываетъ прославить память ево, ибо хотя многіе говорятъ, что сердце ево было, такъ сказать, стойломъ ево гнѣдой лошади, но я могу похвалиться, что послѣ нея покойникъ любилъ меня болѣе всево на свѣтѣ. Но хотя бы и не былъ онъ мнѣ другомъ, то одни достоинства ево не заслуживаютъ ли похвалы и не должно ли возвеличить память ево, какъ память дворянина, которой служитъ примѣромъ всему нашему окольному дворянству?

Не думайте, любезные слушатели, чтобъ я вы-

ставлялъ ево примѣромъ въ одной охотѣ; нѣтъ, это было одно изъ послѣднихъ ево дарованій, кромѣ сево имѣлъ онъ тысячу другихъ приличныхъ и необходимыхъ нашему брату дворянину. Онъ показалъ намъ, какъ должно проживать въ недѣлю благородному человѣку то, что двѣ тысячи подвластныхъ ему простолюдимовъ вырабатываютъ въ годъ.

Онъ знаменитые подавалъ примѣры, какъ эти двѣ тысячи человѣкъ можно пересѣчь въ годъ раза два — три съ пользою. Онъ имѣлъ дарованіе обѣдать въ своихъ деревняхъ пышно и роскошно, когда казалось, что въ нихъ наблюдался величайшій постъ, и такимъ искусствомъ дѣлалъ гостямъ своимъ пріятныя нечаянности. Такъ, государи мои, часто бывало, когда пріѣдемъ мы къ нему въ деревню обѣдать, то, видя всѣхъ крестьянъ ево блѣдныхъ, умирающихъ съ голоду, сграшимся сами умереть за ево столомъ голодною смертью; глядя на всякова изъ нихъ, заключали мы, что на сто верстъ вокругъ ево деревень нѣтъ ни корки хлѣба, ни чахотной курицы. Но какое пріятное удивленіе! Садясь за столъ, находили мы богатство, которое, казалось, тамъ было неизвѣстно, и изобиліе, котораго тѣни не было въ ево владѣніяхъ. Искуснѣйшіе изъ насъ не постигали, что еще могъ онъ содрать съ своихъ крестьянъ, и мы принуждены были думать, что онъ изъ ничего созидалъ великолѣпные свои пиры. Но я не примѣчаю, что восторгъ мой отвлекаетъ меня отъ порядку, которой я себѣ назначилъ. Обратимся же къ началу жизни нашего героя: симъ средствомъ не потеряемъ мы ни одной черты изъ ево похвальныхъ дѣлъ, коимъ многіе изъ васъ, любезные слушатели, подражаютъ съ великимъ успѣхомъ. Начнемъ ево происхожденіемъ.

Сколько ни бредятъ филозофы, что по родословной всего свѣта мы братья, и сколько ни твердятъ, что всѣ мы дѣти одново Адама, но благородной человѣкъ долженъ стыдиться такой филозофіи, и если уже необходимо надобно, чтобъ наши слуги происходили отъ Адама, то мы лучше согласимся признать нашимъ праотцомъ осла, нежели быть равнаго съ ними происхожденія. Ничто столь человѣка не возвышаетъ, какъ благородное происхожденіе: это первое ево достоинство.

Пусть кричатъ ученые, что вельможа и нищей имѣютъ подобное тѣло, душу, страсти, слабости и добродѣтели. Если это правда, то это не вина благородныхъ, но вина природы, что она производитъ ихъ на свѣтъ такъ же, какъ и подлѣйшихъ простолюдимовъ, и что никакими выгодами не отличаетъ нашего брата дворянина: это знакъ ея лѣности и нераченія. Такъ, государи мои, и еслибы эта природа была существо, то бы ей очень было стыдно, что тогда какъ самому послѣднему червяку удѣляетъ она выгоды, свойственны ево состоянію, когда самое мелкое несѣкомое получаетъ отъ нея свой цвѣтъ и свои способности, когда, смотря на всѣхъ животныхъ, кажется намъ, что она неисчерпаема въ разновидности и въ изобрѣтеніи, тогда, къ стыду ея и къ сожалѣнію нашему, не выдумала она ничево, чѣмъ бы отличился нашъ братъ отъ мужика, и не прибавила намъ ни одново пальца въ знакъ нашего преимущества передъ крестьяниномъ. Неужели же она болѣе печется о бабочкахъ, нежели о дворянахъ? И мы должны привѣшивать шпагу, съ которою бы, кажется, надлежало намъ родиться. Но какъ бы то ни было, благодаря нашей догадкѣ мы нашли средство поправлять ея недостатки и избавились отъ опас-

ности быть признанными за животныхъ одново роду съ крестьянами.

Имѣть предка разумнаго, добродѣтельнаго и принесшаго пользу отечеству—вотъ что дѣлаетъ дворянина, вотъ что отличаетъ ево отъ черни, и отъ простого народа, котораго предки не были ни разумны, ни добродѣтельны и не приносили пользы отечеству. Чѣмъ древнѣе и далѣе отъ насъ сей предокъ, тѣмъ блистательнѣе наше благородство, а симъ то и отличается герой, которому дерзаю я соплетать достойныя похвалы, ибо болѣе трехсотъ лѣтъ прошло, какъ въ родѣ ево появился добродѣтельной и разумной человѣкъ, которой надѣлалъ столь много прекрасныхъ дѣлъ, что въ поколѣніи ево не были уже болѣе нужны такія явленія, и оно до нынѣшняго времени пробавлялось безъ умныхъ и добродѣтельныхъ людей, не теряя нимало своего достоинства.

Наконецъ, появился нашъ герой Звениголовъ. Онъ еще не зналъ, что онъ такое, но уже благородная ево душа чувствовала выгоды своево рожденія, и онъ на второмъ году началъ царапать глаза и кусать уши своей кормилицѣ. „Въ этомъ ребенкѣ будетъ путь“, сказалъ нѣкогда восхищаясь ево отецъ: „онъ еще не знаетъ толкомъ приказывать, но учится уже наказывать; можно отгадать, что онъ благородной крови“. И старикъ сей часто плакалъ отъ радости, когда видѣлъ, съ какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слугъ. Не проходило ни одново дня, чтобы маленькой нашъ герой кого-нибудь не оцарапалъ. На пятомъ еще году своево возраста примѣтилъ онъ, что окруженъ такою толпою, которую можетъ перекусать и перецарапать, когда ему будетъ угодно.

Премудрый ево родитель тотчасъ смекнулъ, что сыну ево нуженъ товарищъ. Хотя и много было въ околоткѣ бѣдныхъ дворянъ, но онъ не хотѣлъ себя унизить до того, чтобы ево единородный сынъ раздѣлялъ съ ними время, а холопскаго сына дать ему въ товарищи казалось еще несноснѣе. Иной бы не зналъ, что дѣлать, но родитель нашего героя тотчасъ помогъ такому горю и далъ сыну своему въ товарищи прекрасную болонскую собачку. Вотъ, можетъ быть, первая причина, отчего герой нашъ во всю свою жизнь любилъ болѣе собакъ, нежели людей, и съ первыми провождалъ время веселѣе, нежели съ послѣдними.

Звенигловъ, привыкшій повелѣвать, принялъ новаго своего товарища довольно грубо и на первыхъ часахъ вцѣпился ему въ уши, но Задорка (такъ звали маленькую собачку) доказала ему, какъ вредно иногда шутить, надѣясь слишкомъ много на свою силу: она укусила ево за руку до крови. Герой нашъ остолбенѣлъ, увидя въ первой разъ такой суровой отвѣтъ на обыкновенныя свои обхожденія: это былъ первой щипокъ, за которой ево наказали. Сколь сердце въ немъ ни кипѣло, со всѣмъ тѣмъ боялся отвѣдать сразиться съ Задоркою и бросился къ отцу своему жаловаться на смертельную обиду, причиненную ему новымъ ево товарищемъ. „Другъ мой!“ сказалъ безпримѣрной ево родитель: „развѣ мало вкругъ тебя холопей, ково тебѣ щипать? На что было трогать тебѣ Задорку? Собака вѣдь не слуга: съ нею надобно осторожнѣе обходиться, если не хочешь быть укушенъ. Она глупа: ее нельзя унять и принудить терпѣть, не разѣвая рта, какъ разумную тварь“.

Такое наставленіе сильно тронуло сердце моло-

дого героя и не выходило у него изъ памяти. Возрастая, часто занимался онъ глубокими разсужденіями, къ коимъ подавало оно ему поводъ; изыскивалъ способы бить домашнихъ своихъ животныхъ, не подвергаясь опасности, и сдѣлать ихъ столь же безмолвными, какъ своихъ крестьянъ, по крайней мѣрѣ искалъ причинъ, отчего первые имѣютъ дерзость болѣе огрызаться, нежели послѣдніе, и заключилъ, что его крестьяне ниже его дворовыхъ животныхъ.

Чадолюбивой отецъ, примѣтя, что дитя его начинаетъ думать, заключилъ, что время начать его воспитаніе и самъ посадилъ его за грамоту. Въ пять мѣсяцовъ ученикъ сдѣлался сильнѣе учителя и съ нимъ взапуски складывалъ гражданскую печать. Такіе успѣхи устрашили его родителя. Онъ боялся, чтобы сынъ его не выучился бѣгло читать по толкамъ и не вздумалъ бы сдѣлаться когда-нибудь академикомъ, а потому то послѣднею страницею букваря кончилъ его курсъ словесныхъ наукъ. „Этой грамоты для тебя полно“, говорилъ онъ ему: „стыдись знать болѣе: ты у меня будешь баринъ знатной, такъ непристойно тебѣ читать книги“.

Герой нашъ пользовался такимъ прекраснымъ разсужденіемъ и привыкъ всѣ книги любить, какъ моровую язву. Ни одна книга не имѣла до него доступа. Я не включаю тутъ разсужденія Руссо о вредности наукъ. Вотъ одно твореніе, которое снискало его благосклонность, по своей привлекательной надписи. Правда, онъ и его не читалъ, но никогда не спускалъ съ своего камина. „Прочти только это“, говаривалъ онъ, когда кто вздумаетъ хвалить передъ нимъ науки: „прочти это, и ты будешь каяться, что въ тебѣ болѣе ума, нежели въ

моей гнѣдой лошади!“ „О, Руссо — великой человѣкъ!“, продолжалъ онъ и послѣ этова принимался съ подобострастіемъ считать листы въ ево сочиненіи. Это было величайшее ево снисхожденіе къ учености, которое оказывалъ онъ одному только сочинителю „Новой Элоизы“.

Время, наконецъ, наступило записывать ево въ службу, и рѣдкой родитель ево, отпуская, далъ сыну своему послѣднее наставленіе. „Помни, любезной сынъ“, говорилъ онъ ему, „что у тебя двѣ тысячи душъ, помни, что ты старинной дворянинъ и остался одинъ въ своемъ родѣ. Итакъ, береги себя, не подражай бѣднымъ людямъ, которые, не имѣя куска хлѣба, принуждены на службу тратить здоровье. Служи такъ, чтобы не быть разжалованну, а о достальномъ не пекись.

Пусть бѣдные ищутъ чиновъ, а нашу братью, богатыхъ, чины сами должны искать. Будь только порядочнаго поведенія, т. е. не выходи изъ передней знатныхъ, болѣе всево берегись досадить женщинѣ, сколь бы низкаго состоянія она тебѣ ни казалась: наружное состояніе женщины бываетъ сходно съ молодымъ деревомъ, которое сколь ни кажется слабо и презрѣнно, но часто корень ево глубоко подъ землею сплетенъ съ корнемъ великаго дуба, который можетъ задавить тебя своею тяжестію. Короче, вотъ тебѣ въ двухъ словахъ мое завѣщаніе: я не требую, чтобы ты возвратился заслуженнымъ, но чиновнымъ“. И послѣ сего наградилъ онъ ево своимъ родительскимъ благословленіемъ и двумя тысячами рублей на дорогу. Спустя же три дни послѣ ево отъѣзду кончилъ свою знаменитую жизнь.

Сколь ни жаденъ былъ нашъ герой пользоваться наставленіями, со всѣмъ тѣмъ благородная ево душа

не охотно приняла сіи послѣднія или, лучше сказать, онъ изъ нихъ одобрилъ половину, т. е. послѣдуя отцу своему, не хотѣлъ онъ служить, но не хотѣлъ также состарѣться въ переднихъ. Эти два правила поссорили ево съ двумя ево дядюшками, со службою и сдѣлали филозофомъ. Суеты большева свѣта скоро ему наскучили. Онъ видѣлъ, что куда онъ ни приходилъ, то или онъ зѣвалъ, или надъ нимъ зѣвали, и взялъ миролюбивое намѣреніе разстаться со свѣтомъ, видя по всему, что они другъ другу не надобны.

Рѣдкое великодушіе, неподражаемая скромность,— сіи два любезныя качества видны въ немъ были съ самаго пріѣзду ево въ столицу. Честолюбивой на ево мѣстѣ, имѣя столь знатную родню, какъ онъ, не отсталъ бы отъ большихъ обществъ и искалъ бы въѣзду въ первые домы, но герой нашъ просиживалъ цѣлыя ночи въ трактирахъ. Онъ убѣгалъ пышности и часто подъ вечерокъ изъ толпы завидливыхъ игроковъ возвращался домой смиренно безъ кармана. Онъ не былъ злопамятенъ и очень спокойно обѣдалъ тамъ, гдѣ наканунѣ били ево за ужиномъ! Терпѣливъ былъ до крайности. Я самъ, государи мои, былъ свидѣтелемъ, съ какою умильною кротостію принималъ онъ побои отъ своихъ пріятелей и послѣ съ ними вмѣстѣ запивалъ свое горе. Иной бы честолюбивый, на ево мѣстѣ, повторяю я, былъ соблазненъ примѣрами большого свѣта и увлеченъ ево суетами, но онъ равнодушно слушалъ вѣсти, что такой то его сверстникъ пожалованъ, что тому дано мѣсто, другому награжденіе. Всѣмъ этимъ не тронута была великая ево душа, и онъ зѣвая стоически слушалъ такія новости. „Можетъ быть, половину этихъ чиновниковъ мнѣ же кормить достанется“,

говаривалъ онъ; „полно[1] и тово, что у меня есть двѣ тысячи душъ: это такой чинъ, съ которымъ въ моемъ околоткѣ вездѣ дадутъ мнѣ первое мѣсто".

„Все суета суетъ", такъ заключалъ онъ обыкновенно свои разсужденія и послѣ тово, оставясь кругомъ дюжиною бутылокъ портеру, садился метать банкъ.

По сему можете вы заключить, милостивые государи, что общества ево были хотя не пышныя, но весьма веселыя. Правда, замѣшивались иногда въ нихъ люди чиновные, но обыкновенно первыя двѣ дюжины бутылокъ возставляли во всей бесѣдѣ совершенное равенство и дружество. Но это не было скучное дружество, заведенное лѣтъ на пять: нѣтъ, это было вольное и благородное дружество—такое, что часто, не конча взаимныхъ о немъ увѣреній, вцѣплялись другъ другу въ виски, но безъ всякой злобы, и нерѣдко для одного препровожденія времени.

Вотъ, государи мои, образъ городской ево жизни. Онъ, не гоняясь за счастіемъ, искалъ однихъ удовольствій. Онъ не ѣздилъ по этикету зѣвать въ большіе домы, но, любя вольность, часто въ своихъ дружескихъ бесѣдахъ засыпалъ подъ столомъ; онъ не занимался тѣмъ, чтобъ когда-нибудь привлечь на себя вниманіе всево свѣта: ему довольно было и тово, что имя ево знали наизусть во всѣхъ трактирахъ и кофейныхъ домахъ. Онъ никогда не намѣревался быть политикомъ, но не для тово, чтобъ не доставало ему ума: нѣтъ, государи мои, онъ былъ слишкомъ уменъ и нерѣдко даже былъ за это битъ отъ своихъ пріятелей за картами, гдѣ болѣе всего щеголялъ онъ остроуміемъ. Но какъ умъ гоним въ цѣломъ свѣтѣ,

[1] Довольно.

то очень скоро наскучилъ онъ быть умнымъ и началъ играть въ карты съ филозофскою простотою и благородною довѣренностію: друзья ево, вмѣсто тово, чтобы удивляться симъ любезнымъ качествамъ, въ два мѣсяца очистили все ево имѣніе и оставили нашего филозофа полунагимъ, несмотря на то, что сѣверной климатъ совсѣмъ не удобенъ къ цинической филозофіи.

Всякой бы другой изнемогъ духомъ въ такихъ стѣсненныхъ обстоятельствахъ; всякой бы пришелъ въ отчаяніе, но онъ не поколебался нимало и, сидя дома, съ крайнимъ умиленіемъ сердца ожидалъ, какъ заимодавцы поведутъ ево въ тюрьму. Какъ Юліи, не бѣжалъ онъ отъ своего несчастія и даже не выходилъ за ворота, хотя тогдашними темными вечерами могъ онъ прогуливаться по улицѣ въ одномъ камзолѣ и туфляхъ, не нарушая городской благопристойности. Онъ не искалъ даже помочь своему несчастію: „что будетъ, то будетъ“, говорилъ онъ, зѣвая неустрашимо. И судьба наградила ево къ ней довѣренность. Тогда, какъ казалось, что онъ оставленъ отъ всево свѣта; когда всѣ ворота были для нево заперты, выключая ворота городской тюрьмы; когда въ кухнѣ ево, какъ въ Римѣ, не осталось ни тѣни древней славы и, что всево бѣдственнѣе, когда послѣднюю бутылку портеру у нево разбила испостившаяся кошка, искавъ съ такимъ же усердіемъ чорствой корки, съ какимъ Колумбъ искалъ новой земли; когда, говорю я, всѣ сіи несчастіи собрались вокругъ нево, тогда родной ево дядя, славный своею экономіею, которую храня двадцать лѣтъ уже онъ не ужиналъ, вздумалъ, наконецъ, и не обѣдать, оставя въ наслѣдство герою нашему пять тысячъ душъ и сто тысячъ денегъ.

Можетъ быть, подумаете вы, что это сдѣлало ево надменнымъ? Нимало! Въ тотъ же день пошелъ онъ къ знакомому винному погребщику, напился съ нимъ вмѣстѣ и очень смиренно провелъ у нево ночь на голомъ кирпичномъ полу.

Но уже страсти въ немъ начали угасать, и онъ, пользуясь прошедшими своими несчастіями, не захотѣлъ болѣе ни въ которой масти искать счастія, получилъ чинъ, пошелъ въ отставку и намѣрился удалиться въ свои деревни, дабы украсить собою нашъ уѣздъ; имѣя же къ шумнымъ прощаньямъ отвращеніе, уѣхалъ изъ города, не увѣдомя ни одново своево занмодавца. Можетъ быть, по скромности ево, нравился ему также французской обычай уходить не простясь ибо, свидѣтельствуютъ достовѣрнѣйшіе маркеры, что, когда только могъ, уходилъ онъ по-французски изъ трактировъ, сколь ни убѣдительно они ему за то пеняли.

Наконецъ, удалился онъ отъ городскова шуму и вступилъ въ новое поприще для испытанія своихъ дарованій, и вы, государи мои, сами были свидѣтели, какъ сильно умѣлъ онъ ими блистать.

Едва появился онъ здѣсь, какъ объявилъ открытую войну зайцамъ и набралъ многочисленную армію псовъ; наблюдая пользу поселянъ, хотѣлъ онъ истребить весь заячій родъ и сдержалъ свое слово. Правда, многіе изъ строптивыхъ ево крестьянъ кричали, что они бы лучше хотѣли кормить зайцовъ, нежели безчисленное множество псовъ и тунеядливую шайку охотниковъ; что имъ милѣе было въ хлѣбѣ своемъ встрѣтить зайца, нежели полсотни лошадей и вдвое болѣе тово собакъ. Но герой нашъ, умѣя кстатѣ и къ мѣсту пересѣчь сихъ разсказчиковъ, укротилъ ихъ роптанія и продолжалъ непримири-

мую ненависть къ зайцамъ, какъ Аннибалъ къ римлянамъ, а чтобы вѣрнѣе ихъ выжить, то вырубилъ и продалъ свои лѣса, а крестьянъ привелъ въ такое состояніе, что имъ нечѣмъ было засѣвать поля. Съ какимъ внутреннимъ удовольствіемъ герой нашъ выѣзжалъ тогда въ поля и находилъ ихъ такъ чистыми, какъ скатерть, не тревожась сомнѣніемъ, чтобы гдѣ могъ скрыться заецъ. Въ три года обрилъ онъ такъ чисто свои земли, что неустрашимѣйшіе зайцы могли въ нихъ искать одной только голодной смерти. „Скажи“, спрашивалъ у него однажды нѣкто, „не лучше на земляхъ своихъ видѣть тысячу сытыхъ зайцовъ, нежели пять тысячъ голодныхъ крестьянъ, и не смѣшенъ ли тотъ, кто зажжетъ свой домъ, желая выжить изъ него таракановъ?“.

„Молчи только“, отвѣчалъ нашъ герой „я самъ знаю, что моимъ крестьянамъ ѣсть нечево, но еще лѣтъ пять, и зайцы позабудутъ мои земли: они будутъ бѣгать ихъ, какъ песчаной степи. А тутъ то я и обману весь этотъ родъ трусливыхъ грабителей, возстановя прежній порядокъ и изобиліе“.

Какой рѣдкой умъ, милостивые государи! имѣлъ ли кто когда-нибудь такое великое и смѣлое предпріятіе? Неронъ зажегъ великолѣпной Римъ, чтобы истребить небольшую кучку христіянъ. Іюлій побилъ множество согражданъ своихъ, желая уронить вредную для нихъ власть Помпея. Александръ прошелъ съ мечомъ чрезъ многія государства, побилъ и раззорилъ тысячи народовъ, кажется, для того, чтобы вымочить свои сапоги въ приливѣ океана и послѣ пощеголять этимъ дома. — Но всѣ эти намѣренiи и труды не входятъ въ сравненіе съ подвигами нашего героя. Тѣ морили людей, дабы пріобрѣсти славу, а онъ морилъ ихъ для тово, чтобы

Крыловъ кормитъ голубей.

Рис. Агина (1844).

(По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ „Дѣдушка Крыловъ", Спб. 1845.)

истребить зайцевъ. Но судьба, завидующая великимъ дѣламъ, не дала совершить ему своего намѣренія, подобно, какъ множеству другихъ героевъ, которые, захватя себѣ дѣлъ тысячи на двѣ лѣтъ, умирали на первомъ или на второмъ году своего предпріятія.

Вотъ, государи мои, подвиги героя, которые... Но что я вижу!

Любезные мои слушатели заснули со умиленіемъ, почтенныя головы ихъ лежатъ, какъ прекрасныя бухарскія дыни, вокругъ пуншевой чаши. Торжествуй, покойной мой другъ! Твои друзья, любя тебя, наслѣдовали твои нравы. Такъ точно нѣкогда засыпалъ ты на своихъ веселыхъ вечеринкахъ съ половину окунутымъ въ ендову[1] носомъ. Уверись, если можешь, на одну минуту отъ Плутона, взгляни изъ-подъ пола на твоихъ друзей, потомъ разскажи торжественно адскимъ жителямъ, какое пріятное дѣйствіе произвела похвала твоей памяти и пусть покосятся на тебя завидливые наши писатели, которые думаютъ, что они одни выправили отъ Апполона привиллегію усыплять здѣшній свѣтъ своими твореніями.

VII.

Каибъ.

Восточная повѣсть.

I.

Каибъ былъ одинъ изъ восточныхъ государей; имя ево наполняло вселенную. „Слава твоя“, говорилъ ему нѣкто изъ ево стихотворцевъ, “слава твоя была бы подобна солнцу, еслибы оно не заходило.“

---

[1] Большая чаша для питья.

Канбу нравились хорошія сравненія, и за это, пожаловавъ ево въ евнухи, сдѣлалъ смотрителемъ надъ своею сералью[1]. Богатства Канбовы были неисчерпаемы; дворецъ ево, говоритъ историкъ, былъ обнесенъ тысячію яшмовыхъ столбовъ, коихъ капители[2] были изумрудныя, Коринѳскаго ордена, а тумбы изъ чистова литова золота; дворецъ сей былъ сдѣланъ изъ чернова мрамора, и стѣны ево были столь гладко вылощены, что лучшія щеголихи смотрѣлись въ нихъ, какъ въ зеркало. Окны были пропорціи новѣйшей италіянскоі архитектуры, немного болѣе тово, какъ дѣлаются городскія ворота, и во всякомъ окнѣ было только по одному стеклу, но которыя были такъ тверды, что потачливѣйшіе мужья нынѣшняго времени не въ состояніи были бы прошибить ихъ своимъ лбомъ. Крышка была изъ листоваго серебра, но столь чисто отработаннаго, что часто въ ясные дни цѣлой городъ сбѣгался ко дворцу, думая, что онъ горитъ, когда всю сію тревогу производило одно ея сіяніе. Замѣть, любезной читатель, что все это говоритъ Канбовъ историкъ. Внутреннее великолѣпіе дворца поражало всякаго, кто туда ни входилъ: простолюдимовъ ослѣпляло золото, жемчугъ и каменья, коихъ было болѣе, нежели ортографическихъ ошибокъ въ нашихъ новыхъ писателяхъ. Знатоковъ привлекало искусство, блистающее во всѣхъ украшеніяхъ дворца: тамъ развѣвали завѣсы изъ непроницаемаго штофу[3], которой былъ толще всѣхъ четырехъ частей „Бесѣдующаго Гражданина“[4], переплетенныхъ вмѣстѣ; тамъ блистала рѣзьба, отдѣланная съ такою чистотою, что никакой бы авторъ не пожелалъ видѣть лучшей чи-

[1] Гаремъ.
[2] Верхнія части колоннъ, съ завитушками.
[3] Плотная шелковая матерія, затканная цвѣтами.
[4] Плохой журналъ, издававшійся въ 1789 г. М. И. Антоновскимъ.

стоты на переплетѣ своихъ сочиненій; многія комнаты украшены были живописью, обманывающею зрѣніе, и надобно отдать справедливость Канбу, что хотя не пущалъ онъ ученыхъ людей во дворецъ, но изображенія ихъ дѣлали не послѣднее украшеніе ево стѣнамъ. Правда, стихотворцы ево были бѣдны, но безмѣрная щедрость ево награждала великой ихъ недостатокъ: Канбъ велѣлъ рисовать ихъ въ богатомъ платьѣ и ставить въ лучшихъ комнатахъ своево дворца ихъ изображенія, ибо онъ искалъ всячески поощрять науки. И подлинно, не было въ Канбовомъ владѣніи ни одново стихотворца, которой бы не завидовалъ своему портрету. Въ другомъ мѣстѣ, продолжаетъ историкъ, видны были изъ драгоцѣнныхъ перьевъ чучелки, сдѣланныя съ такимъ вкусомъ, что сколько ни старались придворныя дамы подражать имъ въ пестротѣ своихъ одеждъ, но часто съ досадою видѣли, что на прекрасныхъ чучелокъ любовались болѣе, нежели на нихъ. Въ иныхъ мѣстахъ рѣзвились на золотыхъ цѣпочкахъ забавныя обезьяны, которыя кривлялись съ такою пріятностію, что искуснѣйшіе придворные ставили за честь у нихъ перенимать, а нерѣдко, по слабости человѣческой, выдумки обезьянъ выдавали за свои, отъ чево между тогдашнихъ обезьянъ и придворныхъ была великая вражда, о коей исторію въ тридцати шести томахъ въ листъ издала тамошняя академія[1]. Тамъ, на великолѣпныхъ пьедесталахъ, блистали Канбовыхъ предковъ бюсты, которые высокостью работы не уступали своимъ высокимъ подлинникамъ. Внутреннія комнаты ево убраны коврами столь рѣдкой красоты и цѣны, что величайшіе цари, современники Канбовы,

[1] Обычная у Крылова ироническая выходка противъ Академіи.

пріѣзжали играть на нихъ шемелой и приказывали исторіографамъ записывать это въ число величайшихъ своихъ подвиговъ. Зеркала ево хотя были по двѣнадцати аршинъ длиною, изъ чистой стали, но не столько почитались рѣдкими по своей величинѣ, какъ по свойству, данному имъ нѣкоторою волшебницею: зеркала сіи имѣли даръ показывать вещи въ тысячу разъ прекраснѣе, нежели онѣ есть: старикъ видѣлъ себя въ нихъ молодымъ красавцемъ, извѣшалая кокетка — пятнадцатилѣтнею дѣвушкою, уродъ — пригожимъ, а разгильдяй — ловкимъ. Со всѣмъ тѣмъ Канбъ никогда въ нихъ не смотрѣлся, а держалъ для однихъ своихъ придворныхъ, и то для тово, чтобъ забавляться, видя, какъ отвратительнѣйшія лица передъ сими зеркалами спорятъ о своей красотѣ и заводятъ ссоры, которыми Канбъ любовался. Тысячи попугаевъ говорили въ ево клѣткахъ скоропостижныя вирши [1]; многіе изъ сихъ попугаевъ были краснорѣчивѣе тогдашнихъ академиковъ, хотя академія Канбова почиталась первою въ свѣтѣ потому, что ни въ какой академіи не было такова богатова набора плѣшивыхъ головъ, какъ у нево, и всѣ они бѣгло читали по толкамъ [2], а иногда очень чотко писали къ пріятелямъ письмы. Со всѣмъ тѣмъ многіе уступали въ краснорѣчіи попугаямъ, изъ коихъ многихъ Канбъ, любя ученость, сдѣлалъ членами академіи только за то, что они умѣли выговаривать чистенько то, что выдумалъ другой. Что жъ до изобилія, то Канбовъ дворъ превосходилъ онымъ всѣ восточные дворы, и послѣдній ложкомой Канбовъ ѣлъ вкуснѣе, нежели у Гомера цари. Календарь Канбова двора былъ

[1] Экспромты.
[2] По складамъ.

составленъ изъ однихъ праздниковъ, и будни были тамъ рѣже, нежели именины Касьяновъ[1].

Сераль ево былъ наполненъ первыми красавицами въ свѣтѣ, изъ коихъ не было ни одной старѣе семнадцати лѣтъ. Сколь фабрики ни стараются нынѣ доходить до совершенства въ составленіи румянъ, но лучшія румяны показались бы дикими въ сравненіи съ природнымъ румянцемъ послѣдней изъ ево султанишъ. Дѣвушки ево не портили своихъ прелестей излишними жеманствами; онѣ не падали въ обморокъ отъ пауковъ и таракановъ, для того, чтобы разметаться пріятнымъ для глазъ образомъ. Когда находила на нихъ задумчивость, столь обыкновенная семнадцатилѣтнему женскому возрасту, то не принимали онѣ чистительнова, чтобы имѣть лучшій цвѣтъ лица. Великолѣпныя ево конюшни наполнены были рѣдкими лошадьми, которыя были статнѣе нашихъ щегольковъ и послушнѣе первыхъ ево визирей[2]. Ледники ево трещали подъ тяжестью вкуснѣйшихъ винъ. Сами боги, говорятъ, съ удовольствіемъ напивались въ ево погребахъ до-пьяна, и предпочитали вины ево нектару[3], которой опостылѣлъ имъ съ тѣхъ поръ, какъ стихотворцы начали разливать ево своимъ героямъ такъ же небрежно, какъ бабы льютъ коровамъ помои.

Весь свѣтъ, взирая на Канба, почиталъ ево счастливымъ; типографщики наживались, издавая претолстыя книги о ево блаженствѣ. Когда стихотворцы тогдашнего времени хотѣли описать торжества боговъ и райскія веселія, то не иначе къ тому приступали, какъ доставши черезъ какова-нибудь евнуха

---

[1] Разъ въ четыре года.
[2] Приближенныхъ, министровъ.
[3] Питье боговъ.

случай втереться между музыкантовъ, чтобы посмотрѣть придворнаго великолѣпія и серальскихъ праздниковъ; однакожъ, и на то не смотря, описанія ихъ божескихъ пировъ часто пахли гнилою соломою, на которой они сочинены. Весь свѣтъ кричалъ, что Канбъ счастливъ, и одинъ только Канбъ зналъ, что это неправда; но онъ никому этова не говорилъ, боясь, чтобы не сочли ево неблагодарнымъ противу благодѣяній судьбы, чево онъ всегда остерегался. Онъ часто въ своихъ стихотворцахъ читалъ описанія своего счастія, и смѣялся пустому ихъ воображенію; или иногда завидывалъ, для чево не былъ онъ такъ же слѣпъ, какъ они, чтобъ видѣть себя только со счастливой стороны. Какъ бы то ни было, а Канбъ не столько былъ счастливъ, сколько о немъ кричали; въ сердцѣ ево оставалась какая то пустота, которую не могли дополнить окружающіе ево предметы. Придворные господчики, женщины, обезьяны, попуган — ничто ево не увеселяло: на все это съ высокаго своего престола смотрѣлъ онъ позѣвывая; иногда улыбался на скочки обезьянъ или на кривлянья придворныхъ, но въ сихъ улыбкахъ видно было болѣе сожалѣнія, нежели удовольствія.

Весь дворъ примѣчалъ, что онъ былъ задумчивъ, но никто не могъ выдумать, чѣмъ бы ево позабавить; и оберъ-шутъ ево двора, которой былъ шутоватѣе всѣхъ италіянскихъ оперъ вмѣстѣ, съ отчаяніемъ видѣлъ, что высочайшій ево владѣтель уже два мѣсяца не давалъ ему щелчковъ по носу; всѣ это замѣтили и заключили, что онъ уже не въ такой большой силѣ у двора, какъ былъ за два мѣсяца, когда, къ досадѣ своихъ завистниковъ, всякой день получалъ онъ пиковъ по двадцати въ задъ, по стольку жъ щелчковъ по носу, и показывалъ

всѣмъ на бокахъ своихъ знаки Канбовой къ себѣ милости.

Но что была за причина Канбовой скуки? Вотъ чево никто не зналъ, а что всево чудиѣе, то это и самому ему было неизвѣстно. Онъ чувствовалъ, что ему чево то недостаетъ, но не могъ познать, въ чемъ этотъ недостатокъ. Ему казалось, что онъ одинъ во всей вселенной, или, что еще ближе, какъ будто былъ иностранецъ между милліонами людей, имъ одолженныхъ, которые не могли ево разумѣть, ни помочь ево скукѣ.

Сперва подумалъ онъ, что сему причиною любовныя желанія, и бросился искать счастія въ сералѣ; но самыя скромныя дѣвушки показались ему кокетками, которыя, желая ему угодить, искали только своей пользы. Правда, всякая изъ нихъ хотѣла, чтобъ на нее брошенъ былъ султанской платокъ[1]; но часто болѣе для тово, чтобы тѣмъ досадить своей совмѣстницѣ, нежели сдѣлать ево счастливымъ. Желаніе ему нравиться было смѣшано во всѣхъ сердцахъ съ желаніемъ корысти или съ честолюбіемъ. Онъ замѣтилъ по повторенію, что всѣ привѣтствія, всѣ ласки выучены были наизусть, и въ мѣсяцъ сераль такъ ему наскучилъ, что онъ пересталъ въ нево заглядывать, и заключилъ, что не съ этой стороны долженъ искать счастія.

Канбъ вздумалъ потомъ, что скорѣе всево разгонитъ грусть свою новыми побѣдами; повелѣлъ — и вдругъ армія, многочисленнѣе древней, Ксерксовой, и не уступающая въ храбрости грекамъ, умершимъ при Термопилахъ[2], была готова и двинулась собирать лавры. Война загорѣлась, — открылось поле

[1] Знакъ выбора мужемъ одной изъ женъ на востокѣ, въ гаремѣ.
[2] Битва при Термопилахъ (грековъ съ персами) въ 481 г. до Р. Хр.

славы для героевъ и для стихотворцевъ; сочинители мелкова разбору зачали заготовлять пирамиды одъ, надѣясь, при первомъ случаѣ, сбыть ихъ за хорошую цѣну. Многія жены посѣдѣлыхъ героевъ заранѣе любовались передъ зеркалами, сколь пристанетъ къ нимъ трауръ, и твердили науку упадать въ обморокъ, чтобы пользоваться ею, когда принесутъ къ нимъ вѣсть о кончинѣ ихъ мужей; купцы возвысили цѣну на черныя матеріи; сочинители эпитафій сдѣлались неприступны.

Первыя двѣ побѣды, одержанныя Канбовыми войсками, привели ево въ восхищеніе; третью новость о побѣдѣ слушалъ онъ равнодушнѣе; наконецъ, зачалъ уже зѣвать, слушая такія новости, и рѣшился дать свѣту отдыхъ. Войски возвратились, обремененыя славою и корыстями, а Канбова зѣвота не уменьшилась, и онъ не безъ зависти взиралъ, что полунагіе стихотворцы ево болѣе ощущали удовольствія, описывая ево изобиліе, нежели онъ, ево вкушая.

Въ одну ночь, удивляясь неодолимой своей скукѣ, ворочался Канбъ на своихъ пышныхъ пуховикахъ, и сонъ, какъ будто не смѣя войти въ царскую спальну, заставлялъ храпѣть въ ближней комнатѣ ево служителей. Вдругъ увидѣлъ онъ, что ево любимецъ котъ гонялся за мышью. Она всячески старалась отъ нево увернуться. Такъ точно часто челобитникъ желаетъ увернуться отъ подарки своему судьѣ; но напрасно заговариваетъ онъ съ нимъ о нурной погодѣ и о хорошей, о старыхъ временахъ и о нынѣшнихъ; хотя бы заговорилъ онъ съ нимъ о Эмпедокловыхъ туфляхъ[1], взяткобратель и отъ нихъ искусно склонитъ рѣчь на то, что ему надобны деньги. То

[1] См. начало „Почты духовъ“.

же происходило и у мыши съ котомъ: стараясь его обманывать, она металась въ разныя стороны, искала спасенія по всѣмъ угламъ ... и вдругъ вскочила къ султану на кровать. Какая бы красавица утерпѣла при семъ прекрасномъ случаѣ, чтобы не броситься съ постели стремглавъ, не поднять содому, не скликать весь свѣтъ, ежели можно, и, наконецъ, чтобы потомъ не упасть раза два, три въ обморокъ? Но Канбъ былъ неустрашимъ: онъ не боялся мышей, пауковъ, таракановъ, и съ радостію бѣдную мышку принялъ подъ свое покровительство; притомъ же начитался (ибо онъ любитъ учености), и „Тысячу одну Ночь“ всю зналъ наизусть; онъ начитался, что въ такихъ случаяхъ дѣлаются великія чудеса, какъ прекрасная Шехеразада[1] — сей неподражаемой историкъ его предковъ — свидѣтельствуетъ; а Канбъ вѣрилъ сказкамъ болѣе, нежели Алкорану,[2] для того что онѣ обманывали несравненно пріятнѣе.

Дѣло и подлинно кончилось чудомъ. Менѣе нежели въ минуту, гонимая мышь превратилась въ прекрасную женщину. Какой вздоръ! скажетъ любезной мой читатель, но прошу не дивиться: въ Канбовъ вѣкъ была такая мода на чудеса, какъ нынѣ на англинскія шляпки, и тотъ домъ, въ которомъ не случилось въ недѣлю по крайней мѣрѣ два чуда, былъ такъ же смѣшонъ, какъ нынѣ домъ, гдѣ не играютъ въ карты.

„Канбъ“, сказала ему превращенная женщина; „ты спасъ мнѣ жизнь; должно, чтобъ я усладила твою: благодѣяніе раждаетъ благодарность. Проси отъ меня, чево ты хочешь, и я въ минуту исполню

---

[1] Отъ ея имени ведутся сказки сборника „Тысяча и одна ночь“.

[2] Коранъ, священная книга магометанъ.

твое желаніе, хотя бы оно цѣлило на богатства всево свѣта.“

— „Великодушная Фея!“ вскричалъ удивленный Канбъ: „не имѣю я нужды въ сокровищахъ; они столь велики, что сколь визири меня ни обворовываютъ, но ущербъ въ нихъ такъ же мало примѣтенъ, какъ ущербъ въ Эзоповой рѣкѣ, которую хотѣли выпить жадныя собаки[1]; и я надѣюсь, что мои собаки такъ же перелопаются прежде, нежели вылакаютъ море моихъ сокровищъ. Изъ сево можешь ты заключить, нужно ль мнѣ желать ихъ болѣе? Сколь ни безцѣнною великой нашъ Муфтій[2] почитаетъ свою бороду, но еслибы захотѣлъ я соблазнить честнова этова старца, то бы всю ее могъ скупить по волоску, нимало не разстроивъ своихъ богатствъ. У меня нѣтъ также недостатка въ красавицахъ: природа меня не обидѣла, и мой взглядъ еще не находилъ ни одной спорщицы въ любви, — столько то одаренъ я способностію нравиться! Впрочемъ, состояніе мое столь блестяще, что спустя еще семьдесятъ лѣтъ не будетъ при моемъ дворѣ ни одной Венеры, которая бы не захотѣла меня имѣть своимъ Адонисомъ[3]; и хотя природа станетъ имъ противорѣчить, но воображеніе, конечно, ее побѣдитъ. Можетъ быть, пожелалъ бы я славы; но стихотворцы мои, хотя и спятъ сами на открытомъ воздухѣ, а мнѣ настроили столько храмовъ славы, что еслибы можно было ихъ составить вмѣстѣ на землѣ, то бы вышелъ изъ нихъ городъ пространнѣе Пекина и великолѣпнѣе древняго Рима. Итакъ, ты видишь, что мнѣ ни въ чемъ нѣтъ недостатка. Со всѣмъ

---

[1] Одна изъ басенъ Эзопа.

[2] Судья, имѣющій у магометанъ и религіозное значеніе.

[3] Богиня Венера была влюблена въ молодого красавца Адониса.

тѣмъ я зѣваю, и по этому то одному догадываюсь, что мнѣ чево-нибудь недостаетъ; но что это такое, того ученѣйшіе изъ моихъ подданныхъ отгадать не могутъ". —

„Канъ", сказала ему волшебница, „желаніе твое исполнится: я знаю, что нужно къ твоему блаженству. Исполни, что написано на этомъ перстнѣ" (при семъ подала она ему перстень). „Завтра поутру начни свой трудъ; но берегись его оставить. Какъ же скоро успѣхъ увѣнчаетъ его, то не будетъ человѣка на землѣ, которой бы могъ съ тобою сравняться блаженствомъ. Прости и помни, что я всегда готова къ тебѣ на помощь. Какъ же скоро буду я тебѣ нужна для какова-нибудь совѣту, то вотъ тебѣ цѣлой томъ отъ одного изъ безпріютныхъ строгелей храмовъ славы: едва прочтешь ты одну строфу, какъ на тебя найдетъ безпамятство; въ сіе то время буду я тебѣ являться и давать нужныя наставленія. — Прости, государь!" повторила волшебница и въ мигъ исчезла.

Канъ, отворотясь къ стѣнѣ, захрапѣлъ, оставя до утра изслѣдованіе дѣла; онъ даже — подпивъ прекрасной и любопытной полъ! — онъ даже не посмотрѣлъ, что написано на перстнѣ.

На другой день нашелъ онъ на немъ вырѣзанныя сіи слова: „Страшай не медля и ищи человѣка, которой бы назывался твоимъ врагомъ, не зная, что тебя любитъ, и которой бы тогда жъ назывался твоимъ другомъ, не зная, что тебя ненавидитъ. Тотъ, въ которомъ увидишь ты сіе противорѣчіе, одинъ можетъ избавить тебя отъ твоей заботы." Вотъ довольно огромная для перстня надпись! скажетъ критикъ ... Можетъ ли она умѣститься на перстнѣ? Это невѣроятность! Очень сожалѣю, когда свѣтъ

нынѣ такъ испортился, что не вѣрить сказкамъ. Впрочемъ, вообрази, милостивой государь мой, такой перстень, на которомъ бы вся эта надпись помѣстилась, и критика исчезнетъ. — „Но гдѣ же взять такую руку, которой бы въ пору былъ этотъ перстень?" спросятъ меня опять. О! кто знаетъ Голіафа и Атланта[1], тотъ повѣритъ, что на ихъ перстняхъ можно было уписать болѣе, нежели на надгробныхъ доскахъ людей нынѣшнихъ вѣковъ.

„Милостивѣйшій государь!" сказалъ Канбу шуту, увидя сію надпись: „перстень этотъ есть явное на меня гоненіе моихъ непріятелей". — „Почему ты это думаешь?" — спрашивалъ его Канбъ. „Повелитель правовѣрныхъ!" продолжалъ шутъ: „тебѣ совѣтуютъ лѣчиться отъ скуки и не прописываютъ меня лѣкарствомъ: не явное ли это желаніе унизить мой санъ и силу? Какъ будто бы моя священная должность — смѣшить Ваше Величество — ничего не значила!" — „Не опасайся", отвѣчалъ Калифъ: „изо всѣхъ моихъ визирей никто такъ хорошо, какъ ты, сорокою не скачетъ; итакъ, мои милости къ тебѣ неноколебимы." — Еще слово, государь", „вскричалъ шутъ, цѣлуя его полу: „время, пожирающее все, можетъ и меня лишить моихъ способностей служить вашему величеству, и я потеряю свою легкость; опасаясь, чтобъ враги мои тогда не восторжествовали, предпріялъ я заранѣе оставить дворъ". — „Пустое, пустое!" кричалъ Канбъ: „развѣ не можешь ты при моемъ дворѣ сыскать дѣла? Выучись къ тому времени ползать черепахою". — Шутъ еще разъ поцѣловалъ полу его одежды, а Канбъ не сказавъ истиннаго пропсшествія своего перстня

[1] Великаны древнихъ преданій.

зачалъ въ самомъ дѣлѣ заниматься своимъ предпріятіемъ.

II.

На другой день Канбъ созвалъ свой диванъ[1], чтобы подумать обстоятельнѣе о своемъ важномъ предпріятіи. Надобно примѣтить, что Канбъ ничево не начиналъ безъ согласія своево дивана; но какъ онъ былъ миролюбивъ, то, для избѣжанія споровъ, начиналъ такъ свои рѣчи: „Господа! я хочу тово то; кто имѣетъ на сіе возраженіе, тотъ можетъ свободно ево объявить: въ сію жъ минуту получитъ онъ пятьсотъ ударовъ воловьею жилою по пятамъ, а послѣ мы разсмотримъ ево голосъ". Такимъ удачнымъ предисловіемъ поддерживалъ онъ совершенное согласіе между собою и совѣтомъ и придавалъ своимъ мнѣніямъ такую вѣроятность, что разумнѣйшіе изъ дивана удивлялись ихъ премудрости. И для тово то хотя иногда теряѣтъ онъ визирей съ крѣпкою головою, но не могъ теряѣть тѣхъ, у конхъ крѣпки были подошвы. „Такіе люди", говаривалъ онъ, „всегда думаютъ, что они умнѣе другихъ, и они для меня не годятся. Мнѣ надобны визири, у которыхъ бы разумъ, безъ согласія ихъ пятокъ, ничево не начиналъ". Теперь, любезной читатель, можемъ мы продолжать нашу повѣсть.

Канбъ представилъ, что ему нужно выѣхать изъ города тайно мѣсяцевъ на восемь или болѣе; что отъ этова зависитъ ево спокойствіе, а, слѣдственно, благополучіе цѣлова государства; что въ сіе время не можетъ онъ управлять никакими дѣлами; что болѣе всево нужно скрыть ево путешествіе отъ народа и, слѣдственно, не останавливать никакихъ тѣлъ: что,

[1] Совѣтъ восточныхъ государей.

наконецъ, во всемъ этомъ полагается онъ на ихъ разсужденіе.

Диванъ раздѣлился на двѣ стороны; одни говорили, изъ учтивости, что Калифъ нуженъ государству, и что оно не можетъ обойтись безъ его высокой особы такъ долгое время; другіе говорили, изъ учтивости же, что онъ можетъ исполнить свое предпріятіе, и что государство ничего не потеряетъ, если онъ отлучится на нѣсколько мѣсяцевъ. Какъ дали имъ волю спорить и между тѣмъ занимался будущимъ своимъ путешествіемъ. Наконецъ, наскучя шумомъ, сказалъ: „Господа, я такъ хочу!“ Визири перваго мнѣнія, вспомня, что у нихъ есть пятки, согласились съ визирями послѣдняго мнѣнія. Путешествіе было опредѣлено.

„Друзья мои!“ сказалъ Калифъ, „я признателенъ къ вашей сговорчивости; и хотя ни у какова Калифа люди за слово такъ не получаютъ столь большова жалованья, какъ у меня: хотя никакой султанъ не содержитъ такова числа полезныхъ государству людей, при важной должности выговаривать чисто такъ: но вы столь усердно исполняете свое почтенное званіе, что я охотнѣе издерживаю деньги на васъ, нежели на лучшихъ аравскихъ лошадей и китайскихъ куколъ. Изъ сево вы можете заключить, какъ пріятно мнѣ всегда видѣть у двора своево разумныхъ людей, коихъ премудрые совѣты полезны государству столько же, сколько скотные дворы полезны хлѣбопашеству“.

Чувствительные визири были тронуты до слезъ такою похвалою, а Калифъ, улыбаясь, продолжалъ: „Итакъ, когда вы согласны, то ничто уже не остановитъ моево путешествія. Но мнѣ еще нуженъ благоразумный вашъ совѣтъ. Я уже сказалъ, что

отъѣздъ мой должно скрыть отъ народа и что нужно не оставлять государственныхъ дѣлъ; а къ сему то я еще никакихъ способовъ не выдумалъ; и еслибъ я не надѣялся на ваше остроуміе, то бы отчаялся согласить эти двѣ вещи. Итакъ, любезные визири, присовѣтуйте мнѣ, кто изъ васъ какъ думаетъ? Тому же, кто лучшее подастъ мнѣніе въ сихъ важныхъ обстоятельствахъ, обѣщаю я подарить полное собраніе арапскихъ сказокъ въ богатомъ сафьяномъ переплетѣ и переводъ Конфуція [1], писанной въ листъ, на такой твердой бумагѣ, изъ которой можно сдѣлать прекрасные летучіе змѣи".

Визири всѣ видали переводъ Конфуція, были охотники спускать змѣи, и не менѣе любили арапскія сказки. Богатое обѣщаніе щедраго Канба воспламенило ихъ воображеніе, и они всѣ пошли на голоса.

Первый былъ Дурсанъ, человѣкъ большихъ достоинствъ; главное изъ нихъ было то, что борода ево доставала до колѣнъ и важностію походила на бунчукъ [2]. Калифъ самъ хотя не имѣлъ большей бороды, но онъ зналъ, что такія осанистыя бороды придаютъ важность дивану, и потому то возвышалъ Дурсана по мѣрѣ, какъ выростала ево борода; а когда, наконецъ, достала она до пояса, тогда допустилъ онъ ево въ свой диванъ. Дурсанъ, съ своей стороны, не былъ безпеченъ: видя, что судьба назначила ево служить отечеству бородою, ходилъ онъ за нею болѣе, нежели садовникъ за огурцами, и до послѣдняго волоска держалъ на счету. Впрочемъ, дѣлалъ онъ много важныхъ услугъ отечеству: когда

[1] Величайшій китайскій философъ.

[2] Знакъ власти у турецкихъ пашей (конскій или бычачій хвостъ посаженный на изукрашенное древко).

бывалъ при дворѣ праздникъ, тогда наряжался онъ пышнѣе всѣхъ женщинъ: и когда у Калифа случалась безсонница, тогда сказывалъ онъ ему сказки. Сей то знаменитой мужъ началъ такимъ образомъ:

— „Великой обладатель Океана, самовластной повелитель извѣстныхъ и неизвѣстныхъ земель, и законной наслѣдникъ всѣхъ монархій, какія только будутъ открыты! Для такой мелкой словесной твари, какъ я, велико уже и то снисхожденіе, что ты попускаешь ей думать; но съ чѣмъ могу сравнить мое блаженство, когда ты, великой монархъ, позволяешь мнѣ объяснить предъ тобою мысли мои и, что еще болѣе, требуешь моево совѣта? Но солнце можетъ ли отъ земли заимствовать свѣтъ? Нѣтъ, великой обладатель правовѣрныхъ! Подобно я не рожденъ ни думать, ни говорить предъ тобою, ниже знать, что ты думаешь! Голова твоя такъ же непостижима, какъ священной нашъ Коранъ; а голова моя предъ тобою то же, что подушка, на которой я сижу: оба мы счастливы твоею щедростію, и лизать прахъ ногъ твоихъ — есть священнѣйшая и важнѣйшая моя должность, коею наградилъ ты слабыя мои способности. Велико уже и то мое счастіе, когда употребляешь ты меня вмѣсто морской трубы, чтобы объявлять мною рабамъ свои повелѣнія“. — „Это все правда, любезной Дурсанъ“, отвѣчалъ Калифъ: „я радуюсь, видя, что ты помнишь свои права ... Но иногда философъ видитъ передъ собою пылинку, которую пренебрегаетъ; потомъ, всматриваясь, познаетъ, что пылинка эта двигается; наконецъ, разбирая далѣе, узнаетъ въ ней тварь чувствующую и находитъ, что сколь ни мало это несѣкомое, но оно можетъ приносить ему пользу. Мы, калифы, обязаны вамъ, людямъ, такою же справедливостію. Часто, смотря на

васъ, пресмыкающихся, сомнѣваемся мы, можете ли вы думать; но, разсматривая далѣе, находимъ, что и вы иногда удобны разсуждать; и хотя неоспоримо, что мозгъ вашъ не можетъ быть такой же доброты, какъ мозгъ потомковъ великаго Магомета, избираемыхъ управлять вселенною, со всѣмъ тѣмъ и ваши разсужденія можно иногда употреблять съ пользою: и они бываютъ довольно изрядны, а особливо въ сравненіи съ разсужденіями черни, такъ что, подъ нашимъ смотрѣніемъ, дѣйствительно можно дозволять вамъ мыслить. Итакъ, любезные визири, скажите мнѣ ваши мнѣнія. Не опасайтесь, если и глупо вздумаете: я знаю, что вы люди; природа не создала васъ калифами". Послѣ такой скромной рѣчи Кайбъ обратился къ Дурсану, чтобы ево дослушать.

— „Когда обладатель земли повелѣваетъ мнѣ объявить мои мнѣнія", говорилъ Дурсанъ, „то, волю ево ставя своимъ закономъ, скажу устами, что чувствую сердцемъ. Итакъ, государь, пѣть большихъ препятствъ ни скрыть путешествія твоево отъ народа, ни продолжать государственныхъ дѣлъ. Для перваго нужно немедленно выдать повелѣніе, чтобы подданные твои падали ницъ на землю, когда мимо ихъ будешь проѣзжать, и, подъ опасеніемъ смертной казни, страшились бы на тебя взирать. Если повелитель правовѣрныхъ дозволитъ, то я беру на себя сочинить сіе повелѣніе, въ которомъ докажу ясно, какъ непростительно дерзновеніе знать въ лицо обладателя подлуннаго свѣта, и сколь велико оскорбленіе священной ево особы, если черты ея впечатлѣваются на грязномъ мозгу простолюдина; сколь, напротивъ того, спасительно валяться на землѣ, уткнувшись носомъ въ грязь, когда проѣзжаетъ мимо

великой повелитель морей и суши. Потомъ, государь, дабы пріучить къ сему твоихъ подданныхъ, можешь ты сдѣлать нѣсколько выѣздовъ по городу, и стоитъ только повѣсить первую дюжину любопытныхъ, чтобы достальному числу вѣрныхъ рабовъ твоихъ отбить охоту подымать взоры до священнаго чела твоего. Послѣ сего можешь ты спокойно ѣхать. Мы же, одѣвши пышно куклу, будемъ привязывать ее къ твоей верховой лошади и возить всякой день по городу, возвѣщая народу, что это ты самъ ... Всѣ упадутъ ницъ; и тотъ будетъ великой чародѣй, кто затѣмъ узнаетъ разницу между куклою и твоею священною особою. Сіе можемъ мы продолжать до твоево возвращенія. Если же къ куклѣ сей придѣлать такіе величественные усы, какими ты удивляешь вселенную и превосходишь всѣхъ монарховъ, то тайна будетъ еще непостижимѣе. Что жъ до правленія дѣлъ, то можешь ты, до возвращенія своево, поручить ихъ тому, кому болѣе всево довѣряешь; и неизлишнее бы было, еслибъ выборъ твой, въ такомъ важномъ случаѣ, палъ на человѣка достойнаго, съ почтенною бородою, коея длина была бы мѣрою ево глубокомыслія и опытности. Ибо, великой государь, непокорившіяся сердца смотрятъ на длинную бороду, какъ на хорошей аттестатъ, данной природою. Такой человѣкъ пусть именемъ твоимъ производитъ дѣла и даетъ повелѣнія, коихъ вся добрая слава упадетъ на тебя, и никто изъ народа не примѣтитъ твоево отсутствія“. — Дурсанъ замолчалъ и началъ разглаживать длинную свою бороду.

„У тебя довольно пылкое воображеніе“, сказалъ калифъ: „и еслибъ я былъ болѣе горѣ, то бы употребилъ твои совѣты: но, любезной Дурсанъ, мнѣ

не нравится, чтобы мои народы валялись по грязи во время моихъ выѣздовъ. Мнѣ пріятнѣе, когда подданные мои продираются другъ сквозь друга меня смотрѣть и послѣ спорятъ, изъ какова вещества я созданъ: мнѣ очень мило слышать, какъ одни говорятъ, что я весь вылитъ изъ серебра, другіе, что я скованъ изъ золота; что я за тысячу миль вижу блоху такъ же свободно, какъ будто бы сидѣла она у меня на носу, и что я одинъ въ день столько же могу съѣсть, сколько цѣлая армія въ недѣлю, не опасаясь никакова отягощенія въ желудкѣ. Такія прекрасныя разсужденія и заключенія меня забавляютъ, и мнѣ жаль отнять у народа свободу меня смотрѣть, когда онъ съ такимъ успѣхомъ въ меня вглядывается и смѣшитъ меня иногда до слезъ своими догадками. Нѣтъ, нѣтъ, выдумайте другое средство; а это столь сурово, что я по любви своей къ моимъ мусульманамъ никогда ево не употреблю".

Тогда Ослашидъ, первой по Дурсанѣ, разгладилъ на обѣ стороны свои усы, растворилъ ротъ и началъ ... Но, любезной читатель, позволь мнѣ познакомить тебя и съ этимъ визиремъ. Рѣчь сильнѣе дѣйствуетъ, если оратора намъ извѣстенъ.

Ослашидъ еще за триста лѣтъ до своево рожденія предназначенъ былъ играть не послѣднее лицо въ диванѣ, ибо онъ былъ изъ потомковъ Магомета, и бѣлая чалма[1], которую надѣли на него при рожденіи, давала ему право на большія степени и почести. Правда, что голова ево не знаетъ, какъ она попала въ бѣлую чалму, дающую право на такія выгоды, а душа ево не знаетъ, какъ она попала въ голову, имѣющую право на бѣлую чалму; но Осла-

[1] Головной уборъ мусульманъ, посѣщавшихъ Мекку. Въ данномъ случаѣ, у Крылова, знакъ знатнаго происхожденія.

шидъ былъ вѣрной музульманинъ: онъ, не изслѣдывая своихъ правъ, старался только ими пользоваться, и сохранялъ теплую вѣру, что судьба имѣла свои разсчеты надѣть на нево бѣлую чалму и произвести на свѣтъ обладателемъ великихъ сокровищъ. Не вмѣшиваясь въ виды ея, онъ ставилъ правиломъ проживать свои сокровища, какъ истинной музульманинъ. Ослашидъ имѣлъ у себя прекрасной сераль, множество евнуховъ, еще болѣе невольниковъ-христіанъ, которыхъ прилежно сѣкалъ за то, что они не принимаютъ ево закона и не могутъ понять тово, чево онъ самъ никогда не понималъ. Онъ дивился, какъ люди могутъ не вѣрить [1], что въ обыкновенной рукавъ можно запрятать луну, которая въ діаметрѣ имѣетъ не болѣе 473 нѣмецкихъ миль, и говорилъ, что для вѣрнова музульманина очень легко вообразить, какъ въ одну ночь льзя проѣхать болѣе, нежели сколько пушечное ядро можетъ, со всею своею скоростію, пролетѣть въ 500,000 лѣтъ и имѣть еще довольно досугу понадѣлать на все историческія замѣчанія. Словомъ, Ослашидъ вѣрилъ всему съ удивительною способностію, и это было первое ево достоинство у двора, которое заставляло въ немъ терпѣть множество другихъ недостатковъ. Сей то достойной визирь началъ такъ свою рѣчь:

— „Истинной потомокъ великаго пророка, блистательный калифъ, снисходящій по прямой линіи отъ просвѣтителя вселенной, Магомета, — ибо я несомнѣнно вѣрю, что, начиная отъ ево женъ, жены всѣхъ предковъ твоихъ были столь же вѣрны, каковыми обѣщаются быть намъ райскія гуріи [2], и что

---

[1] Дальше насмѣшка надъ нѣкоторыми магометанскими религіозными преданіями и вѣрованіями.

[2] Красавицы магометанскаго рая.

твое родословное дерево не покривлено ни одною женою твоихъ предшественниковъ; и потому то право твое повелѣвать нами столь же священно, какъ право самаго Магомета, для рабства коему создань весь міръ, — повелитель правовѣрныхъ, имѣющій власть связывать и разрѣшать руки и мысли, власть неоспоримую, которая, съ помощію благословенія Пророка, поддерживается 500,000 вооруженныхъ музульманъ, почитающихъ счастіемъ перерѣзать горло тому, кто вздумаетъ отымать у тебя право ихъ перевѣшать; обладатель самовластной великаго быка, на рогахъ котораго взоткнуты твои пространныя владѣнія, — великой Калифъ! удостой выслушать мнѣніе послѣдняѣйшаго изъ твоихъ рабовъ!

— Сколь ни премудръ совѣтъ Лурсана, но, мнѣ кажется, нѣтъ нужды заводить такихъ большихъ обрядовъ съ народомъ, а особливо, когда человѣколюбіе твое признаетъ ихъ суровыми. Всево лучше, великой калифъ, выѣхать тебѣ въ путь сколь можно великолѣпнѣе; но при самомъ выѣздѣ за ворота объявить своимъ подданнымъ, что ты, любя свою столицу, ни куда не намѣренъ отъ нея отлучаться. И тогда, хотя весь городъ будетъ видѣть, что ты удаляешься, но рабы твои, конечно, повѣрятъ тебѣ болѣе, нежели своимъ глазамъ, и будутъ твердо увѣрены, что ты здѣсь, тогда, какъ будешь ты осчастливливать своимъ присутствіемъ другую половину земнаго шара. Притомъ же, отъѣзжая, можешь имъ сказать, что ты всякую недѣлю одинъ разъ будешь проѣзжаться по городу, и назначить день, въ которой послѣ мы можемъ водить по улицамъ подъ уздцы верховую твою лошадь. Хотя тебя на ней не будетъ, но рабы твои согласятся скорѣе повѣрить, что они всѣ вдругъ ослѣпли, нежели подумать,

что ты не самъ, высочайшею своею особою, сидишь на лошади, которую почтутъ они счастливѣйшею изъ всѣхъ чувствующихъ тварей, для того, что она носитъ на себѣ величайшаго въ свѣтѣ калифа. Что же до дѣлъ, то также можешь ты сказать, что всѣ дѣла, которыя рѣшатся въ такое то время, будутъ непосредственно разсматриваемы и рѣшены тобою. Словомъ, можешь ты заключить, что всякой тотъ преступникъ, кто въ сіе время осмѣлится, повѣря пяти своимъ чувствамъ, усумниться въ твоихъ словахъ. Такая рѣчь, величайшій калифъ, произведетъ чудеса, и выѣздъ твой для всего государства останется таинною“. —

„Способъ, изрядно выдуманной“, отвѣчалъ Калифъ, „но онъ хорошъ для моихъ только музульманъ, а надъ иностранцами, не думаю, чтобы онъ произвелъ подобное дѣйствіе, и что еще досаднѣе, могутъ разгласить, что я калифъ надъ слѣпыми народами, а это мало принесетъ мнѣ чести. Нѣтъ, друзья мои, я хочу, чтобы подданные мои вѣрили иногда своимъ глазамъ, или мнѣ должно современемъ терпѣть величайшій трудъ сказывать всякому, что онъ видитъ и что чувствуетъ. Выдумайте какое-нибудь другое средство. Я столько люблю моихъ подданныхъ, что мнѣ жаль сдѣлать вдругъ безполезными нѣсколько милліоновъ глазъ. Итакъ, любезной Дурсанъ и почтенной Ослашидъ, вы не получите отъ меня арапскихъ сказокъ въ сафьянномъ переплетѣ и не будете имѣть удовольствія спускать змѣевъ изъ Конфуціева переводу. Посмотримъ, любезной Грабилей, будетъ ли счастливѣе твоя выдумка“.

Грабилей не имѣлъ ни долгой бороды, ни счастія родиться въ бѣлой чалмѣ; онъ былъ сынъ чеботаря, которой въ свое время обувалъ со вкусомъ

цѣлой городъ. Грабилей, прискуча видѣть съ младенчества трудную работу отца, задумалъ блистать въ свѣтѣ совсѣмъ другою славою, и искалъ способовъ, какъ бы современемъ разувать тотъ народъ, которой отецъ ево обувалъ съ такимъ успѣхомъ. Для сево то вступилъ онъ въ приказную службу. Грабилей былъ уменъ; онъ тотчасъ понялъ систему своево званія и началъ драть съ однихъ, дабы передавать другимъ. Съ такимъ прекраснымъ правиломъ онъ не долго засидѣлся въ нижнихъ званіяхъ и тотчасъ сдѣланъ кадіемъ. [1] На семъ то мѣстѣ почелъ онъ нужнымъ развернуть всѣ свои способности и пользоваться всею уловчивостью, коею природа ево одарила. Онъ тотчасъ понялъ трудную науку обнимать ласково тово, ково хотѣлъ удавить, плакать о тѣхъ несчастіяхъ, коимъ самъ былъ причиною; умѣлъ кстатѣ злословить тѣхъ, конхъ никогда не видалъ, приписывать тому добродѣтели, въ комъ видѣлъ: одни пороки. Зналъ, когда нужно кланяться въземлю и когда въ-поясъ; умѣлъ кстатѣ зажмуриваться на своей судейской подушкѣ; но что всево важнѣе, зналъ кстати обирать и кстатѣ оларивать. Съ такими то блестящими дарованіями пролагалъ онъ себѣ путь къ дивану, и не долго медлилъ на семъ пути. Калифъ уважалъ способности ... Грабилей сталъ однимъ изъ числа знаменитѣйшихъ людей, снабженныхъ способами утѣснять бѣдныхъ и освященныхъ важнымъ преимуществомъ получать удавку изъ рукъ самаго султана [2]. Грабилей такъ началъ рѣчь свою — „Законной наслѣдникъ всѣхъ имѣній, неоспоримой владѣтель сердецъ и помышленій, повелитель

[1] Судьей.

[2] Провинившемуся отъ приближенныхъ султана посылается шелковую веревку — для самоубійства.

стихій и причина всѣхъ бывшихъ и впредь будущихъ благъ человѣческаго рода! Прости, что я осмѣливаюсь шевелить языкомъ моимъ въ присутствіи священной твоей особы. Я бы никогда не дерзалъ при тебѣ и мыслить, еслибъ не было сіе во исполненіе верховной твоей воли, которая управляетъ всѣми моими чувствами и дѣлами, подобно какъ солнечное движеніе управляетъ движеніемъ тѣни.

— Мнѣ кажется, самой лучшей способъ для удержанія въ таинѣ твоего путешествія есть тотъ, чтобъ сдѣлать запрещеніе говорить, какимъ бы то образомъ ни было, о твоей высокой особѣ, и даже выговаривать священное твое имя, подъ опасеніемъ лишенія живота и имѣній. Издавъ такое повелѣніе, можешь ты спокойно отправиться въ свой путь; и хотя нѣкоторое число рабовъ твоихъ будетъ догадываться, что тебя здѣсь нѣтъ, но, въ силу запрещенія говорить о тебѣ, они не возмогутъ никому сообщить своихъ догадокъ, ниже простирать вопросами свое любопытство далѣе. Извѣстно, что молчаніе есть единственной способъ храненія таинностей, такъ не самое ли лучшее средство — наложить ево на языки болтливыхъ разскащиковъ и выспрашивателей, которыхъ двумя или тремя примѣрными наказаніями можно увѣрить, что языкъ имъ данъ только для того, чтобы, съ помощію ево, было легче глотать пищу".

Калифъ не былъ доволенъ и симъ мнѣніемъ: онъ самъ, любя говорить, зналъ, какъ тяжело честному человѣку хотя на два часа лишиться этого прекраснова упражненія; притомъ же, хотя и могъ онъ надѣяться унять мужчинъ, но гдѣ, думалъ онъ, взять столько силы, чтобы унять говорить женщинъ? Калифъ былъ премудръ: онъ зналъ, что выдать законъ

на удержаніе говорливости женщинъ есть то же, что выдать законъ для удержанія прилива и отлива морского. Онъ требовалъ также совѣта у досталь-ныхъ визирей, наполняющихъ диванъ, но ихъ не слушалъ, не ожидая отъ нихъ ничево доброва. Ка-лифъ былъ разсчетистъ: обыкновенно, одново му-дреца сажалъ между десяти дураковъ; умныхъ людей сравнивалъ онъ со свѣчами, которыхъ умѣренное число производитъ пріятной свѣтъ, а слишкомъ боль-шое можетъ причинить пожаръ; и часто говаривалъ, что ему, для сохраненія добраго порядка, дураки по крайней мѣрѣ столько жъ нужны, какъ и умные люди. Вотъ причина, что и диванъ калифовъ былъ ими изобиленъ.

Всѣ они пошли на голоса. Примѣтить должно, что они охотнѣе всево расточали свои совѣты, хотя часто могли видѣть, что оные ни на что не надобны; но чѣмъ глупѣе голова, тѣмъ щедрѣе на совѣты. Наконецъ, калифъ вышелъ изъ дивана, распустя своихъ визирей, не бывъ доволенъ ни однимъ голо-сомъ, удалился во внутренніе свои чертоги и на-дѣялся въ уединеніи найти то, чево не могъ сыскать въ многолюдствѣ.

Первой предметъ, встрѣтившійся ево глазамъ у нево въ комнатѣ, была книга, данная ему волшебни-цею. Хотя Канбъ никогда не совѣтовалъ съ книгами, потому что онѣ по большей части писаны не кали-фами, но, вспомня, что этой книгѣ приписано важ-ное свойство — усыплять, взялъ ее въ руки, въ на-деждѣ увидѣть во снѣ добрую свою покровитель-ницу. Калифъ развернулъ-видитъ оду визирю, не-давно повѣшенному имъ за взятки... Добродѣтели ево были воспѣты съ такимъ восторгомъ, что ка-лифъ зачалъ уже опасаться, не святова ли онъ по-

вѣсилъ. Это привлекло его къ важному разсужденію: сколь должно великому калифу быть осторожну въ награжденіяхъ и въ наказаніяхъ ... „Фея“, ворчалъ онъ тихонько, „фея, конечно, ошибкою дала мнѣ эту книгу: она обѣщала мнѣ съ нею пріятной сонъ, а книга эта, напротивъ того, подаетъ мнѣ причину къ важнымъ разсужденіямъ, приличнымъ моему сану и полезнымъ моему народу“. Но калифъ не примѣчалъ, что онъ уже дремалъ, выговаривая послѣднія слова ... И дѣйствительно, въ одну минуту погрузился онъ въ глубокой сонъ и позабылъ награжденія, наказанія, повѣшеннаго визиря, стихотворца и свою книгу, которую изъ рукъ выпустилъ къ себѣ на колѣни.

Едва заснулъ калифъ, едва увѣнстое собраніе тяжелыхъ стиховъ, обременявшихъ за минуту руки его, сползло съ колѣней на богатой коверъ, какъ покровительствующая Фея явилась ему во снѣ. Она была прелестна, какъ ... какъ то, что тебѣ всего милѣе, любезной читатель ... Скупой, ты можешь ее сравнить съ твоимъ рублемъ; если ты авторъ, то вообрази, что она была такъ прекрасна, какъ твои стихи; или вообрази, что она прекрасна, какъ твоя любовница, — если ты читаешь это наканунѣ своей свадьбы; если же на другой день, то признаюсь, что сравненіе мое никуда не годится.

„Канбъ“, сказала она Калифу, „я выдумала способъ сокрыть путешествіе твое отъ народа и отъ самыхъ визирей твоихъ. Проспувшись, ступай изъ дворца твоего, не говоря никому ни слова. Я приготовила куклу и дала ей такія способности, что она, до возвращенія твоего, замѣнитъ съ успѣхомъ твое мѣсто. Такъ нѣкогда Аполлонъ на Троянской брани подмѣнилъ Энея поддѣланною подъ его видъ ста-

туею; и между тѣмъ, какъ Эней отдыхалъ дома, то статуя храбро сражалась съ греками [1]. Хотя Гомеръ ничево не говоритъ, но я знаю точно, что тогда многія славныя дѣла ея приписаны самому Энею, чему онъ, по сговорчивости своей, никогда не противорѣчилъ. То же точно намѣрена я съ тобою сдѣлать. Иди и стараїся только исполнить волю оракула; достальное я беру на себя. Повѣрь, ни одна душа не узнаетъ, какъ изрядно подмѣню я тебя статуею изъ слоновой кости, которая въ твое отсутствіе надѣлаетъ много славныхъ дѣлъ; всѣ они умножатъ въ народѣ къ тебѣ благодарность. Прости, калифъ, ступай не медля, сложи съ себя на время всю пышность, приличную твоему сану, и ты увидишь то, чево бы никогда не видалъ ни въ какую зрительную трубку съ высокаго твоего престола; а, наконецъ, найдешь награжденіе, обѣщанное тебѣ оракуломъ". Фея исчезла.

Какъ бѣдной стихотворецъ, увидя во снѣ, что сочиненіи ево вдругъ разошлись четырьмя тисненіями [2] и что онъ осыпанъ золотомъ, просыпается, и хотя не видитъ вокругъ себя ничево, кромѣ огромныхъ своихъ рукописей и разломанныхъ стульевъ и стола, но, полагаясь на сновидѣніе, наполняется надеждою, засвѣчаетъ свѣчу и, не сходя съ постели, гоняется за Пегасомъ по бѣлой бумагѣ [3], которую покрываетъ слѣдами своей скорости; такъ Каибъ, просыпаясь, утѣшается, что во снѣ онъ выдумалъ болѣе, нежели на яву, и, надѣясь на обѣщаніе волшебницы, скидаетъ пышныя свои одежды, одѣвается такъ скромно, какъ сторожъ академической библіо-

[1] Изъ легендъ о Троянской войнѣ.
[2] Изданіями.
[3] Пишетъ стихи.

теки, беретъ нѣсколько мелкихъ денегъ ... Сколь ни вѣрилъ онъ волшебствамъ, но зналъ очень, что есть много такихъ случаевъ, гдѣ и самое сильное чародѣйство наличныхъ денегъ замѣнить не можетъ; потомъ оставляетъ великолѣпной свой дворецъ и начинаетъ поискъ, предписанной ему оракуломъ.

Это было ночью. Погода была довольно худа; дождь лилъ столь сильно, что, казалось, грозилъ смыть до основанія всѣ домы; молнія, какъ будто на-смѣхъ, блистая изрѣдка, показывала только великому калифу, что онъ былъ по колѣно въ грязи и отвсюду окруженъ лужами, какъ Англія океаномъ; громъ оглушалъ его своими порывистыми ударами. Тогда то калифъ въ первой разъ усумнился, столь ли самовластной онъ повелитель стихій, какъ то говаривали ему визири. Желая укрыться отъ негодной погоды, искалъ онъ, при свѣтѣ молніи, какой-нибудь хижины. Скоро, проходя далѣе, увидѣлъ въ сторонѣ огонь и пошелъ прямо на него, надѣясь у хозяина выпросить позволенія осушить платье.

Калифъ подходитъ къ хижинѣ, отворяетъ дверь, видитъ большую комнату. Въ одномъ углу стоитъ кровать, въ другомъ стулъ, которой, опираясь о стѣну щитомъ, стоялъ довольно гордо на остальныхъ двухъ ножкахъ; на полу набросано нѣсколько старыхъ книгъ и порядочной запасъ бѣлой бумаги. Не мудрено калифу догадаться, что тутъ живетъ авторъ. Онъ всегда любопытствовалъ побесѣдовать съ людьми этова роду. Хотя прежде сіяніе его сана не дозволяло унижать ему себя до такой степени, но теперь не могъ онъ не радоваться, найдя къ тому удобной случай ... Я было позабылъ, описывая комнату, упомянуть о самомъ важномъ приборѣ: на кровати лежала сухонавая особа; съ великою

важностію разсматривала она старыя рукописи и, казалось, съ обгрызеннымъ половину перомъ въ рукѣ, опредѣляла судьбу цѣлова свѣта.

„Милостивой государь“, началъ Канбъ, „я лишь пришелъ въ сей городъ и никово въ немъ не знаю; позволите ли вы страннику пользоваться гостепріимствомъ?“

„Очень радъ дорогому гостю! и если, не обижая васъ, можно сдѣлать заключеніе по скромному вашему платью, то позвольте спросить, не ученой ли вы?

„Да, это правда, что я читаю книги“.

– „Читаете?... По вашему разодранному кафтану я подумалъ, что вы ихъ пишете. Но тѣмъ лучше. Я написалъ теперь оду Осланиду и хотѣлъ бы знать ваше мнѣніе“.

„А! вы пишете оды?“

– „Да, это самое безопасное ремесло, но не всегда прибыльно. Недавно написалъ я оду одному вельможѣ; онъ восхищался ею и обѣщалъ мнѣ щедро заплатить: но, какъ знатной человѣкъ, позабывъ данное слово, умеръ на другой день. Послѣ этова я написалъ оду другому визирю; этотъ былъ не менѣе доволенъ, обѣщалъ меня наградить, и вѣрно бы не обманулъ, но ево на третій день повѣсили за взятки“.

„Какъ, вы писали оду недавно повѣшенному визирю? Я ее читалъ ...“

– „Признайтесь, что она не дурна. Теперь я пишу оду Осланиду, непріятелю повѣшенова визиря. Можно сказать, что она мнѣ труда стоитъ: въ этомъ добромъ человѣкѣ нѣтъ ни ума, ни добродѣтели; такіе люди ужасно трудныя содержанія для лирической поэзіи. Я же, не хвастаясь, скажу, что

я болѣе пишу для славы, нежели для денегъ; доказательство — мнѣ хуже платятъ за оды, нежели за битыя стекла, которыя иногда покупаютъ у меня разнощики. Со всѣмъ тѣмъ я не оставлю лирическаго стихотворства.

„Мнѣ удивительна способность ваша хвалить тѣхъ, въ коихъ, по вашему жъ признанію, весьма мало находите вы причинъ къ похваламъ“.

— „О! это ничево, повѣрьте, что это бездѣлица! Мы даемъ нашему воображенію волю въ похвалахъ съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ послѣ всякое имя вставить можно было. Ода — какъ шелковой чулокъ, которой всякой старается растягивать на свою ногу. Она имѣетъ здѣсь совсѣмъ другое преимущество, нежели сатира. Если я хочу на ково изъ визирей писать сатиру, то долженъ обыкновенно трафить на порокъ, коему онъ болѣе подверженъ; но и тутъ принужденъ часто входить въ самыя мелкости, чтобы онъ себя узналъ. Что до оды, то тамъ совсѣмъ другой порядокъ: можно набрать сколько угодно похвалъ, поднести кому угодно; и нѣтъ визиря, которой бы описанія всѣхъ возможныхъ достоинствъ не принялъ сколкомъ съ своей высокой особы“.

„Но если свѣтъ знаетъ, что ваше описаніе ложно, что герои ваши — пустые пузыри, надутые вами?“

— „Что же до тово нужды? Аристотель нѣгдѣ [1] очень премудро говоритъ, что дѣйствія и героевъ должно описывать не такими, каковы они есть, но каковы быть должны, — и мы подражаемъ сему благоразумному правилу въ нашихъ одахъ, иначе бы здѣсь оды превратились въ пасквили. Итакъ, вы видите, сколь нужно читать правила древнихъ“.

[1] Одно изъ положеній „Піитики“ Аристотеля.

„Я всегда думалъ, что стихотворцы приступаютъ къ одамъ, воспаленные добродѣтелями и совершенствами своихъ героевъ.“

— Какъ вы ошибались! Они воспаляются однимъ воображеніемъ, и выбираютъ первова, кто попадется, какъ художникъ выбираетъ кусокъ мрамору: чѣмъ грубѣе и несовершеннѣе отломокъ, тѣмъ болѣе славы и искусства дать ему нѣжной видъ. —

„Ахъ!“ сказалъ, вздохнувши, Калифъ: „какъ же мало люди должны гордиться такими похвалами, которыя нерѣдко ихъ ослѣпляютъ!“

— „Вольно имъ дурачиться“, отвѣчалъ стихотворецъ. „Еслибы они приписывали похвалы не своимъ достоинствамъ, но случаю и нашей необходимости ково-нибудь ими украшать, то бы не столь были горды. Не хотите ли, я вамъ скажу на этотъ случай короткую басню, которую скоро намѣренъ переложить въ стихи?

— Славной живописецъ, плѣнясь новою мыслью, вздумалъ написать Венеру, натянулъ кусокъ полотна и съ великимъ успѣхомъ исполнилъ свое намѣреніе. Картина была драгоцѣнна и современемъ стала украшеніемъ чертоговъ славнѣйшаго императора. Множество зрителей стекалось ее смотрѣть. Полотно, на коемъ была написана Венера, вздумало, что оно причиною всѣхъ восторговъ, примѣчаемыхъ въ зрителяхъ. Паукъ, раскидывая на немъ сѣти для мухъ, вывелъ ево изъ заблужденія. — „Ты напрасно гордишься, полотно“, сказалъ онъ: „еслибъ не вздумалось славному художнику покрыть тебя блестящими красками, то бы ты давно истлѣло, бывъ употреблено на отирку посуды [1].

— Стихотворцы то же дѣлаютъ съ людьми, и по-

[1] Любопытный образчикъ ранней прозаической басни Крылова

слѣдніе такую жъ имѣютъ причину гордиться, какъ рисованная холстина, которая думала, что живописецъ старался прославить ее, когда заботился онъ только о своемъ имени. Когда я читаю Гомера, то признаюсь, вмѣсто того, чтобы удивляться его героямъ, я удивляюсь ему, а на нихъ смотрю, какъ на людей, которыхъ великой этотъ мужъ сдѣлалъ вьючными ослами своей славы. Итакъ, не ясно ли видно ... но вы дремлете, вамъ нуженъ покой! Не хотите ли чего поужинать?“ —

„Охотно бы; признаюсь, что я очень проголодался“.

— „Жаль же очень, что вы не пришли ко мнѣ ранѣе только пятью минутами: мы бы прекрасно отужинали. Но крайней мѣрѣ, на чемъ вы охотнѣе спите: на тюфякахъ, или на пуховикѣ?“ —

„На пуховикахъ“, сказалъ, вздохнувши, Калифъ.

— „Ложитесь же на эти кипы печатныхъ бумагъ“, отвѣчалъ стихотворецъ, указывая въ уголъ: „ложитесь на нихъ; если онѣ и не такъ мягки, какъ пуховики, по крайней мѣрѣ, толще всякаго пуховика на свѣтѣ. Мои друзья почуютъ у меня на нихъ спокойнѣе, нежели Калифъ нашъ на лучшихъ своихъ пуховикахъ“. —

Канбъ легъ, положилъ въ голову стопу бумаги и въ минуту захрапѣлъ такъ крѣпко, что соблазнилъ стихотворца себѣ послѣдовать.

На другой день рано Канбъ собрался въ путь.

— „Вы, конечно, хотите странствовать?“ спрашивалъ его стихотворецъ. —

„Это правда. И хотя нѣтъ двухъ дней, какъ я началъ свое путешествіе, но мнѣ столь это понравилось, что, можетъ быть, нѣсколько лѣтъ употреблю я на то, чтобы видѣть вещи, которыя, сидя дома, видѣлъ я черезъ десятыя глаза“.

Вы ничево новаго не увидите. Гдѣ есть люди, тамъ всегда найдете добродѣтели и пороки; гдѣ есть деньги, тамъ найдете роскошь и скупость, богатство и нищету; въ городахъ увидите равнодушіе къ несчастію ближняго, въ деревняхъ состраданіе и гостепріимство, ибо сельской житель, подражая природѣ, учится у ней быть податливымъ, а городской житель, гоняясь за счастіемъ, учится у нево быть слѣпымъ и несправедливымъ.“ — Послѣ сего они разстались, и Канбъ продолжалъ свой путь.

Онъ пустился по большой дорогѣ, желая съ нетерпѣніемъ посмотрѣть сельскихъ жителей. Давно уже, читая идилліи и эклоги[1], желалъ онъ полюбоваться золотымъ вѣкомъ, царствующимъ въ деревняхъ; давно желалъ быть свидѣтелемъ нѣжности пастуховъ и пастушекъ. Любя своихъ поселянъ, всегда съ восхищеніемъ читалъ онъ въ идилліяхъ, какую блаженную ведутъ они жизнь, и часто говаривалъ: „еслибъ я не былъ калифомъ, то бы хотѣлъ быть пастушкомъ“.

Уже далеко былъ онъ отъ своей столицы, какъ въ одинъ день увидѣлъ разсѣянное по полю стадо. — „Великой Магометъ!“ вскричалъ онъ, „я нашелъ то, чево давно искалъ!“ — и сошелъ съ дороги въ поле искать счастливаго смертнаго, который наслаждается при своемъ стадѣ золотымъ вѣкомъ. Калифъ искалъ ручейка, зная, что пастушку такъ же милъ чистой источникъ, какъ волокитѣ счастія передніе знатныхъ. И дѣйствительно, прошедъ нѣсколько далѣе, увидѣлъ онъ на берегу рѣчки запачканное твореніе, загорѣлое отъ солнца, замеганное грязью. Калифъ

[1] Стихотворенія, изображающія простую, близкую къ природѣ жизнь. Крыловъ вымѣниваетъ ихъ далѣе, хотя самъ не прочь былъ пользоваться ихъ чертами въ своихъ произведеніяхъ.

было усомнился, человѣкъ ли это; но, по босымъ ногамъ и по бородѣ, скоро въ томъ увѣрился. Видъ ево былъ столько же глупъ, сколь приборъ ево бѣденъ.

„Скажи, мой другъ“, спрашивалъ ево калифъ; „гдѣ здѣсь счастливой пастухъ этова стада?“

— „Это я“, — отвѣчало твореніе, и въ то же время размачивалъ въ ручейкѣ черствую корку хлѣба, чтобы легче было ее разжевать.

„Ты пастухъ!“ вскричалъ съ удивленіемъ Канбъ: „О, ты долженъ прекрасно играть на свирѣли!“

— „Можетъ быть; но, голодной, не охотникъ я до пѣсенъ“. —

„Но крайней мѣрѣ, у тебя есть пастушка; любовь утѣшаетъ васъ въ вашемъ бѣдномъ состояніи. Но я дивлюсь, для чево пастушка твоя не съ тобою?“

— „Она поѣхала въ городъ съ возомъ дровъ и съ послѣднею курицею, чтобы, продавъ ихъ, было чѣмъ одѣться и не замерзнуть зимою отъ холодныхъ утренниковъ“. —

„Но поэтому жизнь ваша очень не завидна?“

„О, кто охотникъ умирать съ голоду и мерзнуть отъ стужи, тотъ можетъ лопнуть отъ зависти, глядя на насъ“!

„Признаюсь, что я много вѣрилъ эклогамъ и идиліямъ“, сказалъ калифъ: „Фея! слова твои сбываются: вижу то, чево бы никогда не подозрѣвалъ. Стихотворецъ сказалъ правду, что поэты обходятся съ людьми, какъ живописцы съ холстиною. Но такую гадкую холстину“, продолжалъ онъ, смотря на пастуха, „такую негодную холстину разрисовать такъ пышно ... Это, право, безбожно! О! теперь то даю я самъ себѣ слово, что никогда по описанію моихъ стихотворцевъ не стану судить о счастьѣ

монхъ любезныхъ музульманъ". — И калифъ пошелъ далѣе.

Нѣкогда подъ-вечеръ шелъ онъ по большой дорогѣ, и хотя уже начинало смеркаться, но никакова города не видно было вдали. Это ево смущало. — „Волшебница шутитъ надо мною", говорилъ онъ самъ себѣ: „она, кажется, хочетъ, чтобъ я, подобно календеру [1], состарѣлся на большихъ дорогахъ. Вотъ уже болѣе трехъ мѣсяцовъ странствую я, но и тѣни нѣтъ счастія, обѣщаннаго мнѣ Феею; а что еще досаднѣе, то сегодня едва ль не въ полѣ должень я ночевать. Я вѣрю, конечно, что пророкъ любитъ своего потомка; но сказать правду: медвѣдю изъ лѣсу до меня ближе, нежели Магомету съ седьмого неба". — Такія мысли возмущали Канба: владѣтель морей и суши не на шутку боялся быть заѣденъ голоднымъ волкомъ.

Въ самое то время, когда занимался онъ такими заманчивыми разсужденіями, встрѣтился ему крестьянинъ. „Другъ мой, далеко ли до города?" спросилъ у него калифъ. — „Часовъ восемь; къ утру можешь ты тамъ быть". — „Но нѣтъ ли гдѣ переночевать? Не попадется ли мнѣ на пути деревня?" — „Ни двора; а если хочешь, то, прошедъ немного, можешь свернуть по тропинкѣ вправо, и лѣсомъ, черезъ старое кладбище, пройти до деревеньки, гдѣ можешь найти ночлегъ". —

Прошедъ немного, и дѣйствительно Канбъ увидѣлъ вправѣ тропинку, проложенную въ лѣсъ. Онъ пошелъ по ней и въ четверть часа выбрался на маленькую площадку, украшенную развалившимися гробницами. Канбу некогда было любопытствовать:

[1] Нищенствующій дервишъ.

страхъ и приближающаяся ночь понуждали ево идти далѣе, какъ вдругъ, проѣдъ площадку, увидѣлъ онъ, что тропинка раздѣлилась на-двое. — „Боже мой!" вскричалъ Канбъ, „по которой должень я идти? Ну, если я выберу самую грудную и долгую, тогда всево вѣрнѣе, что мнѣ должно будетъ спать на землѣ, безъ всякаго защищенія отъ звѣрей; но если я ворочусь — а до города еще восемь часовъ! ... это ужасно! Нѣтъ", продолжалъ онъ, окидывая глазами кладбище; „нѣтъ, я лучше соглашусь какъ-нибудь провести ночь здѣсь", — и тогда жъ, увидя высокой надгробной камень, рѣшился онъ выбрать ево своимъ ночлегомъ. Канбъ подошелъ ближе къ камню и увидѣлъ на немъ высѣченныя сіи слова:

„Кто бы ты ни былъ, не приближайся; взирай съ благоговѣніемъ на камень, подъ коимъ покоится прахъ мой, и познай, что я ... (имя такъ изгладилось временемъ, что Канбъ никакъ не могъ разобрать) ... побѣдитель вселенной, коего имя гремитъ и вѣчно будетъ гремѣть во всѣхъ концахъ земли: оружіемъ моимъ покорилъ я множество народовъ, одержалъ 729 побѣдъ и не имѣлъ сраженія, въ коемъ бы побито было менѣе 15,000 непріятелей. Свѣтъ сей оставляю въ законное наслѣдство сыну моему и ево потомкамъ. Умираю доволенъ, что основалъ племени моему твердое и неколебимое наслѣдіе, сокровища неисчерпамыя, славу безсмертную, и страхъ имени моево столь великой, что не будетъ смертнаго, которой бы осмѣлился коснуться до моево надгробнаго камня".

— „Какая прекрасная надпись!" — сказалъ Канбъ, и вскарабкался съ великимъ трудомъ на камень.- „Здѣсь точно безопасно", ворчалъ онъ тихонько:

„камень этотъ и высокъ и неприступенъ для звѣрей ... Только желалъ бы я очень знать, чья эта гробница, Это ужасно, что такія славныя имена стираются съ надгробныхъ камней! Какъ же послѣ этова можно полагаться на исторію, ибо я твердо вѣрю, что тысячи славныхъ людей, понадѣлавшихъ столько же знаменитыхъ дѣлъ, какъ и нынѣшній мой хозяинъ, не внесены въ исторію только для того, что надгробные ихъ камни были рыхлы и удобно размывались дождемъ. Какой это для меня прекрасной урокъ! О! я, конечно, выберу для моево надгробія камень потверже, и ручаюсь, что слава моя будетъ продолжительнѣе славы моево хозяина". — Потомъ Канъ вынулъ изъ кармана хлѣбъ и кусокъ сыру; въ минуту отправилъ онъ по походному ужинъ. — „Какъ мало нужно для человѣка!" сказалъ Калифъ: „на день два фунта хлѣба и три аршина земли на постелю при жизни и по смерти! Я бы желалъ знать, отъ чево, за четыре мѣсяца передъ симъ, вся вселенная казалась для меня тѣсна, а теперь и камень этотъ для меня очень просторенъ? И слово „*мое*", на которое право стоило мнѣ, можетъ быть, 300,000 добрыхъ музульманъ—слово это теперь меня не восхищаетъ! О гордость! сколь ужасно тебѣ воздаяніе! при жизни тебя ненавидятъ, по смерти презираютъ или забываютъ. Ахъ! можетъ быть, и я современемъ буду служить постелею какому-нибудь страннику, которой, не посмотря на гордую мою надгробную надпись, спокойно выспится на томъ, на ково предки ево не смѣли взглянуть безъ ужаса".

Канъ заснулъ. Вдругъ видитъ онъ, что камень отодвигается, и изъ подъ него выходитъ величественная тѣнь нѣкоего древняго героя.

Ростъ ево возвышался до-толѣ, доколѣ въ тихое

лѣтнее время можетъ возвышаться тонкой дымъ. Каковъ цвѣтъ облакъ, окружающихъ луну, таково было блѣдно лицо ево; глаза ево были подобны солнцу, когда, при закатѣ своемъ, опускается оно въ густые туманы и, измѣняясь, покрывается кровавымъ цвѣтомъ; главу ево покрывалъ огромный шлемъ, который, казалось, могъ противустоять громовымъ ударамъ; руку ево обременялъ щитъ, испускающій тусклый свѣтъ, подобный тому, какой издаетъ ночью зыблющаяся вода, отражая мертвые лучи блѣдныхъ звѣздъ. Калифъ тотчасъ догадался, что герой ево изъ числа тѣхъ знаменитыхъ особъ, которыя называются побѣдителями народовъ и на земномъ шарѣ съ великимъ успѣхомъ замѣняютъ собою всемірной потопъ. Онъ молчалъ и ожидалъ, что́ будетъ далѣе.

„Канбъ!“ сказало ему видѣніе, „ты зришь предъ собою тѣнь тово, коево прахъ покоится подъ симъ камнемъ. Надпись о дѣлахъ моихъ, высѣченная на камнѣ, справедлива: я побѣдилъ весь свѣтъ; ничто не смѣло вооружиться противъ меня, кромѣ моей совѣсти, которая одна могла мучить тово, кто мучилъ вселенную. По смерти моей небо истребило память мою въ людяхъ, а меня осудило мучиться дотоль, доколь не буду я причиною хотя одноо добраго дѣла. 20.000 лѣтъ уже гробница моя стоитъ здѣсь, и во все это время не былъ я причиною ни одного добраго дѣла. Доколѣ память моя еще не затмилась, дотолѣ возбуждалъ я себѣ послѣдователей, столько же вредныхъ свѣту, какъ былъ вреденъ ему я самъ. Память моя погибла; но мои послѣдователи имѣли также своихъ подражателей, и всѣмъ бѣдствіямъ, угнетавшимъ послѣ тово землю, былъ причиною я, давъ первой примѣръ любочестія. На-

конецъ, небо избрало тебя быть моимъ избавителемъ: ты, дѣлая послѣднее униженіе моей гордости, надгробіе мое сдѣлалъ своимъ ночлегомъ. Высокой камень мой спасъ тебя отъ хищныхъ звѣрей, коимъ бы ты былъ непремѣнно добычею въ семъ дикомъ лѣсу — и вотъ первая польза, которая въ 20,000 лѣтъ отъ меня произошла.

Гробница моя и надпись на ней внушили тебѣ благоразумныя размышленія; сердце твое удобно ими воспользоваться, а сіи размышленія въ толь великомъ Калифѣ, каковъ ты, будутъ причиною счастія милліоновъ людей,—вотъ благо, происшедшее такъ же отъ меня. Судьба исполнила мѣру своево правосудія: въ сей день кончились мои мученія. Небо, разрѣшая меня, позволило, чтобъ я принесъ тебѣ благодарность; позволило оно, чтобы я подтвердилъ истину надписи, запретя только сказывать свое имя, осужденное къ вѣчному забвенію на лицѣ земли; позволило оно такъ же сказать тебѣ, что ты близокъ отъ вещи, для которой путешествуешь: счастіе тебя ожидаетъ. Но, Калифъ, да не развратитъ нѣга ево твое сердце—не забывай никогда того, что ты видѣлъ теперь. Помни, что любочестіе наказывается чрезмѣрнымъ униженіемъ; помни, что право твоей власти состоитъ только въ томъ, чтобы дѣлать людей счастливыми, — сіе право даютъ тебѣ Небеса; право же удручать несчастіями похищаешь ты у Ада". Изрекши сіе, измѣняться стала тѣнь и исчезать, подобно тускнѣетъ сребристое облако, когда луна отъ него удаляется, и, развѣваемое по лазуревому небу, становится невидимо взорамъ смертныхъ.

На утро Калифъ проснулся рано и, дивясь странному сновидѣнію своему, продолжалъ свой путь по

одной изъ двухъ тропинокъ [1]. Три часа шелъ онъ дремучимъ лѣсомъ и, наконецъ, вышелъ на прекрасной лугъ, черезъ которой лежала дорога къ маленькой хижинѣ. Калифъ любовался мѣстоположеніемъ и, осматривая окрестности, удивлялся природѣ, какъ вдругъ, оборотясь направо, увидѣлъ прекрасную четырнадцатилѣтнюю дѣвушку. Она съ великою прилежностію искала чево то въ травѣ; прекрасные глаза ея были орошены слезами, — знакъ, сколь дорого она цѣнила потерянную вещь. Калифъ подошелъ къ ней; она ево не примѣчала; онъ не спускалъ съ нея глазъ: всякая черта, всякое движеніе, всякой шагъ ея воспламенили въ немъ кровь. Калифъ обладалъ многими женщинами, онъ чувствовалъ иногда сильныя желанія, но теперь въ первой разъ узналъ, что такое любовь.

„Иностранецъ“, сказала ему красавица, увидя ево: „не находилъ ли ты здѣсь портрета? Ахъ! если онъ у тебя, такъ возврати Роксанѣ то, что ей дороже жизни“.— „Нѣтъ, прекрасная Роксана“, отвѣчалъ Калифъ, „судьба не хотѣла наградить меня счастіемъ быть тебѣ полезнымъ ...“ — Калифъ бы далѣе продолжалъ свои учтивости, но прекрасная ево незнакомка, не выслушавъ и спѣхъ, отошла отъ него искать портрета. Калифъ, не говоря ни слова болѣе, самъ сталъ шарить въ травѣ. Надобно было посмотрѣть тогда величайшаго Калифа, которой, почти ползая, искалъ въ травѣ, можетъ быть, какой-нибудь игрушки, чтобы угодить четырнадцати-лѣтнему ребенку. Онъ былъ такъ счастливъ, что въ минуту нашелъ потерю. „Роксана! Роксана! портретъ!“ кричалъ онъ, показывая ей издали портретъ. Она

[1] Въ подлинникѣ „порошинокъ“. – конечно, опечатка.

уже была отъ него далеко, какъ, услыша сей голосъ, бросилась къ нему изъ всей силы. Радость, торопливость и нетерпѣніе сдѣлали то, что она запуталась въ травѣ и упала бы, еслибъ не поддержалъ ее Канбъ. Какое пріятное бремя чувствовалъ онъ, когда грудь Роксаны коснулась его груди! Какой жаръ разлился по всѣмъ его жиламъ, когда невинная Роксана, удерживаясь отъ паденія, обхватила его своими руками, а онъ, своими поддерживая легкой и тонкой станъ ея, чувствовалъ сильной трепетъ ея сердца. „Возьми, прелестная Роксана, сей портретъ“, говорилъ ей Канбъ, „и вспоминай иногда сей день, которой возвратилъ тебѣ драгоцѣнную потерю, а меня навсегда лишилъ вольности“ [1]. Роксана ничего не говорила, но прелестной румянецъ, украсившій ея лицо, изъяснялъ болѣе, нежели бы она могла сказать. — „Незнакомецъ“, сказала она Канбу, „посѣти нашу хижину и дозволь, чтобъ я отцу моему показала того, кто возвратилъ мнѣ потерянный мною портретъ моей матери“.

Они вошли въ домъ, и Канбъ увидѣлъ почтеннаго старца, читающаго книгу. Роксана разсказала ему приключеніе, и старикъ не зналъ какъ отблагодарить Канба. Его просили остаться у нихъ на день, — можно догадаться, что онъ не отказалъ; этова мало: чтобы пробыть долѣе, онъ притворился больнымъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, сколь Роксана о немъ сожалѣла и какъ старалась оказывать ему угожденія ... Можетъ ли любовь долго скрываться? Оба они узнали, что они любимы взаимно. Старикъ усмотрѣлъ ихъ страсть, множество на этотъ случай насказалъ онъ прекрасныхъ правоученій, но

[1] Свободы

чувствовалъ, сколь они безплодны; и самъ Канбъ, которой съ восхищеніемъ видалъ, какъ прекрасная Роксана чувствительна была ко правоученіямъ, и какъ нѣжное сердце ея уважало добродѣтель, — самъ Канбъ не хотѣлъ бы, чтобы теперь слушала она правоученія противу любви. — Старикъ, любя дочь свою и плѣняясь добросердечіемъ, скромностію и благоразумiемъ Канба, рѣшился отговорить ево отъ охоты къ странствію и умножить ево семейство. Роксана просила ево нѣжно, чтобы предпочелъ онъ спокойную жизнь и любовь ея — желанію скитаться. „Ахъ, Гасанъ“, сказала она ему нѣкогда: „еслибъ зналъ ты, какъ ты мнѣ милъ, то бы никогда не оставилъ нашей хижины ни для великолѣпнѣйшихъ чертоговъ въ свѣтѣ ... Я люблю тебя столько, сколько ненавижу Канба нашего“. — „Что я слышу?“ вскричалъ Калифъ: „ты ненавидишь Канба!“ — „Да, да, я ево ненавижу столько же, сколько тебя люблю, Гасанъ! Онъ причиною нашихъ несчастій. Отецъ мой былъ кадіемъ[1] въ одномъ богатомъ городѣ; онъ исполнялъ со всею честностію свое званіе. Нѣкогда, судя родню одново царедворца съ бѣднымъ ремесленникомъ, рѣшилъ онъ дѣло, какъ требовала справедливость, въ пользу послѣдняго. Обвиненной искалъ мщенія; онъ имѣлъ при дворѣ знатную родню. Отецъ мой былъ оклеветанъ; повелѣно отнять у нево имѣніе, разорить до основанія домъ ево и лишить жизни. Онъ успѣлъ убѣжать, подхватя меня на руки. Мать моя, не перенеся сево несчастія, умерла въ третій мѣсяцъ послѣ нашего сюда переселенія, а мы остались, чтобы докончать здѣсь жизнь въ бѣдности и въ забвеніи отъ всево свѣта“.

„Оракулъ, ты исполнился!“ вскричалъ Калифъ:

[1] Судья.

„Роксана, ты меня ненавидишь! . . .“ — „Что съ тобою сдѣлалось, Гасанъ?“ перервала смущенная Роксана: „не тысячу ли разъ говорила я тебѣ, что ты мнѣ дороже моей жизни. Ахъ! во всемъ свѣтѣ я ненавижу одново только Канба“. — „Канба! Канба! ты ево любишь, Роксана, и возводишь своею любовью на вышній степень блаженства!“ — „Дорогой мой Гасанъ сошелъ съ ума!“ говорила тихонько Роксана, „надобно увѣдомить батюшку“. Она бросилась къ своему отцу. „Батюшка! Батюшка!“ кричала она, „помогите: бѣдной нашъ Гасанъ помѣшался въ умѣ“, и слезы навертывались на ея глазахъ. Она бросилась къ нему на помощь, но уже было поздно: Гасанъ ихъ скрылся, оставя ихъ хижину.

Старикъ сожалѣлъ о немъ, а Роксана была неутѣшна. — „Небо!“ говорилъ старикъ, „доколѣ не престанешь ты гнать меня? Происками клеветы лишился я достоинствъ, имѣнія, потерялъ жену и затворился въ пустынѣ. Уже начиналъ я привыкать къ моему несчастію, уже городскую пышность воспоминалъ равнодушно, сельское состояніе начинало плѣнять меня, — какъ вдругъ судьба посылаетъ ко мнѣ странника; онъ возмущаетъ уединенную нашу жизнь, становится любезенъ мнѣ, становится душою моей дочери, дѣлается для насъ необходимымъ, и потомъ убѣгаетъ, оставя по себѣ слезы и сокрушеніе“. —

Роксана и отецъ ея проводили такимъ образомъ плачевные дни, какъ вдругъ увидѣли огромную свиту, въѣзжающую въ ихъ пустынь. — „Мы погибли!“ вскричалъ отецъ: „убѣжище наше узнано! Спасемся, любезная дочь! . . .“ — Роксана упала въ обморокъ. Старикъ лучше хотѣлъ погибнуть, нежели ее оставить. Между тѣмъ начальникъ свиты къ нему подходитъ и подаетъ бумагу. — „О небо! не

сонъ ли это?“ вопіетъ старикъ: „вѣрить ли глазамъ моимъ? мнѣ возвращается честь моя, дается достоинство визиря; меня требуютъ ко двору!“ — Между тѣмъ Роксана опомнилась и слушала съ удивленіемъ рѣчи своево отца. Она радовалась, видя ево счастливымъ, но воспоминаніе о Гасанѣ отравляло ея радость; безъ нево и въ самомъ блаженствѣ видѣла она одно несчастіе.

Они собрались въ путь, пріѣхали въ столицу. Новелѣніе дано представить отца и дочь Канбу во внутреннихъ комнатахъ. Ихъ вводятъ. Они падаютъ на колѣни. Роксана не смѣетъ возвести глазъ на монарха, и онъ съ удовольствіемъ видитъ ея печаль, зная причину оной и зная, какъ легко можетъ онъ ее прекратить.

„Почтенной старецъ!“ сказалъ онъ важнымъ голосомъ: „прости, что, ослѣпленный моими визирями, погрѣшилъ я противу тебя; погрѣшилъ противъ самой добродѣтели. Но благодѣяніями моими надѣюсь загладить мою несправедливость, надѣюсь, что ты простишь меня. Но ты, Роксана“, — продолжалъ онъ нѣжнымъ голосомъ, — „ты простишь ли меня, и будетъ ли ненавидимой Канбъ столь счастливъ, какъ былъ счастливъ любимой Гасанъ?“

Тутъ только Роксана и отецъ ея въ величайшемъ Калифѣ узнали странника Гасана. Роксана не могла ни слова выговорить: страхъ, восхищеніе, радость, любовь дѣлили ея сердце. Вдругъ явилась въ великолѣпномъ уборѣ фея.

— „Канбъ!“ сказала она, взявъ за руку Роксану и подводя къ нему: „вотъ то, чево не доставало къ твоему счастію; вотъ предметъ путешествія твоего, и даръ, посылаемый тебѣ небомъ за твои добродѣтели! Умѣй уважать ево драгоцѣнность, умѣй поль-

зоваться тѣмъ, что видѣлъ ты въ своемъ путешествіи и тебѣ болѣе никакой нужды въ волшебствахъ не будетъ. Прости!“ — При семъ словѣ взяла она у него очарованное собраніе одъ и исчезла.

Калифъ возвелъ Роксану на свой тронъ, и супруги сіи были столь вѣрны и столь много любили другъ друга, что въ нынѣшнемъ вѣкѣ почли бы ихъ съ умасшедшими и стали бы на нихъ указывать пальцами.

Статьи изъ „С.-Петербургскаго Меркурія“.

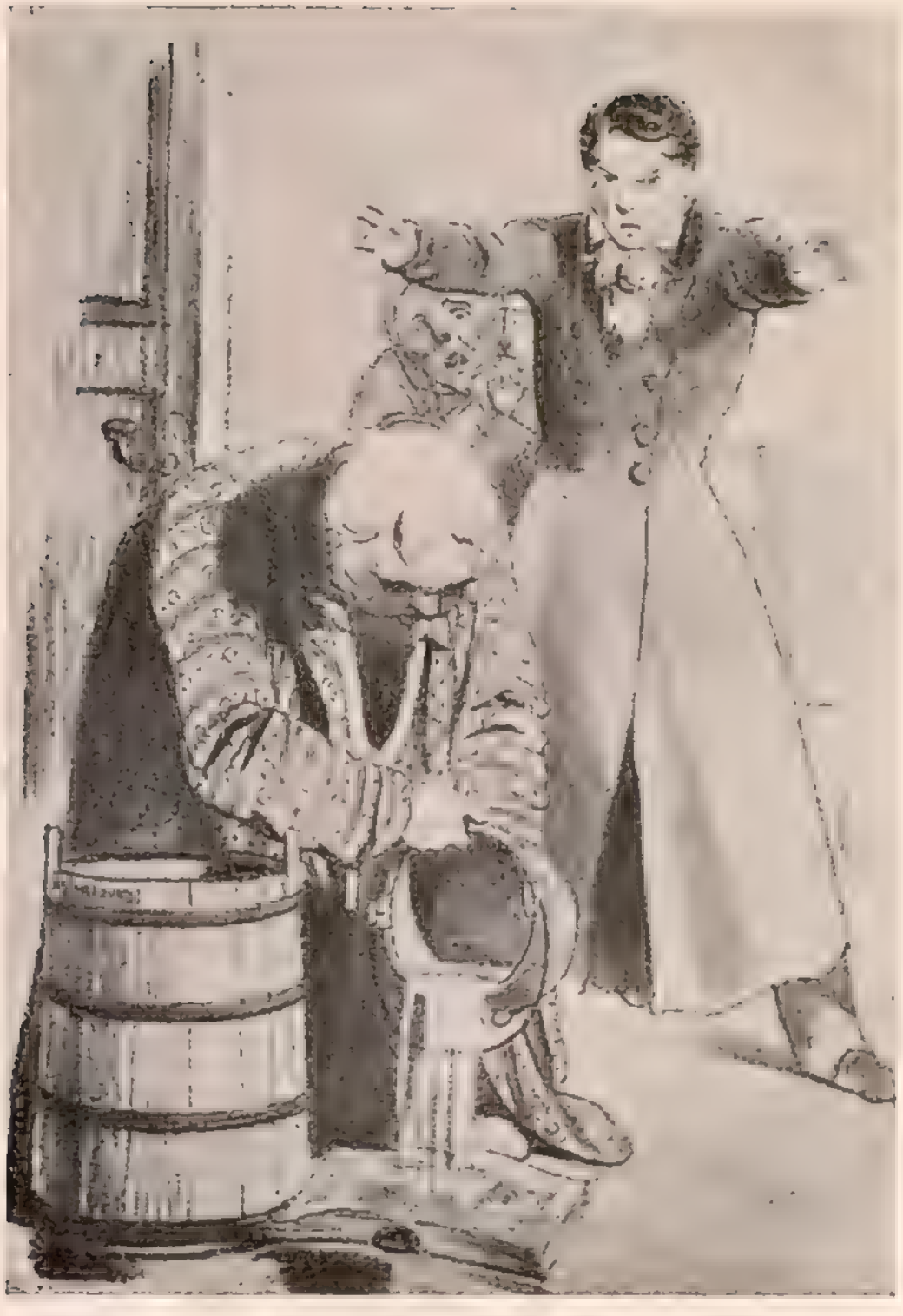
Вступительная замѣтка.

Крыловъ издавалъ „С.-Петербургскій Меркурій“ съ Клушинымъ въ 1793.

Передряги 1792 г. сильно отразились на характерѣ журнала: въ немъ уже нѣтъ такихъ яркихъ и сильныхъ вещей, какъ „Каибъ“ и „Похвальная рѣчь моему дѣдушкѣ“. Вообще сатира мельчаетъ и отступаетъ на второй планъ, вытѣсняется интересами чисто литературными.

Но помѣщеніе рецензіи на „Вадима“ Княжнина вызвало новую бурю, подробности которой до сихъ поръ намъ неизвѣстны. Крыловъ и Клушинъ уѣзжаютъ изъ Петербурга, Плавильщиковъ переводится въ Москву. Журналъ, до конца года, переходитъ къ Мартынову; четвертая книга издается уже не въ типографіи „Крыловъ съ товарищами“, а „при Императорской Академіи Наукъ“.

Журналъ, сравнительно съ предшествующими журнальными попытками Крылова, пользовался значительнымъ успѣхомъ: въ столицахъ и провинціи подписались на 162 экземпляра.



Крыловъ спасаетъ облитую кофе книгу.

Рис. Агина (1844).

(По фотографическому снимку съ рисунка, приложеннаго къ книгѣ „Дѣдушка Крыловъ“, Спб. 1845.)

Перечень статей изъ „С.-Петербургскаго Меркурія“.

I.

Предисловіе.

Стр. III—VI. Подписано: Иванъ Крыловъ. Александръ Клушинъ.

II.

Похвальная рѣчь наукѣ убивать время.

Часть I, 22—52. Полная подпись Крылова.

III.

Примѣчанія на комедію „Смѣхъ и Горе“.

Часть I, 104—130. Полная подпись Крылова.

IV.

Похвальная рѣчь Ермалафиду.

Часть II, 26—55. Полная подпись Крылова.

V.

Театръ.

Часть II, 213—222. Полная подпись Крылова.

VI.

Часть IV, стр. 257—258. Подпись: А. Клушинъ. И. Крыловъ.

I.

Предисловіе.

Цѣль изданія нашего двоякая: и желаніе угодить, и быть полезнымъ нашимъ читателямъ.

Мы имѣемъ множество періодическихъ изданій, много хорошихъ, но едва ли есть на нашемъ языкѣ два журнала, подобныхъ журналамъ иностраннымъ. Въ нихъ или мало, или совсѣмъ ничего нѣтъ свойственнаго журналамъ.

Для чего не сказать публикѣ о новыхъ произведеніяхъ россійской литературы? Для чего не возвѣстить о театрѣ, что̀ на немъ играно особливо новаго, и какъ играно? — Сіе право позволенное, и мы хотимъ имъ пользоваться.

Наши замѣчанія, наши сужденія по сей части не есть сужденія деспотическія. Рецензоръ ошибается: критикъ возстаетъ и исправляетъ его погрѣшности, а вотъ уже и очевидная польза для нашихъ словесныхъ наукъ.

Изданіе продолжится годъ непремѣнно. Ежели оно публикѣ понравится; ежели издатели заслужатъ ея вниманіе и довѣренность, будетъ выходить и далѣе.

Сочиненія въ стихахъ и прозѣ, подражанія и переводы издателей будутъ печататься съ ихъ именами. Какая нужда скромничать именемъ, ежели цѣль со-

чиненія не противна благонравію и не нарушаетъ ничьего спокойствія? — Особы, сдѣлавшія честь присылкою своихъ сочиненій, подражаній или переводовъ, пользуются своимъ правомъ.

Всякой мѣсяцъ будетъ выходить къ первому числу предыдущаго. Издавать въ свое время со всевозможной исправностію — наша должность. Обмануть публику значитъ оскорблять нѣчто священное.

II.

Похвальная рѣчь наукѣ убивать время, говоренная въ новой годъ.

Любезные слушатели!

Наконецъ, сбыли мы съ рукъ еще одинъ годъ, убили триста шестьдесятъ шесть дней, и можемъ сказать торжественно: не видали, какъ прошло время!

Строгіе философы, вы, которые жалѣете утратить минуту, какъ скупой — полушку, и плачете о потерянiи дня, проведеннаго безъ пользы! Придите и позавидуйте нашей способности радоваться о томъ, что мы цѣлой годъ провели, не сдѣлавъ ни одного такого дѣла, коимъ, по вашему мнѣнiю, человѣкъ отличается. Зарывшись въ книгахъ, вы почитаете невѣроятностiю, что тотъ можетъ радоваться, прощаясь съ старымъ годомъ, кто три четверти его проспалъ, а достальную прозѣвалъ; вамъ покажется баснею, чтобы человѣкъ, которой цѣлой годъ одѣвался и раздѣвался, причесывался и растрепывался, чтобы сей человѣкъ не плакалъ, утративъ такимъ образомъ время; вы никогда не повѣрите, чтобы тотъ, кто пропрыгалъ и прошаркалъ триста шестьдесятъ шесть дней, хотя бы въ концѣ года замѣтилъ, что онъ цѣлые двѣнадцать мѣсяцовъ таскалъ по пустому свою голову. Но Сократы, Платоны, Пифагоры прошедшихъ вѣковъ! Воскресните на одну

минуту, выбрейте себѣ бороду, причешитесь анкрошедь [1], чтобы васъ не стыдно было принять въ большомъ свѣтѣ; войдите въ него, и вы увидите, сколь справедливо мое описаніе; увидите, какъ философія ваша надѣлала успѣховъ. Воскресните и проповѣдуете, если хотите, сколь нужно соблюдать время. Вы увидите, что люди большого свѣта лучше васъ знаютъ, къ чему оно дается; и что наука убивать время есть одна наука, прямо достойная благороднаго человѣка, которой умѣетъ чувствовать, что небо дало ему голову только для того, чтобы она пересказывала, когда желудку его нужна пища.

Вотъ, Милостивые Государи, что бы я сказалъ философамъ, употребившимъ всѣ силы свои на то, чтобы научить насъ скучному упражненію размышлять. Они бы взглянули на васъ и признались бы, что человѣкъ можетъ обойтись безъ размышленія, если только имѣетъ проворной языкъ, и что мы, имѣя дарованіе не думать, по крайней мѣрѣ, столько жъ счастливы, какъ люди золотого вѣка.

Недовѣрчивой, глядя на насъ, на образъ нашей жизни, конечно, усомнится: ему покажемся мы игрушками модъ, мучениками суетныхъ желаній; или, что еще болѣе, сочтетъ онъ насъ безумными, а потому то и несчастливыми, какъ будто бы дуракъ, любезные слушатели, долженъ быть непремѣнно несчастливѣе мудрецовъ, коихъ самолюбіе заставляетъ признавать счастливыми только себя, и коихъ дикой умъ не понимаетъ, какое счастіе заключено въ томъ, чтобъ дѣлить по-братски время свое съ обезьянами, съ попугаями, посвятить себя блестящей службѣ четырехъ мастей, — словомъ, они не чувствуютъ пре-

[1] Модная прическа того времени

лестей науки убивать время, науки, впрочемъ, столь неисчерпаемой, что свѣтъ нашъ нѣсколько тысячъ лѣтъ въ ней трудится и всегда открываетъ новыя поля, столь же обширныя, какія приписываютъ математикѣ.

О сей то прелестной наукѣ, Милостивые Государи, хочу я нынѣ распространить свою рѣчь: не для того, чтобы желалъ я васъ въ ней осовершенствовать! нѣтъ, вамъ уже не нужны учители: природныхъ способностей вашихъ къ тому довольно, и вы, подражая предкамъ вашимъ, понимаете сіе искусство самоучкою; при томъ же, когда праотцы наши убили семь тысячъ лѣтъ, то стыдно бы намъ было, имѣя величайшіе примѣры въ исторіи и въ глазахъ, требовать наставниковъ, какъ убить нѣсколько десятковъ лѣтъ, которые на нашу часть достались. — Итакъ, я намѣренъ сплести только достойную похвалу сей завидной наукѣ, въ которой обращается цѣлой свѣтъ, и которой имя столь же рѣдко слышно, сколь часто ея употребленіе, ибо къ стыду нашему, любезные слушатели, мы обладаемъ симъ сокровищемъ, почти не чувствуя, что имъ наслаждаемся.

Но да не смущаетъ васъ сія укоризна: недостатокъ вашъ требуетъ только исправленія. Мы найдемъ въ свѣтѣ довольно примѣровъ, что человѣкъ часто обладаетъ сокровищемъ, пренебрегая ево по незнанію. Такъ нѣкогда американцы ходили по золоту и, не умѣя ево обдѣлывать, съ радостію отдавали за европейскія игрушки.

Можетъ быть, критики скажутъ мнѣ въ возраженіе, что слово мое безполезно; что доселѣ убивали мы время безъ всякаго поощренія ораторовъ; что молодые люди наши, воспитанные въ глазахъ французскихъ гувернеровъ и въ виду гоньчихъ и

борзыхъ собакъ, напоняются съ младенчества благородною страстію расточать время; что по прошествіи юношества учители отдаютъ ихъ съ рукъ на руки французскимъ ростовщикамъ, иностраннымъ магазейнамъ и театральнымъ сборщицамъ сердецъ; что въ семъ новомъ свѣтѣ получаютъ они новые способы убивать время и иногда въ одной перепискѣ векселей не видятъ, какъ проходятъ цѣлые годы, или, не имѣя наслѣдственнаго достатка, трутся около глупыхъ Мидасовъ[1], побужденные благородною ревностію истреблять монополію въ деньгахъ, и такимъ образомъ, въ пріятной надеждѣ обмануть удачно, сбываютъ непримѣтно съ рукъ послѣднюю половину своего вѣка; что все это дѣлается безъ помощи убѣжденій; что, наконецъ, нужно только человѣку броситься одинъ разъ въ большія общества, и онъ будетъ имѣть удовольствіе умереть, прежде нежели примѣтитъ, что онъ жилъ на свѣтѣ.

Не противорѣчу многому. — Въ самомъ здѣшнемъ собраніи вижу я примѣры природныхъ способностей: вижу съ восхищеніемъ прелестницъ нашихъ праотцевъ, которыя, переживъ три поколѣнія, и донынѣ не могутъ догадаться, что онѣ не ровесницы шестнадцатилѣтнимъ дѣвушкамъ. Съ набожностію взираю я на сихъ долговѣчныхъ Венеръ, на коихъ глядя кажется, что онѣ одногодки Римской Капитоліи или по крайней мѣрѣ Августовымъ медалямъ, и которыя при всемъ томъ не досчитываются у себя пяти шестыхъ доль своего вѣка: какой рѣзкой знакъ, что это время мастерски убито! Въ другомъ мѣстѣ вижу я почтенныхъ старичковъ, которые съ такимъ же просвѣщеніемъ входятъ въ могилу,

[1] Въ смыслѣ богачей.

съ какимъ вошли въ колыбель, и еще кажутся младенцами. Они примѣчаютъ глубокую свою старость только потому, что имъ нельзя грызть орѣховъ. — Какая скромность! Проносить семьдесять лѣтъ голову и не сдѣлать изъ нея никакого употребленія! Прожить вѣкъ на скотномъ дворѣ и ограничить отличіе свое отъ животныхъ только тѣмъ, чтобъ ходить на двухъ ногахъ! Имѣть душу и не дать никому примѣтить, что ее имѣешь, или, что еще болѣе, самому этого не замѣтить! Вотъ чрезвычайная умѣренность, которой не понимаютъ тщеславные философы, хотя умѣренность они и проповѣдуютъ. Мы одни, Милостивые Государи, мы одни способны къ сей блистательной добродѣтели, украшающей общества большого свѣта, и между тѣмъ, какъ малая кучка самолюбивыхъ мудрецовъ старается только о томъ, чтобъ цѣлой міръ передъ нею стыдился, между тѣмъ вы, Милостивые Государи, такою скромностію обуздываете свои умы, что и лошади бы ваши не краснѣли, на васъ глядя, хотя бы онѣ и имѣли способность краснѣться, способность вредную, которой остатки и въ нашемъ просвѣщенномъ вѣкѣ наносятъ иногда тягость прелестному полу.

Признаюсь, что всѣ завидные сіи подлинники образовались безъ всякой помощи ораторовъ. Но слѣдуетъ ли изъ того, чтобы словесныя возбужденія были излишни? Нѣтъ, любезные слушатели, краснорѣчіе всегда умножало рвеніе умовъ, и если иногда не было поощреніемъ, то служило награжденіемъ отличныхъ дарованій, которыя уже поздо было поощрять, ибо, Милостивые Государи, премудраго человѣка весьма трудно замѣтить, прежде нежели пройдетъ триста лѣтъ послѣ его смерти; и потому то многіе благоразумные народы спервa убивали своихъ

мудрецовъ, а послѣ дѣлали имъ статуи; когда же вывелось это изъ употребленія, тогда сыскали лучшей способъ: допускали ихъ умирать въ нуждахъ, въ гоненіи и въ презрѣніи, а спустя послѣ ихъ смерти лѣтъ сто говорили имъ похвальныя рѣчи. Такой поступокъ умножилъ полки ученыхъ, которые добровольно терпѣли первое и не получали послѣдняго. Но благородная жадность къ похвалѣ не есть ли общая всему человѣческому роду? Не она ли причиною, что многія великія души, подобныя душѣ Сезостриса и Александра Великаго [1], ожидая величанія отъ будущихъ вѣковъ, сносятъ терпѣливо проклятіе настоящаго? — Когда же похвала столь лестна, то для чего же не возвеличить ею божественную нашу науку убивать время? — Всѣ науки имѣли своихъ защитниковъ, своихъ хвалителей; ужли она одна останется въ молчаніи? Какъ будто бы наше веселое общество, блистая ея выгодами, стыдилось признаться, до какого довело оно ее совершенства.

Другая причина, еще важнѣйшая, понуждаетъ подать о ней полнѣйшее понятіе: всѣ науки, выключая математики, подвержены расколамъ: наша также избѣжать ихъ не можетъ. Я самъ бывалъ свидѣтель, что многіе молодые люди садились за книги только для того, чтобы убить время и, пристрастясь къ постыдной для благороднаго человѣка жадности обогащаться познаніями, зачали скупиться временемъ, вздумали быть насъ умнѣе: вздумали узнать свою голову короче, нежели сколько знали ее ихъ волосочесы; и потомъ — жестокая неблагодарность! — сверхъ того, что сдѣлались отступниками отъ нашего общества, первые стали на насъ вооружаться

[1] Т. е. завоевателей.

и соблазнительнымъ своимъ примѣромъ увлекли за собою послѣдователей, которые вмѣсто того, чтобы блистать на балахъ и въ большихъ собраніяхъ, свели скучное знакомство съ мудрецами. — Такіе то развратительные примѣры, происшедшіе, можетъ быть, отъ одного любопытства заглянуть въ книгу, не должно ли прекратить и предостеречь нашихъ молодыхъ людей, чтобы они опасались всякой книги, выключая только полезныхъ книгъ[1], заклеймленныхъ печатью Воспитательнаго дома?

Дадимъ же, сколько можно, ясное понятіе о сей наукѣ. А вы, любезные юноши, которые подъ покровительствомъ проворной гребенки и вѣрныхъ ножницъ назначены, можетъ быть, играть великія лица на театрѣ свѣта; вы, прелестныя граціи, которыя будете нѣкогда требовать отъ нашихъ правнуковъ такой же нѣжности, какой нынѣ мы ищемъ отъ васъ, выслушайте меня и умножьте свои силы побѣдить наступающій годъ, и если уже необходимо должно, чтобъ въ физикѣ вашей произвелъ онъ перемѣны, то оградитесь роскошью и лѣностью, и пусть хотя на морали вашей время не оставитъ никакихъ слѣдовъ.

Время убивается двоякимъ образомъ: или проводится оно въ бездѣйствіи, или въ такихъ упражненіяхъ, которыя на душѣ нашей никакого по себѣ слѣда не оставляютъ, и отъ того то въ старыхъ тѣлахъ видимъ мы часто молодыя души, хотя казалось, что люди, въ которыхъ примѣчается это явленіе, были во весь ихъ вѣкъ чрезвычайно заняты. — Какой великой предметъ для благороднаго человѣка! убивать то, что все убиваетъ! Преодолѣвать то, чему

[1] Картъ.

ничто противустоять не можетъ! Герои, упражняющіеся въ такихъ великихъ подвигахъ, не должны ли заслужить хвалу величайшихъ въ свѣтѣ мудрецовъ; основанную даже на нашемъ признаніи, что мы передъ ними ничи духомъ? . . Такъ, Государи мои! согласимся, что они умнѣе насъ; повѣримъ, что они лучше знаютъ цѣнить вещи, и послушаемъ ихъ ученія.

Тотъ истинной философъ, говорятъ они, кто умѣетъ презирать мірскія сокровища. Потомъ сказываютъ, что время драгоцѣннѣе золота и лучше всѣхъ земныхъ благъ, но когда мудрецы сіи тщеславятся достоинствомъ, что они презираютъ золото, то сколько жъ почтеннѣе мы ихъ, пренебрегая самое время, сіе сокровище, коего тратить нѣтъ даже и у нихъ довольно твердости духа! итакъ, мы то истинные мудрецы, Милостивые Государи! они презираютъ вещь, которая всегда въ ихъ рукахъ быть можетъ; но мы тратимъ равнодушно время, зная, что воротить его не въ силахъ. Удивляются Султану Африканскому, что онъ сжегъ свой флотъ, дабы воспрепятствовать возвращенію своему въ Римъ: рѣдкая вещь! Имѣя храбрыхъ воиновъ, онъ надѣялся сожечь Карѳагенъ и возвратиться домой на новыхъ судахъ, но мы, сожигая, такъ сказать, наше время, не имѣемъ никакой надежды возвратиться къ нашему младенчеству, и, слѣдовательно, всякую минуту превосходимъ Сципіона мужествомъ. Великій Титъ плакалъ, говорятъ, о томъ днѣ, которой проводилъ, не сдѣлавъ добраго дѣла; но мы — о примѣръ истиннаго великодушія! — мы проживаемъ лѣта по пятидесяти по пустому, и ни разу о томъ не поплачемъ!

Я уже сказалъ, что первой способъ убивать время есть тотъ, чтобы ничего не дѣлать, или спать;

но, къ несчастію, человѣкъ не можетъ быть столь совершенъ, чтобы проспать шестьдесятъ лѣтъ, не растворяя глазъ и не сходя съ постели, ни такъ же просидѣть все это время, поджавъ руки. Хотя и старались испанцы осовершенствовать сію часть; хотя не рѣдко встрѣтить можно тамъ героевъ, которые, поддерживая древнее свое благородство, почитаютъ за честь умереть съ голоду, поджавъ руки,[1] но великимъ подвигамъ легче удивляться, нежели послѣдовать. Намъ нужны другіе способы. -- Притомъ же, мало ли есть такихъ прекрасныхъ упражненій въ большемъ свѣтѣ, которыя почти столь же знамениты, какъ и дарованіе ничего не дѣлать, а такія то упражненія и нужны для нашего общества. Дѣлать, ничего не дѣлая, говорить, ничего не сказывая -- вотъ два сильнѣйшіе способа убить время: съ сими двумя правилами человѣка уважаю я столько же, какъ и того, кто имѣетъ испанскую твердость духа скорѣй согласиться дать себѣ отрубить руки и голову, нежели ими дѣйствовать. Разсмотрите хорошенько около себя, и вы найдете тысячу великихъ душъ, которыя располагаются проспать будущій годъ, половину зажмурясь и лежа, а другую половину — хотя и съ открытыми глазами, и подаютъ вамъ примѣръ сбывать съ рукъ время. - Нужно ли вамъ знать имена ихъ? — Исполню ваше желаніе. — А вы, почтенные образцы, простите, если, уступая моимъ восторгамъ, потревожу я нѣсколько вашу скромность, дабы поощрить юношество подражать вамъ. И пусть слабая похвала моя послужитъ вамъ малымъ воздаяніемъ, доколь Небо не увѣнчаетъ васъ завидною наградою лежать, не перевора-

[1] Вѣроятно, намекъ на одинъ изъ типовъ „Жильблаза“ Лесажа.

чиваясь, съ боку на бокъ. — Повторимъ, любезные юноши, съ благоговѣніемъ ихъ имена.

Первой встрѣчается мнѣ Подлонъ; съ математическою точностію дѣлитъ онъ утреніе часы будущаго года по числу прихожихъ, въ которыхъ проходятъ важную науку помрачать достоинства гибкостію спины. Уже назначаетъ онъ тамъ себѣ самыя выгодныя мѣста, гдѣ бы надежнѣе было ловить улыбки и благосклонные взгляды вельможъ; уже, кажется, слышу я, какъ гибкой его языкъ, съ безпристрастіемъ историка, передъ однимъ барономъ пересказываетъ дурачества другого, а этого ѣдетъ бранить къ третьему. Платя богатую подать новостями мнится онъ по всему городу ихъ собирать, чтобы на завтрее позабавить своево покровителя на счетъ чести ближняго; онъ держитъ вѣрной списокъ рогамъ, выключая только своихъ; чувствуя, сколь становится онъ необходимъ, жалуется, что великихъ его трудовъ не можетъ вынести четверня, и покровитель его, умѣя различать дарованія, обѣщаетъ ему шестерню. Но когда съ четырью только товарищами любезной нашъ Подлонъ надѣлалъ столько подвиговъ, то согласитесь, почтенные слушатели, что несравненно полезнѣе отечеству будетъ онъ самъ-семь, и болѣе получитъ способовъ оказать свои достоинства, когда рѣзвое счастіе, награждая поворотливость его языка, прибавитъ ему еще двухъ товарищей.

Замотовъ подаетъ вамъ другого роду образецъ, какъ убивать время. Вооружась противъ него, разсѣкаетъ онъ уже мысленно будущій годъ на тысячу частей, чтобы разбросать ихъ по кофейнымъ домамъ, по маскарадамъ и по вечерникамъ; собирается глядѣть на все и ничего не видать, говорить все и ничего не думать. Вездѣ старается онъ поспѣть. Все-

гда занятъ и никогда ничего не дѣлаетъ. Безпрестанно хлопочетъ, чтобы нажить новые долги. Однимъ словомъ, вотъ примѣрной молодой человѣкъ, которой добивается мастерски тріумфальнова въѣзду въ полицію. Уже мысленно вижу я великолѣпной сей въѣздъ; вижу, какъ торжественно препровождается онъ толпою портныхъ, сапожниковъ, каретниковъ и волосочесовъ, которые всѣ, подобно унылымъ плѣнникамъ, слѣдуютъ за нимъ, повѣся головы и держа въ рукахъ огромные реестры знаменитыхъ ево дѣлъ. Дѣла сіи привлекаютъ вниманіе правительства, и герой нашъ, подобно древнимъ атлетамъ, принимается на казенное содержаніе.

Но какой новой предметъ представляется моему взору! Подборовъ, вооружася безчисленными дюжинами картъ, выступаетъ противъ новаго года и назначаетъ себя къ продолженію благороднаго ремесла метать неусыпно направо и налѣво. Наполнясь пріятною надеждою обмануть ближняго, преодолѣваетъ онъ сонъ и голодъ; пренебрегая всѣ науки, погружается онъ только въ одну важную науку, — выметать направо все то, чего ждетъ налѣво его соперникъ[1]. Сему то одному искусству посвящаетъ онъ всѣ свои дарованія, и подобно Александру, не полагая границъ своимъ побѣдамъ, въ героическомъ восторгѣ грозится цѣлой свѣтъ пустить по міру.

Но до сихъ поръ, любезные слушатели, предлагалъ я вамъ въ примѣръ особъ, которыя съ возможною ревностію убиваютъ время, достающееся на ихъ часть; теперь хочу заключить, выставя въ примѣръ неподражаемаго героя, который силится убить время даже своихъ потомковъ. Таковъ несравненной Ску-

[1] Передергиваетъ такъ, чтобы выигрышныя карты падали въ его сторону.

кобредъ. Онъ, наводняя своими сочиненіями публику, хочетъ и нѣсколько вѣковъ спустя быть оруліемъ убивать время. Какой похвалы не заслуживаетъ онъ, когда, просиживая насквозь ночи, занимается важнымъ предметомъ усыплять даже десятое наше поколѣніе по нисходящей линіи; не покоряется усталости, и хотя часто голову его раскачиваетъ пріятная дремота, но мочная рука его никогда не перестаетъ писать — и что всево удивительнѣе, Милостивые Государи, то никакая академія не въ силахъ различить, что онъ написалъ сквозь сонъ и что на яву!

Но сей примѣръ, любезные слушатели, не съ тѣмъ выставлялъ я, чтобъ возбудить въ васъ охоту ему подражать: довольно уже и того, если возбудитъ онъ въ васъ удивленіе. Мы уже видѣли, сколь вредно и опасно благородному человѣку заниматься книгами. Но со всѣмъ тѣмъ, если кто изъ васъ, Милостивые Государи, чувствуетъ въ себѣ геройскую смѣлость, никогда не читавъ, начать писать, тому не совѣтую оставлять такой прекрасной склонности, которая производитъ пирамиды печатныхъ бумагъ въ честь нарпаскимъ каникуламъ нынѣшняго времени.

Но симъ ли однимъ примѣромъ можно пользоваться? Другіе не менѣе блистательны, и болѣе свойственны для благороднаго человѣка, которой, и не принимаясь за перо, имѣетъ право не называться безграмотнымъ для того, что прадѣдъ его зналъ читать и писать. Для чего не подражать другимъ подлинникамъ, коихъ число столь велико, что предѣлъ рѣчи моей не позволяетъ обо всѣхъ упомянуть, ибо я не намѣренъ ни искусить терпѣнія вашего, ни перецеголять безконечностію тѣ отборныя предисловія, которымъ книги, кажется, печатаютъ въ приданое.

Теперь, М. Г., надѣюсь я, что вы можете чувствовать, что есть наука убивать время; можете видѣть ея необходимость и силу въ большемъ свѣтѣ. Главная уловка состоитъ въ томъ, чтобы никогда не думать. Педанты скажутъ, что это невозможно, но вы, не вдаваясь въ словесные споры, можете имъ доказать истину на самомъ дѣлѣ. Правда, молодымъ дѣвушкамъ очень пристало иногда задумываться, но думать — никогда: это ремесло прилично только тѣмъ низко-рожденнымъ людямъ, которые не могутъ обойтись безъ своей головы, и которые имѣютъ безстыдство не различать насъ съ обезьянами. Но, не занимаясь трудными спорами и розысками по натуральной исторіи, что совсѣмъ не наше дѣло, встрѣтить лучше, М. Г., какъ можно веселѣе наступившій годъ, подобно какъ храбрая армія встрѣчаетъ весело своего непріятеля. До сихъ поръ часто видалъ я, что люди встрѣчаютъ новой годъ въ такомъ восхищеніи, какъ молодой супругъ свою новобрачную, или, какъ малой ребенокъ новую куклу, а на третій день всѣ они скучаютъ своими новостями, зѣваютъ и не знаютъ, куда дѣваться отъ скуки, т. е. не знаютъ, какъ убить бремя[1]; но мы, любезные слушалели, получа теперь нѣсколько подробнѣе идею, какъ жить его съ рукъ, мы, конечно, не будемъ подвергнуты опасности мучиться зѣвотою.

Соединимъ же нашу ревность, М. Г.! Годъ уже наступилъ; уже это время навалливается на наши руки — но ободритесь, — остерегайтесь мыслить, остерегайтесь дѣлать, и годъ сей будетъ служить намъ осломъ, надъ которымъ наука убивать время покажетъ новые опыты, достойные нашего просвѣщенія.

---

[1] Въ опечаткахъ исправлено изъ время

III.

Примѣчанія на комедію „Смѣхъ и Горе“ [1].

Еслибы рукоплесканія публики служили для авторовъ непоколебимымъ одобреніемъ, то бы я сказалъ, что комедія „Смѣхъ и горе“ есть одно изъ прекраснѣйшихъ твореній театральныхъ, ибо рѣдкое сочиненіе принималось съ такимъ успѣхомъ; но какъ сіи же рукоплесканія нерѣдко расточаются и въ шутовскихъ операхъ, то я мало къ нимъ легковѣренъ. Еслибы брань безграмотныхъ зоиловъ опредѣляла паденіе сочиненій, то бы, ни мало не раздумывая, поставилъ я моево автора наряду съ двумя или тремя мелочными волокитами Пегаса, которыхъ имени не упоминаю только для того, дабы не разрушить спокойной неизвѣстности, коею сіи добродушные люди наслаждаются въ воздаяніе за свою авторскую неутомимость. Но меня не предубѣждаетъ ни то, ни другое: Зоилы не были довольны Расиновою „Федрою“, ругали мольерова „Тартюфа“ и „Мизантропа“, публика возносила до небесъ рукоплесканіями Прадона [2]! Вотъ сильныя причины не основываться на скороностижныхъ приговорахъ, которыми учреждаетъ или случай, или невѣжество; или льстивое дружество, или ядовитая ненависть.

Я вознамѣрился сколько возможно безпристрастно разсмотрѣть сію комедію и предать замѣчаніе мое на судъ публикѣ. Я не намѣренъ ни ослѣпить автора ласкательною похвалою, ни огорчить ево грубымъ и бранчивымъ сужденьемъ. Словомъ, я поступлю такъ, какъ бы желалъ, чтобы поступлено было со мною въ такихъ же обстоятельствахъ, и какъ бы

[1] Клушина.

[2] Бездарный писатель, врагъ Буало.

должно было поступить со всякимъ новымъ авторомъ. Пристрастная и чрезмѣрная похвала изнѣживаетъ и разслабляетъ дарованія, колкая брань и насмѣшка ихъ повергаетъ въ отчаяніе и задушаетъ въ самомъ рожденіи, но безпристрастное сужденіе очищаетъ вкусъ и, указывая на погрѣшности одною рукою, увѣнчиваетъ другою красоты. Такое сужденіе не утѣшаетъ и не ослѣпляетъ самолюбія, но оставляетъ ево въ той степени, какая нужна для воспламененія дарованій.

Увидитъ ли кто погрѣшности въ моемъ сужденіи, пусть откроетъ мнѣ ихъ: сіе открытіе послужитъ и къ пользѣ моей, и къ пользѣ нашего автора.

Содержаніе комедіи.

Вдова Вздорова, богатая кокетка, и Старовѣкъ, ея деверь, старикъ добрыхъ правовъ, имѣютъ дѣвушку племянницу, именемъ Пріяту, которую хотятъ выдать замужъ. Вздорова, по любви къ вѣтрености, къ щегольству и къ большему свѣту, прочитъ ее за Вѣтрона, молодого повѣсу, котораго очень хорошо изображаетъ его имя. Старовѣкъ, напротивъ того, почитая достоинства, добрыя правила и хорошіе нравы, хочетъ выдать ее за Пламена, офицера, влюбленнаго въ Пріяту, и въ коего она влюблена взаимно. Вздорова всячески противится этому, тѣмъ болѣе, что она сама въ него влюблена. Между тѣмъ появляются два ложные философа, Хохоталкинъ и Плаксинъ. Первой сватается на Пріятѣ, второй мѣтитъ жениться на самой Вздоровой, прельстясь ея имѣніемъ. Вздорова старается обоихъ ихъ проводить, щеголяя сею приличною своему полу уловкою. Служанка въ свою очередь, желая провести самое Вздорову, подкидываетъ письмецо Пла-

мену, въ которомъ совѣтуетъ, чтобы онъ казался влюбленнымъ во Вздорову, если не хочетъ потерять Пріяты. Пламенемъ, послѣдуя сему и поощряемый Андреемъ, своимъ слугою, дѣлаетъ Вздоровой любовное объясненіе, въ которомъ застаетъ ево любовница, съ нимъ ссорится, и, наконецъ, что очень обыкновенно между любовниками, опять мирятся. Пламенъ съ своей стороны, почитая Вѣтрона своимъ соперникомъ, ссорится съ нимъ, думая, что тотъ похищаетъ у нево Пріяту: но когда узнаетъ свою ошибку, то всѣ они вмѣстѣ дѣлаютъ заговоръ противу Вздоровой. Пламенъ продолжаетъ притворяться [1] въ нее влюбленнымъ. Подговариваютъ Вздорову въ маскерадъ, случившійся въ тотъ день; и чтобы болѣе тамъ блеснуть, то въ маскерадныхъ платьяхъ и въ маскахъ протверживаютъ дома минуетъ. Когда хотятъ они къ сему приступить, то входятъ Хохоталкинъ и Плаксинъ, первой навѣдаться о Пріятѣ, въ которой получаетъ отказъ, второй, желая увѣриться о самой Вздоровой; но какъ она уже получила слово отъ Пламена, то и этотъ отходитъ съ отказомъ. Они оканчиваютъ сію размолвку комически. Потомъ въ то время, когда зачинаютъ танцовать, слуга, который между тѣмъ переодѣлся въ женское платье, подмѣняетъ Пріяту, которая уходитъ и вѣнчается съ Пламеномъ въ домашней церквѣ. И когда Вздорова пляшетъ по-русски со слугой, думая, что пляшетъ съ своею дочерью [2], тогда вдругъ слуга снимаетъ маску, любовники входятъ, обманъ открывается. Старовѣкъ все это объявляетъ Вздоровой. Она уходитъ, проклиная весь свѣтъ. Любовники довольны, а мнимые философы

[1] Исправлено въ опечаткахъ притворяется.

[2] Ошибка — племянницей. Въ опечаткахъ исправлено.

остаются съ отказомъ, утверждая — Хохоталкинъ — что все смѣшно, а — Плаксинъ — что все жалко.

Вотъ содержаніе комедіи; приступимъ къ замѣчаніямъ.

Авторъ открываетъ себѣ обширное и прекрасное поле своимъ выборомъ, желая осмѣять порокъ двумя различными способами: смѣхомъ и плачемъ. Что можетъ быть богатѣе сего содержанія: Хохоталкинъ и Плаксинъ ево два лица, которыхъ разнообразная и острая сатира никогда не можетъ показаться сухою. Авторъ, зная театръ, чувствуя, сколь блистателенъ бываетъ характеръ, если оттѣниваемъ онъ присутствіемъ противнаго характера, старается почти всегда Плаксина и Хохоталкина выводить вмѣстѣ и тѣмъ увеличиваетъ ихъ силу.

Удивительно мнѣ, что тотъ же самой разумъ, который, дѣлая такой прекрасной выборъ, кажется, искалъ обширнаго себѣ поля, — что тотъ же самой разумъ связалъ себя, сдѣлавъ Плаксина и Хохоталкина эпизодическими особами въ своей поэмѣ, и, отнявъ у нихъ способы дѣйствовать, заключилъ ихъ въ тѣсныя правила, какимъ подвержены эпизодическія лица. Сія бы погрѣшность менѣе видна была, еслибы авторъ самъ названіемъ комедіи не обѣщалъ, такъ сказать, основать ее на Плаксинѣ и Хохоталкинѣ: она бы менѣе была примѣтна, еслибы сіи два лица не плѣняли столь публику и не заставляли бы ее сожалѣть о томъ, что ихъ сгоняютъ безъ причины только для того, чтобы дать мѣсто другимъ особамъ, безъ коихъ бы болѣе можно было обойтись. Сдѣлавъ сію ошибку, отнявъ у сихъ прекрасныхъ лицъ дѣйствіе, и оставя имъ одни слова, авторъ не могъ избѣжать другой ошибки, происходящей изъ первой. Чувствуя, сколь нужно оттѣнять сіи два характера

одинъ другимъ, старался выводить онъ ихъ вмѣстѣ на сцѣну, но безъ довольной на то причины. Сего бы, конечно, не могло случиться, еслибы, увлеченный своимъ плодовитымъ воображеніемъ, могъ онъ остеречься отъ первой своей ошибки.

Вѣтронъ есть третіе лицо. Въ немъ прекрасно изображается модной повѣса. Легкость слога, склонность къ болтовству, эпиграммы, сказанныя на самаго себя, невѣжество, вырывающееся тогда, когда хочетъ онъ пощеголять своимъ умкомъ: ничто не упущено, чтобы сдѣлать сіе лицо блестящимъ и подвести ево ближе къ природѣ.

Но сколь бы герой привлекателенъ ни былъ, какое бы дарованіе ни трудилось, дабы ево осовершенствовать и придать ему всевозможныя красоты: сколь бы много остроты, ума и вкуса на нево истощено ни было — все это не произведетъ полнаго дѣйствія, если герой введенъ въ поэму безъ причины, а таковъ есть Вѣтронъ: прекрасной этотъ характеръ, кажется, зашелъ въ эту поэму изъ другой комедіи, и еслибы нѣсколько менѣе дарованія на нево было истощено, то бы скоро сдѣлался онъ скучнымъ; но чистые стихи и легкость слога причиною тому, что партеръ позабываетъ спросить, зачѣмъ Вѣтронъ появляется на сцѣну. Правда, въ первомъ своемъ явленіи говоритъ онъ со служанкой о вѣтреной любви своей къ Пріятѣ; но какъ о томъ нигдѣ болѣе не упоминается и изъ сего никакова не выходитъ слѣдствія, то это похоже нѣсколько на натяжку, ибо причина слаба для введенія лица въ поэму, если она не побуждаетъ ево дѣйствовать въ продолженіе всей поэмы: притомъ же необходимо должно, чтобы лицо, объявившее въ первой своей сцѣнѣ причину, для чево оно показалось, и какую имѣетъ связь съ дру-

гими лицами сей драмы, — чтобы лицо сіе выхо-дило на театръ и уходило съ театра только для того, чтобы достичь цѣли, для которой оно выведено. Но сего то и нѣтъ въ Вѣтронѣ. Правда, Вздорова имѣетъ намѣреніе отдать за него Пріяту, но это намѣреніе не можетъ еще сдѣлать его дѣйствующимъ, а лицо, наполняющее поэму безъ дѣйствія, есть ошибка въ поэмѣ.

Вздорова есть также прекрасный характеръ, и что еще болѣе, то всегда дѣйствующій. Авторъ, кажется, не желая, сдѣлалъ изъ нея героя поэмы, потому что въ ней въ одной болѣе дѣйствія, нежели словъ. Но сему лицу, кажется, льзя судить, что бы былъ въ силахъ сдѣлать авторъ, еслибы во всѣхъ характерахъ соединилъ онъ сатиру съ дѣйствіемъ.

Старовѣкъ, деверь Вздоровой, есть правоучитель. Авторъ, кажется, вывелъ это лицо, дабы болѣе оттѣнить характеръ Вздоровой, въ чемъ онъ очень изрядно успѣлъ, сдѣлавъ только ту ошибку, что и этому лицу не далъ дѣйствія. На театрѣ должно правоученіе извлекаться изъ дѣйствія. Пусть говоритъ философъ, сколь недостойно питать въ сердцѣ зависть къ счастью ближняго; сколь вредна страсть сія въ общежитіи, сколь пагубна въ сильныхъ людяхъ; пусть истощаетъ всѣ риторическія украшенія, дабы сдѣлать отвратительное изображеніе сей страсти: я буду восхищенъ и тронутъ его краснорѣчіемъ; но драматической авторъ долженъ мнѣ показать завидливаго, коево риторъ сдѣлалъ описаніе, — онъ долженъ придать ему такое дѣйствіе и оттѣнки, которые бы, безъ помощи его слова, заставили меня ненавидѣть это лицо, а съ нимъ вмѣстѣ и пагубную страсть, въ немъ образованную. Мольеръ въ своей комедіи [1],

[1] „Скупой".

не говоря длинныхъ нравоученій противъ скупости, заставляетъ ненавидѣть Гарпагона и дѣлаетъ ево смѣшнымъ; но въ нѣкоторыхъ нашихъ комедіяхъ старики говорятъ презрядныя и предлинныя нравоученія, охлаждаютъ ими жаръ дѣйствія, и весь успѣхъ, производимый ими, это тотъ, что слушатели желаютъ только скорѣе дождаться счастливой минуты, когда опустятъ занавѣсъ.

Въ расположеніи поэмы сей болѣе всего заслуживаетъ вниманіе развязка. Она нова, наполнена жаромъ и производитъ прекрасное дѣйствіе надъ зрителемъ, передъ коимъ открывается тогда, когда онъ менѣе всево ея ожидаетъ: нужно и то замѣтить, что развязка сія не расположена длинными отпусками, которые драматическіе писатели привыкли читать своимъ героямъ на концѣ поэмъ. Въ ней нѣтъ и той погрѣшности, какою также наполнены многія комедіи, и которая состоитъ въ томъ, что авторы, набравъ на руки множество лицъ и навязавъ всякому изъ нихъ любовь или другія хлопоты, принуждены бываютъ развязку дѣлать въ началѣ пятаго акта, чтобы достальную ево часть наполнить новыми развязками и отдаленіемъ отчета публикѣ, къ какому, такъ сказать, мѣсту пристроено всякое эпизодическое лицо. Сево часто не могъ избѣжать и Мольеръ, которой, впрочемъ, не щеголялъ развязками; но г. Клушинъ счастливо увернулся отъ сей погрѣшности.

Замѣтимъ же и недостатки, какіе есть въ развязкѣ.

Всякое дѣйствіе должно быть на театрѣ вѣроятно и исполняемое въ своемъ мѣстѣ. Авторъ не долженъ казаться чудотворцемъ, но подражателемъ природы. Скупому очень свойственно зарыть деньги; но еслибы авторъ вздумалъ заставить своего скупова зарыть ихъ на большей улицѣ середь бѣла дня, то

сколь бы ни комически обработалъ онъ такое явленіе, но зритель все остался бы имъ болѣе удивленъ, нежели восхищенъ. Таковаго же роду погрѣшность находится и въ сей развязкѣ: приготовляя ее, слуга переодѣвается въ женское платье: но гдѣ же? Въ той комнатѣ, черезъ которую весь свѣтъ проходитъ, и въ которой сыграно четыре дѣйствія. „Ну, если ево застанутъ?" спрашиваетъ зритель. — Авторъ долженъ отвѣчать: „я воленъ, сударь, въ это время никово на сцѣну не выпустить" — и зритель остается обнадеженъ, но еслибы въ самой вещи случилось такое переодѣваніе, то бы, конечно, слуга не выбралъ къ тому прохожей комнаты.

Самая развязка не иное что есть, какъ свободная и хорошая игра авторскаго воображенія, она прекрасна, если смотрѣть и судить ее одное; но излишна, если взять ее въ связь поэмы.

Никогда хитрость достигнуть къ цѣли не должна быть труднѣе препятствъ, къ тому противуположенныхъ. А еще болѣе никогда не должно употреблять тамъ большей хитрости, гдѣ нѣтъ большихъ препятствъ, которыя бы ее оправдывали. Въ комедіи „Севильской цырюльникъ" [1] хитрости графа, чтобы увидѣться съ своею любовницею, привлекательны потому, что онъ поминутно встрѣчаетъ себѣ въ Бартало, въ д. Базилѣ и въ самой своей любовницѣ новыя препятства. Но еслибы Бартало употребилъ такія же переодѣванья, чтобы видѣться съ Эмиліей, сіе бы была хитрость некстатѣ — для того, что она живетъ у него подъ опекою. Къ чему же и въ сей поэмѣ столько [2] хлопотъ, чтобы обвѣнчаться на дѣвушкѣ, которая всякую минуту видится съ любов-

[1] Бомарше.

[2] Въ подлинникѣ „только".

никомъ, живетъ ни мало не назаперти, и коея дяля на то согласенъ. Хитрыя любовныя похищенія пристойны тамъ, гдѣ любовницы крѣпко стерегутся; но тутъ вся трудность состояла только въ томъ, чтобы вывести Пріяту въ церьковь и обвѣнчаться. При томъ же нѣсколько неестественно и то, что старушка ѣдетъ въ маскарадъ въ тотъ вечеръ, когда намѣрена обвѣнчать свою племянницу.

Кстатѣ объ излишнихъ хитростяхъ. Упомянемъ еще разъ про Плаксина. Въ III дѣйствіи Плаксинъ обнаруживаетъ, что онъ притворно принимаетъ на себя характеръ плачущаго философа, для того чтобы получить руку Вздоровой. Но Вздорова сама болѣе вѣтрена и весела, нежели сколько пристойно ея лѣтамъ: и такъ, принимать на себя свойство, ей противное, есть дурной способъ ей понравиться: прилично бы было поддѣлываться подъ ея характеръ. — Кто удобенъ притворяться, тотъ уже неотмѣнно долженъ имѣть столько осторожности, чтобъ не брать на себя лицо, которое бы могло нанести ему вредъ.

Слогъ въ сей поэмѣ почти вездѣ чистъ: стихи хороши, вольны, сатира наполнена соли и остроты: выключая, что есть нѣкоторыя повторенія мыслей. — Но приведемъ нѣсколько примѣровъ и отдадимъ на судъ самому читателю.

Дѣйствіе первое.

Явленіе пятое[1].

Вѣтронъ

(входитъ на сцѣну и говоритъ служанкѣ).

Старушка у себя ль? Скажи, что я здѣсь былъ;
Но что за крайнею я нуждой укатилъ.

[1] Исправлено въ опечаткахъ изъ „первое“.

Ябъ самъ къ ней могъ войти, съ Пріятой повидаться,
Да некогда: лечу съ Промотовымъ кататься.
Пришли изъ Англіи недавно корабли,
Такъ въ пять аршинъ ему савраску привезли.
Семь тысячъ заплатилъ за эту онъ скотину;
Но будетъ ли она подъ пару господину,
И кто полезнѣе для свѣта можетъ быть,
На Красномъ кабачкѣ должны мы разрѣшить:
Задача мудрена — и пр.:

Кажется, довольно ясно и коротко образовано свойство моднаго повѣсы, которой, оставляя свиданіе съ своей невѣстой, торопится безпутствовать на Красномъ кабачкѣ.

—

Дѣйствіе второе.

Явленіе первое.

Хохоталкинъ

(входя, смѣется постепенно).

Какія странныя на свѣтѣ перемѣны!
Нѣтъ вѣрности нигдѣ, вездѣ одинъ измѣны:
Вчера, казалось, я Пріятой былъ любимъ,
Сегодня такъ и сякъ; а болѣ [1] не терпимъ.
Потупя томной взоръ, то плачетъ, то вздыхаетъ
И кисло на мои вопросы отвѣчаетъ.
Но это ли одно на свѣтѣ семъ смѣшно?
Стрепетъ ведетъ стрепца; что глупо, то умно;
Друзья противъ друзей; мужья противу женъ;
А жены противъ нихъ — и стало, свѣтъ смѣшонъ.
На мѣсто должнова къ несчастнымъ сожалѣнья
Наполнены сердца счастливцовъ къ нимъ презрѣнья.
Ну не смѣшонъ ли свѣтъ? Смѣшонъ, я увѣряю.
Итакъ, смѣясь всему, я дѣльно поступаю.

Сей монологъ очень хорошъ, выключая тово, что нѣсколько въ немъ болѣе есть важности, нежели надобно для шутливаго и насмѣшливаго характера,

[1] Въ подлинникѣ „болѣе".

каковымъ выводится Хохоталкинъ. Слѣдующій, кажется, болѣе подходитъ къ характеру, для котораго онъ сдѣланъ.

Явленіе второе.

Хохоталкинъ и **Плаксинъ** (входя, плачетъ постепенно).

Плаксинъ

Твореньe жалкое, несчастной человѣкъ!
Живи, крушись, страдай и плачь ты цѣлой вѣкъ!
Ты во грѣхахъ рожденъ, въ грѣхахъ и умираешь,
И гроба за дверьми несчастія скончаешь.
Ты учишься къ чему? Къ погибели своей!
Ты ѣшь и пьешь, какъ звѣрь и самъ себѣ злодѣй.
Хотя пришлецъ ты въ міръ; но въ вѣчность не стремишься,
Мечтою омраченъ, величіемъ гордишься.
Не знаешь истинныхъ для смертнова утѣхъ,
И что ты шагъ ступилъ, то сдѣлалъ тяжкой грѣхъ.
Войди въ себя, себя ты убѣгать старайся,
И цѣлой вѣкъ потомъ слезами обливайся.
Бѣги отъ женщинъ прочь: одинъ ихъ нѣжный взглядъ
Преобращаетъ намъ покой въ смертельной ядъ.
Театра берегись и берегись познаній,
Не исполняй своихъ ни мало ты желаній,
Ѣшь мало, меньше пей, старайся больше спать,
Чтобъ отъ грѣховъ хоть тѣмъ сколь можно избѣжать.

Изъ сихъ образчиковъ можно, кажется, судить о способности нашего автора къ стихотворству. Привелъ бы я нѣкоторыя мѣста въ доводъ дарованія его, съ какимъ оживляетъ онъ многія комическія сцѣны въ своей поэмѣ, но краткость времени и мѣста мнѣ тово не дозволяютъ. Дабы кончить мои замѣчанія, скажу короче: желательно бы было, чтобы авторъ къ дарованію своему присоединилъ осмотрительность въ сочиненіи плановъ для будущихъ своихъ поэмъ, и тогда бы, можетъ быть, драматическія творенія ево служили обогащеніемъ россійскаго театра.

IV.

Похвальная рѣчь Ермалафиду [1], говоренная въ собраніи молодыхъ писателей.

Ужасно видѣть, М. Г., съ какою завистію критика всегда вооружалась на дарованія.—Тысячу бы примѣровъ нашелъ я въ исторіи о словесности; но какъ мы обязались благородною клятвою писать все и не читать ничего, то, не хвастаясь, скажу, что ни одного довода сдѣлать я не въ состояніи. Но къ чему намъ доводы? Мы сами не ясное ли доказательство неблагодарности читателей? Соединенные благородною ревностію просвѣщать свѣтъ, не даемъ мы отдыха типографщикамъ, а ослѣпленная публика на стихи наши жалуется, какъ египтяне на саранчу, коею Небо хотѣло обратить ихъ на путь истины. Книжныя лавки ломятся отъ нашей прозы и стиховъ; но когда войдешь и посмотришь на полки, гдѣ лежатъ наши сочиненія, то подумаешь, что это зараженные товары, до которыхъ никто не смѣетъ дотронуться, и они остаются въ сей неволѣ, доколѣ табачники и разносщики не расхватятъ ихъ по клочкамъ, а нечувствительная публика смотритъ на то равнодушно, оставляя имъ терзать наши неподражаемыя произведенія.

Плачевное предчувствіе! Скоро, я думаю, надобно будетъ прежде читать, нежели писать; надобно будетъ думать — слезы навертываются у васъ на глазахъ, М. Г.! Привыкшимъ писать не думавши такое порабощеніе словесности, конечно, для насъ будетъ ужасно. И въ чемъ же неумолимые сіи кри-

[1] Ермалафія—многословная болтовня, чепуха, дребедень. См. Гротъ Разыск., I, 92; К. А. Гротъ, „Жуковскій въ 1837 г.", Спб., 1902, стр 6; „Рус. Стар.", 1885, XII, 183. Направлена противъ Карамзина и его послѣдователей.

тики полагаютъ свободу словесныхъ наукъ, если думаютъ они, что писатель долженъ послѣдовать правиламъ или читать авторовъ, дабы подражать ихъ красотамъ? Нѣтъ, любезные слушатели: великой умъ никогда ничему не слѣдуетъ. Не нужны ему ни правила древнихъ, ни ихъ творенія; и онъ, не справляясь ни съ какими книгами, садится за письменной столикъ, какъ скоро почувствуетъ только позывъ на письмо. Фразу свою кончитъ тогда, когда надобно перо обмакнуть въ чернильницу; періодъ тогда, когда нужно его перечинить; какъ же скоро плѣняется онъ новымъ содержаніемъ, тогда, на первомъ своемъ сочиненіи подписавъ торжественно: „конецъ!“, принимается тотчасъ за другое, которое обрабатываетъ съ такою же благородною вольностію. Таковъ то есть почтенный Ермалафидъ, герой и сотрудникъ нашъ, коему дерзаю я соплести вѣнецъ достойной похвалы, въ досаду злой критикѣ, взирающей съ завистію даже и на то, что въ сочиненіяхъ его завертываются грушки.

Можетъ быть, удивятся, что, не дождавшись смерти моего героя, говорю я ему похвальную рѣчь, но должно ли дожидаться смерти, чтобы увѣнчевать дарованія? Если бы послѣдовать сему правилу Академіи, то, судя по здоровью почтеннаго Ермалафида, можетъ быть, долженъ бы я былъ прожить еще двадцать лѣтъ прежде, нежели испытать мои слабыя дарованія на семъ драгоцѣнномъ оселкѣ. Нѣтъ, любезные слушатели, дарованія нашего героя столь блистательны; воспаленіе мое прославить ихъ столь велико, что я не въ силахъ дожидаться такъ долго Ермалафидовой смерти, и осмѣливаюсь нарушить правила Академіи презирать писателей при жизни и величать ихъ послѣ смерти. При томъ же можемъ

ли мы надѣяться на долговременность нашего собственнаго вѣка, и не подвержены ли мы всѣ такой же нечаянной смерти, какъ наши сочиненія? Часто, смотря на увѣсистое новорожденное твореніе, по толстотѣ онаго заключаемъ мы, что славѣ его не будетъ износу, а оно на другой же день погребается на полкахъ вмѣстѣ съ старыми календарями. Не можемъ ли и мы всѣ перемереть такъ же нечаянно и оставить вершину Парнасскую нашимъ критикамъ, которые нѣкогда, можетъ быть — плачевное воображеніе! — будутъ показывать насъ молодымъ своимъ писателямъ, какъ спартане показывали своимъ дѣтямъ пьяныхъ слугъ, и тогдашняя публика, вмѣсто того, чтобы завидовать тѣмъ, кому удалось быть нашими современниками, станетъ благодарить Небо, что она не въ нашъ вѣкъ вывелась. Предупредимъ же такое несчастіе, любезные слушатели, и если уже насъ никто не хвалитъ, то станемъ хвалить себя сами; ополчимся противу критиковъ и на зло имъ, отдавъ справедливую похвалу неподражаемому Ермалафиду, докажемъ, что и въ нашемъ обществѣ есть великіе люди. Одного такого, каковъ герой мой, довольно, чтобы озарить славою все наше почтенное собраніе. Откроемъ глаза предубѣжденной публикѣ, которая упрямится читать неподражаемыя его творенія и старается погрузить нашего героя въ море забвенія, въ сіе ужасное море для нашего парнасскаго легеона; и въ то же время посмотримъ, какъ безцѣнный Ермалафидъ, поддерживаемый своими сочиненіями, подобно какъ пузырями, не страшится погрязнуть; посмотримъ, какъ неумолимая критика занимается тѣмъ, чтобы прокалывать сіи пузыри, и, наконецъ, съ какою неутомимостію надуваетъ онъ новые, не страшася, что съ ними будетъ равная пер-

вымъ участь". — Въ семъ мѣстѣ ораторъ остановился, дабы дать роздыхъ своему воображенію и принять справедливыя похвалы за прекрасное изобрѣтеніе моря забвенія и за счастливое сравненіе Ермалафидовыхъ сочиненій съ пузырями — потомъ продолжалъ далѣе.

— Я не буду распространяться о родословной нашего героя, да и онъ самъ, какъ истинной авторъ, знаетъ тверже, кто былъ отецъ Гомера или Ромула, нежели отъ кого онъ самъ родился. Немного есть чего сказать и о его богатствахъ: не можетъ похвалиться онъ большимъ имѣніемъ, но зато воображеніемъ столь богатъ, что часто не на что купить ему чернилъ, дабы сдѣлать сему драгоцѣнному богатству опись для свѣдѣнія публики, и столь глубокомысленъ, что если, спустя десять дней, вздумаетъ прочесть свое сочиненіе, то уже не понимаетъ, что онъ хотѣлъ сказать. „Для чего", спросилъ у него нѣкто, „пишешь ты безъ разбора и не обдумывая все, что придетъ тебѣ въ голову?" — „Другъ мой", отвѣчалъ несравненной нашъ Ермалафидъ, „надобно болѣе знать мою природу и потомъ уже судить о моихъ сочиненіяхъ. Если я одну только недѣлю не пишу, то чувствую сильной головной ломъ; самое ничто бухнетъ въ моей головѣ, какъ горохъ, и я необходимо долженъ, какъ можно скорѣй, выгружать мысли мои на бумагу, — или мою голову такъ разопретъ, что я потеряю равновѣсіе".

Кто можетъ изъ насъ, М. Г., похвалиться такимъ изобиліемъ мыслей? Кто, кромѣ нашего безцѣннаго Ермалафида, такъ много разъ и въ столь разныхъ порядкахъ можетъ раскладывать наши гриднаты двѣ литеры на бумагѣ? — Конечно, никто! — Онъ одинъ только въ состояніи съ такою легкостію кстать о

Гомеръ напоминаетъ, что дрова дороги, и, хваля Юнговы нощи [1], замѣтитъ, что нѣмцы одѣваются щеголеватѣе французовъ; онъ одинъ только можетъ съ такимъ плодословіемъ волочить надежду читателя черезъ триста листовъ и на послѣдней страницѣ удивить его пріятною нечаянностію, подписавъ: „конецъ!" — Cie non plus ultra [2] его обширнаго воображенія. Но, какъ, спросятъ меня, могъ онъ достигнуть до такого богатства? Какими орудіями открылъ такое сокровище? Предметъ, по истинѣ достойной вашего любопытства, и которой изслѣдовать ставлю я моею должностью.

Еслибъ обратились мы къ древности, то бы нашли, можетъ быть, что не герой нашъ первой изобрѣтатель сего рѣдкаго искусства, но судьба, кажется, изъ зависти прячетъ отъ взора смертныхъ лучшія ихъ сокровища. — И потому то произведенія пера, подобнаго Ермалафидову, столь же рѣдки, какъ календари прошедшихъ вѣковъ. И вотъ причина, заставляющая меня признавать его изобрѣтателемъ сего способа. Ибо кому онъ могъ подражать не читая никого, какъ то скоро увидите вы изъ шествія его ума, коего пути осмѣлился я изслѣдовать въ семъ словѣ и представить для подражанія молодымъ нашимъ собратіямъ, которые, имѣя великія способности, ожидаютъ только случая, кому послѣдовать, и, за недостаткомъ рѣзкихъ подлинниковъ, принуждены съ великимъ трудомъ отыскивать погрѣшности у Ломоносова и ихъ выкрадывать, или занимать ихъ у Сумарокова. Но теперь я намѣренъ для сего указать имъ неисчерпаемый источникъ въ

[1] „Ночи" англійскаго писателя Юнга. Пародія на нѣкоторыя мѣста „Писемъ русскаго путешественника" Карамзина.

[2] Высшая степень, высшая точка.

Ермалафидѣ и, дабы удовольствовать ваше любопытство, обращаюсь къ моему предмету.

Едва минуло отъ роду пятнадцать лѣтъ нашему герою, какъ отданъ онъ на руки учителямъ и посаженъ за россійскую азбуку. Пламенный духъ его не долго оставался при первыхъ затрудненіяхъ, и менѣе нежели черезъ 2 года началъ онъ писать азы. Въ семъ то случаѣ творческой духъ его оказалъ первыя свои способности! Ермалафидъ никому не подражалъ въ почеркѣ; умнѣйшіе изъ учителей не различали у него аза отъ мыслетей. Казалось, что, онъ, не читавъ никакого письма въ свѣтѣ выдумалъ свою азбуку; учители сперва приписали это тупому его понятію, и вотъ причина, что рѣдкой умъ нашего героя четыре года задержанъ за россійскою азбукою. Наконецъ, примѣтили они, что онъ поставилъ себѣ правиломъ никому не слѣдовать и систематически водить каракули. Тогда то, сдѣлавъ безошибочное заключеніе о его великихъ способностяхъ къ словесности, дали они ему въ руки грамматику и менѣе нежели въ мѣсяцъ не осталось въ ней ни листа живого — онъ просилъ новой книги. — „Развѣ ты всю грамматику выучилъ?“ спрашивали у него.— „Нѣтъ“, отвѣчалъ неоцѣненной герой: „но, повѣрьте, что я и безъ грамматики могу пощеголять моимъ слогомъ“. У него потребовали опыта, и въ одинъ часъ — въ одинъ только часъ онъ написалъ столь краснорѣчивое письмо, что премудрѣйшіе изъ учителей его не поняли. Это убѣдило ихъ, и они представили ему логику. — „Что это за наука?“ спрашивалъ восторжествовавшій надъ грамматикою герой.—„Наука мыслить“, отвѣчали ему: „и важная тайна помѣстить кстатѣ Ergo“ [1]. — „Мнѣ не нужна

[1] „Итакъ“, слѣдовательно, въ доказательствѣ.

эта наука“, говорилъ Ермалафидъ: „двадцать лѣтъ думалъ я безъ логики, такъ неужели достальную половину своего вѣка не возмогу безъ нея обойтись?“ — Возраженіе сильное, коему никто не осмѣлился противорѣчить. Настала очередь риторикѣ явиться на судъ героя. Онъ развернулъ ее, прочелъ строкъ пятнадцать — зѣвнулъ — почувствовалъ сильную наклонность ко сну и отложилъ до завтра рѣшеніе о сей наукѣ.

На другой день повелъ онъ учителей въ свою библіотеку и указалъ имъ на полку, заваленную романами. Тамъ наслаждались ненарушимымъ покоемъ творенія Бредина, покровенныя пылью, равнолѣтною имъ самимъ; тамъ почивали мертвымъ сномъ томныя произведенія Антиричардсона [1]; въ другомъ мѣстѣ глотали пыль герои, произведенные подражателемъ Руссовымъ [2]. — „Есть ли тутъ риторика?“ спросилъ Ермалафидъ, указывая на все то собраніе. Учители читали всѣ сіи романы и согласились единодушно, что въ нихъ риторики нѣтъ. Онъ сдѣлалъ имъ тотъ же вопросъ о грудѣ журналовъ: они ихъ знали и принуждены были по совѣсти сказать, что въ нихъ имени краснорѣчія нѣтъ.—Послѣ сего показалъ онъ имъ связку одъ — и они признались, что здѣсь большею частію пишутся оды безъ краснорѣчія. — „Когда такое множество людей пишутъ безъ риторики“, отвѣчалъ онъ гордо: „то неужели думаете вы, что я всѣхъ ихъ глупѣе и не могу безъ нея обойтись? — Повѣрьте, что мнѣ не нужна эта наука; и я откровенно скажу вамъ, что я, и знавши риторику, не написалъ бы ни на волосъ лучше того, какъ писалъ, и стану писать, не зная ея ни строчки“.

[1] Бездарный романистъ того времени, Львовъ.
[2] Ж. Ж. Руссо

Послѣ сего несравненной Ермалафидъ съ такою же благородною гордостію отвергалъ всѣ другія науки одну по одной. — „Когда я буду читать, то когда жъ писать останется мнѣ время? — Нѣтъ, я намѣренъ учить, а не учиться. Для меня низко узнавать, что другіе думали: я хочу лучше, чтобъ цѣлой свѣтъ, читая меня, старался отгадать, что я думаю. Довольно долго страдала республика ученыхъ, стѣсненная правилами: я родился ихъ разрушить, и для того то хочу развязать своимъ примѣромъ молодые умы; хочу писать безъ правилъ и доказать на самомъ дѣлѣ, что словесность есть свободная наука, не имѣющая никакихъ законовъ, кромѣ воли и воображенія. — Съ такими то прекрасными правилами герой нашъ вступилъ въ поприще писателей и, чтобы начать чѣмъ-нибудь знаменитымъ свои подвиги, написалъ онъ трагедію.

Донынѣ, Мм. Гг., жалко было видѣть, съ какимъ безчеловѣчіемъ проливалась кровь въ трагедіяхъ; жестокіе авторы, кажется, только съ тѣмъ намѣреніемъ заманивали въ партеръ, чтобы у всякаго изъ нихъ испортить фунта по три крови — но какая пріятная новость! Едва появилась трагедія нашего героя на сцѣну, то, казалось, что въ партерѣ сидитъ цѣлой народъ строгихъ стоиковъ: толико то глубокое спокойствіе царствовало во всемъ партерѣ. Зрители не были возмущены ни страхомъ, ни жалостью, ни ненавистью; казалось, что герои Ермалафида превыше всѣхъ страстей; ни одной не было въ нихъ примѣтно, и если-бы глухому показать столь прекрасное зрѣлище, то бы, конечно, онъ подумалъ, что греческіе мудрецы съ театра преподаютъ партеру курсъ математики.— Не подумайте однакожъ, Мм. Гг., чтобы трагедія нашего героя не привлекала вниманія. Напротивъ того,

нерѣдко партеръ надрывался отъ смѣха, и Ермалафидъ, безцѣнной Ермалафидъ самъ смѣялся отъ радости, видя, что трагедія его производитъ такое прекрасное дѣйствіе. — „Начавъ трагедію", говорилъ онъ: „я хотѣлъ утѣшить, а не встревожить и не опечалить партеръ"—прекрасное правило, коему послѣдовали многіе писатели, и съ тово то времени, Мм. Гг., у насъ начали писать столь же шутливыя трагедіи, какъ итальянскія оперы Буффо. Сей успѣхъ еще ободрилъ болѣе нашего героя, и онъ рѣшился продолжать со славою свои подвиги въ письменномъ свѣтѣ.

Давно уже грозился онъ прибрать комедію къ своимъ рукамъ; давно съ неудовольствіемъ видѣлъ, что гордые комическіе писатели стараются смѣшить партеръ, не заботясь о томъ, понимаетъ ли ихъ парадисъ [1]. Такое пренебреженіе его тронуло, ибо онъ самъ часто глядывалъ комедію изъ райка и чувствовалъ, сколь обидно честному человѣку слушать два часа, не понимать ни слова и платить деньги только за то, чтобы видѣть, какъ другіе смѣются. — „Партеръ довольно посмѣялся", сказалъ онъ нѣкогда: „теперь хочу я утѣшить парадисъ" и началъ писать. Менѣе нежели черезъ двѣ недѣли объявляютъ новую комедію: зрителей стекается множество, открываютъ занавѣсъ, и — какое пріятное удивленіе! на сцѣнѣ появляется цѣлой народъ въ лаптяхъ, въ зипунахъ и въ шапкахъ съ заломомъ — въ парадизѣ раздались радостныя восклицанія. Сапожники, разносщики, каменщики — всѣ узнавали на сцѣнѣ своихъ земляковъ. Тогда то всеобщее веселіе разлилось по театру; на сцѣнѣ появились фляжки и ендовы [2]; въ парадизѣ зазвенѣли рюмки и стаканы. На сцѣнѣ

[1] Раекъ, галлерея въ театрѣ.
[2] Чаши для питья.

заплясали — и весь парадизъ началъ пришелкивать; казалось, что сцѣна и парадисъ составляютъ одно семейство. Тогда то гордый партеръ въ первой разъ почувствовалъ, что онъ въ сей бесѣдѣ лишній; что онъ не понималъ въ свою очередь ни слова изо всего, что переговорено въ три часа; и что, наконецъ, въ свою очередь заплатилъ онъ деньги за то, чтобы послушать, какъ хохочетъ парадисъ. Но кто же бы, думали вы, Мм. Гг., загналъ расчесанной партеръ въ растрепанную крестьянскую шайку слушать правоученія? — Кому, кромѣ безцѣннаго нашаго Ермалафида! Онъ одинъ въ состояніи высокое правоученіе подстроить подъ балалайку, и подъ его только разумныя разсужденія могутъ плясать мужики на баркахъ. —Завидливая критика не умедлила на сіе вооружиться; кричали, что разслабляется вкусъ, истребляется благопристойство, но вся не бритая часть была на сторонѣ нашего героя, и, утвердя его славу, включила въ число знаменитѣйшихъ дней тотъ день, въ которой для бородатыхъ зрителей выставлены на сцѣну бородатые актеры [1].

Теперь подумаете вы, можетъ быть, что уже онъ, плѣнясь сими успѣхами, посвятилъ себя одному театру? Совсѣмъ нѣтъ! великой духъ его не чувствовалъ себя отличнѣе привязаннымъ ни къ какому роду писанія. Онъ хотѣлъ писать все, и сдержалъ свое слово. Удивительная способность, Мм. Гг.! Часто, дописавъ до половины свое сочиненіе, онъ еще не зналъ, ода или сатира это будетъ; но всего удивительнѣе, что и то, и другое названіе было прилично, а, можетъ быть, и всѣ его сочиненія со временемъ воздвигнутъ между академіями войну за

[1] Трудно сказать, какія именно піесы имѣются въ виду. Вѣроятно, переводы изъ Шекспира и Лессинга.

споры, къ какому роду ихъ причислить. Изъ сего то ясно видно, какъ гнушался великой умъ его слѣдовать правиламъ, предписаннымъ всякому роду писанія. Онъ поставилъ себя выше всѣхъ законовъ: „одно только правило свято“, говаривалъ онъ, „и оно состоитъ въ томъ, чтобы не слѣдовать никакимъ правиламъ“.

Съ симъ то прекраснымъ заключеніемъ вздумалъ онъ свободные часы свои посвятить удовольствію публики; подъ свободными часами разумѣю я только то малое время, которое оставалось ему отъ сна, отъ обѣда и отъ ужина. Сколь ни малъ былъ сей остатокъ, но и его не хотѣлъ онъ терять напрасно, и для того то рѣшился онъ во всякое новолуніе разгружать на печатномъ станкѣ грузное судно своего воображенія — короче сказать: началъ журналъ[1].

Какое поле открылось для его неутомимости! Озабоченный намѣреніемъ просвѣтить вселенную, не давалъ онъ ни дня, ни ночи отдыху своему типографщику. Тутъ то увидѣли бы вы, Мм. Гг., съ какою удивительною способностію пишетъ онъ прямо набѣло сужденія, рѣшенія и опредѣленія о самыхъ важныхъ предметахъ! Казалось, что перо въ рукахъ его замерло — и наборщикъ никакъ не могъ сравняться съ нимъ въ поспѣшности. Критика также получила себѣ новую пищу: одни говорили, что онъ, проповѣдуя добродѣтель, однимъ своимъ словомъ въ состояніи умножить число отступниковъ отъ добродѣтели; другіе кричали, что ежемѣсячныя его сочиненія суть ежемѣсячныя вылазки противу безсонницы, но его это не устрашило — напротивъ, онъ имѣлъ дарованіе рѣдкое всякую брань толковать въ свою пользу. Сколько писа-

[1] „Московскій Журналъ“.

телей оставили въ самомъ своемъ началѣ поприще словесности, устрашенные первыми нападеніями критики; но герой нашъ не таковъ: если надъ нимъ смѣются, то онъ восхищается способностію своею смѣшить и сравниваетъ себя съ Мольеромъ и Боало; если его бранятъ, онъ ласкаетъ своему самолюбію, заключая, что брань есть знакъ зависти — и по крайней мѣрѣ доволенъ онъ уже тѣмъ, что имъ занимаются, а это уже одно доказываетъ ему, что публика его не забываетъ. Послѣ сего Мм. гг., кто можетъ составить для его ума такое крѣпительное, послѣ котораго бы онъ не чувствовалъ позыву на письмо?

Съ сими блистательными качествами соединялъ онъ благородное презрѣніе ко всѣмъ тѣмъ авторамъ, коихъ имени не могъ твердо выговорить: подъ симъ разумѣю я всѣхъ иностранныхъ писателей. Пріятно было смотрѣть, Мм. Гг., съ какою непринужденною смѣлостію бранилъ онъ Мольера, Расина и Боало, никогда ихъ не читавъ, и съ какимъ равнодушіемъ смотрѣлъ трагедіи Корнелія [1]. „Скажи“, спрашивалъ у него нѣкто: „для чего не учишься ты языкамъ иностраннымъ и дѣлаешь такія смѣлыя заключенія, не понимая ихъ авторовъ?“ — „Сердце у меня слышитъ“, отвѣчалъ онъ съ благородною простотою: „что въ нихъ во всѣхъ менѣе толку, нежели въ Бовѣ Королевичѣ, притомъ же я знаю склады на многихъ языкахъ, но россійскіе склады краснорѣчивѣе всѣхъ складовъ на свѣтѣ. А какъ склады служатъ основаніемъ словесности, то кто можетъ меня увѣрить, чтобъ изъ дурныхъ припасовъ можно было воздвигнуть прекрасное зданіе?“ — Какое сильное, какое убѣдительное доказа-

[1] Французскій трагикъ Корнель. Срв. отзывы о французскомъ театрѣ въ „Письмахъ“ Карамзина.

тельство преимущества россійской словесности! не нужны ему были ни авторы, ни исторія: одними складами открылъ онъ сомнительную истину и доказалъ, сколь полезно ученому человѣку знать склады.

Но только ли его совершенствъ? Чѣмъ болѣе я говорю, тѣмъ неисчерпаемѣе становится мой источникъ. Языкъ мой не успѣваетъ слѣдовать за моимъ воображеніемъ: воображеніе мое не находитъ предѣловъ. Но если уже природа человѣческая столь слаба, что ни мнѣ всего того, что бы я хотѣлъ сказать, ни вамъ всего, что бы я сказалъ, выслушать не станетъ силъ, то дадимъ ей роздыхъ. Пусть наше согласное молчаніе увѣнчаетъ достоинства безцѣннаго Ермалафида, и пусть будетъ оно служить символомъ спокойствія, коимъ нѣкогда будутъ наслаждаться въ въ ученыхъ анбарахъ его неподражаемыя творенія.

V.

Геатръ.

Іюня 13-го представленъ былъ въ первый разъ „Алхимистъ", комедія въ одномъ дѣйствіи въ прозѣ, сочиненія Г. Клушина, въ которой одинъ актеръ играетъ семь различныхъ ролей. Вотъ содержаніе сей комедіи: Вскипятилинъ, богатой, съ ограниченными свѣдѣніями человѣкъ, пристрастился до сумашествія къ Алхиміи, желая снискать филозовской камень, о которомъ столько вѣковъ различнымъ образомъ бредятъ. Проживаетъ свое имѣніе, забываетъ о состояніи дома, жены и о воспитаніи дѣтей;

[1] Эти грубыя и несправедливыя нападки на Карамзина вызваны, по всей вѣроятности, соперничествомъ (въ литературномъ отношеніи довольно безнадежнымъ) съ его „Московскимъ Журналомъ" и насмѣшками Карамзина надъ повѣстью Клушина и безграмотностью „Зрителя".

тщетно Здравомысловъ, другъ Вскипятилина, уговариваетъ его оставить постыдное ослѣпленіе, унижающее человѣческой разумъ. Наконецъ, изобрѣтаетъ средство для его исправленія: переряжаясь въ различныя платья, приходитъ къ нему въ видѣ Рубакина, Кристина, Разгильдяева, глупаго дворянина, Ветхокрасовой, состарѣвшейся женщины, Сгоренькова, живописца, и Смертоноса, доктора; въ одной ролѣ бранитъ его, какъ незнающаго человѣка, въ другой осмѣеваетъ, въ третьей—льститъ и такъ далѣе. Наконецъ, въ Смертоносѣ вызываетъ его на дуэль, какъ человѣка, которой составляетъ универсальное лѣкарство отъ болѣзней и, слѣдственно, вооружается противу медицины, обезоруживаетъ его и принуждаетъ бросить алхимическія упражненія. Вскипятилинъ отказывается, Здравомыслъ скидаетъ съ себя платье, открывается передъ нимъ. Вскипятилинъ въ удивленіи; Здравомыслозъ убѣждаетъ его языкомъ друга, именемъ нѣжной жены и дѣтей. Вскипятилинъ приходитъ въ себя, даетъ честное слово не приниматься никогда ни за колбу, ни за реторду [1]. Комедія сія въ новомъ родѣ и есть первая, сочиненная на нашемъ языкѣ.

Г. Клушинъ, безъ сомнѣнія, подражалъ въ выборѣ сего рода писанія французамъ, у которыхъ появились недавно „Pourquoi pas?“, „Jerome pointu“ и „L'on fait ce qu'on peut et non ce qu'on veut“.

Сей родъ комедій не иное что есть, какъ забавная шутка, освобожденная отъ всѣхъ строгихъ правилъ театра и отъ самаго вѣроподобія. Она состоитъ въ однихъ разговорахъ; слѣдственно, и было бы излишнее судить ее строго и требовать отъ

[1] Реторту. Приспособленія для химическихъ и алхимическихъ опытовъ.

автора болѣе, нежели чего должно ожидать въ такомъ родѣ сочиненія, въ которомъ публика должна болѣе взыскивать съ актера, нежели съ автора, ибо первому надобно имѣть много дарованій и смѣлости, чтобы рѣшиться играть въ короткое время множество различныхъ лицъ.

Что жъ до комедіи, то, не вдаваясь въ подробныя сужденія, я предлагаю самому читателю изъ нея то, что попадется мнѣ на глаза. Мы уже слышали стихи въ комедіи „Смѣхъ и Горе" г. Клушина, извѣстнаго публикѣ какъ по сей комедіи, такъ и по другимъ своимъ сочиненіямъ. Здѣсь посмотримъ его прозу.

———

Явленіе четвертое.

Вскипятилинъ и Криспинъ.

Вскипятилинъ.

Ну что вы русской, или . . .?

Криспинъ.

Я?—сынъ цѣлаго свѣта; домъ мой Сѣверъ, Востокъ, Югъ и Западъ; а родился въ Россіи.

Вскипятилинъ.

Въ Россіи?

Криспинъ.

Да, сударь. Но что касается до того, кто мнѣ батюшка, я у матушки никогда не спрашивалъ (а).

Далѣе:

Вскипятилинъ.

— Довольно много!

а) Криспинъ ниже говоритъ, что отецъ его поѣхалъ въ Сибирь на казенной счетъ для исканія золотыхъ рудъ; не худо бы было автору согласить сіе противорѣчіе. Прим. автора.

Явленіе девятое.

Вскипятилинъ и Сгорепьяновъ (вполпьяна).

Вскипятилинъ.

Вы бы могли лучшее предпріять.

Сгорепьяновъ.

Да что лучше вина, чтобъ быть пьяну? Какъ ни думай, ничего не найдешь.

Вскипятилинъ.

Я не о томъ говорю, сударь. Вы бы могли найти людей, которые бы вамъ помогли.

Сгорепьяновъ (съ горячностію)

Что! Искать покровителей художнику? Ахъ! Это у меня сердце рветъ! Не думалъ я, чтобы ты разумѣлъ меня подлымъ человѣкомъ. — Пусть ищетъ тотъ покровительства, который безъ него жить не можетъ. Достойнаго человѣка покровители—его достоинства.

Вскипятилинъ.

О, сударь! Вы бы отнеслись [1] къ нѣкоторымъ знатокамъ или любителямъ художествъ: они бы конечно . . .

Сгорепьяновъ.

Поддержали бы меня, хочешь ты сказать? Хе, хе, хе! Ну, да у меня ни картинъ, ни денегъ нѣтъ, а безъ этого, самъ посуди, что сдѣлаешь!

Вскипятилинъ.

Что же вы намѣрены дѣлать въ теперешнемъ вашемъ положеніи, чтобы счастливу быть?

[1] Обратились.

Сгорепьяновъ.

Пить, вотъ те и вся недолга. Связываетъ меня только жена и дѣти. Да, мои дѣти, ей Богу мои! Они часто безъ куска хлѣба сидятъ! Вотъ отъ этого я нерѣдко даже и пьяной плачу. (Заплакавъ.) Эхъ, какъ мнѣ ихъ жаль! Милыя мои, любезныя мои! Я бы радъ вамъ жизнь мою отдать, кровь мою за васъ пролить, да нѣтъ, ужъ не могу. Я часто самъ себѣ говорю: пьяница негодной, пьяница премерзкой! полно тебѣ пить! Горесть мною овладѣетъ, слезы польются ручьями, и я еще больше напьюсь.

Вскипятилинъ.

Да для чего жъ вы напиваетесь?

Сгорепьяновъ.

Для того, чтобы трезвымъ не быть.

Разсматривая комедію со стороны языка и прозы, я долженъ сказать, что и то, и другое очень хорошо, что-жъ до сужденія, то уже сказалъ я, что она не можетъ быть подвержена строгому. Со всѣмъ тѣмъ сдѣлаю одно примѣчаніе.

Разговоры всѣ въ сей комедіи очень остро ведены; но по большей части отдалены они отъ содержанія комедіи и наполнены эпизодами, которые ничуть не служатъ къ исправленію Вскипятилина, что бы, кажется, въ виду долженъ былъ имѣть авторъ. Комедія же вообще наполнена остроты и соли.

Я уже сказалъ въ примѣчаніи моемъ на комедію „Смѣхъ и Горе", что г. Клушинъ подаетъ великую надежду къ обогащенію Россійскаго театра, и въ

этомъ согласятся со мною многіе знатоки и любители Россійскаго театра. „Алхимистъ“ его принятъ съ рукоплесканіями, и не часто можно видѣть въ театрѣ такого стеченія публики [1].

VI.

Годъ „Меркурія“ кончился—и за отлучкою издателей продолжаться не будетъ.

Долгомъ своимъ поставляемъ мы признать нашу благодарность почтеннымъ читателямъ за благосклонное принятіе нашихъ трудовъ. Одобреніе отъ просвѣщенной публики приписываемъ болѣе ея снисхожденію, нежели нашимъ талантамъ, и ничего столь не желаемъ, какъ произвести современемъ что-нибудь болѣе достойное вниманія читателей нашего вѣка.

Мы слышали иногда критики и злые толки на наши писанія, но никогда не были намѣрены противъ нихъ защищаться. Если они справедливы, — защищеніе не поможетъ; если ложны, то исчезнутъ сами собою. Слабо то сочиненіе, которое въ самомъ себѣ не заключаетъ своего оправданія.

---

[1] „Смѣхъ и горе“ напечатано въ „Россійскомъ Ѳеатрѣ“ (т. 40) „Алхимистъ“, кажется, напечатанъ не былъ.

Несчастный Меносъ или примѣръ сыновней любви къ матерямъ.

(Переводъ съ италіанскаго.)

Уже солнце взошло на горизонтъ; взору поселянина представлялись отовсюду зеленѣющіеся луга и рощи; несчастный Меносъ не вѣдаетъ великой потери! Солнце ударяетъ лучами своими въ его храмину, но онъ покоится безпечно. Наступаетъ восьмой часъ утра, часъ пріятный и полезный для смертнаго въ лѣтнее время; онъ проходитъ, наступаетъ девятый, и сей подобно послѣдующему протекаетъ; наконецъ, пробило десять, наступилъ одиннадцатый часъ, несчастный для бѣднаго Меноса — часъ, поразившій слухъ его ужаснѣйшимъ извѣстіемъ. Приходитъ служительница въ разодранномъ рубищѣ, лицо ея покрыто смертною блѣдностію, русые власы растрепавшись лежали въ безпорядкѣ на раменахъ ея. Раба, по вѣрности своей достойная величайшей награды, входитъ въ жилище пятнадцатилѣтняго юноши Меноса, то приближается къ одру спящаго, то удаляется, дабы не нанесть ему смертнаго удара, и, наконецъ, подходитъ. Боже!... какое зрѣлище! Сія вѣрнѣйшая раба упадетъ подлѣ юноши... юноши невиннаго

и добродѣтельнаго. Паденіемъ своимъ пробуждаетъ Меноса, встаетъ онъ и содрогается—спѣшитъ привесть ее въ чувство—наконецъ, открываетъ очи, возводитъ ихъ на Небо ...

„Всевышній и Всемогущій Боже!“ рекла она: „Покровитель сиротъ и Защитникъ невинности! Сохрани уже другой день оставленнаго родительницею своею юношу, внемли мольбамъ вѣрнѣйшей рабы его; отврати его отъ несчастій, могущихъ приключиться ему въ семъ коловратномъ свѣтѣ. Прости, моя Дога! прости навѣки, милая Госпожа моя! ты его оставила и оставила безъ защиты, безъ помощи ... Увы! я зрю его погибель“ ... При сихъ словахъ опять закрываются очи ея. Она уже не чувствуетъ ничего, не зритъ юноши, — юноши, съ торопливостію надѣвшаго легкое платье и стремящагося къ тѣлу любезныя родительницы. Двери другой комнаты были отворены, онъ спѣшитъ туда, зритъ мать свою, лежащую во гробѣ; ее окружаютъ множество знакомыхъ, родственниковъ и пріятельницъ. Меносъ стремится ко гробу; но предстоящіе удерживаютъ, онъ рвется, кричитъ, лицо его уже начинаетъ покрываться томною блѣдностію, языкъ недвижимъ, глаза смыкаются, всѣ мнятъ свободнымъ допускомъ для облобызанія дражайшей его родительницы подать ему облегченіе, но увы! Уже тщетно! Онъ недвижимъ... Вскорѣ возвращены чувства, но ахъ, не надолго. „Злодѣи!“ вскричалъ несчастный, бѣдный сынъ, „для чего давно мнѣ не возвѣстили о смерти любезной родительницы моей? Для чего вы сдѣлали меня несчастнымъ? Сына, того сына, которому мать еще при жизни обѣщала благословеніе? Простите! Вы будете отвѣчать!“ Сказалъ, и его уже зрятъ мертвымъ, лицо побѣлѣло, и, казалось, желалъ онъ, простерши руки ко гробу ма-

тери, обнять ее въ послѣдній разъ. Въ такомъ положеніи скончалъ жизнь свою Меносъ.

Поистинѣ безразсудный, но чрезмѣрно любящій сынъ. Онъ положенъ былъ подлѣ виновницы его жизни [1].

---

[1] Напечатано въ журналѣ „Пріятное и полезное препровожденіе времени“ ч. XIII, 1797 г. стр. 359 — 362 съ подписью Нави Волыркъ т. е. Иванъ Крыловъ).

Рецензія.

Марфа Посадница или покореніе Новаграда.

(Драма въ дрехъ дѣйствіяхъ, напечатана въ С.-Петербургѣ 1807 года.)

Вступительная замѣтка.

Въ 1808 г. кн. А. А. Шаховской, Писаревъ и Крыловъ издавали журналъ „Драматическій Вѣстникъ“ [1].

На близость Крылова къ этому предпріятію указалъ Жихаревъ въ своихъ запискахъ [2]. По свидѣтельству біографическаго очерка, помѣщеннаго въ „Живописномъ Обозрѣніи 1837 г. стр. 231, „Опера Илья Богатырь въ 1807 г. и Драматическій Вѣстникъ въ 1808-мъ были послѣдними услугами его (Крылова) театру“. Объ участіи Крылова въ изданіи этого журнала категорически говоритъ Лонгиновъ („Русскій Архивъ“, 1864, 1161; 1865, 871 — 2). Срв. Булгаринъ въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1845, № 8.

Крыловъ помѣстилъ въ немъ нѣсколько басенъ и стихотвореній. Въ I части (стр. 57—60) помѣщена рецензія на чью то драматическую передѣлку „Марѳы Посадницы“ Карамзина, подписанная буквою К. Она перепечатана Лобановымъ (стр. 76—78) съ такимъ примѣчаніемъ: „въ журналахъ, въ изданіи которыхъ Крыловъ участвовалъ въ своей молодости, помѣщалъ онъ критическіе разборы, или не под-

---

[1] Какое то отношеніе къ нему могъ имѣть и Оленинъ („Рус. Архивъ“), 1869, 127).

[2] М. 1891, 430.

писывая ихъ, или ставя подъ ними букву К. Вотъ одинъ изъ разборовъ, за который можемъ ручаться, что онъ написанъ И. А.“ [1]

— —

„Актеръ г. Шушеринъ (изъясняетъ авторъ въ своемъ предисловіи), убѣдившій меня наскоро написать сію драму, есть виновникъ ея порожденія, а театръ, обраковавшій оную за единое ея содержаніе, есть причина непоявленія оной на сцену ...“ (И тамъ же въ концѣ): „Станокъ тиснулъ листы, мое дѣло окончано, талантъ въ продажѣ за семь гривенъ, и читателямъ остается теперь судить, стоитъ ли чернилъ произведеніе ...“

Воспользуемся позволеніемъ сочинителя.

„Во время правленія Марфы Новымъ-Городомъ, царь Московскій присылаетъ Холмскаго съ воинствомъ и требуетъ, чтобы новогородцы ему покорились. Они, упорствуя, дѣлаютъ вылазку, проигрываютъ сраженіе, и Холмскій входитъ побѣдителемъ въ городъ“. Вотъ содержаніе драмы. Я не говорю о перепискѣ Марфы съ Казимиромъ, королемъ польскимъ, и объ умыслѣ предать ему Новгородъ, ибо это въ теченіе дѣйствія не производитъ перемѣны, и даже еслибы совсѣмъ о томъ упомянуто не было, то бы главное происшествіе ничего не потерпѣло, и участь Новагорода была бы та же.

Авторъ, желая украсить свое содержаніе, выводитъ Михаила и Димитрія, двухъ витязей новогородскихъ. Они оба ненавидятъ Марфу за ея властолюбіе, и послѣдній, сверхъ того, влюбленъ въ дочь ея Ксенію. Сія ненависть и любовь обѣщали бы, повидимому, много театральныхъ происшествій,

[1] Вся рецензія проникнута нескрываемой ироніей.

но сіи витязи столь умѣренны въ своихъ страстяхъ, что впродолженіе всего представленія остаются безъ всякаго съ своей стороны дѣйствія, а особливо удивительно терпѣніе Димитрія, при которомъ даже выдаютъ его любовницу за Мирослава, и онъ уже принужденъ отговориться нечаянным недугомъ и разслабленіемъ, чтобы не быть у жениха отцомъ посаженымъ. Рѣдкій примѣръ скромности въ дурномъ человѣкѣ, каковъ Димитрій, что онъ не открывается въ своей любви ни матери, ни дочери, и даже соперникъ его не догадался о сей страсти. Правда, что и Мирославъ ему въ скромности не уступаетъ: отъ него ни слова не было слышно о Ксеніи, и хотя Марфа въ концѣ перваго дѣйствія говоритъ, что она передъ отшествіемъ его на сраженіе вручитъ милый ему даръ, но изъ молчанія сего любовника можно заключить, что онъ нимало не догадывается, о чемъ она говоритъ. Марфа однако же, не огорчаяся симъ молчаніемъ, во второмъ дѣйствіи, передъ тѣмъ, какъ войску идти на брань, ведетъ Мирослава къ вѣнцу съ своею дочерью.

Скроменъ Димитрій, скроменъ Мирославъ, но едва ли не обоихъ скромнѣе Ксенія! Въ явленіи, когда Марфа намѣрена вручить ее Мирославу и, напередъ испытывая сердце дочери, предлагаетъ ей на выборъ изъ двухъ женіховъ или Димитрія, или Мирослава,—Ксенія молчитъ. Марфа говоритъ, что она по многимъ признакамъ догадывается о любви ея къ Мирославу — Ксенія молчитъ. Марфа вручаетъ ее Мирославу; Ксенія все молчитъ; наконецъ, Ксенію уводятъ въ церковь — вѣнчать, а она и уходя все-таки молчитъ.

Вотъ характеры Михаила, Димитрія и Ксеніи! Что касается до Марфы, то во всѣхъ чувствахъ авторъ

выводитъ ее героинею. Она поручаетъ въ сраженіи двухъ сыновей своихъ Михаилу, своему непріятелю, изъ уваженія къ его добродѣтели; выдаетъ дочь за безроднаго Мирослава, для того только, что онъ исполненъ достоинствъ; поручаетъ въ правленіе посаднику Молинскому попеченіе о внутренней тишинѣ Новагорода во время битвы — словомъ, вездѣ оказываетъ благородныя и высокія чувства, которыя однако же нѣсколько противорѣчатъ тому, что она въ заговорѣ съ Казимиромъ, чтобы предать ему своихъ согражданъ Новогородцевъ изъ единаго властолюбія, а такое противорѣчіе въ характерѣ заставляетъ читателя любопытствовать, любовь или ненависть хотѣли возбудить въ немъ къ Марфѣ.

Въ третьемъ дѣйствіи, по сравненію съ двумя первыми, примѣтно болѣе огня и движенія. Ксенія сокрушается о супругѣ, находящемся на сраженіи; постепенно открывается, что войски новогородскія побѣждены и разсѣяны, и наконецъ, они совершенно разбиты. Холмскій входитъ въ торжествѣ, покоря Новгородъ. Марфа заколается; убитыхъ изъ дѣйствующихъ лицъ четыре: два сына Марфы, Мирославъ и Димитрій; тяжело раненъ одинъ — Михаилъ, да безъ вѣсти пропалъ посадникъ Дѣлинскій, ибо въ третьемъ дѣйствіи его нѣтъ, и авторъ не говоритъ, что съ нимъ сдѣлалось. Столь чрезвычайная потеря дѣйствующихъ лицъ приводитъ автора къ необходимости оставить на сценѣ Холмскаго одного, который кончитъ драму.

Письма Крылова.

Вступительная замѣтка.

Письма Крылова могли бы служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для біографіи и характеристики личности этого загадочнаго писателя, но ихъ сохранилось и попало въ печать слишкомъ мало. Исчерпавъ всѣ печатные источники и воспользовавшись всѣми общественными и нѣкоторыми частными рукописными собраніями, мы могли извлечь всего 23 письма вмѣстѣ съ записками [1], что, конечно, очень мало для 60-тилѣтней литературной дѣятельности Крылова, даже при всей его классической лѣни.

Но въ этомъ маленькомъ первомъ собраніи мелькаютъ необыкновенно яркія и характерныя черты, вводящія насъ въ интимную жизнь баснописца.

Письма къ Княжнину и Саймонову исполнены ядовитаго сарказма. Задѣтый за живое молодой писатель, съ необыкновеннымъ для своего времени, возраста и положенія чувствомъ собственнаго достоинства, горячо подымается на защиту своихъ человѣческихъ правъ и съ большою жесткостью, даже жестокостью, мститъ своимъ врагамъ — прославленному и вліятельному писателю и важному сановнику, своему недавнему еще начальнику.

Трудно сказать, были ли посланы эти письма по назначенію или пущены по рукамъ, но въ обоихъ случаяхъ они попадали въ цѣль и рисуютъ намъ Крылова не въ обычномъ видѣ лѣниваго опустившагося скептика, „философствующаго сквозь сонъ“, а въ видѣ пылкаго, страстнаго юноши, не знающаго удержу и мѣры ни въ насмѣшкѣ, ни въ мести.

[1] Мы включили сюда и два прошенія Крылова, литературнаго характера.

Въ письмахъ къ Бенкендорфъ звучитъ новая нота — какой то искательной игривости, вызванной, конечно, положеніемъ приживальщика.

Письма къ М. П. Сумароковой и Олениным рисуютъ Крылова съ наиболѣе симпатичной стороны: въ нихъ много искренней любви къ дѣтямъ и къ молодежи.

Кромѣ того, весь матеріалъ имѣетъ, конечно, большое біографическое значеніе.

I.

Письмо П. А. Соймонову.

Ваше Превосходительство, милостивый государь!

И послѣдній подлецъ, каковъ только можетъ быть, Ваше Превосходительство, огорчился бы поступками, которые сношу я отъ театра., Итакъ, простите мнѣ, что я, имѣя благородную душу, осмѣливаюсь покорнѣйше просить, чтобы удостоили открыть мнѣ причину, которая привлекаетъ на меня вашъ гнѣвъ, толико бѣдственный для моихъ драматическихъ сочиненій.

Въ 1786 году я написалъ оперу „Бѣшеная семья“ [1], которую, по приказанію вашему, г. Деви, камеръ-музыкантъ, положилъ на музыку; въ томъ же году отдалъ я на театръ комедію „Сочинителя въ прихожей“, и въ томъ же году ваше превосходительство препоручили мнѣ перевесть съ французскаго языка оперу подъ названіемъ „L'infante de Zamora“, которая имѣла счастіе понравиться вашему превосходительству. Сія опера упала на французскомъ театрѣ, и слѣдственно, также и на русскомъ, ибо доброй вкусъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ одинъ, а драмма, въ которой нѣтъ толку, и парадисъ зѣвать заставляетъ.

Ваше превосходительство удостоили своего вни-

[1] См. первый томъ нашего изданія.

манія мое перо; я получилъ билетъ для входу и лестное обѣщаніе, коимъ милостиво ободряете вы многихъ авторовъ, что не останутся безъ награжденія труды для театра. Почитая непремѣнными слова вашего превосходительства, продолжалъ я мои труды; но нынѣ, видя совсѣмъ тому противное и заключая, что перемѣнѣ вашихъ словъ, конечно, причиною какіе-нибудь глупые и злые клеветники, ибо я не осмѣливаюсь подумать, чтобы ваше превосходительство сами перемѣнили свое слово, и не осмѣливаюся также назвать умными клеветниковъ, которые могли очернить меня въ мысляхъ вашего превосходительства, когда я съ своей стороны не подалъ къ тому никакой причины,—заключая сіе, говорю я, осмѣливаюсь вамъ объяснить мою невинность передъ вами и притѣсненіе, какое наносится мнѣ отъ театру. Я не могу понять причины, ваше превосходительство, которая и донынѣ не допускаетъ на театръ мою оперу „Бѣшеную семью“, когда уже по повелѣнію вашему, болѣе двухъ лѣтъ прошло, какъ на нее положена музыка [1]; я бы могъ признать, что она не представляется для того, что не година быть на театрѣ, но хотя я и авторъ сей оперы, однако жъ не осмѣлюсь быть о ней толь дурныхъ мыслей единственно для того, чтобъ симъ не опорочить выборъ, разумъ и вкусъ вашего превосходительства и чтобы такимъ мнѣніемъ не заставить другихъ думать, что вкусу вашему пріятны бываютъ негодныя сочиненія. Увы! для сей же самой причины, ваше превосходительство, старался я защищать совершенство оперы „Инфанта“; но, по несчастію, ни одинъ умной человѣкъ мнѣ не вѣритъ, и даже мѣлкіе знатоки бра-

[1] Такъ какъ эта піеса написана въ 1786 г., то письмо такимъ образомъ пріурочивается къ 1789 г.

нять содержаніе сей оперы, а я, какъ переводчикъ, по истинѣ только терплю въ чужомъ пиру похмелье. Простите мнѣ, милостивый государь, что я, какъ Санхо-Пансо,[1] вмѣшиваю пословицы—причиною тому, что у меня на умѣ глупый Донъ-Кишотъ, ваше превосходительство, который, думаю, одинъ могъ своимъ дурачествомъ уронить „Инфанту“. Если же моя опера година, что позвольте мнѣ думать, уважая вашъ выборъ и доброе мнѣніе, то для меня странно, что она остается безъ дѣйствія, между тѣмъ какъ на театрѣ даются „Двѣ невѣсты“ и „Дезертеръ“,[2] которыя имѣютъ только то счастіе, что одобрены вашимъ превосходительствомъ, и которыя, какъ я слышу, публика бранитъ и, признаться, имѣетъ справедливыя причины такъ, какъ и, въ разсужденіи нѣкоторыхъ другихъ піесъ, во время представленія коихъ многіе зрители просыпаются только отъ музыки въ антрактахъ; но оныхъ именъ не упомяну, не желая раздражить авторовъ и убѣгая опорочивать тонкой вкусъ вашего превосходительства; впрочемъ, если угодно будетъ вамъ потребовать объясненія и о сихъ сочиненіяхъ, то я съ моею преданностью не премину донести и о нихъ моихъ замѣчаній.

Итакъ, когда играются на театрѣ многія наводящія скуку творенія, то неужели недостаетъ времени сыграть мою бѣдную оперу, и неужели, ваше превосходительство, сія опера — самая негодная изъ всего вашего выбору? Ахъ, она только несчастлива; ибо я на васъ пошлюсь, что есть множество другихъ, которыя несравненно ея хуже, которыя осчастливлены только благоволеніемъ вашимъ, и въ которыхъ со всѣмъ

[1] „Донъ-Кихотъ“ Сервантеса.

[2] Плохія пьесы того времени (1789—1790 гг.). „Двѣ невѣсты“ осмѣиваетъ Крыловъ въ „Почтѣ духовъ“.

уваженіемъ, какое имѣю къ тонкому вкусу вашего превосходительства, не могу я преодолѣть своей зѣвоты.

Несмотря однакожъ на недѣйствительность моей оперы, рѣшился я отдать на театръ другую оперу моего сочиненія, подъ названіемъ „Американцы“, на которую уже и музыка положена г. Ѳоминымъ, одобреннымъ въ своемъ искусствѣ отъ Болонской академіи аттестатомъ, дѣлающимъ честь его знанію и вкусу; что жъ до моихъ рѣчей, то онѣ одобрены г. Дмитревскимъ, котораго одобреніе, по его познаніямъ, для меня не менѣе важно, какъ и академическій аттестатъ, ибо опытомъ извѣстно, что его вкусъ всегда согласенъ со вкусомъ просвѣщенной публики, а въ томъ не можетъ никакой академикъ отпереться, чтобы онъ не былъ сей просвѣщенной публики членомъ.

Итакъ отъ г. Дмитревскаго имѣлъ честь принести я на судъ мою оперу къ вашему превосходительству; она не имѣла счастія вамъ понравиться, и я услышалъ съ горестію ваше мнѣніе, что сія опера есть изъ числа твореній, не имѣющихъ ни содержанія, ни связи. Такой приговоръ имѣлъ бы причину ужаснуть меня, еслибы не надѣялся я на счастіе, что вы изъ благосклонности къ публикѣ благоволите со временемъ оставить толико[1] невыгодныя для моей оперы мнѣнія, подобно какъ вы изъ неблагосклонности къ ней же оставили хорошее мнѣніе о нѣкоторыхъ твореніяхъ, которыя существуютъ на театрѣ по выбору вашего превосходительства; но я отважился бы выслушать приговоръ просвѣщенной публики, которой одной авторъ оставляетъ назначать истинную цѣну сочиненій. | Я выбралъ театръ своимъ судилищемъ, публику — судіею, а ваше превосходительство осмѣлился просить, чтобы соблаговолили только вы-

[1] Въ подлинникѣ „только“.

ставить на судъ мое твореніе; но и въ семъ нашелъ неожидаемыя препятства!

Ваше превосходительство издали приговоръ, что мою оперу не можно представить, доколѣ не будетъ въ ней выкинуто, что двухъ европейцевъ хотятъ принесть на жертву и что это револютируетъ, какъ вы изволили сказать, слушателей. Во-первыхъ, что, сочиняя сію оперу, я имѣлъ намѣреніе забавлять, трогая сердца, и въ семъ то состоитъ должность автора, ибо вывесть на театръ шута не есть еще сдѣлать драмму.

Смѣшить безразсудно — даръ подлыя души [1].

И я думалъ, что вашему превосходительству для театра угодна опера, гдѣ можно и смѣяться, и чувствовать,—я же писалъ не комическую, но героическую оперу: образъ писанія, который и въ драммахъ и въ музыкальныхъ твореніяхъ отъ публики принимается, чему свидѣтельствуетъ опера „Французской Дезертеръ“ и многія другія драмы Мольера [2], Мерсьера [3] и Бомарше [4]. Но что до сего основаннаго на правилахъ театра дѣйствія, когда хотятъ американцы сжечь пойманнаго мужика, то оно не совершенно трагическое, но сдѣланное для умноженія страха комическому лицу, которое выдумываетъ разныя смѣшныя средства, чтобъ себя избавить, и котораго съ его барином, по просьбѣ своей любовницы, сами американцы отпускаютъ. Если это — трагическое дѣйствіе, то и то — не менѣе трагическое, когда въ „Скапиновыхъ обманахъ“ [5] баринъ хочетъ заколоть слугу

---

[1] Стихъ Сумарокова.

[2] Знаменитый французскій комическій писатель (1622 — 1673).

[3] Мерсье (1740 — 1804) — французскій драматургъ, искавшій новыхъ источниковъ въ жизни и сознательно порвавшій съ классическими традиціями.

[4] Знаменитый французскій драматургъ и публицистъ, авторъ „Севильскаго цирюльника“ и „Свадьбы Фигаро“ (1732 — 1799).

[5] Мольера.

въ своемъ гнѣвѣ, ибо, разбирая подробно, зарѣзать человѣка не есть слишкомъ смѣшное дѣло: а потомъ и то уже будетъ жалко въ комедіи „Лѣкарь по неволѣ“ [1], когда бѣднова Зганареля зачнутъ бить палками, ибо, ваше превосходительство, я думаю, согласитесь, что бить палками человѣка также не смѣшно; и по этому положенію Мольеръ былъ весьма худой комикъ, однакожь желалъ бы я знать, отчего и нынѣ съ удовольствіемъ смотрятъ его комедіи?.. Итакъ, я полагаю, что на театрѣ обстоятельства трагическія или комическія бываютъ по тому такими почитаемы, какимъ образомъ они описываются авторомъ, и какой характеръ въ нихъ дѣйствуетъ, а не по своему содержанію, чему есть и доказательство: въ „Сидѣ“ у г. Корнелія [2] графъ Гормасъ даетъ Донъ-Діегу пощечину, и никто этому не смѣется, но всѣ сожалѣютъ, что гордость одного старика стала причиною разрыва двухъ нѣжныхъ любовниковъ и другихъ плачевныхъ слѣдствій; въ „Игрокѣ“ Реньярда [3] слугѣ даютъ также пощечину, однако же никто о томъ не плачетъ, но всѣ смѣются; въ „Дезертерѣ“ Монтосьеля бьютъ палками, и всѣ тому сострадаютъ, а въ „Скапиновыхъ обманахъ“ старика въ мѣшкѣ также бьютъ палками, и всѣ тому смѣются. И множество другихъ могли бы сыскаться, еслибы не опасался я утрудить повтореніями оныхъ ваше превосходительство, ибо я твердо вѣрю, что вы, какъ директоръ, сами подробно знаете исторію и правила театра.

Что же касается до того, какъ ваше превосходительство изволили сказать о приношеніи въ жертву европейцовъ, чтобы оныимъ дѣйствіемъ не возмутить

---

[1] Мольера.

[2] Знаменитый французскій трагикъ Корнель (1606—1684).

[3] Французскій комическій писатель (1655—1709).

нѣкоторыхъ въ публикѣ, то мое мнѣніе на то, что въ семьѣ не безъ урода; конечно, въ публикѣ могутъ быть зрители, которымъ всякое дѣйствіе кажется навыворотъ, но такимъ ничѣмъ уже угодить не можно, и лучше стараться угождать прямымъ знатокамъ, нежели людямъ, которые для того только почитаютъ себя знатоками, что ѣздятъ всякой день въ театръ раскланяться со своими знакомыми. Пусть бранится глупый, ваше превосходительство, такая брань, какъ дымъ, исчезаетъ:

Достойной похвалы невѣжа не умалитъ,
А то не похвала, когда невѣжа хвалитъ.

Однако, несмотря на сіе, я сдѣлалъ, по предложенію вашему, сію перемѣну въ моей оперѣ такъ же, какъ и нѣкоторыя другія, назначенныя вашимъ превосходительствомъ, и послѣ сего вторично представилъ вамъ мою оперу, и, спустя нѣсколько мѣсяцовъ, осмѣлился утруждать васъ моею просьбою о второмъ приговорѣ, которой былъ въ томъ, чтобы я взялъ назадъ мою оперу. И за симъ отвѣтомъ имѣлъ я честь ходить къ вашему превосходительству шесть мѣсяцовъ, время, въ которое бы могла моя опера давно идти на другихъ театрахъ; но я и сей знакъ вашего гнѣва сносилъ, какъ человѣкъ, которой имѣетъ всѣмъ защищеніемъ своимъ одну свою невинность.

Однакожъ еще не осмѣливался я подумать, чтобы я былъ, а не сочиненія мои причиною вашего гнѣва, и для того имѣлъ честь быть у васъ, доложилъ я вамъ, не угодно ли вамъ будетъ принять на театръ комедію мою „Проказники“, которая уже у васъ нѣкогда была, и вы мнѣ дозволили ее напечатать, когда я находился подъ вашимъ начальствомъ; а какъ вы мнѣ сказали, что вы не помните сей комедіи, и я вамъ донесъ, что она написана на рого-

носца, на которую столько вооружался г. Княжнинъ, то вы мнѣ изволили отвѣчать, что вы не пріемлете личности.

Позвольте сей отвѣтъ, ваше превосходительство, приписать вашему ко мнѣ неблаговоленію, ибо я не думаю, чтобы вы подлинно почитали личностію комедію на дурные нравы и захотѣли бы обидѣть г. Княжнина, нашедши въ его домѣ что-нибудь сходное съ пороками, которые изобразилъ я въ своей комедіи.

Правда, что г. Княжнинъ вооружался противъ сей комедіи, но сему могъ быть причиною какой-нибудь повѣса, которой ему или не хотѣлъ, или не умѣлъ подробнѣе пересказать о рогоносцѣ, котораго я вывелъ въ своей комедіи, и потому Яковъ Борисовичъ [1] могъ легко ошибиться и почелъ по справедливости должностію вступиться за свою честь, которой однако же я не прикасался. Но вы, милостивый государь, видѣли сію комедію — къ вамъ первому я ее принесъ, и вы дали мнѣ позволеніе ее напечатать: и такъ неужели вы бы дозволили напечатать пасквиль? А если сія комедія не была и прежде личною, то и нынѣ она должна быть таковою же, и развѣ одинъ вашъ гнѣвъ могъ признать ее личною, чѣмъ вы сколько меня огорчили, столько обидѣли г. Княжнина, которой, какъ разумной человѣкъ, конечно, самъ, увидя ее, не признаетъ личностію на себя и не воспротивится, чтобы она была на театрѣ.

Увидя изъ сего вашъ гнѣвъ, принялъ я намѣреніе не докучать болѣе до времени театру моими сочиненіями и пересталъ вамъ докладывать о моихъ бумагахъ; но я осмѣлился напомнить, что дирекція должна мнѣ выдать 250 рублей за переводъ „Ин-

[1] Княжнинъ.

фанты"; ваше превосходительство сказали, что вы непремѣнно постараетесь ихъ выдать, но и донынѣ денегъ еще я ни полушки не видалъ, а питаюсь одною только лестною надеждою, что слова вашего превосходительства непремѣнны. Я не думаю, чтобы дирекція не могла заплатить столь малой суммы за переводъ, но еще меньше осмѣливаюсь думать, чтобы она захотѣла удержать деньги за оперу, которую переводилъ я по приказанію и по выбору вашего превосходительства. Если не давать мнѣ деньги за то, что содержаніе сей оперы худо, то бъ сіе было наказаніемъ меня за чужую погрѣшность, ибо я самъ никогда бы не осмѣлился выбрать для переводу оперу, въ которой нѣтъ ни здраваго смысла, ни хорошаго слога, ни чистыхъ театральныхъ правилъ, а посему я осмѣливаюсь ласкаться надеждою, что ваше превосходительство, конечно, соблаговолите мнѣ заплатить деньги за безуспѣшной сей трудъ, понесенный мною по приказанію вашего превосходительства.

Теперь о послѣднемъ остается донести вашему превосходительству!

Уже я имѣлъ честь упомянуть, что я получилъ во время вашей дирекціи билетъ для входу въ театръ въ рублевыя мѣста, подписанный собственною рукою вашего превосходительства; сей билетъ былъ подтвержденъ равно г. Стрекаловымъ, [1] бывшимъ директоромъ, а потомъ и вами, по вступленіи вашемъ въ правленіе театра, и я имѣю честь хранить его при себѣ за вашимъ подписаніемъ и за печатью дирекціи; и я продолжалъ имъ пользоваться, доколѣ Казачи [2], находящейся у сбора при театрѣ, не сдѣлалъ съ своей

[1] С. Ѳ. Стрекаловъ сдѣланъ былъ въ 1786 году единоличнымъ директоромъ.

[2] Казасси, итальянецъ, танцовщикъ, съ 1788 г. смотритель за театральными сборами и бутафоръ.

стороны мнѣ нечаяннаго удивленія и не вздумалъ запрещать мнѣ входъ въ театръ или останавливая меня на нѣсколько часовъ въ сѣняхъ, или, наконецъ, посылая меня въ полтинныя мѣста и еще осмѣливаясь утверждать, будто онъ дѣлаетъ сіе по приказанію вашему.

Я не осмѣлюсь и подумать, чтобъ ваше превосходительство безъ всякой причины вздумалъ уничтожить то, что единожды подписать изволили, ибо безъ сего авторъ, которому дается входъ въ театръ въ рублевыя мѣста, можетъ ожидать, что вы современемъ пересадите его въ полтинныя, потомъ въ четвертныя, а потомъ и подлѣ дверей у входа поставить его изволите, и что вы можете уничтожить ваше подписаніе, чѣмъ по указамъ могутъ у насъ пользоваться одни только вошедшіе недавно въ совершенныя лѣта, которые властны уничтожить то, что подписали они въ недорослѣхъ безъ вѣдома опекуновъ. Но когда я получилъ сей билетъ, то достоинства, чины, разумъ и лѣта вашего превосходительства должны были увѣрить меня въ томъ, что вы и спустя нѣсколько лѣтъ признаете то справедливымъ и непремѣннымъ, что однажды подписать изволили. Итакъ, я понынѣ не думаю, чтобы вы перемѣнили свое мнѣніе, и Казачія почитаю единственнымъ затрудненіемъ для входу мнѣ въ театръ.

Оставшись при таковомъ мнѣніи, я удивляюсь, какъ могъ сборщикъ у театра противиться собственноручному подписанію вашего превосходительства и осмѣлиться присвоить себѣ власть перевершить все то, что вы опредѣлить изволили. Неужели, ваше превосходительство, должно у него испрашивать авторомъ подтвержденія еще тому, что вы скажете и неужели театральной придверникъ долженъ распоряжать, гдѣ автору занимать надлежитъ мѣсто?

Впрочемъ, отдавъ на театръ свои сочиненія, видя уже играннымъ мой переводъ и зная, что другіе авторы равно пользуются входомъ, не почитаю и я за чрезвычайную милость отъ театра, что имѣю въ него входъ, ибо я имѣю на то такое же право, какъ и другіе, которые симъ пользуются. Итакъ, я не знаю, за что привлекъ я одинъ на себя такую немилость, что пересаженъ въ полтинныя мѣста Казачіемъ. Если же — чего я по сказаннымъ мною причинамъ и подумать не смѣю — есть на то воля ваша, то я осмѣливаюсь одинъ только вопросъ сдѣлать: ошибкою ли сей билетъ подписанъ вашимъ превосходительствомъ, или ошибкою не приказано пускать меня въ рублевыя мѣста?

Я бы могъ подумать, еслибы я былъ дерзокъ, что мое поведеніе тому причиною; но кто неблагопристойничаетъ въ публикѣ, того не изъ рублевыхъ въ полтинныя мѣста пересаживаютъ, но и за деньги въ театръ не пускаютъ; а я веду себя такъ, что никакъ не могу быть наказанъ безчестнымъ лишеніемъ входа въ общество и вижу съ собой толь чудной поступокъ. Правда, я нерѣдко смѣюсь въ трагедіяхъ и зѣваю иногда въ комедіяхъ; но видя глупое, ваше превосходительство, можно ли не смѣяться, или не зѣвнуть? Я же смѣюсь и столь тихо, что никакого шуму симъ не дѣлаю, да притомъ и такъ счастливъ, что меня часто публика въ томъ поддерживаетъ, но сего, ваше превосходительство, конечно, не поставите мнѣ въ вину, ибо я не нахожу способа, чтобъ отъ того себя предостеречь, — развѣ однимъ тѣмъ, чтобъ садиться къ театру задомъ, но я имѣю двѣ причины, которыя никогда не дозволятъ мнѣ сдѣлать того: во-первыхъ, что, входя въ театръ, я всегда ожидаю чего-нибудь хорошаго, а второе, хотя бы иногда,

расположившись такимъ образомъ къ театру и заткнувъ уши, я могъ бы удержаться отъ смѣха, но тогда бы на меня публика стала смѣяться — а я удаленъ и мысленно отъ того, чтобъ быть причиною какого-нибудь шуму въ театрѣ. Я слыхалъ, что авторовъ нерѣдко ставятъ причиною тому, когда публика зѣваетъ, глядя на актеровъ, но пусть сыграютъ порядочно какую-нибудь драмму, вы увидите, ваше превосходительство, съ какимъ терпѣніемъ тогда будетъ публика ожидать закрытія занавѣсы. Донеся сіе въ мое оправданіе, я думаю, что я довольно передъ вашимъ превосходительствомъ объяснилъ мою невинность и несправедливый поступокъ, учиненный Казачіемъ, въ уничтоженіи вашего билета; и такъ, оставлю ваше превосходительство рѣшить между мною и сборщикомъ: онъ ли, который осмѣлился нарушить ваше подписаніе и задерживать меня у театра, или я, который не подалъ нималой причины къ тому, чтобы изгнанъ былъ изъ рублевыхъ мѣстъ, и который льститъ себя надеждою, что билетъ, данный вашимъ превосходительствомъ, не только театральнымъ сборщикомъ, и самими вами не можетъ быть безъ причины уничтоженъ.

Изъясня преданнѣйше вашему превосходительству о всѣхъ безпокойствахъ, которыя я претерпѣлъ, заключаю я сіе письмо мое нижайшею просьбою, чтобъ ваше превосходительство благоволили съ подателемъ сего письма прислать мою оперу „Бѣшеную семью“, если она уже вамъ не нравится, также „Американцовъ“, ибо я твердое предпріялъ намѣреніе одной публикѣ отдать ихъ на судъ. А какъ я нѣкоторымъ образомъ долженъ ей дать отчетъ, почему мои творенія не приняты на театръ, то я думаю, ваше превосходительство, дозволите милостиво при-

печатать мнѣ сіе письмо при моихъ сочиненіяхъ, что же касается до билета для входу въ театръ, то я, видя мою невинность и почитая ваше превосходительство, за излишнее признаю утруждать васъ о немъ моею просьбою и оставляю на соизволеніе проницательному и просвѣщенному разуму вашего превосходительства или подтвердить свое подписаніе, или подтвердить надъ нимъ Казачіевъ приговоръ. Я жь съ моею преданностію имѣю честь пребыть милостиваго государя вашего превосходительства всепокорнѣйшій и преданный слуга

Иванъ Крыловъ.

II.

Письмо Я. Б. Княжнину.

Милостивый Государь Яковъ Борисовичъ!

Къ немалому моему огорченію услышалъ я отъ Ивана Аѳанасьевича г. Дмитревскаго [1], что вы укоряете меня въ сочиненіи на васъ комедіи, а его въ согласіи о семъ со мною, и будто я самъ сказывалъ, что онъ сію комедію переправлялъ, въ чемъ, пишете вы, и уличить меня можно. Я удивляюсь, государь мой, что вы, а не другой кто, вооружаетесь на комедію, которую я пишу на пороки, и почитаете критикою своего дома толпу развращенныхъ людей, описываемыхъ мною, и не нахожу самъ никакого сходства между ею и вашимъ семействомъ. Я бы въ оправданіе свое сказалъ, что я никакихъ не имѣю причинъ на васъ негодовать и описывать довольно уже извѣстный вашъ домъ, но вы, можетъ быть, сыщете на то возраженіе; итакъ,

[1] Знаменитый русскій актеръ (1734—1821).

чтобы оправдать себя и уничтожить ваши подозрѣнія, я въ малыхъ строкахъ желаю вамъ подать нѣкоторое понятіе о моей комедіи.

Она состоитъ изъ главныхъ четырехъ дѣйствующихъ лицъ: мужа, жены, дочери и ея любовника. Въ мужѣ вывожу я зараженнаго собою парнасскаго шалуна, который, выкрадывая лоскутіи изъ французскихъ и изъ италіанскихъ авторовъ, выдаетъ за свои сочиненіи и который своими колкими и двоесмысленными учтивостями восхищаетъ дураковъ и обижаетъ честныхъ людей. Признаюсь, что сей характеръ учтиваго гордеца и бездѣльника, не предвидя вашего гнѣва, старался я рисовать столько, сколько дозволяетъ мнѣ слабое мое перо; и если вы за то сердитесь, то я съ христіанскимъ чистосердечіемъ прошу у васъ прощенья. Въ женѣ показываю развращенную кокетку, украшающую голову мужа своего извѣстнымъ вамъ головнымъ уборомъ, которая, восхищаяся моральными достоинствами своего супруга, не пренебрегаетъ и физическихъ дарованій въ прочихъ мужчинахъ. Дѣйствующее лицо ихъ дочери и ея жениха есть любовника, которымъ старался я дать благородныя чувства. Вы видите, есть ли хотя одна черта, схожая съ вашимъ домомъ. Прочія жь лица эпизодическія и не стоятъ того, чтобы объ нихъ упоминать. По симъ характерамъ расположилъ я весьма обыкновенныя любовныя интриги, которыя развязываются свадьбою любовниковъ, чѣмъ и вся комедія кончится.

Вотъ все, государь мой [1], на чемъ можете вы основывать свои подозрѣнія! Я надѣюсь, что вы, слича сіи характеры съ вашимъ домомъ, хотя мысленно оправдаете мою комедію и перестанете своими

[1] Написано вмѣсто зачеркнутаго „Сударь".

подозрѣніями обижать человѣка, который не имѣетъ чести быть вамъ знакомымъ. Обижая меня, вы обижаете себя, находя въ своемъ домѣ подлинники толико гнусныхъ портретовъ. Я бы во угожденіе вамъ уничтожилъ комедію свою и принялся за другую, но границы, положенныя вами писателямъ, толь тѣсны, что нельзя бранить ни одного порока, не прогнѣвя васъ или вашей супруги: такъ простите мнѣ, что я не могу въ оныя себя заключить.

Но чтобы доказать вамъ, государь мой, колико я послушливъ, вы можете выписать изъ сихъ каракгеровъ всѣ тѣ гнусные пороки, которые вамъ или вашей супругѣ кажутся личностію, и дать знать мнѣ, а я съ превеличайшимъ удовольствіемъ постараюсь ихъ умягчить, если интересъ комедіи не позволитъ совсѣмъ уничтожить.

Я не знаю, какихъ слѣдствій ожидали вы, говоря на меня, будто я сказывалъ, что Іванъ Аѳанасьевичъ переправлялъ сію комедію и переправлялъ неудачно. Повѣрьте, государь мой, что еслибъ онъ ее переправлялъ, то, конечно бъ, она была ближе къ природѣ, и хотя онъ всѣмъ моимъ сочиненіямъ дѣлаетъ честь, ихъ переправляя, но я увѣряю васъ, что я столько же обязанъ ему сею комедіею, сколько и вамъ. Мнѣ бы очень хотѣлось видѣть того, по вашимъ словамъ, честнаго человѣка, который имѣлъ твёрдость духа сказать, чего отъ меня не слыхалъ; когда жь вы намѣрены сердиться на всѣхъ тѣхъ, которые только что читали или будутъ читать мою комедію, такъ я жалѣю, что она, можетъ быть, поссоритъ васъ со многими.

Я удивляюся, государь мой [1], что съ достоинствами.

[1] Вмѣсто зачеркнутаго „Сударь".

какія въ васъ, говорятъ, есть, вы боитесь комедіи, и не знаю, что изъ того заключить. Вамъ извѣстно, я думаю, что предметъ комедіи есть осмѣивать пороки, а не достоинствы и для того одни порочные должны ея страшиться и ненавидѣть, а вы на меня сердитесь! Повѣрьте, что васъ обидѣлъ не я, описывая негодный домъ, который отъ трактира только разнится тѣмъ, что на немъ нѣтъ вывѣски, но обидѣли тѣ, кои сказали, что это—картина вашего дома. Вы, можетъ быть, оправдаете меня сами, когда увидите мою комедію, и, читая въ ней критику на пороки, не будете мнѣ говорить: „за что ты бранишься?“ или я вамъ буду почти то же отвѣчать, что Бригадиръ Совѣтнику [1].

Я слышалъ также, государь мой, что вы, еще не читая ни строчки моей комедіи, уже меня браните; но я надѣюся, что вы не выйдете изъ благопристойности, сродной здравому разсудку, и не будете употреблять противъ меня брань, это гнусное орудіе пьяныхъ ямщиковъ и солдатскаго сословія. Впрочемъ, напоминаю вамъ, что я — благородный человѣкъ, хотя и не былъ столь много жалованъ чинами, какъ вы, милостивый государь.

Вашъ покорный слуга Иванъ Крыловъ.

III.

Письмо Е. И. Бенкендорфъ.

Милостивая Государыня!

Говорятъ, что Аристотель былъ едва не проклятъ всѣмъ аѳинскимъ соборомъ за то, что онъ женщинѣ

[1] Намекъ на IV дѣйствіе, VII явленіе „Бригадира“ Фонвизина. Не зная, что Совѣтникъ влюбленъ въ его жену, Бригадиръ начинаетъ бранить того „великаго скареда“ и „скота“, который вздумалъ бы „искать въ его женѣ“. Совѣтникъ, не замѣчая, выдаетъ себя вопросомъ: „Да за что же ты бранишься?“.

приносилъ приличныя Церерѣ [1] жертвоприношенія. Я не язычникъ, но еслибъ изобразить все почтеніе, которое я къ вамъ чувствую, то бы попалъ я подъ одинъ приговоръ съ Аристолемъ [2] и всему бы этому виною были ваши привлекательныя, ваши любезныя качества которыя всякова, кто васъ узнаютъ, вводятъ точно въ опасность $\frac{\text{сдѣлаться}}{(\text{стать})}$ идолопоклонникомъ.

Я не могу вспомнить тѣхъ минутъ, которыя случалось мнѣ у васъ провесть, чтобы не оглядываться къ Москвѣ, какъ вѣрной $\frac{\text{магометанинъ}}{(\text{христіанинъ})}$, возвращаясь съ поклоненія, набожно оглядывается къ $\frac{\text{Меккѣ.}}{(\text{Іерусалиму}).}$ „Вотъ лесть!“ скажете вы, и я знаю, что тотъ, кому случится увидѣть мое письмо, будетъ бранить меня, какъ льстеца, но зато я надѣюсь, что тѣ, которые увидятъ васъ, будутъ точно за меня стряпчими въ этомъ дѣлѣ. Но я позабываю, что воображеніе о вашихъ достоинствахъ завлекаетъ меня въ похвалы, которыя никогда не кончатся, если я дамъ себѣ волю, — а вы ихъ столько-столько слышите! [Итакъ].

Я давно, какъ доброй идолопоклонникъ, желалъ принести вамъ жертву, и довольно долго трудился надъ картинкою, писавши ее перомъ съ гравировки [3]; наконецъ, я кончилъ, и чтобъ дѣло сдѣлать въ порядкѣ, засѣлъ съ музою въ уголокъ и написалъ стихи. Уже готовился укласть мою посылку, но

Ordine l'uomo e Dio dispone [4]

говоритъ Аріостъ — все это вышло совсѣмъ иначе, нежели я хотѣлъ: картинка пропала. Я началъ дру-

---

[1] Богиня жатвы.

[2] sic. Аристотелемъ.

[3] Картинки этой нѣтъ при письмѣ. Къ нему приложено стихотвореніе (см. IV томъ). Въ скобки взяты зачеркнутыя мѣста.

[4] Человѣкъ предполагаетъ, Богъ располагаетъ.

гую, которую теперь имѣю честь вамъ послать, но и эту у меня облили чернилами, такъ что я нижнюю часть лица принужденъ былъ скоблить и снова покрывать. Словомъ, бѣдная моя работа такъ испорчена, что я рѣшился оставить ее недоконченною, но не рѣшился оставить моего предпріятія: нѣтъ, я еще успѣть надѣюсь, принявшись въ третій разъ.

L'ultima che si perda è la speranza [1]

говоритъ божественный Метастазій въ своей „Дидонѣ“, и, кажется, стихъ сей извлекъ онъ изъ самой глубины сердца человѣческаго: таковы точно люди, таковъ точно я во всѣхъ дѣлахъ моихъ. До сихъ поръ всѣ предпріятія мои опровергались, и, кажется, счастье старалось на всякомъ моемъ шагу запнуть меня; это было, есть и, можетъ, вѣчно такъ будетъ; но пусть только надежда, мой вѣрной другъ, пусть только одна она не отлучается отъ меня и проводитъ меня до моего гроба—пусть оставитъ она меня, когда, переѣхавъ Стиксъ, увижу я на дверяхъ ада страшную надпись:

Lasciate ogni speranza, o voi ch'entrate! [2].

Надпись ужасная, которою Дантъ страшнѣе изобразилъ адъ, нежели множествомъ другихъ своихъ стиховъ. Итакъ, [3] пусть только тогда она меня оставитъ, и я по крайней мѣрѣ скажу, что я въ жизни имѣлъ утѣшительнаго товарища.

Воспоминаніе моихъ старыхъ и еще вновь приключившихся мнѣ несчастій и потерей завело меня къ скучному, можетъ быть, для васъ болтовству; но простите пустыннику, которой радъ, сыскавши первой случай говорить чувствительному сердцу.

---

[1] „Послѣднее дѣло потерять надежду“. Метастазіо — знаменитый италіанскій трагикъ (1698—1782).

[2] Надпись Дантова ада: „оставьте всѣ надежды, вы, входящіе сюда“

[3] Приписано позднѣе.

Я всталъ, далъ успокоиться моей памяти и протолкалъ, такъ сказать, изъ головы всѣ мои несчастія, и теперь опять весело продолжаю мое письмо: иначе я бы замучилъ васъ Іереміинымъ своимъ плачемъ. Итакъ, посылаю вамъ мою картинку и стихи при ней, каковы они есть.

Что касается до картины, то я жду только перваго случая, какъ приняться за работу, и тогда вмѣсто сей недоконченной буду имѣть честь прислать вамъ что-нибудь порядочное. Хотя я знаю, что сіи труды мало васъ достойны, но я все таки повторю мои стихи [1].

Пусть вспомнятъ то, что часто къ Богу
Мы съ свѣчкой денежной идемъ.

Милостивая государыня
вашъ покорнѣйшій слуга І. Крыловъ.

Милостивому государю моему Ивану Ивановичу [2] свидѣтельствую искреннее мое почтеніе. Я не смѣю къ нему писать, боясь затерзать его своимъ письмомъ; но если онъ мнѣ (это) разрѣшитъ, то я эту честь имѣть, конечно, не упущу.

Боясь аккуратность Василія Евграфовича [3] подвергнуть тяжелому испытанію, все это я доставлю къ вамъ не черезъ его руки.

Ноября 26 дня
1795 года.

IV.

Письмо С. И. Бенкендорфъ.

Я никогда не ходилъ въ Дельфы и не молился крылатымъ Аммоновымъ мальчикамъ. Но вамъ, ма-

[1] См. IV томъ.
[2] Бенкендорфу.
[3] Лицо неизвѣстное.

ленькой голубоокой ангелъ, несравненная Софья Ивановна, кланяюсь точно такъ, какъ этимъ крылатымъ мальчикамъ кланялись греки. Я знаю, что вы не поймете меня, но для меня лестно, что вамъ перескажутъ, что кланяюсь вамъ, какъ ангелу.

V.

Письмо М. П. Сумароковой.

Простите мнѣ, сударыня Марья Павловна, что такъ долго не отвѣчалъ я на прелестное письмо ваше, которое мнѣ чрезвычайно много принесло удовольствія. Нѣсколько разъ перечитывалъ я ево и на всякой строкѣ видѣлъ и ваше доброе сердце и вашу чувствительность: сохраняйте ихъ, и вы будете любезны и почтенны для всѣхъ честныхъ людей; умножайте свои познанія, и вы далеко назади оставите тѣхъ пригоженькихъ куколокъ, которыя тогда только и живутъ, когда онѣ вальсируютъ.

Вы видите, что я по — старинному не щажу нравоученій, но еслибъ я меньше желалъ вамъ добра и меньше бы зналъ васъ, то бы, конечно, за неучтивость почелъ говорить нравоученія пятнадцатилѣтней дѣвушкѣ; но вы никогда ими не скучали. Счастливы будете, если, и вступя въ свѣтъ, станете предпочитать добрые совѣты глупымъ ласкательствамъ и если охотнѣе станете слушать замѣчанія на ваши недостатки, нежели похвалы вашимъ совершенствамъ.

Наконецъ, и вы оставили прелестное Казацкое! Угадать ли, съ кѣмъ вамъ болѣе всего жаль было разстаться? Съ вашимъ воробьемъ — неправда ли? Божусь, что и я не безъ жалости воображалъ эту разлуку. Бѣдная птичка! Она, вѣрно, еще долго послѣ вашего отъѣзда будетъ прилетать къ вашему окну.

Съ какимъ удовольствіемъ читалъ я объ ней! Еслибъ это попалось мнѣ гдѣ-нибудь въ книгѣ, то бы меня ни въ половину такъ не тронуло, для того, что я бы почелъ это за сказку. Но въ вашемъ письмѣ меня чрезвычайно это растрогало. Видите ли, что я вамъ болѣе печатнаго вѣрю. Канарейки ваши такъ же очень милы, и я бы любопытенъ знать, гдѣ онѣ остались, когда вы поѣхали изъ Казацкова. Читалъ я у папеньки вашего вашъ журналъ французской. Пріятно мнѣ было знать, что вы меня въ немъ вспоминаете, и я васъ тысячу разъ за то благодарю. Но видите ли, что вы меня этимъ журналомъ оправдали: вспомните, какіе у насъ бывали споры, когда совѣтовалъ я вамъ письма писать журналомъ, а вы спорили, что этого сдѣлать никакъ нельзя, однако же на моемъ сбылося Журналъ вашъ довольно любопытенъ. Мы нашли въ немъ много мыслей такихъ, которыя вамъ честь дѣлаютъ, а, сверхъ того, написанъ онъ очень хорошо: стало, я правъ, и вамъ нужно было только не полѣниться.

Посылаю вамъ съ Прасковьей Андреевной гостинцу по книжкѣ. Желаю, чтобъ онѣ вамъ понравились, а прочія покупки по вашей комиссіи самъ вамъ буду имѣть удовольствіе отдать, когда пріѣду въ Москву.

Если вы не перемѣнили намѣренія учиться рисовать, то я вамъ купилъ здѣсь прекрасной гостинецъ, а именно рисовальную школу прекраснѣйшую, а если отдумали, то я, какъ безполезную для васъ вещь, у себя оставлю.

Прощайте, будьте здоровы. Видите, что и я не мало исписалъ бумаги и перемогъ свою лѣнь — въ благодарность за то, что вы не забываете вашего покорнѣйшаго слугу И. Крылова.

Поклонитесь отъ меня вашей нянѣ Кузьминишнѣ.

VI.

Объясненіе Крылова по поводу приписанныхъ ему чужихъ стиховъ.

На сихъ дняхъ присланы къ А. С. Шишкову (неизвѣстно кѣмъ) стихи отъ моего имени, которые и напечатаны въ типографіи у Дрехслера съ моимъ же именемъ — вотъ они.

ГОСУДАРСТВЕННОМУ СЕКРЕТАРЮ А. С. ШИШКОВУ.

Апрѣля 13 дня 1812 года.

На случай Всемилостивѣйше пожалованной ему для слѣдованія за Его Императорскимъ Величествомъ коляски.

Шишковъ, оставя днесь бесѣды мирный домъ,
Ты ѣдешь въ славный путь въ каретѣ подъ орломъ.
Нашъ добрый Царь, тебѣ вручая важно дѣло,
Старается твое хранить, покоить тѣло;
Лишь это надобно, о тѣлѣ только рѣчь;
Неколебимый духъ умѣешь самъ беречь.

И. Крыловъ.

Не большему надобно быть знатоку, чтобы увидѣть, сколь нелѣпы и безтолковы сіи стихи; но безтолковые стихи у насъ не въ диковинку, такъ тутъ и чрезвычайнаго ничево нѣтъ, а удивительно то, что сочинитель ихъ не только скрылъ свое имя, но даже выставилъ чужое. Наблюдателю человѣческаго сердца покажется, конечно, это загадкою, ибо примѣчено вообще, что чѣмъ глупѣе твореніе, тѣмъ охотнѣе и полнѣе сочинитель выставляетъ свое имя, а этова здѣсь нѣтъ, а (и?) вотъ еще первой подкидышъ на нашемъ Парнассѣ. Я не знаю, почему автору вздумалось слабость своей музы сокрыть подъ чужимъ именемъ, но поставляю долгомъ сказать, что я стиховъ сихъ не писалъ, да и уваженіе мое къ

А. С. Шишкову столь велико, что я бы почелъ непростительнымъ вставить имя почтеннаго сего человѣка въ столь нелѣпые стихи, въ коихъ похвала хуже брани.

И. Крыловъ.

VII.

П. И. Соколову.

Милостивый Государь

Петръ Ивановичъ!

Исполняя волю почтеннаго сословія, котораго я имѣю честь быть членомъ, читалъ я присланную мнѣ вами, милостивый государь мой, рѣчь Тимоѳея Семеновича Мальгина: „О необходимомъ союзѣ разума и природныхъ дарованій съ науками“. Замѣчанія, сдѣланныя на оную нѣкоторыми г. членами, читанныя вами нѣсколько времени тому назадъ въ собраніи Академіи, и разсужденія сдѣланныя тогда же объ оной, столь справедливы, что нынѣ, перечитывая рѣчь сію, я еще болѣе убѣдился въ истинѣ оныхъ, въ заключеніе чего и осмѣливаюсь сказать мое мнѣніе, что лучше бы было рѣчь сію въ торжественномъ годовомъ собраніи Академіи не читать.

Съ истиннымъ почтеніемъ и таковою же преданностію пребуду навсегда

вашего высокоблагородія покорный слуга

Иванъ Крыловъ.

VIII.

Письмо къ неизвѣстному.

Во время твоево послѣдняго [пріѣзда] пребыванія въ СПБ., когда ты слышалъ, мой другъ,

о приготовленіяхъ
[о распоряженіяхъ]', которыя дѣлаются для открытія Им. П. Б., то я думаю [. . . .] [1], помнишь твои по сему случаю разсужденія. Тебѣ казалось, что сколь ни полезно такое учрежденіе, но оно еще рановременно для насъ; ты говорилъ, что, можетъ быть, долго залы библіотеки простоятъ безъ чтецовъ, онѣ будутъ предметомъ одного пустого любопытства. Нынѣ я спѣшу увѣдомить тебя о противномъ, и такъ какъ я имѣю честь находиться въ числѣ служащихъ при сей библіотекѣ, то ты можешь повѣрить, что я пишу не то, что слышалъ, а то, что вижу. [Она (?) ужъ] Импер. П. б. открыта еще съ небольшимъ два мѣсяца, а уже число читателей [возросло] довольно значительно, [во всѣ читальные дни] во всѣ читальные дни верхняя и нижняя зала ими наполнены, множество молодыхъ людей проводятъ здѣсь съ пользою время, которое бы, можетъ быть, по недостатку способовъ, пропало у нихъ въ праздности. Но чтобъ дать тебѣ вѣрное и прочное о семъ понятіе, то я скажу тебѣ только, что въ сіи два мѣсяца взято для входу въ библіотеку 261 билетъ — и — болѣе 200 книгъ / находятся ежедневно — на столахъ у читателей — [болѣе 200 книгъ], замѣть, что въ семъ значущемъ количествѣ нѣтъ 8 романовъ или сказокъ, но все книги, касающіяся до науки или до классической словесности. Итакъ, попеченія нашего Ав. монарха и въ семъ случаѣ не потеряны. Да насладится онъ нѣкогда подъ сѣнію священныхъ лавровъ своихъ зрѣлищемъ, достойнымъ (?) ево, зрѣлищемъ рвенія, съ какимъ [народъ] россіяне прибѣга ю / [е] ть

[1] Неразборчиво.

почерпать въ источникѣ просвѣщенія, отверзтымъ (sic) для нихъ обожаемымъ ими монархомъ.

IX.

А. А. Прокоповичу-Антонскому.

Милостивый Государь
Антонъ Антоновичъ!

Пріемля съ истинною признательностію честь, оказанную мнѣ Обществомъ Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ, я, конечно, приложу всѣ мои старанія, сколь только слабые таланты мои дозволятъ, чтобъ быть оной достойнымъ. Позвольте между тѣмъ, пользуясь симъ случаемъ, изъявить Вамъ искреннее мое почтеніе, съ каковымъ имѣю честь пребыть,

Милостивый Государь,
Вашего Высокородія
покорный слуга
Иванъ Крыловъ.

Іюня 26-го дня
1816 года.

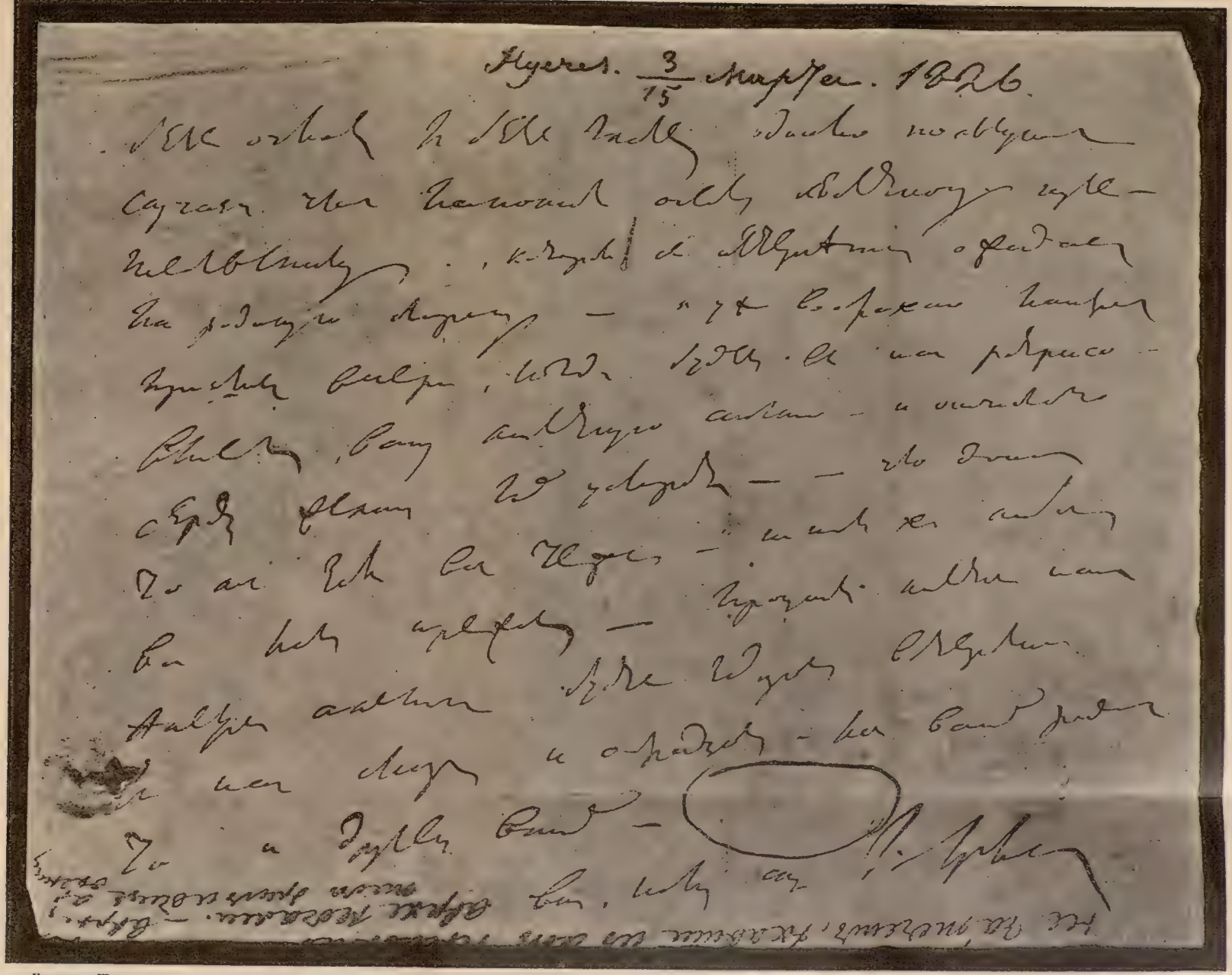
P. S. Почтенное письмо ваше и въ слѣдъ за нимъ патентъ имѣлъ честь получить сего Іюля 21-го числа и деньги, положенныя по Уставу 25 рублей, при семъ прилагаю.

X.

Прошеніе И. А. Крылова въ С.-Петербургскій цензурный комитетъ о запрещеніи печатать его сочиненія издателямъ сборниковъ.

Сентября „ “ 1821 г.

Намѣреваясь печатать новое изданіе басенъ моихъ, по поелику гг. издатели различныхъ собраній въ



Крыловъ. III.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Письмо Крылова (1826 г.) съ приписками А. Н. Оленина.

(Изъ собранія А. К. Пожарскаго.)

стихахъ, удостоивши и прежде печатать въ нихъ мои произведенія въ числѣ весьма значительномъ, могутъ и впослѣдствіи то же сдѣлать и такимъ образомъ нанести вредъ новому изданію моему, могутъ лишить меня плода отъ моей собственности, я покорнѣйше прошу цензурный комитетъ о запрещеніи печатать басни мои въ какомъ бы то ни было собраніи стихотвореній, издаваемыхъ посторонними лицами.

XI.

А. А. Оленину.

Милостивый Государь мой
Алексѣй Алексѣевичъ!

Плотичка, Овца [1].

. . . . . .

Впрочемъ имѣю честь пребыть
Вашъ покорнѣйшій слуга
Иванъ Крыловъ.

Пріютино.
. . . . 25 [2] 1821.

XII.

В. А. Олениной.

Какъ изобразить вамъ мои чувства, любезнѣйшая и почтеннѣйшая Варвара Алексѣевна, когда я получилъ ваше второе письмо! Мою радость, мою благодарность, — мой стыдъ! И вы еще столь добры, что ко мнѣ пишете и меня браните. — Сказать од-

---

[1] Тексты басенъ въ первоначальной редакціи 1821 г. См. дальше въ нашемъ изданіи отдѣлъ басенъ.

[2] Обозначеніе мѣсяца вырвано (іюнь?)

накожъ правду, я стою и того и другова. По лѣни моей мало бить меня, но по чувствамъ моимъ къ вамъ, право, я заслуживаю ваше снисхожденіе, ибо такую имѣть привязанность, какъ я къ вамъ, божусь, что можно едва ли только найти въ собакѣ, а въ человѣкѣ [и еще христіанинѣ] вы вѣрно ея не сыщете. Продолжайте же быть ко мнѣ добры попрежнему и подсластите тѣмъ остатокъ жизни тово, который, хотя много имѣетъ слабостей и пороковъ, но съ увѣреніемъ можетъ сказать, что неблагодарность никогда не заглядывала въ ево сердце. Несмотря на вашъ негодный ревматизмъ, я утѣшаюсь мысленно, воображая, какъ вы толстѣете! Продолжайте съ Богомъ и въ доброй часъ — да хорошенько, такъ, чтобъ сдѣлаться оригиналомъ тово портрета, которой нѣкогда послали вы къ кузинѣ вашей Ел. Нав. Полторацкой — то-то бы я порадовался и не пожалѣлъ бы опорожнить доброй бутылки шампанскаго за ваше здоровье съ будущими.

Намѣреніе ваше заняться музыкою прекрасно. Я всегда утверждалъ, что у васъ къ ней врожденный талантъ, и сожалѣлъ, что онъ пропадаетъ безъ дѣйствія. Сколько пріятныхъ минутъ вы можете доставить и себѣ и всѣмъ тѣмъ, которые васъ любятъ (и въ числѣ которыхъ я не послѣдній). Что касается до вашего голосу, то я никогда не былъ противъ, увѣренъ даже, что вы можете пѣть очень пріятно, лишь бы не погнались за большими крикливыми аріями, гдѣ часто болѣе шуму, нежели чувства, и видна одна претензія на превосходство, которая всегда вооружаетъ слушателя на пѣвца, если это не первѣйшій талантъ.

Итакъ, вамъ пріятно въ Воронежѣ (это замѣтилъ

я по вашему письму). Любя васъ, я этому очень радъ; любя себя, не совсѣмъ мнѣ это по сердцу, ибо отнимаетъ надежду скоро васъ увидѣть, но какъ бы то ни было, будьте только здоровы и будьте счастливы — и тогда, еслибъ я имѣлъ и волшебной жезлъ, которымъ махнувши могъ бы васъ перенести сюда, то какъ желаніе мое видѣть васъ ни велико, даже (не отвѣчаю) не ручаюсь, чтобъ я нѣсколько разъ не хватался за жезлъ, только вѣрно бы имъ не махнулъ и не потревожилъ вашего счастья, а особливо, еслибы вы дали мнѣ слово, несмотря на мою лѣнь, иногда писать ко мнѣ. Вы не повѣрите, какой это для меня пріятной подарокъ. И сколько разъ я перечитывалъ ваше письмо! Я авторъ и, сказать вамъ на ушко, довольно самолюбивый; но еслибы я зналъ, что мои стихи перечитываютъ столько разъ, то я бы сдѣлался сносивѣе Г. Хвостова [1], котораго, впрочемъ, никто не читаетъ.

Теперь, что сказать вамъ о Петербургѣ, о себѣ? Петербургъ нашъ похожъ на красавицу, которая наряжается и зѣваетъ. Что до меня, то по отпускѣ сего письма я слава Богу живъ и здоровъ, ѣмъ и сплю много (довольно), читаю — вздоръ, пишу — ничего и нахожу, что это довольно весело. Теперь сбираюсь къ себѣ: въ ваше Пріютино, гдѣ мнѣ никогда не можетъ быть скучно. И кстатѣ, если лѣто находится у васъ въ Воронежѣ, то нельзя ли сдѣлать милость отпустить къ намъ ево на 28 дней? Вы бы очень насъ одолжили. Зато если случится вамъ нужда въ холодѣ, дождѣ и слякоти, то присылайте навѣрное къ намъ: мы ради вамъ служить, сколько угодно: такіе то мы здѣсь добрые!

---

[1] Извѣстный метроманъ, гр. Д. И. Хвостовъ.

Вы собираетесь въ Москву? Нельзя ли увѣдомить, когда вы туда поѣдете — я уже нѣсколько лѣтъ тоже сбираюсь туда и только раздумывалъ, какое время выбрать въ году. Зимою хотя Москва и полна, но меня пужали снѣга и то, что ни садовъ, ни гуляньевъ не увидишь. Лѣтомъ Москва пуста— когда же ѣхать? Но еслибы я васъ тамъ нашелъ, то всякое время въ году мнѣ бы показалось пріятно, и божусь (только не такъ, какъ честной человѣкъ), что я бы тотчасъ сѣлъ въ дилижансъ и отправился бы безъ дальнихъ сборовъ. Право! Эта мысль играетъ у меня въ головѣ такъ весело! Такъ пріятно! — Я вижу, что вы смѣетесь и говорите: какой вздоръ! Гдѣ ему ѣхать! Пошевелится ли онъ? Съ ево лѣнью, это пустое! Не вѣрьте же мнѣ, пожалуйста, не вѣрьте, тово то мнѣ и хочется — для тово, чтобы больше васъ удивить—только отпишите, а особливо, гдѣ остановитесь и какъ васъ сыскать? [А тамъ] А тамъ увидимъ.

Между тѣмъ я буду. — Но не наскучилъ ли ужъ я вамъ? не заболтался ли? не пора ли перестать? но нѣтъ, совсѣмъ не пора. Передо мной цѣлая десть бѣлой бумаги. Но я милостивъ — и не хочу довести васъ до зѣвоты, вить это вамъ не здорово, а ваше здоровье для меня дорого, и увѣренъ, что вы въ этомъ не сомнѣваетеся! И такъ, кончу — на первой разъ и если получу въ отвѣтъ, что вы все мое письмо вытерпѣли, то ждите отъ меня безконечныхъ посланій. Мнѣ всегда только первый шагъ труденъ, а тамъ меня не уймете.

Будьте здоровы и счастливы и продолжайте любить тово, который отъ всей души, отъ всего сердца и помышленія любитъ васъ (honny soit qui mal y pense) и будетъ любить, пока останется въ немъ сердце и память!

N. B. Прошу этова мѣста въ письмѣ, кромѣ Григорья Никаноровича, никому не показывать, а особливо тѣмъ, кто не знаетъ моихъ лѣтъ и моей фигуры.

Прощайте, буди Божья милость съ вами.

Вашъ неизмѣнный И. Крыловъ.

Григорью Никаноровичу свидѣтельствую свое почтеніе и низко кланяюсь, хотя и воображаю, какъ онъ мучится отъ ревности—и какъ на меня золъ; но я душевно ево люблю и прошу ево, чтобъ (онъ) онъ ревновать то ревновалъ, но все бы любилъ меня, чево даже искренно надѣюсь и въ чемъ увѣренъ.

XIII.

А. А. Оленину.

Безъ очковъ и безъ глазъ, однако пользуюсь случаемъ, чтобы напомнить о себѣ любезному путешественнику, котораго съ нетерпѣніемъ ожидаемъ на родимую сторону. Я уже воображаю, напримѣръ (?), пріятные вечера, когда будете вы насъ разрисовывать, вашу любезную семью (?) — и отъ чистаго сердца желаю ихъ ускорить. Что до насъ, то мы здѣсь все тѣ же и такъ же любимъ васъ, какъ прежде. Прощайте, любезный нашъ Алексѣй Алексѣевичъ, будьте здоровы, возвратитесь къ намъ скорѣе и обрадуйте какъ вашихъ родныхъ, такъ и друзей вашихъ.

Вашъ покорный слуга І. Крыловъ.

XIV.

В. А. Олениной

Спб. февр. 1 дня 1827.

За тридевятью морями, въ тридесятомъ царствѣ вспомните иногда, любезная и почтенная В. А., не-

измѣннаго своего Крылова. Я, кажется, слышу вашъ вопросъ: „Да полно, стоитъ ли онъ этова?..“ Конечно, стою, да, стою. Возьмите безпристрастно и взвѣсьте все мое хорошое и худое. Кажется, вижу, что вы на одну сторону кладете лѣнь, мою безпечность, нездержаніе даннаго слова писать, и пр. и пр. Признаюсь, кошна великая, и очень похожа на большой возъ сѣна, какъ я видалъ, вѣсятъ на Сѣнной площади. Но постойте, я кладу на другую сторону мою къ вамъ чистосердечную привязанность. Можетъ быть, она не примѣтна: однакожъ посмотрите, какъ вѣсы потянули на мою сторону. Вы улыбаетесь и говорите: „точно онъ меня любитъ: ну, Богъ ево проститъ! ...“

Теперь (прощу) вопросъ: прощу ли я васъ, что вытакъ надолго насъ оставили, а, что и тово хуже, не порадуете насъ доброю вѣстью о поправленіи вашего здоровья? Ѣздите по Италіи, ѣздите, гдѣ хотите, только ради Бога выздоравливайте и возвращайтесь къ намъ скорѣй веселы (и) здоровы и красны, какъ маковъ цвѣтъ. Смотрите, если долго промѣшкаете,— то я, право, тово и гляжу, что уѣду далѣе чужихъ краевъ; а, право, я бы еще хотѣлъ на васъ взглянуть (но) и полакомиться пріятными минутами вашей бесѣды и видѣть своими глазами и слышать своими ушами, все ли еще попрежнему вы любите доброва своего Крылова. — Что писать вамъ? У насъ старое по-старому, а въ Петербургѣ у насъ все по-петербургски. Сегодня мы празднуемъ рожденіе вашей сестрицы фрелины двора ихъ императорскихъ величествъ Анны Алексѣевны. Вы ея не узнаете: она прелестна, мила и любезна, и еслибъ постоянство не была моя добродѣтель особенная, то едва ли бы я вамъ не измѣнилъ: но не бойтесь, обожатель въ 57 лѣтъ бываетъ очень постоянен.

Прощайте, любезная и почтенная В. А.; поклонитесь отъ меня (Петру...) поласковѣе любезному Дмитрію [1] Никаноровичу и напомните ему обо мнѣ. А если хотите наградить меня за мое письмо, то включите и ко мнѣ хотя строчку. Я ваши милыя письма берегу, какъ ладонку. Еще разъ простите.

Вашъ слуга
Иванъ Крыловъ.

— —

XV.

В. А. Олениной.

1829 года въ Москву.

Здравствуйте, любезнѣйшая и почтеннѣйшая В. А. Итакъ, наконецъ, повидимому, вы въ Россіи, въ Москвѣ, но все не въ Петербургѣ, и я лишенъ удовольствія васъ видѣть. Для чего нѣтъ у меня крыльевъ, чтобъ летѣть въ Москву! Какая бы я была хорошенькая птичка! Вы пишете къ своимъ, чтобъ я пріѣхалъ; благодарю васъ за такое желаніе, и еслибъ это зависѣло отъ одного моего желанія, то, не сомнѣвайтесь, я бы уже давно былъ въ Москвѣ: ma per (arrivar) arivar bisogna caminar. Пословица немудреная, а очень справедливая. Со всѣмъ тѣмъ, еслибъ я зналъ, что вы останетесь долѣе въ Москвѣ, то во что бы то ни стало, а я передъ вами явился бы, какъ листъ передъ травой.

(Боже мой!) Принимаясь за сіе письмо, я думалъ, что не кончу ево на десяти страницахъ: но меня торопятъ. Надобно скорѣй ево отвести, и мысли мои (а ихъ тысячу) такъ толпятся, какъ въ праздн-

[1] Крыловъ забылъ имя мужа В. А. (Григорій).

никъ народъ, (при выходѣ) выходя изъ церкви; одна другую затѣсняетъ, одна другую останавливаетъ, а отъ этова ни одна вонъ не можетъ выдти. Нѣтъ, лучше поскорѣй кончу письмо, и по первой почтѣ à tête reposée буду я къ вамъ писать—ясно и порядочно; нѣтъ, теперь чувствую, что, кромѣ вздору, ничего не напишу.

По крайней мѣрѣ, чтобъ вы не подумали, что я совсѣмъ поглупѣлъ, посылаю къ вамъ трехъ молоденькихъ своихъ дѣтокъ, примите ихъ поласковѣй, (изъ) хотя изъ дружбы къ ихъ папенькѣ. (Да про) Не шутя, прочтите мои басни и скажите (если лѣнь вамъ не помѣшаетъ ко мнѣ отписать), скажите чистосердечно: на много ли я поглупѣлъ, и какъ онѣ въ сравненіи съ прежними моими баснями? Ахъ, какъ я боюсь, чтобъ не сдѣлаться Архіепископомъ Гренадскимъ, и чтобъ мнѣ не сказали: „point d'homelies, Monseigneur“ [1]. Право, мнѣ кажется, я похожъ на старова танцовщика, которой, хотя отъ лѣтъ сутулится, а все еще становится въ третью позицію.

Г. Н. мой поклонъ, поцѣлуйте ево за меня. Я думаю, что эту просьбу вы легко исполните. Простите, будьте здоровы и не забывайте искренно любящаго васъ

Крылова.

Я не смѣю надѣяться, но еслибъ вы отписали ко мнѣ хоть строчку, хотя уже росписку въ полученіи басенъ, то бы чрезвычайно меня обрадовали; я даже увѣренъ, что вы въ этомъ не сомнѣваетесь. — Но лѣнь! ... Ахъ! Я это чувствую и болѣе не смѣю сказать ни слова.

—

[1] Т. е. что онъ уже исписался, что пора ему перестать писать.

XVI.

Н. И. Гнѣдичу (?).

Посылаю и послѣднія три басни. Да нельзя ли, чтобы ихъ переписалъ тотъ, кто переписывалъ бумаги. Его рука очень четка. Прощай, до понедѣльника.

XVII.

Княгинѣ Н. С. Голицыной.

На колѣняхъ прошу у васъ прощенія, что я завтра никакъ не могу быть у васъ, и вотъ причина: когда я получилъ отъ васъ записку, то съ радости, что вы меня вспомнили, все перезабылъ и даже, что я далъ слово на пятницу человѣку, отъ котораго никакъ не могу отказаться. Если вы такъ добры, что меня простите и назначите мнѣ другой день, то я совершенно въ вашихъ повелѣніяхъ.

Преданный отъ всего сердца И. Крыловъ.

Марта 17-го 1838 г.

(На оборотѣ). Ея Сіятельству княгинѣ Натальѣ Степановнѣ Голицыной.

XVIII.

М. Н. Загоскину.

Виноватъ, почтенный и любезный отецъ и сослуживецъ мой, Михайло Николаевичъ: я пріятное письмо ваше получилъ и все сбирался отвѣчать. Пріѣзжайте въ Петербургъ и побейте меня за мою лѣнь. А между тѣмъ примите, какъ знакъ моего уваженія и дружбы, медаль, которую доставитъ къ вамъ изъ милости (?) ко мнѣ (?) взялась Марья Степановна. Не поминте лиха и напишите ко мнѣ хоть строчку: вы тѣмъ

крайне меня обяжете. Я было собрался къ вамъ писать предлинную эпистолу, да въ сію минуту долженъ ѣхать. Прощайте, будьте здоровы и не забывайте сердечно любящаго и почитающаго васъ лѣнтяя и вашего покорнѣйшаго слугу И. Крылова.

Ноября 1 1838 г.

P. S. Я слышу чудеса о вашемъ новомъ романѣ „Искуситель", но не видѣлъ еще ево и увѣренъ, что прочту съ большимъ удовольствіемъ.

XIX.

Барону Ѳ. А. Бюлеру.

Какъ много ручейковъ текутъ такъ тихо, гладко
И такъ журчатъ для сердца сладко
Лишь только оттого, что мало въ нихъ воды.

Благодарю за честь, которую вы дѣлаете мнѣ, Милостивый Государь. Я съ удовольствіемъ служу вамъ сими немногими строчками.

Вашъ покорный слуга И. Крыловъ.

(На оборотѣ). Милостивому Государю Барону Ѳ. Бюлеру.

XX.

М. Лобанову.

Прочель, ни поправлять, ни выправлять ни времени, ни охоты нѣтъ

XXI.

И. П. Быстрову.

Пришлите мнѣ мои карточки. Что у васъ сдѣлано? Не скучаете ли новою должностью? Старай-

тесь, старайтесь, мой милый! Сопиковъ много трудился, ему и честь. Но не безъ грѣха и онъ, и при ссылкахъ на него будьте осторожны. Въ чемъ усомнитесь, спросите Анастасевича. Онъ живетъ...

XXII.

И. П. Быстрову.

Посылаю 27 книгъ счетомъ. У меня осталось 5 книгъ, да покорно прошу прислать ко мнѣ сказки Духовъ, чѣмъ очень одолжите. Всѣ сочиненія полны.

XXIII.

Докладная записка.

Статскій совѣтникъ Крыловъ продолжаетъ службу свою въ Императорской Публичной библіотекѣ 30 лѣтъ, съ 1811 года, по слабости здоровья и по преклонности лѣтъ, онъ чувствуетъ, что уже не можетъ, какъ бы должно и какъ бы онъ желалъ выполнять своихъ обязанностей по службѣ и потому [и потому] желалъ бы взять отъ службы увольненіе. Но Крыловъ не имѣетъ никакого состоянія, хотя по милости государей, нынѣ благополучно царствующаго и въ Бозѣ почивающаго Александра Павловича онъ живетъ, совершенно не нуждаясь, и даже имѣетъ экипажъ, что, къ несчастію, по слабости ногъ сдѣлалось ему необходимо. 1-е онъ получаетъ изъ Кабинета 3000 р. пенсіи, всемилостивѣйше пожалованной ему блаженной памяти императоромъ. 2-е по библіотекѣ онъ получаетъ жалованья 2700 р. да всемилостивѣйше пожалованныхъ ему государемъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ прибавочныхъ къ

жалованью 3000 р., при томъ казенная квартера съ дровами / конюшнею, сараями и погребомъ, конечно, не можетъ оцѣниться менѣе 3400 р., что все по одной библіотекѣ составляетъ на серебро двѣ тысячи шестьсотъ рублей. Крыловъ бы былъ совершенно счастливъ, еслибы сія сумма, 2600 р. серебромъ, исходатайствована была ему у государя императора въ пенсіонъ пожизненный, ибо сія сумма именно составляетъ содержаніе его въ библіотекѣ, и тогда бы онъ, присовокупя къ сему 3000 р. ассигн. / пенсіи, получаемыхъ имъ изъ Кабинета, могъ спокойно и беззаботно дожить онъ / достальныя (sic) дни свои (sic), которыхъ, вѣроятно, на удѣлъ ему остается уже немного.

Примѣчанія къ письмамъ.

I.

Письмо къ Соймонову (1789) [1].

Это письмо къ П. А. Соймонову сохранилось въ копіи, принадлежащей Публичной Библіотекѣ, и напечатано Л. Н. Майковымъ въ брошюрѣ: „Первые шаги Крылова“ (стр. 24—33) и „Ист. литер. очеркахъ“ (стр. 23—33), съ незначительными отступленіями отъ текста, которыя исправлены нами по рукописи.

П. А. Соймоновъ съ 1782 г. былъ членомъ театральнаго комитета, съ 1783 г. завѣдывалъ театральнымъ училищемъ, въ 1786 г. былъ уволенъ, въ 1789 г. завѣдывалъ театрами вмѣстѣ съ Храповицкимъ, до 1791 г., когда разыгралась извѣстная исторія съ гр. Безбородко, желавшимъ принудить вступить съ нимъ въ связь актрису Уранову, невѣсту Сандунова. Преслѣдуемые дирекціей, Уранова и Сандуновъ обратились во время спектакля къ Императрицѣ, получили позволеніе обвѣнчаться и обѣщаніе защиты. Соймоновъ и Храповицкій были устранены отъ управленія театрами и замѣнены кн. Юсуповымъ.

Крыловъ сблизился съ Соймоновымъ сначала какъ театральный завсегдатай и драматургъ, затѣмъ поступилъ къ нему на службу въ горную экспедицію, но затѣмъ между ними произошли какія то недоразумѣнія, и П. А. долженъ былъ выйти въ отставку. Во всей этой исторіи былъ замѣшанъ и Княжнинъ. (См. слѣдующее письмо).

---

[1] Дата устанавливается приблизительно изъ сопоставленія хронологическихъ указаній письма.

II.

Письмо къ Княжнину (1789).

Сохранилось въ той же копіи, что и предшествующее письмо, и напечатано Майковымъ („Первые шаги Крылова", стр. 21—23, „Очерки", стр. 20—22). Провѣрено нами по рукописи.

Письмо обращено къ извѣстному нашему трагику Я. Б. Княжнину (1742 -1791), котораго за что то безпощадно преслѣдовалъ Крыловъ въ своихъ сатирическихъ статьяхъ, стихотвореніяхъ и комедіяхъ. См. въ первомъ томѣ комедію „Проказники" и объяснительную къ ней замѣтку.

Дата письма устанавливается приблизительно (совпаденіе съ полемикой „Почты духовъ" 1789 г. и даты предшествующаго письма къ Соймонову, тѣсно связаннаго по содержанію съ этимъ письмомъ).

III.

Письмо къ Е. И. Бенкендорфъ (1795).

Напечатано въ „Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки" (1889, стр. 65 -67) и провѣрено нами по рукописи, оригиналу, принадлежащему Публ. Б. какъ и слѣдующее письмо.

Нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ семействѣ Бенкендорфъ даютъ воспоминанія Малышева („Истор. Вѣст.", 1885, іюнь, 661).

Елизавета Ивановна Францъ дочь экономки и потомъ жены Екатерининскаго вельможи, А. И. Глѣбова, и его воспитанница. Она была красавица, — „прелестна", и вышла замужъ за суворовскаго вояку, отставного бригадира, „добрѣйшаго" Ив. Ив. Бенкендорфа, любимаго дядю извѣстнаго шефа жандармовъ, А. Х. Бенкендорфа. Отъ Глѣбова имъ досталось село Виноградово (Моск. губ. Клин. у.), гдѣ у нихъ, повидимому, жилъ Крыловъ. Послѣ отъѣзда изъ Виноградова, по всей вѣроятности, Крыловъ и написалъ имъ свои письма.

Въ 1795 г. Крыловъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ и могъ сблизиться съ Бенкендорфами, если онъ не переѣхалъ къ нимъ еще въ 1794 г. (См. біографическій очеркъ).

Кто такой Василій Евграфовичъ, мы не знаемъ.

Въ прямыя скобки [ ] взяты зачеркнутыя мѣста.

IV.

Письмо къ С. И. Бенкендорфъ (1795).

Напечатано въ „Отчетѣ Императорской Публичной Библіотеки" за 1889 г. (стр. 67). На оборотѣ записки адресъ: „Ея Высокоблагородію Милостивой Государынѣ Елизаветѣ Ивановнѣ Бенкендорфъ". Софья Ивановна — маленькая дочь Е. И. и П. И. Бенкендорфъ, бывшая впослѣдствіи замужемъ за Д. А. Хрущовымъ.

Провѣрено нами по рукописи, принадлежащей Публ. Б.

Вѣроятно, этой же С. И. посвящены первыя басни Крылова, напечатанныя въ „Московскомъ Зрителѣ" 1806 г. Тамъ напечатано „*С. К.* Бкидрфвой", но *К*, вѣроятно, опечатка, такъ какъ въ самой подробной генеалогіи Бенкендорфовъ [1] С. К. нѣтъ, а есть только С. И

V.

М. П. Сумароковой (1801).

Напечатано въ „Русскомъ Архивѣ" 1865 (991—994) съ нѣкоторыми ошибками и провѣрено по рукописи (оригиналу) Публичной Библіотеки.

Марья Павловна Сумарокова — дочь Павла Ив. Сумарокова, отдаленнаго родственника кн. С. Ѳ. Голицына. Крыловъ жилъ съ Сумароковыми у Голицына въ Зубриловкѣ и Казацкомъ.

Вигель („Записка", I—II, М., 1892, 132—133) характеризуетъ П. И., какъ человѣка крайне бездарнаго, притязательнаго и спесиваго. Его сочиненія „могутъ служить образцами дурного слога, дурного вкуса, наглости, самохвальства и самой грубой неблагопристойности".

„Дочь его, М. П., нынѣ пожилая дѣва, была тогда [2] двѣнадцатилѣтняя дѣвочка; воспитанная съ дѣтьми другого пола, она имѣла и сохранила много ухватокъ мальчика". Она и ея братъ „были вовсе не въ отца. Первая необыкновенною любезностію ума, послѣдній заслугами, храбростію и добросердечіемъ всегда искупали недостатки его и пріі-

[1] См. „Рус. Архивъ" 1895, IV, 498. Бенкендорфы: Гансъ (Ив. Ив. 1765—1841. Елиз. Ив.+1842. Софья Ив.+1825.

[2] 1799 г.

обрѣтенными въ обществѣ любовію и уваженіемъ украшаютъ незавидную его старость".

Сопоставленіе даты Вигеля (въ 1799 г. 12 лѣтъ) и указанія Крылова (15 лѣтъ) позволяетъ пріурочить письмо къ 1801 г., къ которому его пріурочивала, въ разговорахъ съ Я. К. Гротомъ, и сама М. П. Этотъ годъ отмѣченъ чьею то рукою наверху письма (единица переправлена изъ нуля).

Гротъ („Труды", III, Спб., 1901, 241) съ ея словъ передаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности относительно письма.

„Тотчасъ по вступленіи на престолъ Императора Александра I, князь Голицынъ былъ вызванъ въ Петербургъ и назначенъ Лифляндскимъ военнымъ губернаторомъ. Отправляясь въ столицу, онъ взялъ съ собою и Крылова. Марія Павловна осталась съ своей тетушкой въ Казацкомъ до коронаціи, на которую, къ сентябрю мѣсяцу, всѣ должны были съѣхаться въ Москву. Въ этомъ то промежуткѣ времени, именно въ августѣ 1801 г., когда княгиня и ея племянница были уже тамъ, Крыловъ, находясь еще въ Петербургѣ, и написалъ къ своей ученицѣ письмо, напечатанное въ „Архивѣ". Названная въ немъ Прасковья Андреевна, въ дѣвицахъ Кіевская, въ замужествѣ Таманская [1], которой не забылъ и Вигель, была дочь зубриловскаго управляющаго; няня Кузьминишна, также упомянутая Крыловымъ, была хотя и не грамотная, но очень умная и добрая женщина. Она всегда присутствовала, съ вязаньемъ въ рукахъ, при урокахъ Крылова Марьѣ Павловнѣ. Наконецъ, въ письмѣ говорится о воробьѣ и канарейкахъ его ученицы. „Еслибъ это", пишетъ Иванъ Андреевичъ, „попалось мнѣ гдѣ-нибудь въ книгѣ, то бы меня ни въ половину такъ не тронуло; для того, что я бы почелъ это за сказку". Мѣсто это требуетъ нѣкотораго поясненія. Марья Павловна была большая охотница до птицъ и, между прочимъ, забавлялась воспитаніемъ воробьевъ. Одна изъ такихъ птичекъ жила въ ея комнатѣ и сдѣлалась удивительно ручною. Это было не совсѣмъ пріятно княгинѣ, которая раздѣляла повѣрье, что воробей въ домѣ предвѣщаетъ несчастье. Когда наступила весна, М. П. боясь, чтобъ любимецъ ея не вылетѣлъ изъ оконъ, придѣлала къ нимъ сѣтки. Но воробей въ одной

[1] За пріемышемъ кн. Голицына, Таманскимъ.

изъ нихъ успѣлъ пробить себѣ отверстіе и, къ крайнему горю своей хозяйки вырвался на волю. Прошло нѣсколько недѣль; его считали уже пропавшимъ, когда разъ онъ вдругъ опять подлетѣлъ къ окну, но уже не одинъ, а съ дѣтками, выведенными имъ въ лѣсу. Онъ не забылъ своей хозяйки и сѣлъ къ ней на руку. Радость была неописанная. Птичка и ея семейство были водворены въ домѣ.

Готовясь къ отъѣзду, М. П. просила свою тетушку взять съ собой и воробья; но та объявила, что если онъ останется въ ея рукахъ, то она велитъ свернуть ему голову. Нечего было дѣлать: пришлось его выпустить. Прочихъ птичекъ своихъ, канареекъ, молодая путешественница рѣшилась увезти въ Москву, и въ дорогѣ, поднявъ окна кареты, выпускала ихъ изъ клѣтокъ".

VI.

Объясненіе Крылова (1812).

Напечатано въ Крыловскомъ Академическомъ сборникѣ (стр. 274—275) съ автографа, доставленнаго Л. М. Лобановымъ и помѣченнаго „Ч. 9 маія 1812".

Стихи эти несомнѣнно написаны извѣстнымъ антагонистомъ Крылова, метроманомъ гр. Д. И. Хвостовымъ. Исторію ихъ разсказалъ Гречъ въ „Сѣверной Пчелѣ" 1857 (№ 119). „Государь, назначивъ Шишкова государственнымъ секретаремъ на мѣсто Сперанскаго, пожаловалъ ему на дорогу придворную карету. Въ тотъ день данъ былъ прощальный обѣдъ А. С. Хвостовымъ. Въ концѣ обѣда, когда начались тосты, подали хозяину пакетъ на его имя. Онъ распечатываетъ его и читаетъ вслухъ слѣдующее...

Восторженные гости захлопали въ ладоши, закричали: „прекрасно, безподобно!" Хозяинъ сказалъ экспромтомъ:

Не диво то, что нашъ Крыловъ умно сказалъ,
А диво, что онъ самъ стихи переписалъ.

Отправили стихи въ типографію, напечатали и роздали въ публикѣ. Остолбенѣлъ Крыловъ, получивъ, въ званіи библіотекаря русскаго отд. Имп. Публ. Библіотеки, это свое печатное стихотвореніе! Онъ написалъ возраженіе, въ которомъ отступался отъ литературнаго подкидыша (собственное выраженіе Крылова), но не могъ его нигдѣ на

печатать. Литературныхъ журналовъ тогда въ Петербургѣ не было, а въ газетахъ сочтено было неприличнымъ печатать статьи такого рода. И знаменитые стихи остались за нимъ. Для курьеза слѣдовало бы помѣстить ихъ въ полномъ собраніи твореній Крылова.

Графъ Хвостовъ торжествовалъ: онъ не объявлялъ гласно о своей хитрости, но вездѣ, гдѣ только могъ, хвалилъ эти стихи, прибавляя изрѣдка: „Ихъ хвалятъ по достоинству, но еслибъ, вмѣсто Иванъ Крыловъ, было подписано гр. Дмитрій Хвостовъ, бранили бы безъ милосердія“.

Нѣкоторыя детали этого разсказа возбуждаютъ сомнѣніе. Крыловъ въ 1812 г. былъ настолько близокъ къ Шишкову и А. С. Хвостову, что долженъ былъ принимать участіе въ этомъ прощальномъ обѣдѣ. Еслибъ даже онъ случайно на немъ отсутствовалъ, то узналъ бы о стихахъ не „въ званіи библіотекаря“ (библіотека была открыта и начала функціонировать въ 1814 г.; Крыловъ былъ сдѣланъ библіотекаремъ позднѣе), а отъ присутствовавшихъ на обѣдѣ.

Гр. Хвостовъ написалъ эти стихи и „подкинулъ“ ихъ Крылову, чтобы доказать, что его стихи бранятъ только изъ предубѣжденія.

Ни въ одной изъ общественныхъ библіотекъ печатнаго экземпляра этихъ стиховъ мы не нашли, но у Сопикова они указаны.

VII.

П. М. Соколову (1812).

Напечатано въ „Исторіи Россійской Академіи“ М. И. Сухомлинова (V, Спб., 1880, стр. 56—57; также соч. Державина, акад., VI 265).

Бездарная и притязательная рѣчь Т. С. Мальгина (1752—1819) была представлена въ 1812 г. для чтенія въ торжественномъ собраніи Россійской Академіи. Ея разсмотрѣніе было поручено нѣсколькимъ академикамъ, которые, всѣ единогласно, отозвались о ней очень неодобрительно.

А. Никольскій указалъ на то, что она банальна по мыслямъ и отличается большими странностями изложенія.

А. Севастьяновъ, В. Севергинъ и П. Соколовъ нашли ея слогъ „весьма тяжелымъ и жесткимъ“ и указали въ ней

„выраженія весьма странныя, разсужденія неосновательныя, сравненія неестественныя". У нихъ промелькнула даже очень злая иронія: „разумъ грузу уподобить, кажется, не можно [1], ибо много есть такихъ людей, которые во всю жизнь ходятъ безъ сего груза; притомъ грузъ въ кораблѣ всегда лежитъ на днѣ, почему одинъ только самый тяжелый разумъ можно уподобить грузу". П. Мартыновъ считаетъ эту рѣчь „плодоносной нивой для замѣчаній", говоритъ про несчастнаго автора: „г. сочинитель, часто желая быть краснорѣчивымъ, дѣлается странноръчивымъ" и указываетъ на его полную безграмотность (Сухомлиновъ, стр. 49–57). Крыловъ отнесся къ Мальгину мягче и уклончивѣе всѣхъ сочленовъ. Письмо его было послано на имя непремѣннаго секретаря Академіи, П. П. Соколова.

VIII.

Письмо къ неизвѣстному (1814?).

Рукопись принадлежитъ теперь Публичной Библіотекѣ (изъ бумагъ Н. П. Стояновскаго). Напечатано впервые нами въ „Академическихъ Извѣстіяхъ" 1904 г., II, стр. 286 – 287, съ нѣкоторыми опечатками, исправленными въ настоящемъ изданіи.

Мы относимъ его къ 1814 г. потому, что именно въ этомъ году начала правильно функціонировать Публичная Библіотека. Несомнѣнно, оно относится къ самому началу дѣятельности Библіотеки и было разсчитано на то, чтобы познакомить съ нею публику. По нашему мнѣнію, оно было предназначено для печати, и, можетъ быть, даже было и напечатано въ какомъ-нибудь изъ журналовъ того времени, но найти его намъ не удалось.

Печатается съ автографа.

IX.

А. А. Прокоповичу-Антонскому (1816).

Оффиціальная благодарность за избраніе въ члены Общества Любителей Россійской Словесности, на имя его предсѣдателя Прокоповича - Антонскаго. Напечатана въ „Трудахъ Общества Люб. Росс. Словесности" (VIII, М., 1817, 90–91). Отношенія Крылова къ Обществу ограни-

[1] Это дѣлаетъ Мальгинъ.

чились присылкою этого письма, вступного взноса и двухъ басенъ, которыя были прочтены на засѣданіяхъ и напечатаны въ „Трудахъ“.

X.

Прошеніе Крылова (1821).

Напечатано безъ всякихъ поясненій въ „Русской Старинѣ“ 1900 г. (апрѣль, стр. 70). Въ концѣ указана резолюція: „Комитетъ опредѣлилъ: принять къ свѣдѣнію“. Число мѣсяца не обозначено. Жалоба Крылова объясняется безцеремоннымъ отношеніемъ къ нему составителей хрестоматій и сборниковъ, которые брали его басни безъ всякаго спросу и въ неограниченномъ количествѣ.

XI.

А. А. Оленину (1821).

Изъ собранія автографовъ А. К. Пожарскаго (изъ бумагъ Олениныхъ). На письмѣ чьею то рукою (повидимому, А. А. Оленина) надпись „Новоржевъ 3 августа 1821“. Въ концѣ письма приписка А. Н. Оленина: „P. S. Любезный авторъ нашъ проситъ тебя убѣдительнѣйше не давать никому переписывать сихъ басенъ, ибо онъ намѣренъ нѣсколько ихъ накопить и потомъ напечатать. Другъ твой А. Олениинъ“.

Алексѣй Алексѣевичъ Олениинъ — младшій сынъ А. Н. (1798—1855). Письмо любопытно тѣмъ, что устанавливаетъ время написанія басенъ „Плотичка“ и „Овца“ („Крестьянинъ и Овца“) и возникновенія плана новаго изданія, вышедшаго только въ 1825 г.

Напечатано нами въ академическихъ „Извѣстіяхъ“ 1904 г., II, стр. 287—288. Факсимиле приложено нами къ I т. нашего изданія.

XII.

В. А. Олениной (1825).

Изъ семьи Олениныхъ Крыловъ особенно былъ привязанъ къ А. Н., Е. М. и ихъ дочерямъ А. А. и Варварѣ А., бывшей впослѣдствіи замужемъ за Г. Н. Олениинымъ. Эти

отношенія ярко выступаютъ какъ въ этомъ письмѣ, такъ и въ слѣдующихъ двухъ. Въ „Литерат. Архивѣ“ 1902 (стр. 73—77) напечатаны примѣчанія В. А. къ баснямъ Крылова, сохранившіяся на экземплярѣ изданія 1844 г., и факсимиле надписи на парижскомъ изданіи басенъ 1825 г.: „Любезной и почтенной Варварѣ Алексѣевиѣ Олениной отъ сочинителя“. Письмо, съ нѣкоторыми перемѣнами было напечатано Лобановымъ (стр. 71—73) и, болѣе точно, въ академическомъ сборникѣ (стр. 275—278). У Лобанова дата, не указанная академическимъ сборникомъ: „22 іюля 1825 г.“. Письмо послано въ Воронежъ, гдѣ тогда жила съ мужемъ В. А.

Рукопись (изъ бумагъ Н. И. Стояновскаго) принадлежитъ теперь Публичной Библіотекѣ. На ней вверху надпись: „И. А. Крылова письмо мнѣ, Варвара Аленина, 1863“.

Свѣрено нами по оригиналу (автографъ).

XIII.

А. А. Оленину (1826).

Изъ собранія А. К. Пожарскаго. Вверху письма чьею то рукою (повидимому, А. А. Оленина) надпись — „Hyeres. 3—15 марта 1826 г.“ — конечно, мѣсто и время полученія письма. Внизу, въ обратномъ порядкѣ, остатки оборванной приписки А. Н. Оленина [1]:“... не затечетъ ѣхавши къ себѣ... верхъ ногами. Вѣрный тебѣ другъ и отецъ А. Олениnъ“.

На оборотѣ часть адреса, написаннаго рукою А. Н. Оленина: „A monsieur Monsieur (Alexis) d... Capitaine à l'etât... la garde de S. M. L' E . . . de T. L. Russies. . . .“.

Къ А. А. Оленину перешло отъ отца умѣніе рисовать. Рисовалъ онъ охотно и много.

Знаками вопроса въ скобкахъ отмѣчены сомнительныя чтенія. Письмо вообще написано крайне неразборчиво. См. письмо XI.

Напечатано нами въ Академическихъ „Извѣстіяхъ“ 1904 г., II, стр. 288. Къ письму мы прилагаемъ его факсимиле.

---

[1] Вѣроятно, переславшаго сыну (служившему тогда на военной службѣ) за границу письмо Крылова.

XIV.

В. А. Олениной (1827).

См. письмо XII. Напечатано у Лобанова (стр. 73 - 74) А. А. — Анна Алексѣевна, красавица, впослѣдствіи вышедшая замужъ за Андро. Григ. Ник. — мужъ В. А. Въ 1827 г. Крыловъ насчитывалъ себѣ 57 лѣтъ отодвигая такимъ образомъ свое рожденіе къ 1769 г. Однако всѣ документальныя свѣдѣнія указываютъ 1768 г. (соображенія г. Шалыгина въ „Рус. Біогр. Словарѣ“ [1] о 1769 г. совсѣмъ не убѣдительны) [2].

Рукопись (изъ бумагъ Н. И. Стояновскаго) принадлежитъ теперь Публичной Библіотекѣ. Вверху ея подпись (рука не Крылова): „Старинныхъ друзей“. Внизу поздравительная приписка какой то Марфы (подпись неразборчива).

Свѣрено нами съ оригиналомъ-автографомъ.

XV.

В. А. Олениной (1829).

См. письмо XII и XIV. Ma per arrivar bisogna caminar — „чтобы пріѣхать, нужно отправиться въ путь“; à tète reposeé — спокойно обсудивъ. „Молодыя дѣтки“ басни — вѣроятно, „Бритвы“, „Бѣдный богачъ“, „Пушка и паруса“, напечатанныя, въ 1824 г. въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“. Напечатано у Лобанова (стр. 74—75).

Свѣрено нами по рукописи автографу (изъ бумагъ Н. И. Стояновскаго), принадлежащему теперь Публичной Библіотекѣ. Въ подлинникѣ безъ даты, но у Лобанова 1829.

XVI.

Н. И. Гнѣдичу (?) 1830.

Въ рукописи Публ. Библ. На оборотѣ басни „Змѣя“ (съ № 18). Эта басня впервые вошла въ изданіе 1830 г. съ № 18. Къ этому году можно и пріурочить эту записку.

---

[1] Кнапне-Кюхельбекеръ. Спб., 1903 г., стр. 472—473.

[2] Болѣе убѣдительно поддерживаетъ ихъ г. Ильинскій въ Ж. М. Пр. за 1904 г.

Относится она, вѣроятно, къ Гнѣдичу, который помогалъ Крылову въ изданіяхъ и съ которымъ онъ могъ увидѣться въ понедѣльникъ въ Публичной Библіотекѣ.

Напечатано нами въ Академическихъ „Извѣстіяхъ", 1904 г., II, стр. 287.

XVII.

Кн. Н. Ст. Голицыной (1838).

Находится въ рукописномъ собраніи Императорскаго Общества Любителей древней письменности (см. Лопаревъ, Описаніе рукописей Общества, I, 137) и напечатано А. І. Лященкомъ въ „Библіографѣ" 1894 г., I, 21—23. Письмо это относится къ кн. Н. С. Голицыной, урожденной Апраксиной (1794—1890 гг.), женѣ кн. С. С. Голицына (сына того кн. С. Ѳ. Голицына, у котораго Крыловъ жилъ въ Зубриловкѣ и Казацкомъ; умеръ въ 1833 г.).

По указанію „Русской Старины" (1900 г., I, 103), Крыловъ бывалъ у Н. С. Голицыной, съѣдалъ по три порціи макаронъ и въ грязныхъ, чуть не смазныхъ сапогахъ засыпалъ на ея бархатныхъ диванахъ. У Голицыныхъ вообще были письма Крылова, но въ 1880 годахъ они пропали.

XVIII.

М. Н. Загоскину (1838).

Напечатано въ альманахѣ Н. В. Сушкова „Раутъ" (III, М., 1854 г., стр. 314—315) съ заглавіемъ „И. А. Крылова". Письмо это, вмѣстѣ съ другими письмами къ Загоскину, напечатанными въ „Раутѣ", доставилъ Сушкову С. М. Загоскинъ (ib. стр. 289). Исправлено по рукописи Публичной Библіотеки.

Вопросительные знаки въ скобкахъ указываютъ на сомнительныя чтенія.

М. Н. Загоскинъ, авторъ „Юрія Милославскаго" (1789—1852 гг.). „Искуситель" вышелъ въ 1838 г.

XIX.

Барону Ѳ. А. Бюлеру (1839).

Принадлежитъ собранію автографовъ Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Отвѣтъ на просьбу

барона Ѳ. А. Бюлера (отъ 2 октября 1839 г.) прислать автографъ. Полученъ, по указанію Бюлера, 3 октября въ 10 часовъ утра. Въ началѣ письма 3 строчки изъ басни „Ручей". По указанію Лобанова (стр. 53), Крыловъ „по какой то особенной причинѣ любилъ свою басню Ручей".

XX.

М. Е. Лобанову (1841).

Автографъ сохраняется въ Тверскомъ музеѣ. Отвѣтъ на записку Лобанова. „Вотъ ваша біографія, написанная Каменскимъ, почтенный И. А. Прочтите и поправьте или вымарайте, что заблагоразсудите. Я боленъ и не могу къ вамъ сойти! Вашъ М. Лобановъ 31 января 1841 г.".

См. Жизневскій, Помники по И. А. Крыловѣ, Тверь (1895 г. стр. 12).

Гротъ (см. Академическій Крыловскій сборникъ, стр. 218) думаетъ, что эта записка относится къ біографіи Крылова, напечатанной въ „Словарѣ" Бантыша-Каменскаго 1847 г. Майковъ („Первые шаги Крылова", стр. 4) относитъ ее къ біографіи „Портретной галлереи" 1841 г., хотя принадлежность ея Каменскому ничѣмъ не доказана. Л. Н. Майковъ, кромѣ того, упустилъ изъ виду, что біографія Бантыша-Каменскаго была напечатана до „Словаря" въ „Библіотекѣ для чтенія" 1845 г. и, повидимому, написана была раньше. По поводу слишкомъ бѣглой и коротенькой біографіи „Галлереи" врядъ ли тревожили бы Крылова.

М. Е. Лобановъ — академикъ, переводчикъ — поэтъ, сослуживецъ Крылова по Публичной Библіотекѣ и его біографъ (1787—1846 гг.).

XXI.

И. П. Быстрову.

Этотъ отрывокъ письма неизвѣстнаго времени напечаталъ Быстровъ въ своей статьѣ: „Отрывки изъ записокъ моихъ объ И. А. Крыловѣ" (Сѣверная Пчела 1846 г., № 63).

И. П. Быстровъ — библіографъ, сослуживецъ Крылова по Публичной Библіотекѣ (1797 - 1850 гг.), какъ и В. Г. Анастасевичъ (1775—1845 гг.).

Карточки — библіотечныя.

Быстровъ поступилъ въ Библіотеку въ 1830 г., Крыловъ вышелъ въ отставку въ 1841 г. Такимъ образомъ записка относится къ 1830—1841 гг. и имѣетъ, вѣроятно, въ виду какія то поправки и дополненія къ извѣстному библіографическому труду Сопикова, перечню русскихъ книгъ XVIII и начала XIX в.

Срв. слѣдующій разсказъ Быстрова.

„Разъ (это было въ началѣ 1837 г.), когда я пришелъ къ П. А. дать отчетъ о трудахъ моихъ по службѣ, онъ спросилъ: „а каково идетъ вашъ указатель къ журналамъ?“ Я отвѣчалъ, что отмѣтилъ на карточкахъ до 117 тысячъ статей, и что это, по моему мнѣнію, третья доля изъ того количества историческихъ матеріаловъ, которые возможно будетъ извлечь изъ періодическихъ изданій. П. А., подумавъ немного, сказалъ: „а я, мой милый, лѣнивъ ужасно... Началъ было нѣчто похожее на вашъ трудъ и бросилъ... Скучно показалось... Да что, мой милый, говорить!.. И французы знаютъ, что я лѣнтяй“.. (намекъ на предисловіе Лемене къ парижскому изданію басенъ Крылова). Кончивъ послѣднюю фразу, П. А. вынулъ изъ корзины листъ бумаги и, отдавая его мнѣ, сказалъ: „прочтите-ка, мой милый!“ Это была копія съ предложенія А. Н. Оленина Императорской Публичной Библіотекѣ отъ 10 января 1812 г., слѣдующаго содержанія: „помощнику библіотекаря, титулярному совѣтнику Крылову по извѣстнымъ его успѣхамъ въ россійской словесности и по свойственному ему пріятному слогу, поручено было заняться составленіемъ критическихъ замѣчаній, которыя должны были входить въ составъ разборныхъ каталоговъ (catalogues raissonnés). Въ сихъ замѣчаніяхъ (по части только исторической и словесныхъ наукъ, т. е. витійства и поэзіи), г. Крыловъ долженъ былъ въ виду имѣть слѣдующіе предметы: 1) краткій критическій разборъ содержанія книгъ; 2) критическій таковой же разборъ слога; 3) опредѣленіе книгъ въ число рѣдкихъ, полезныхъ и изящныхъ твореній“ „Каковъ же я молодецъ! Да и А. Н. не принуждалъ меня. Другое дѣло, если бъ потребовалъ.. А то... ну постарайтесь за меня, мой милый!.“ [1].

[1] Быстровъ, „Сѣв. Пчела“, 1846, № 63.

XXII.

И. П. Быстрову.

Напечатано въ „Сѣверной Пчелѣ“ 1846 г., № 64 въ статьѣ Быстрова. Неизвѣстнаго времени. Книги, конечно, взятыя изъ Публичной Библіотеки, вѣроятно, уже послѣ отставки, иначе Крылову не приходилось бы обращаться къ посредничеству Быстрова. Записка характеризуетъ умственные интересы Крылова, въ частности его любовь къ пустому чтенію.

XXIII.

Докладная записка (1841).

Рукопись (черновая) принадлежитъ теперь Публичной Библіотекѣ (изъ бумагъ Н. И. Стояновскаго). Напечатано впервые нами въ Академическихъ „Извѣстіяхъ“ 1904 г., II, стр. 285—286.

Судя по первымъ строчкамъ, несомнѣнно относится къ 1841 г. и написана была по поводу начавшагося дѣла объ отставкѣ Крылова, которая и состоялась въ этомъ году. Печатается съ автографа — листъ почтовой бумаги съ водяными знаками 1837 г. Самая докладная записка представлена была начальствомъ Публичной Библіотеки. На черновой рукописи чьею то рукою (двумя разными почерками) написано: „любопытныя двѣ бумаги, одна подана Крыловымъ, другая Лобановымъ. Кто изъ двухъ геній? Любопытно прочесть“.

Отсюда можно видѣть, что докладныя записки Крылова и Лобанова были поданы одновременно

1944 г.
Р. Акт № С148/18
ЛМ 5743

44-2162/48

A130 B-1 12-3